



Профессор А.Л. Михащенко опубликовал около 260 научных и научно-популярных работ, среди которых монографии, учебные статьи, учебные пособия. Перу ученого принадлежат фундаментальные исследования: «Становление и развитие образования в российской провинции в 1719-1917 годах», «Общеобразовательная школа Южного Зауралья», «Казачество Южного Зауралья». Он издал популярные учебные пособия: «История и философские основы образования в России», «Общеобразовательная школа и педагогическая мысль в России», «История общего образования в России: XX век», «Духовное образование в Российской империи», «Семейная педагогика:

антология педагогической мысли» и др.

Доктор педагогических наук является автором методологических новаций в области историко-образовательных исследований. Он обосновал понятие гомохронного подхода в научных изысканиях, предложил новое научное направление в исследовании брака и супружества, назвав его гамологией. В 1998 г. профессор основал издание сборника научных трудов «Педагогические исследования: гипотезы, проекты, внедрения».

Педагогическая и издательская деятельность А.Л. Михащенко отмечена отраслевыми и общественными наградами: медалью К.Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук», медалью М.А. Шолохова «За гуманизм и служение России» и др. Ученый имеет сертификат Российской академии образования за лучший издательский проект 2006 года; стал дважды дипломантом-призером Всероссийского конкурса в области педагогики «За нравственный подвиг учителя» (2009 г., 2010 г.); отмечен грамотой Российского фонда мира «За вклад в духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание молодого поколения»; отмечен дипломом как лауреат премии Губернатора Курганской области в сфере науки, техники и инновационной деятельности за 2010 год.

ISBN 978-5-4217-0112-5



9 785421 701125

Курганский  
государственный  
университет



редакционно-издательский  
центр

43-38-36

# А.Л. МИХАЩЕНКО

## ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

### УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ



Министерство образования и науки  
Российской Федерации  
Курганский государственный университет

А.Л. Михащенко

***ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ  
РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ***

Учебное пособие

Курган 2012



***Михащенко***  
***Анатолий Лаврентьевич,***  
*доктор педагогических наук, профессор*  
*Курганского государственного университета,*  
*Заслуженный работник высшей школы.*  
*Автор 15 учебных книг по истории образования.*

---

УДК 37.014.52  
ББК 74. 04. (2), 050.2

**Рецензенты:**

**Криволапова Н.А.**, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Курганского ИРО, научный сотрудник ИСП РАО;  
**Могутнов В.П.**, доктор исторических наук, профессор, академик АВИН;  
**Менщиков В.М.**, доктор педагогических наук, профессор.

Печатается по решению методического совета Курганского государственного университета.

Пособие разработано в соответствии с учебными планами университетов по подготовке бакалавров психолого-педагогического и исторического образования (специальности 050400.52, 030600.62).

Научный редактор доктор педагогических наук, профессор **В.Л. Савиных**.

М69 Михащенко А.Л. Православие в истории российского образования:  
Учебное пособие – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – 276 с.

В учебном пособии показано значение православия при зарождении обучения грамотности; рассмотрено состояние основ христианского образования в различных общественно-экономических формациях; раскрыты первые нововведения по возрождению православного духовно-нравственного воспитания в постсоветский период; представлены фрагменты работ и высказывания адептов православия в образовании.

Учебное пособие адресовано студентам, обучающимся по программам бакалавриата. Книга может быть полезна тем, кто интересуется православным духовно-нравственным воспитанием.

УДК 37.014.52  
ББК 74. 04. (2), 050.2

ISBN 978-5-4217-0156-9

© Курганский  
государственный  
университет, 2012  
© Михащенко А.Л., 2012

<b>Введение</b> .....	6
<b>Глава первая. Происхождение христианства – одной из мировых религий</b>	
1.1. Понятийный аппарат вероучения .....	8
1.2. Зарождение христианства и православия .....	11
1.3. Апологеты раннего христианства .....	15
Вопросы и задания .....	22
Литература для самостоятельной работы .....	23
<b>Глава вторая. Православие как источник начального образования</b>	
2.1. Христианизация восточно-славянского общества .....	24
2.2. Создание славянской письменности .....	29
2.3. Организация первых школ на Руси .....	34
2.4. Педагогические поучения христианских сочинений .....	49
2.5. Православная учебная литература .....	56
2.6. Адепты православия в образовании .....	70
Вопросы и задания .....	80
Литература для самостоятельной работы .....	81
<b>Глава третья. Религиозно-нравственное образование в XVI – XVIII веках</b>	
3.1. Образовательные проекты и педагогическая мысль .....	82
3.2. Православные школы церковных братств .....	91
3.3. Образовательная деятельность духовенства .....	98
3.4. Зарождение высшего богословско-нравственного образования .....	103
3.5. Генезис низших и средних духовных школ .....	112
Вопросы и задания .....	133
Литература для самостоятельной работы .....	134
<b>Глава четвёртая. Православие в школах, подведомственных Синоду (XIX – начало XX века)</b>	
4.1. Открытие и работа церковно-приходских школ .....	135
4.2. Учреждение школ грамоты .....	152
4.3. Миссионерство – способ внедрения православия среди нерусского населения .....	160
4.4. Православие в истории народного образования Южного Зауралья .....	165
Вопросы и задания .....	173
Литература для самостоятельной работы .....	173

Глава пятая. **Возрождение духовно-нравственного воспитания в  
постсоветский период**

5.1. Соработничество Церкви и государства в вопросах познания православной культуры .....	174
5.2. Теория и практика православного духовно-нравственного воспитания .	178
5.3. Преподавание основ православной культуры в образовательных учреждениях Южного Зауралья .....	183
Вопросы и задания .....	190
Литература для самостоятельной работы .....	191

<b>Примечания</b> .....	192
-------------------------	-----

**Приложения**

1. Предисловие .....	195
2. Миропольский С.И. Исторические условия возникновения школ и образования на Руси .....	202
3. Ушинский К.Д. Религия как историческая форма функционирования человеческой психики .....	204
4. Ушинский К.Д. О классных рассказах вообще и библейских в особенности .....	207
5. Петров В. Практика религиозного воспитания .....	210
6. Грозовский В. Поиск золотой середины .....	215
7. Слово Святейшего Патриарха Кирилла .....	224
8. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла .....	231
9. Никандров Н.Д. Светское образование и духовное просвещение: проблемы взаимодействия .....	239
10. Киприан (Яценко). Василий Великий и духовно-нравственное становление личности .....	245
11. Светские наука, культура, образование .....	254
12. Меркурий, Довгий Т.П. Государственно-церковное сотрудничество на федеральном и региональном уровнях .....	258
13. Дивногорцева С.Ю. Развитие православной педагогической культуры в современной России .....	265

## ВВЕДЕНИЕ

**З**арождение и развитие народного образования в России напрямую связано с христианством и служителями культа. Первыми православными учебными книгами были жития святых и евангелия, познанию которых учили священники, дьяконы и монахи. Постижение грамоты шло параллельно с духовно-нравственным воспитанием детей и подростков. В приходских школах их учили писать, усваивать священную историю с её десятью заповедями Закона Божия (почитать отца и мать, не убивать, не красть, не прелюбодействовать и др.). Значение церковно-приходских школ, по оценке С.И. Миропольского, весьма велико. Русский народ получал в них грамотность, воспитывал любовь к православной церкви, верность князю и отечеству; утверждались христианские понятия о правде, любви, послушании, о долге, совести и о высшем призвании человека. Постепенно православие стало способствовать не только формированию нового религиозного мировоззрения, но и приобщало к светским знаниям.

Ситуация резко изменилась когда идеологи построения нового социалистического государства напрочь отвергли православную веру и её значение в воспитании личности. Предавались анафеме верующие, разрушались храмы, преследовались служители церкви, уничтожалась православная богословская и учебная литература, игнорировалась христианская мораль и культура. Советская власть стала проповедовать новую веру – убеждение в построении коммунистического общества. Вместо десяти божественных заповедей предложили «Моральный кодекс строителя коммунизма», в который вошли общечеловеческие моральные нормы, выработанные народными массами на протяжении тысячелетий. В частности, многие нормы Кодекса были заимствованы из божественных заповедей.

Однако социалистическое государство не справилось с созданием новой экономической формации, и его лидеры признались, что в 1917 г. избрали неверный путь развития общества. Было решено строить демократическое государство с рыночными отношениями и приоритетом частной собственности. О православных заповедях и кодексовских принципах даже не упоминали. Избранный путь развития (наверное, опять не тот) ведёт к деградации населения, резкому снижению духовно-нравственной основы. Значительную роль в негативном процессе играют средства массовой информации, жёлтой прессы, эротическая литература, сомнительные увеселительные заведения. Рыночные отношения всё более порождают стремление к наживе за счёт других, жадность, эгоизм, преступность и другие негативные проявления.

Правительство Российской Федерации, пытаясь поднять морально-нравственный уровень населения, стало активно поддерживать религиозные конфессии. Президент Д. А. Медведев отметил: «Достижение подлинного межнационального и межрелигиозного мира в современной России возможно только при ус-

ловии религиозно-нравственного воспитания граждан. Именно просвещённая религиозность позволяет людям мирно жить друг с другом в одном обществе».

Один из путей решения назревшей проблемы – постепенное введение в учебных заведениях курса по изучению основ религиозных культур и светской этики. Обучение подрастающего поколения основам религиозной культуры, как отметил Патриарх Кирилл, это дорога, ведущая к нравственному оздоровлению общества, к укреплению национальной и культурной идентичности российского народа, а в конечно счёте – к стабильности государства.


Цель данного учебного пособия заключается в историческом отражении православия как необходимой отрасли знания, в вооружении будущих бакалавров психолого-педагогического образования информацией о преподавании основ православия, что будет способствовать повышению их компетентности в вопросах христианства. Задачи – показать роль христианства в зарождении грамотности на Руси, дать характеристику православной литературы, раскрыть особенности изучения основ православия на разных ступенях развития российского государства, осветить значение православия в истории народного образования Южного Зауралья.

Книга состоит из введения, пяти глав с двадцатью параграфами, приложений. В последних отражены наиболее существенные стороны православия в образовательном процессе начальной и средней школы Российской империи. В конце глав имеются вопросы и задания, литература для самостоятельных заданий.

При разработке учебного пособия использовались труды О.Ю. Бабушкиной, С.Б. Бернштейна, С.О. Овчинникова, А.А. Пашкова, К.Д. Ушинского; книги и журналы дореволюционных изданий (Закон Божий, Библия для детей, Русская Старина, Училище благочестия); Философский словарь, Энциклопедический словарь, словарь Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона; материалы Википедии – свободной энциклопедии.

## Глава первая. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА – ОДНОЙ ИЗ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

### 1.1. Понятийный аппарат вероучения

тражением в обобщённом виде сущности или существующих признаков определённого рода явлений и процессов являются понятия, воплощённые в словах. В данном учебном пособии такими понятиями являются Библия, Евангелие, Иисус Христос, христианство, православие, церковь, Синод, образование, церковно-приходские училища, миссионерские школы.

**Библия** (греч. *Biblia*, ед. числ. *Biblion*, книга) – собрание «священных книг иудейской и христианской религий; литературный памятник, включающий искусственно объединённые разнообразные по содержанию и форме сказания, легенды, мифы, законы и другие произведения XII века до н. э. – II века н. э. Библия состоит из двух частей – Ветхого Завета (книги на древне-еврейском и арамейском языках, признаваемые иудеями и христианами) и Нового завета (в основном на греческом языке, признаваемые только христианами). Древнейшая часть Библии была создана иерусалимскими жрецами, отобравшими из иудейского фольклора произведения соответствующие целям обоснования рабовладельческих порядков возникших в XI веке до н. э. в древнееврейском государстве. В православном каноне Ветхий Завет содержит 39 книг. Новый Завет возник в Восточном Средиземноморье в конце I – начале II в.н.э. в условиях победы христианства, призывавшего к примирению с действительностью. Собрание включает 27 книг. В Новом Завете христианство оформилось как религия, проповедующая классовый мир, терпение и всепрощение, необходимость пассивного ожидания второго пришествия Христа. В книгах была предпринята историоризация образа Иисуса Христа и создана его земная биография.

**Евангелие.** Слово заимствовано из старославянского языка, где оно из греческого *evaggelion* «евангелис» - «добрая весть», путём сложения *ev* «добро, хорошо, благо» и *aggelia* – «весть», образовало евангелие. Евангелия – раннехристианские сочинения признаны церковью каноническими, т. е. священными. Они включены в Новый Завет и в богослужебные книги христианской церкви. Евангелия от Матфея и Иоанна, а святые благовествования от Марка и Луки, по мнению церкви, написаны апостолами Петром и Павлом.

**Иисус Христос.** Его образ сложился в I веке н. э. в восточной части Римской империи. Имя Иисус означает спаситель; Христос – по-гречески «помазанник», перевод с древнееврейского слова «магилах» - мессия. Согласно преданию рождение Христа произошло во время правления Августа, римского императора. У пресвятой девы Марии родился младенец – сын Божий, Христос – спаситель мира. На восьмой день после рождения ему дали имя Иисус, которое якобы

было указано Господом через ангела. Спаситель бедных и основоположник христианства был распят на кресте при римском наместнике Пилате, но затем воскрес и вознёсся на небо. Вера в существование Иисуса Христа, его воскрешение и второе пришествие на землю составляет один из главных пунктов символа веры большинства христианских церквей и сект. Как сын Божий, воплотившийся в еврее из бедной семьи И. Христос безвинно понёс на себе грехи мира и тем самым искупил первородный грех человечества. Эта теория сложилась в III веке н. э. в восточной части Римской империи среди рабов, вольноотступников и бедняков. В образе И. Христа нашли своё отражение широко распространённые на востоке представления об умирающих и воскресших богачах. На миф о спасителе, очевидно, оказали большое влияние культ семитского божества Иисуса, превратившегося впоследствии в героев библейских мифов – Иисуса Навина (И.А. Энгельгардт). По вероучению большинства христианских церквей Христу присуща и божественная, и человеческая природа. Согласно версии армяно-григорианской и копской церквей Христос имеет лишь божественную природу.

**Христианство** – одна из мировых религий (наряду с буддизмом и исламом), названная по имени её основателя. Вероучение распространено в странах Европы, Америки, Австралии, а также, в результате активной миссионерской деятельности в ряде районов Дальнего Востока. В конце XX – начале XXI века стало возрождаться в постсоветской России.

**Православие.** Понятие заимствовано из старославянского языка, где оно было взято из греческой речи *orthodoxos* (*orthos* «правильный», *dohos* «славный») – правоверный. Православие одно из трёх важнейших вероисповеданий христианства. В XX веке было преимущественно распространено в СССР, Албании, Греции, Польше, Чехословакии, а также на Кипре, в ОАР, Турции, США, Югославии. Православие отличается пышным развитым культом, почитанием Богородицы, икон, святых и мощей.

**Церковь.** Этимология слова имеет непростую природу. Оно заимствовано общеславянской речью из германского языка, где *kirko* (нем. *Kirche* «церковь») < греч. *kyriakos* (*domos*) «господский (дом)». Православянское *kbrky* > церковь в результате изменения *k* > *ц*, присоединения редуцированного *b* в *с*. Церковь – особый тип религиозной организации последователей той или иной религии на основе общности вероучения и культа. Отличительными признаками церкви является наличие более или менее разработанной догматической и культовой системы; разделение принадлежащих к церкви на профессиональных служителей культа (духовенство) и рядовых верующих (мирян). Церковная организация играет большую роль в сохранении и воспроизводстве религиозных верований. В то же время церковь стремится удовлетворять, исходя из идеалистических мировоззренческих позиций, познавательные, образовательные, эстетические и нравственные потребности верующих. Новозаветную церковь, как утверждают священники, создал сам спаситель, пострадавший и умерший на кресте, вос-

креснувший на третий день и вознёсшийся на небо. Он, якобы, послал своим ученикам и апостолам святой дух, с помощью которого апостолы своими трудами и мученичеством Христа утвердили и устроили храм божий. «Церковь» - это великий вселенский Дом, глава которого Христос и в котором живут Матерь Божия, ангелы Божии, святые, где живём и мы, пока сами не уходим из этого дома, предпочтя ему богатство, славу и будущие земные страсти и грехи» [1].

**Синод** (от греч. *synodos*, собрание) – важнейший государственный орган по делам русской православной церкви, создан в 1721 г. из Духовной коллегии; был приравнен к Сенату и до 1726 года именовался «Правительствующим», а затем «святейшим». В ведении Синода находились разнообразные дела. Члены государственного органа назначались императором из высших духовных лиц. С начала XIX века возникла тенденция к превращению Синода в простое министерство. В 1817 – 1824 гг. «Святейшее» собрание входило в состав Министерства духовных дел и народного просвещения. В 60-70 – х гг. XIX века обер-прокурором Синода был Д.А. Толстой, одновременно являвшийся министром народного просвещения. С созданием Министерства исповеданий (1917 г.) должность обер-прокурора была ликвидирована, а высший церковный орган упразднён в 1918 г. Декретом советской власти. В 90-х гг. XX века стала активизироваться деятельность Священного Синода, при котором функционирует синодальный отдел религиозного образования и катехизации, ведающий церковно-приходскими школами.

**Образование.** Происходит от понятия «образ», «символ». Под образом (еврейское *пелемь* – отображение) Божиим в человеке разумеются постоянные прирожденные свойства его души: разум, воля и желание. Быть по образу Божию свойственно нам по первому нашему сотворению, но сделаться по подобию Божию зависит от нашей воли. И это зависящее от нашей воли существует в нас только по возможности, приобретает же нами на самом деле посредством нашей деятельности, образования [2]. Понятие «образование» должно интегрироваться и осваиваться как особая философско-антропологическая категория, фиксирующая фундаментальные основы бытия человека и форму становления человеческого в человеке [В. И. Слободчиков].

**Церковно-приходские училища** (школы) – начальные учебные заведения до-революционной России. Первые школы при церквях начали возникать в XI веке. Стоглавый собор 1551 года предписал священникам открывать во всех приходских церквях школы с целью подготовки грамотного духовенства. Учителями назначались священники, дьяконы и дьячки. В 1864 году было принято «Положение о начальных народных училищах», в котором указывалось, что школы духовного ведомства открываются православным духовенством в городах, посадах и сёлах. На них выделяются пособия из казны (но могут и не выделяться), содержатся обществами и частными лицами. В соответствии с «Правилами о церковно-приходских школах» в 1884 года создавались два типа школ: одноклассные с

двухлетним сроком обучения и двухклассные – с четырёхлетним. Для заведования школами при Синоде учредили особый совет, а в каждой епархии создавались епархиальные училищные советы. В XVII – XIX вв. церковно-приходские училища сыграли большую роль в распространении грамотности в России.

**Миссионерские школы.** Определено образование от французского *missionnaire* – лицо, посланное господствующей церковью (в большинстве случаев при поддержке государства) для религиозной пропаганды среди иноверцев. Миссионерство – проповедь христианства, проводимая в экономически отсталых странах. Миссионерские школы – это учебные заведения начального образования, организованные среди нерусских народов царской России начиная с 40 – х гг. XIX века. Во второй половине этого столетия начальное образование давалось по системе известного казанского педагога-миссионера. И. Ильминского. Миссионерские школы существовали на Тобольском севере с целью подготовки переводчиков (толмачей) для миссионеров, а также в пределах Вятской губернии. Школы содержались на средства Вятского православного миссионерского общества.

## 1.2. Зарождение христианства и православия

**В** теории возникновения христианства существуют две версии: божественная и научная. Первая утверждает, что христианство возникло в Палестине в результате проповеди Иисуса Христа, сошедшего на землю в образе человека и пострадавшего ради избавления людей от «первородного греха». Наука опровергает богословскую схему, устанавливая идеологические и социально-политические предпосылки возникновения христианства. Учёные выявили историю становления и развития вероучения, определили его сущность, пути преодоления христианских иллюзий.

Научное объяснение утверждает, что христианство возникло во второй половине I века нашей эры в восточных провинциях Римской империи.

Появление христианства было обусловлено резким обострением социальных противоречий. Тяжёлый гнет, и крайнее бесправие вызывали массовые восстания рабов, свободной бедноты, покорённых народов. После подавления Римом народных восстаний начала I века нашей эры широкое распространение получили настроения депрессии, отчаяния, бессильной ненависти к угнетателям. Незрелость, слабость движения масс обусловили широкое распространение религиозной фантастики. Бунтарские идеи проступали в сумбуре видений, пророчеств, в сознании угнетённых возникла надежда на сверхъестественное избавление. Выход был найден, как писал Ф. Энгельс, в области религии. Появившееся христианство создало небо и ад, обещая «страждущим» после смерти вечный рай [3].

Вероучение христианства сложилось на основе идей ряда мессианских сект, заимствовавших некоторые элементы греко-римской и восточной религий, а также под влиянием античных философов Феофана Александрийского и Сенеки. Су-

ществовавшие в то время религии не могли удовлетворить неоднородную массу обездоленных огромной Римской империи. Эти религии отличались этнической ограниченностью. Христианство явилось новой универсальной религией, впервые обратившейся ко всем «страждущим» независимо от того к какой народности Римской империи они принадлежали; ко всем социальным слоям, в том числе и к рабам. Христианство превзошло абстрактное равенство всех людей (в виде равенства их перед Богом), обещая избавление им от всех бед в потустороннем мире.

Первые христиане, по словам православного писателя Евсевия Кесарийского, объединились в разветвлённую египетскую секту терапевтов. Такое название Филон Александрийский, античный философ, связывал с врачеванием людей от тяжёлых этико-нравственных недугов: печали, безрассудства, несправедливости, страха, жадности, жажды наслаждений и других трудноизлечимых страстей и пороков. Название «христиане» ещё не существовало. В работе М. М. Кубланова «Возникновение христианства» (М., 1974) раскрыта социальная характеристика сектантской общины. Стремясь к «бессмертной и блаженной жизни», терапевты оставляли своё имущество родственникам, бросали жён, детей, родителей и бежали за пределы городов. В уединённых местах они составляли общины из мужчин, женщин и детей, связанных общностью религиозных и философских воззрений. Уклад жизни терапевтов отличался суровостью и воздержанием. Жилище делалось просто, «на скорую руку», и предназначалось только для защиты от холода и солнца. Одежда грубая и простая. Пища состояла из подсоленного хлеба и ключевой воды, принимаемой раз в день после захода солнца. В общине были и такие, кто не ел в течении трёх дней. Иные, по словам Филона, настолько «наслаждались изобилием мудрости, заключённой в их учении», что не принимали пищи по шесть дней. Терапевты принципиально отвергали несвободу, как состояние, противоречащее природе.

Античный философ Александрийский отмечал, что отношения с женщинами, входящими в общину, было только на духовном уровне. Поэтому, там проживало много старых девственниц, сохраняющих целомудрие «по доброй воле из-за ревностного стремления к мудрости». Ценилось духовное родство между женщинами, мужчинами и детьми общины, считавшееся «роднее» родителей по крови.

За зримыми словами Библии терапевты, как считал Кубланов, усматривали таинственное содержание. «Толкование священного писания происходит путём раскрытия тайного смысла, скрытого в иносказаниях. Весь закон кажется этим людям подобным живому существу, тело закона – словесные предписания, душа же – заключённый в словах невидимый смысл» (Ф. Александрийский).

В генезисе раннего христианства ярко выражены некоторые эволюционные изменения, течения, которые условно можно назвать по их сущности. 1. Христианство антиримской направленности, основанное на демократическом

принципе. Важнейшим отличием нарождавшегося вероучения от других религий древности были полный отказ от этнических и социальных перегородок в вопросах веры, от жертвоприношений, какой-либо обрядности. Успеху христианства способствовало его учение о бессмертии души и загробном воздаянии. Христианство провозглашало духовное спасение всех людей через веру в искупительную жертву божественного спасителя Христа. Первые общины, признавшие его, появились в Малой Азии и в египетской Александрии. Ряд исследователей считают, что впервые такие объединения людей возникли в Палестине. Раннее христианство по мысли Ф. Энгельса, представляло собой религию рабов и вольноотступников, бедняков и бесправных, покорённых или рассеянных Римом народов. Общины отличались простотой организации, отсутствием клира. Во главе их стояли старейшины-пресвитеры и пророчествовавшие проповедники. Члены общины устраивали совместные трапезы, собрания, на которых проносились проповеди. Единое вероучение ещё отсутствовало. Для раннего христианства характерно разнообразие кружков, течений между которыми не было согласия по ряду важнейших вопросов вероучения. Первые христианские общины объединяла бессильная ненависть к Риму и страстная надежда на его скорое падение, избавление от его ига и установление на земле «царства божьего» во главе с Христом.

Бунтарские настроения народных масс нашли отражение в Апокалипсисе (от греч. – откровение), одной из книг Нового Завета, авторство которой приписывают Иоанну Богослову, апостолу-проповеднику. Из содержания древнейшего памятника раннехристианской литературы (сер. 68 – нач. 69г.) следует, что к его созданию ещё не сложились христианская мифология, догматы и культ; Христос не богочеловек, а космическое существо, т. к. нет рассказов о его земной жизни и страданиях; отсутствуют намёки на таинства, даже на крещение; нет упоминаний о какой-либо церковной организации. Наряду с недовольством и бунтарскими настроениями израильского народа, в книге также выражена идея долготерпения и смирения, призыв к пассивному ожиданию развязки борьбы божественных сил с антихристом и наступления «тысячелетнего царства». Апокалипсис лёг в основу христианского учения о «светопреставлении», или «конце мира». На протяжении веков церковь использовала мрачные «видения» древнейшего произведения для запугивания верующих.

Второй этап развития вероучения правомерно назвать рождением евангелического христианства. В процессе эволюции течение христианского апокалипсиса постепенно отошло на второй план из-за социальной слабости движения народных масс. Во II веке приоритетным стало течение, призывавшее трудящихся безропотно «нести свой крест», уповая на сверхъестественное избавление, «на божью волю». Облик И. Христа стал приобретать человеческие черты. В завершённом виде его жизнеописание даётся в раннехристианских канонических сочинениях апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Их сочинения вошли

в Новый Завет и явились основными священными книгами христианства.

Третий этап раннего христианства характеризуется зарождением церковной организации, управляющей вероучением. Появление церкви было обусловлено изменениями христианской идеологии во II-III вв. и первоначального состава христианских общин. В них в большом количестве стали вступать и богатые люди. Если на протяжении первого столетия все члены общины были равными, то с середины второго столетия зародилось неравенство. Его причиной стал большой приток в общины состоятельных христиан, жертвовавших в общинные кассы часть своих средств. В результате социального неравенства в середине II века были созданы должности епископов и дьяконов, ведавших общинным имуществом и хозяйственными делами общины. Епископ (греч. *episkopos* - надзиратель) избирался общиной, а позже стал назначаться; дьякон из хозяйственника со временем стал служителем культа. Влиятельные члены общины всё больше обособлялись, занимая привилегированное положение. Последнее было обоснованно разработанным учением об особой «благодати», ниспосланной Богом этим должностным лицам. В соответствии с этой теорией епископам и дьяконам давалось исключительное право совершать религиозные обряды, быть наставниками остальных членов общины, декретировать признаки вероучения. Так образовалась церковная организация, разделённая на клир (духовенство) и мирян. Постепенно шло укрепление связей между отдельными общинами, что способствовало процессу образования единой христианской церкви, управляемой епископами. Складывавшаяся церковь всё решительнее отказывалась от демократических тенденций первоначального христианства и стремилась сначала к компромиссу с языческой императорской властью, а затем и к прямому союзу с рабовладельческим государством. Такая политика клира вызвала протест значительной части христиан и способствовала возникновению ересей. Еретики, как правило, защищали принципы первоначальных христианских общин.

Канонизация новозаветных евангелий во второй половине IV века завершила процесс развития идеологии христианства. В евангелиях наиболее чётко из всех писаний Нового Завета выражено учение о непротивлении злу («... не противяся злему. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему другую», - Матф., V, 39) и в загробном воздаянии блаженством за земные страдания. Проповедь грядущего царства в евангелиях теряет свою прежнюю антиримскую направленность, звучит призыв к примирению с властью предрержащими, с императорской властью. Так в уста Христа вложено изречение («... отдавайте кесарево кесарю, а божие Богу» (Матф., XXII, 21)). Со временем это облегчило эксплуататорским классам использование Христа в своих целях.

Первоначально вся господствовавшая христианская церковь именовалась православной (ортодоксальной) и кафолической (вселенской) в противоположность ересям. После разделения церковью (схизмы) название католическая (в латинизированной форме) осталось за западной (римской), православная - за вос-

точной церковью. Формально датой схизмы считается 1054 г., когда римский кардинал Гумберт и константинопольский патриарх Михаил Керуларий отлучили друг друга от церкви. По существу же событие 1054 г. было лишь одним из этапов разделения церквей.

Важнейшими характеристиками православия являются следующие. 1. В православной церкви сын и «святой дух» выступают как две ипостаси одного принципа. 2. Православие последовательно разделяет тезис Афанасия Александрийского о возможности «обожения» человека, то есть прижизненного мистического слияния с Богом. 3. Высшим органом является Вселенский Собор (Архиерейский Собор Русской Православной Церкви), высшим духовным саном – патриарх; третий в иерархии – епископ, имеющий право совершать все семь таинств православия. 4. При литургии прилагаются квасной хлеб и красное вино в память о Теле и Крови Христовой.

В генезисе православия можно проследить следующие основные периоды:

- время выработки основных догматических учений (4-7вв.), освобождение христианства от греко-римских, иудейских и других представлений;

- период систематизации и оформления догматов (8-10вв.), при котором устанавливалась энциклопедия богословских знаний, шла полемика с иконотворчеством и павликианством, отвергавшим культ богородицы, пророков, святых и духовенство;

- период зарождения византийского рационализма (11-12вв.), характеризующийся полемикой между мистиками и просветителями, отстаивающими с одной стороны церковную независимость, с другой – подчинение православной церкви светской власти;

- период упадка Византии (13-15вв.), во время которого церковь и монашество достигают значительной экономической и политической мощи, диктуют императору политику часто вразрез с государственными интересами [4].

### 1.3. Апологеты раннего христианства

**П**редвзятую защиту и тенденциозное восхваление чего-нибудь или кого-нибудь стали именовать апологетикой, а её сторонников – апологетами. Апологетика (греч. *apologetikos* – защищающий) – отрасль теологии. Её цель – защита и оправдание вероучения с помощью доводов, обращённых к разуму. Апологетика включается в систему православного и католического богословия. В состав отрасли теологии входят доказательства бытия Бога, бессмертия души, учение о признаках божественного откровения (в том числе о чудесах и пророчествах). Предметами апологетики являются разбор возражений, направленных против религии и её единых догматов, теологический анализ иноверческих исповеданий. Для теологической отрасли характерна внутренняя порочность, так как, обращаясь к разуму, она в то же время говорит о непостижимости для разума основных религиозных догматов. Будучи рационалисти-

ческой по форме, апологетика иррациональна по своему содержанию.

В истории зарождения новой религии были сторонники, проповедующие слово божие. Апологетами раннего христианства являлись Сенека, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Аврелий Августин, Иоанн Дамаскин. На их взгляды определённое влияние оказал Филон Александрийский (ок. 25 г. до н. э. – ок. 50 г. н. э.), богослов, апологет иудейства и религиозный мыслитель. Он связывал догмы иудейской религии с греческой философией Платона и Пифагора. Богослов Александрийский создал учение о логосе как всеобщем законе, основе мира, его порядке и гармонии. Представитель иудейско-александрийской школы развил учение о созидающей божественной силе (разуме) – посредницей между Богом сотворённым миром, и человеком. Иудейские законы, по Филону, законы природы, имеющие значение для всех людей. Человека он считал интеллектуальным существом, связанным с телом, разрывающимся между алчностью и отвращением. Задачей человека является следование логосу и уподобление Богу посредством экстаза.

Источником греческой мудрости Филон признавал священное откровение Ветхого Завета, из которого, по его мнению, «черпали древние философы». Наиболее значительные сочинения александрийского богослова представляет комментарий на священные книги (главным образом на книги Бытия), дающий истолкование их в смысле популярной греческой философии того времени. Сверхчувственная истина, как отметил Филон, приспособляясь к человеческой немощи, облекается в иноказательную форму. Всё Писание есть аллегория, и задача толкователя в том, чтобы раскрыть «духовный» смысл, скрытый в этой аллегории. Библейское сказание о грехопадении богослов толковал в платоническом смысле. По его мнению, души существуют благодаря Богу, отречение от всего конечного, самоотречение; высшая цель есть мистическое, непосредственное соединение с Богом. Учение Филона Александрийского о логосе сделало его учителем и предшественником апологетов и богословов христианства.

Сенека Луций Анней (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) римский философ, писатель, политический и государственный деятель. При императоре Тиберии был квестором (надзирателем за гос. казной), затем воспитателем Нерона, его первым советником и консулом. Римлянин многое воспринял из древних философских течений. Основные принципы этических взглядов Сенеки – снисхождение к человеческим слабостям, терпимость, подчинение воле божества. Бог у Луция – это абсолютно доброе начало, воплощение разума. Все люди одинаковы по существу, по рождению, «раб есть человек». Однако у Сенеки нет ни отрицания рабовладения, ни призыва к борьбе с ним. Линия поведения человека, по мысли философа, есть самоусовершенствование, неучастие в общественных делах и непротивление злу. Его учение было великолепно усвоено христианскими авторами.

Христиане считали философа-оратора «своим». Так, Гертюлиан говорил о Сенеке «*saere noster*» (часто наш), а Иероним прямо называл «*Seneka noster*». В

средние века была даже сфабрикована апокрифическая переписка между Сенекой и апостолом Павлом. Однако христианство, используя стоическую мораль римского философа, дало ей новое, фантастическое оформление. «Верование создало небо и ад, и был найден выход, который вёл страждущих и обездоленных из нашей земной юдоли в вечный рай (Ф. Энгельс). За такие воззрения основоположник марксизма назвал Сенеку «дядею христианства».

Жизнь римского философа закончилась трагически. Его обвинили в заговоре против императора Нерона и приговорили к смерти с правом выбора способа самоубийства. Сенека вскрыл себе вены на руках и ногах, принял яд.

Умиравший он вошёл в горячую ванну и, обрызгав водой окружавших его рабов, сказал: «Это возлияние Юпитеру Освободителю».

Философские и этические воззрения Сенеки изложены им в диалогах «Утешение к Марции», «О гневе», «Утешение к Гельвии», «О кратковременности жизни» и др.; в трагедиях «Агамемнон», «Безумный Геркулес», «Медея» и др. Он был автором многих сатирических работ, писем и эпиграмм.

Одним из трёх каппадийских отцов церкви был Василий Кесарийский (330-379), святитель, архиепископ, христианский церковный писатель и богослов. В историю вошёл под именем Великий. Он принадлежал к восточно-римской знати, безоговорочно примкнувшей к ортодоксальному христианству. Святителю Василию приписывают изобретение иконостаса и составление литургии. Апологет православия стремился к консолидации сил христианства на основе принципов Никейского собора, направленных против ереси. Защитник веры проповедовал аскетизм, насаждал монашество. Сложившиеся обстоятельства заставили Василия вместе с несколькими товарищами покинуть городскую суету и поселиться на семейных землях в Понте, где они составили подобие монашеской общины. Аскетический образ жизни подорвал здоровье Кесарийского богослова, и он скончался на 49-м году жизни.

Важнейшими сочинениями Василия Великого являются «Любомудрие», составленное совместно с Григорием Богословом, «Против Евномия» - опровержение арианского учения. Он написал около 250 писем, несколько бесед, в том числе «Шестоднев» (толкование библейского мифа о шести днях творения мира с целью приспособить естествознание к положениям Библии). Сочинения богослова оказали влияние на развитие славянских литератур. Так, «Шестоднев» был положен в основу «Шестоднева» болгарского экзарха Иоанна. Работы Василия Великого служили источниками знакомства с античными мыслителями.

Апологетом христианской церкви был Григорий Назианзин, прозванный Богословом (329-389), архиепископ Константинопольский, богослов, почитаемый в лике святителей. Получил домашнее образование, обучался в Александрии и Афинах, где изучал риторику, поэзию, геометрию и астрономию, читал труды Платона и Аристотеля. Во время обучения познакомился с Василием Великим, будущим архиепископом. После обучения Григорий несколько лет про-

вёл в монастыре, основанном В. Великим в своём имении на реке Ирис. Вернувшись домой, был рукоположен в пресвитеры. Затем он стал епископом, руководящим епархией. В 378 г. к Григорию, имевшего репутацию блестящего проповедника и защитника веры, из Константинополя прибыла небольшая делегация с просьбой посетить столицу империи и поддержать христиан в борьбе с инакомыслящими. Последние в течение сорока лет распорядились почти всеми храмами города, включая Святую Софию и церковь Святых Апостолов. Григорий так писал о сложившейся ситуации в столице империи: «Одни, вчера или позавчера оторвавшись от чёрной работы, вдруг стали профессорами богословия; другие, кажется прислуги, не раз битые, сбежавшие от рабьей службы, с важностью философствуют о Непостижимом». Летом 380 года Григорий произнёс свои знаменитые пять Слов «О Богословии», которые принесли ему славу и наименование Богослова. На втором Вселенском Соборе, в присутствии императора Григорий Богослов был признан архиепископом Константинопольским. В своём выступлении он дал следующее изложение догмата Троичности:

*«Безначальное Начало и Сущее с Началом – Един Бог.  
Но безначальность или нерождённость не есть естество  
Безначального. Ибо всякое естество определяется не тем,  
что оно есть, но что оно есть... Имя Безначальному -  
Отец, Началу – Сын, Сущему вместе с Началом – Дух Святой;  
А естество в Трёх единое – Бог...»*

Литература и богословное наследие архиепископа Григория состоит из 245 посланий (писем), 507 стихотворений и 45 «Слов», чрезвычайно разнообразных по тематике и жанру. Они включают надгробные слова, обличение императора Юлиана и еретиков, слова в память священномучеников, беседы на Богоявление, Крещение, Пятидесятницу и другие праздники. Первая и последняя (45-я) беседы были произнесены на Пасху. Во многих беседах Григорий говорил о себе и событиях своей жизни. Важнейшее место в его наследии занимают слова о Богословии, посвящённые догмату Троичности, которые принесли Григорию славу богослова.

Значение Григория Богослова трудно переоценить. Архиепископ Филарет (Гумилевский) о нём писал «Церковь почтила святителя Григория тем высоким именем, которым она почтила одного высокого между апостолами и евангелистами Иоанна. Святитель Григорий постигал столько высокими и вместе точными помыслами глубины Божества, сколько постигать их можно человеку при свете откровения». Его богословие высоко ценили Максим Исповедник, Фома Аквинский, Святитель Филарет Московский. Православная церковь включила Григория в число отцов церкви, чей авторитет имеет особый вес в формировании догматики, организации и богослужения.

Третьим христианским Вселенским святителем, наряду с Василием Великим и Григорием Богословом, был Иоанн Златоуст (347-407), архиепископ Констан-

тинопольский, богослов. Он родился в семье военачальника, но отец вскоре после рождения сына умер. Мать одна воспитывала Иоанна. Он учился у лучших философов и риторов, рано обратился к углублённому изучению

Священного Писания. После крещения юноша учился в богословской школе у опытных наставников, а затем принял иночество и четыре года пустынножительствовавал. В этот период Иоанн написал два сочинения: «Против вооружающихся на ищущих монашества» и «Сравнение власти, богатства и преимуществ, царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни». Затем в течении двух лет Иоанн соблюдал полное безмолвие, находясь в уединённой пещере. Для восстановления здоровья он возвратился в Антиохию, где был посвящён в дьяконы, а через пять лет – в пресвитера. На нового священника возложили обязанность преподавать Слово Божие. Иоанн оказался блестящим проповедником и за редкий дар Боговдохновенного слова получил от паствы имя «Златоуст». Двенадцать лет Иоанн, при стечении народа, обычно дважды в неделю, а иногда ежедневно, проповедовал в храме. Слава пастыря и проповедника росла. Богослова Иоанна Златоуста вызвали в столицу и назначили патриархом Константинопольской кафедры. Свою работу он начал с духовного совершенствования священства, показав личный пример. Средства, предназначавшиеся архиепископу, Иоанн обратил на содержание нескольких больниц для паломников. Много усилий затратил на организацию боголепного Богослужения: составил чин литургии, ввёл антифонное пение за всеобщим бдением, написал несколько молитв чина елеосвящения.

Архиепископ стал непримиримым обличителем распущенности нравов императорского двора. Однажды он встал на защиту конфискации собственности у вдовы и детей опального вельможи. Гордая императрица Евдоксия не уступила и затаила гнев на христианского правозащитника. Её ненависть к Златоусту разгорелась с новой силой, когда недоброжелатели сказали ей, будто святитель в своём поучении о суетных женщинах имел в виду Евдоксию. Суд, составленный из иерархов, обличаемых ранее Иоанном, постановил низложить архиепископа и за оскорбление императрицы предать казни. Император Аркадий заменил казнь изгнанием. Той же ночью в Константинополе произошло землетрясение. Испуганная Евдоксия просила императора срочно вернуть Златоуста и немедленно послала письмо изгнаннику, умоляя его о возвращении в столицу. Наказанный прибыл в Константинополь. Однако последовал новый донос на Иоанна, вновь пробудивший гнев императрицы. Состоялся собор, постановивший изгнать святого богослова. После удаления его из столицы случился пожар, обративший в пепел здание сената, последовали опустошительные набеги варягов, Евдоксия скончалась. Опальный Златоуст находился в Армении, где старался помочь духовным коллегам. В многочисленных письмах (их сохранилось 245) епископам Азии, Африки, Европы и своим друзьям в Константинополе, он утешал страждущих, наставлял и поддерживал своих приверженцев. Зимой 406 года Иоанн

тяжело заболел, но его враги по-прежнему не унимались. Из столицы поступил приказ перевести изгнанника в глухой Пифиунд (Пицунду в Абхазии). Истощённый болезнями святитель, в сопровождении конвоя, три месяца в дожди и зной совершил свой последний переход, истощивший остатки сил. Причастившись И.Златоуст со словами «Слава Богу, за всё!» отошёл в мир иной.

Христианский святитель оставил поучительное богословское наследие. Иоанн Златоуст написал толкования на книги Священного Писания, изложил множество бесед на отдельные библейские тексты, разработал поучения на праздники, сочинил похвалу святых и слова апологетические. Он стал автором новых богословских творений: «О провидении», «Книга о девстве», «К молодой вдове», «Книга о святом Вавиле и против Юлиана и язычников». Апологет Иоанн Златоуст, как и Григорий Богослов, и Василий Великий навечно вошли в историю христианства и православия.

Апологетом христианства являлся Августин Аврелий, прозванный Блаженным (354-430) – христианский теолог и философ, епископ, богослов, признанный в католицизме святым. Выходец из среды рабовладельцев был воспитан на античной философии и литературе, в молодости вёл «языческий» образ жизни. В течении десяти лет Августин был в секте манихеев. Под влиянием неоплатонизма, оказавшего огромное воздействие на христианскую патристику (разработка церковных догматов), Аврелий принял крещение. В 391 году он стал пресвитером, а через пять лет – епископом Гиппона, что в северной Африке. Августин автор многих богословских сочинений: диалогов, проповедей, посланий.

В борьбе с язычеством и ересями сложилась система взглядов богослова. Он, являясь плодовитым писателем, создал 93 труда в 232 книгах. Епископу Августину принадлежит онтологическое доказательство бытия Бога, вытекающее из идеи о существовании всесовершенного существа не только в человеческом сознании, но и в действительности. Бог, создавший этот мир и его атрибуты – время, пространство, растительный и животный мир, человеческое тело и дух, - творит его непрерывно. По учению Августина, Бог создал человека праведным, со свободной волей, но «первородный грех» Адама и Евы поразил всё человечество, и в мир пошло зло. Страдания и мученическая смерть Христа открыли людям путь к «спасению». Однако не на всех людей распространится эта благодать. Бог, согласно теории христианского теолога, предопределил одних людей к гибели, других к спасению. История человечества есть непрерывная борьба злого начала – «царства сатаны» (или земного государства) и праведников – «божьего царства» (на земле – это церковь). Без приближения к церкви нет спасения.

Богослов выдвинул идею теократии, требовавшей подчинения светской власти церкви, её мировому владычеству. Церковь, по его мнению, должна использовать все меры принуждения государственной власти. В своих сочинениях Августин защищал социальное неравенство, рабство, частную собственность, считая их результатом «божественного произвола». Он выступал защитником аске-

тизма, презрения к плоти, к материи. Епископ яростно боролся с ересями нового времени: - донатизмом [5], пелагианством [6], манихеями [7].

В работах Августина «Исповедь» и «О граде Божиим» показано его отношение к душе, к разумной организации человеческой жизни. Рассматривая «тёмные стороны души, автор пришёл к выводу о необходимости божественной благодати, которая может спасти человека от греховной земной жизни. Блаженство даёт обладание истиной, достигаемой путём самосознания человека, его неустанной духовной работой. Эта истина, заключённая в человеческой душе, и приводит к Богу. В трактате «О граде Божиим» Августин представляет Римскую империю («град земной») как грешный, языческий мир, противопоставляя ему «град Божий». Эта община избранных, объединённых любовью к Богу и христианским добродетелям.

Для средневекового богословия Августин являлся непререкаемым авторитетом в вопросах религии и философии, одним из отцов церкви. К его наследию обращаются представители различных философских направлений – от неосхоластов до экзистенциалистов, которые видят в Августине одного из своих предшественников (С. О. Овчинников).

К наследию Августина обращался Иоанн Дамаскин (675 – между 749 и 753), христианский богослов и церковный писатель. Он родился в Дамаске в зажиточной христианской семье и, возможно, был некоторое время финансовым чиновником при дворе халифов. Этнически Иоанн принадлежал к эллинизированным арабам. По преданию, он учился вместе с братом Косьмой (впоследствии епископ Маюмский) у некоего пленного инока. Около 736 года Дамаскин принял пострижение в монастыре святого Саввы близ Иерусалима и вероятно был рукоположен во священника.

Христианский богослов активно выступал против иконоборчества, манихейства, несторианства [8]. В период иконоборчества Иоанн выступал в защиту почитания икон. Он автор «Трёх защитительных слов в поддержку иконопочитания», в которых иконоборчество почитается как христологическая ересь. В «Словах» Дамаскин впервые дал толкование понятий «поклонник» и «почитание». Первое подобающее только Богу, а второе – оказываемое «тварным» вещам, в том числе иконам. Иконоборческий сбор 754 года четырежды подверг анафеме Иоанна, но VII Вселенский сбор подтвердил верность его учения.

По преданию, с именем Дамаскина связывают возникновение одного из типов икон Богородицы. Ересь иконоборчества в Византии поддерживал император Лев III Исавр. В защиту иконопочитания Иоанн написал три трактата и направил их монарху. Император пришёл в ярость, но ничего не мог сделать, так как Дамаскин не был подданным Византии. Оружием борьбы с защитником икон Лев III избрал клевету. От имени Иоанна было составлено подложное письмо, в котором дамаский министр якобы предлагал свою помощь в завоевании сирийской столицы. Это послание и ответ на него императора направил верхов-

ному правителю мусульман в арабских странах. Согласно преданию, халиф отстранил Иоанна от должности священника и наказал отсечением правой кисти, которую повесили на городской площади. Через некоторое время пострадавшему возвратили часть руки. Церковный писатель приложил кисть к руке и стал молиться перед иконой Богородицы. Функция правой руки была восстановлена. В благодарность за исцеление Иоанн приложил к иконе сделанную из серебра руку, которая с тех пор воспроизводится на многих иконах, получивших название «Троеручица». В честь столь важного свершения Иоанн Дамаскин написал песнопение «О тебе радуется».

Основное сочинение христианского богослова «Источник знания», включающий три раздела: философский, отражённый в части «Диалектика», где Иоанн доказывал, что логика есть инструмент богословия, как и философии; обличительный в части «О ересях»; догматический под заглавием «Точное изложение православной веры». Перу Дамаскина принадлежат полемические и другие сочинения, в том числе церковные песнопения. Им написаны Канон пасхе, Рождеству и ряду других христианских праздников. Своей задачей Иоанн ставил систематизацию богословского учения предшественников. Части «Источников знания» были переведены на славянский и латинский языки (X и XII вв.). В XVI веке труды Иоанна Дамаскина переводил на русский язык Андрей Курбский, писатель-публицист. Апологет христианства Дамаскин был причислен церковью к «лику святых».

К IV веку полностью сформировалась раннехристианская литература. Она включала евангелия, деяния, каноны, послания, апокалипсисы. По христианским общинам стали распространяться сотни сочинений, возвещающих «благие вести» об Иисусе, Эоне, Логосе, божьем царстве, конце мира. «Христианство и его идеология становились всё более известной величиной, заполняя собой духовный вакуум» (М. М. Кубланов).

Таким образом, апологеты раннего христианства вели непримиримую борьбу с иноверцами, отстаивая церковные догматы и христианскую мифологию. Богословы породили теологию – систематизацию вероучения новой религии, базирующейся на Библии, постановлениях первых вселенских соборов и учениях «отцов церкви».

### **Вопросы и задания**

1. Назовите основные понятия христианского вероучения.
2. Кто является апологетом раннего христианства?
3. В чём сущность идей сторонников зарождающейся религии?
4. Назовите причины появления нового вероучения.
5. Какова социально-идеологическая основа взглядов терапевтов?
6. Укажите этапы раннего христианства.

**Литература для самостоятельной работы**

1. Голубцова Н.И. У истоков христианской церкви. – М., 1967.
2. Григорий Богослов. Собрание творений: В 2-х т. – Минск, 2000.
3. Грималь П. Сенека, или Совесть империи / Пер. с фр. – М., 2003.
4. Кабо В.Р. У истоков религии // Наука и жизнь, - 1984. - №3.
5. Книга о церкви / Сост. А. Лорус, М. Дудко и др. – М., 2008.
6. Кублаков М.М. Возникновение христианства. – М., 1974.
7. Прокофьев Н.И. Древняя русская литература. – М., 1986.
8. Ранович А.Б. Первоисточники по истории русского христианства. – М., 1990.
9. Титаренко И. Н. Философия Луция Аннея Сенеки... - Рост.-на-Д., 2002. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М., 2001.

## **Глава вторая. ПРАВОСЛАВИЕ КАК ИСТОЧНИК НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

### **2.1 Христианизация восточно-славянского общества**

**П**ознание вопросов мироздания, основ духовно-нравственного воспитания обусловили потребность народных масс в образовании. Началу ему было положено через христианизацию, включающую постижение грамотности, знакомство со Священным Писанием, чтение работ «отцов церкви» и другой православной литературы. В сочинениях, наряду с легендами и мифами, содержались поучительные житейские мудрости и духовно-нравственные наставления.

Развитие народного образования у восточных славян связано с христианством как одной из форм общественного сознания. Эта мировая религия возникла во второй половине I века н.э. в восточных провинциях Римской империи в условиях резкого обострения социальных противоречий. Тяжелый социальный и политический гнет, крайнее бесправие вызывали массовые восстания рабов, свободной бедноты, покоренных народов. После подавления Римом народных движений начала I века н.э. широкое распространение получили настроения депрессии, отчаяния, бессильной ненависти к угнетателям. Незрелость, слабость движения масс обусловили широкое распространение религиозной фантастики. Бунтарские идеи проступали в сумбуре видений, пророчеств, и в сознании угнетенных возникла надежда на сверхъестественное избавление. Выход был найден в области религии. Появившееся христианство, как писал Ф. Энгельс, создало небо и ад, обещая «страждущим» после смерти вечный рай. Новая универсальная религия впервые обратилась ко всем социальным слоям независимо от того, к какой народности Римской империи они принадлежали, в том числе и к рабам. Христианство провозгласило равенство всех людей (в виде равенства их перед Богом), обещая им избавления от всех бед в потустороннем мире.

У древних славян существовало языческое мировоззрение, сущность которого заключалась в поклонении разнообразным богам и богиням. На первом месте среди них стоял Перун – бог грома и молнии, бог дождя. Бог солнца имел несколько названий: Дажь-бог, Купала, Хорс, Ярило. Стрибог был богом ветра, Волос (Велес) – богом кузнечного дела. Образование Древнерусского государства, объединившего восточно-славянские племена, сопровождалось попыткой великого киевского князя Владимира Святославича создать общегосударственный пантеон из божеств различных племен. У восточных славян существовали языческие святилища, особые служители языческого культа – волхвы. Усилить свою власть с помощью обязательного поклонения языческим богам князю Владимиру не удалось. Киевское государство нуждалось в религии, освящавшей

новые феодальные порядки. Такой религией стало христианство.

Христианство пришло на Русь задолго до признания его официальной религией. В 866 г. в послании константинопольского патриарха уже констатировалось, что Русь «переменила эллинское нечистое учение на чистую и неподдельную христианскую веру». С начала X в. христианство было хорошо известно в Киеве. При заключении договора Игоря в 944 г. часть русских уполномоченных клялась по христианскому обряду, а часть – по языческому. Княгиня Ольга была христианкой, а ее сын Святослав вместе с дружиной придерживался язычества. Однако государственной религией христианство стало в связи с принятием его в 988 – 989 гг. князем Владимиром Святославичем. В «Повести временных лет» говорилось, что он был рад, познав Бога, и поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна. По повелению Владимира церкви стали сооружать и в других городах, назначать в них попов, приводить людей на крещение со всех городов и сел. Параллельно с принятием христианства шло обучение чтению церковных книг. Киевский князь послал своих подчиненных набрать 300 детей для обучения грамоте. Среди них были мальчики из семей придворной знати, бояр, дружинников, городской аристократии. Именно этой знати нужно было «книжное учение» для осуществления внутренней и внешней политики развивающегося феодального государства. Дворцовая школа, учрежденная Владимиром Святославичем, была государственным учебным заведением господствующего класса феодалов.

Крещение Руси и распространение грамотности Владимир считал звеньями единой политики – укрепления государства при помощи административного аппарата. И князь, и церковь в равной степени были заинтересованы в подготовке грамотных людей, готовых к внушению народным массам представлений о божественном происхождении государственной власти. В школьном «строении» выражалось стремление феодальных верхов из идеологических соображений усилить влияние власти и новой религии на массы не только принуждением, но и педагогическими средствами, в силу чего школа со стороны князя Владимира получила активную поддержку.

Христианизация славян продолжалась и при правлении других киевских князей. Так, Ярослав Мудрый, сын Владимира Святославича, открыл школы «учения книжного», одна из которых – дворцовая, работала в прихрамовых помещениях Софийского собора. Князь активизировал деятельность по переводу византийских книг на славянский язык, создал библиотеку, ставшую учебной базой дворцовой школы. Особым постановлением Ярослав Мудрый назначил русским митрополитом киевского монаха Иллариона, усилив тем самым свое влияние на церковь.

Центром миссионерской деятельности по введению христианства в Древнерусском государстве был Киево-Печерский монастырь, взявший на себя ответственность за подготовку высшего русского духовенства. Игумен Феодосий,

лично подбирал молодых людей, способных к книжному обучению. Постигнув грамоту, они переходили к самостоятельной работе с книгой. Самообразование завершалось коллективным обсуждением богословских тем в форме дискуссий. Руководил ими сам игумен Феодосий, посылавший иногда своих учеников, вооруженных знаниями основ христианской религии, киевским иноверцам. Миссионерская деятельность Печерского монастыря была обусловлена реальной необходимостью – активизацией в формировании нового мировоззрения. Противники христианизации, называвшиеся волхвами, отстаивали язычество и поклонение своим богам. Апологеты вступали в религиозную полемику с церковниками и представителями власти. Нередко такие принципиальные споры переходили в восстания. Противоречия во взглядах с католическим духовенством породили церковный раскол 1054 года. Славянские проповедники христианства нуждались в глубоких знаниях трудов византийских «отцов церкви». Новокрещенные богослужители-оппоненты должны были разбираться в сущности христианской религии, в истории, логике, владеть риторским мастерством.

В 1073 – 1076 гг. в Киеве княжил Святослав Ярославич, ставший одним из составителей «Русской Правды». По его заказу были составлены Изборники Святослава, в которых наряду со сведениями по ботанике, зоологии, медицине, минералогии, космографии и логике имелись статьи церковно-богословского содержания. В частности, в «Изборнике Святослава 1073 г.» в краткой и доступной форме излагались основы религиозного вероучения. Новокрещеным христианам предлагались фрагменты из Священного Писания, наставления и заповеди. В Изборнике 1076 г. содержался материал о «Премудростях Иисусова сына Сирахова», «Афанасиевы ответы», статьи о пользе чтения книг.

Книжное христианское учение стало важным средством совершенствования личности. Во многих древнерусских произведениях в той или иной степени затронуты вопросы полезности «книжного почитания». Педагогикой XI – XIII вв. усиленно разрабатывались стандарты поведения и нравственные идеалы для разных сословий. Это социальное разграничение подробно разработано в «Русской Правде», «Изборнике 1076 года», «Поучении детям Владимира Мономаха» и других произведениях. С помощью принципов христианской морали идеологи господствующего класса пытались мирным путем разрешить социальные конфликты, примирить противоречия между бедными и богатыми. В ряде рукописей, в частности, в «Изборнике 1076 года», в разных вариациях пропагандировалась взаимная любовь имущих и бедных.

Значительную роль в христианизации играла переводная византийская богослужбная литература. Наиболее любимыми и читаемыми книгами Древней Руси были «отречения», «сокровенныя», апокрифическая литература. Последняя проникла к восточным славянам из Византии и с Востока. Апокрифы возникли в связи с недосказанностью и неясностью в Библии многих чрезвычайно интересных вещей и событий. Например, в евангелиях мало сказано о детстве

Иисуса, его родителей, его деятельности до последних лет жизни; кратко изложено о блаженном состоянии Адама и Евы в раю, об искушении дьяволом, о жизни прародителей, изгнанных из рая. Довольно мрачной представлена судьба человека: пришествие антихриста, страшный суд, райское блаженство праведных и мучения грешников. Все пробелы дополнялись апокрифами, дававшими разные подробности миротворения, сотворения ангелов и человека, судьбы первых людей. Новый предлагаемый материал повествовал об Аврааме, Моисее и Соломоне, о том, как люди приобрели первые знания; о зарождении искусства. Апокрифы рассказывали об убийстве Авеля Каином и о других событиях на темы Ветхого Завета. В новозаветных дополнениях были представлены евангелия Иакова, Никодива, Фомы, а также путешествия, деяния и мучения апостолов, апокрифические апокалипсы типа «Хождения Богородицы по мукам» и др. В них с большими подробностями, неизвестным каноническим библейским книгам, излагалась история Иисуса Христа, Богоматери, апостолов, отражалось пришествие мессии, блаженство праведных и казнь грешников. Принятие русскими христианства, их набожность с отсутствием интереса к догматическому учению, способствовали проявлению повышенного интереса к апокрифической литературе. Они высоко ценили душеспасительное, божественное знание. Составители текстов писали в духе Библии, излагая ее содержание простым и в то же время важным многозначительным языком.

В связи с апокрифами были «назидательные священно-исторические сборники»: «Златоуст», «Измарагд», «Пролог», «Палея». В последнем содержалось изложение ветхозаветной истории, дополненное разными апокрифическими сказаниями. Толковая «Палея» читалась с большим интересом чем Священное Писание. В «Прологе» содержалось указание памятней святых в порядке церковного календаря с житием греческих и русских святых, с разными назидательными повестями и поучениями. «Златоусты», «Златоструи», «Измарагды» и другие были сборниками всевозможных поучений и статей преимущественно Иоанна Златоуста, некоторых других отцов церкви, а также имелись поучения и статьи русского происхождения. Все эти произведения активно читались, оказывая большое влияние на мировоззрение набожных людей.

Введение христианства на Руси способствовало не только формированию нового религиозного мировоззрения, но и приобщению к светским знаниям. Источниками исторических сведений служили старинные «летописцы» и «хронографы». Большим почетом и широкой известностью на Руси пользовались исторические произведения – «Летописец эллинский и римский», составленный из двух византийских хроник в Болгарии, и «Хронограф», имеющий в основе также византийские хроники. Первые описания событий были составлены в Византии на основе библейских книг, сочинений античных авторов и местных историков, произведений отцов церкви. Византийский хронограф содержал в основном краткие летописи с сильной религиозной окраской. Обычно в нем

излагалась история Иудеи, Греции, Рима и Византии; сообщалась ветхозаветная и новозаветная история; повествовалось о четырех древних монархиях, рассказывалось о чудесах древнего мира и Троянской войне. В XII в. русская обработка «Хронографа» была использована при составлении «Повести временных лет».

Одним из видов пропагандистско-просветительного направления в области новой религии были записи священнослужителей о путешествиях по святым местам. В своих «хождениях» странники рассказывали об увиденном, о предметах их внимания и интереса. Весьма типичным является «Хождение» игумена Даниила (1106 – 1108 гг.), человека почитаемого и прекрасно знающего библейскую историю и апокрифы. Он точно и обстоятельно описал Иерусалим, святые места и предметы религиозного поклонения. Даниил дал описание вертепа и яслей, где родился Христос, пня дерева, из которого был сделан крест для его распятия. Путешественник рассказал о виденном жертвеннике Авраама, намеревавшегося принести в жертву Исаака; о камне, на котором Иаков увидел сновидение и боролся с ангелом. Игумен отметил, что на острове Крите, на высокой горе, он увидел великий крест, поставленный Еленой как орудие для защиты от нечистой силы и исцеления от любых недугов. В Законе Божьем сказано: «Крест есть орудие или знамя победы христовой над грехом и смертью». Даниил писал, что в праздник Пасхи свет небесный сходил к гробу Господню не в виде голубя или молнии, невидимо спускался с небес и зажигал «кандила» на гробе Господнем. От этого, как отметил игумен, он пришел в великий восторг.

Около 1200 г. другой путешественник, новгородский архиепископ Антоний, посетивший Константинополь, писал об увиденных им богатых храмах, памятниках ветхозаветной и новозаветной истории, мощах и других святынях; о трапезной, где Христос вечерял со своими учениками в великий четверг. В своем «Хождении» он рассказывал о пеленах христовых, золотых сосудах, принесенных в дар Иисусу волхвами, скрижалях Моисеева закона. Архиепископ довольно подробно повествовал о сверлах и пилах, которыми был сделан крест Господен; о венце, копье, гвоздях, трости, багрянице; о ризе и посохе Богородицы и других священных предметах. «Хождения» способствовали усвоению христианской религии, расширению кругозора населения Древнерусского государства.

Просвещение, связанное с христианством, распространялось медленно и в неодинаковой степени в разных слоях населения и в разных местностях страны. Первоначально новая религия была распространена на узкой полосе, прилегавшей к великому водному пути из Новгорода в Киев. К востоку же от Днепра, по Оке и Верхней Волге, даже в самом Ростове, несмотря на то, что туда доходила проповедь, христианство было распространено очень слабо. Лишь постепенно зона его влияния расширялась. Культурное влияние новой религии в первую очередь сказывалось в городах и среди более знатной и богатой прослойки населения.

Понятие христианства иногда сопровождалось насильственными мерами, обусловленными неповиновением населения. Так, жители Мурома продолжи-

тельное время сопротивлялись принятию новой веры. В 1112 г. князь Константин подошел к Мурому с войском и послал сына Михаила к горожанам с предложением покориться и принять христианство. Муромцы убили парламентаря и выбросили тело за город. Тогда Константин решил взять Муром силой. Узнав о готовящемся наступлении, горожане решили принять князя, но заявили, что не примут крещения. Константин с войском мирно вошел в город, установил свое правление, а затем утвердил христианство и открыл школу для закрепления новой религии.

Принятие христианства на Руси обусловило превращение ее из раздробленных княжеств в единое русское государство; способствовало становлению феодального способа производства, освещая господство и подчинение, претендуя на незыблемость и справедливость классового эксплуататорского общества. Множество культов заменилось одним, относительно централизованной организацией священнослужителей. Единство религии с другими странами Европы делало Древнерусское государство частью мирового христианского сообщества, сближало Русь с Византией – наиболее развитым феодальным государством Европы. Население Киевской Руси стало называться крестьянами. В этимологической основе нового слова лежали «христианин», «крест», «крещение».

Наряду с прямыми социальными, классовыми последствиями принятие христианства постепенно привело и к изменениям в культуре Древнерусского государства и ее обогащению. Получило распространение, заимствованное из Византии искусство: живопись, архитектура, гимнография, а также письменность и письменная литература на близком к родному языке. Принятие восточными славянами новой веры способствовало зарождению храмовых школ, первых государственных образовательных учреждений в истории России.

## 2.2. Возникновение славянской письменности

**В** истории народного образования существенное значение имело возникновение письменности. Творцами её были братья Кирилл и Мефодий, христианские миссионеры просветители. Братья родились в 20-х гг. IX века в шумном Византийском портовом городе Фессалоники (ныне Салоники). Славянские источники сведений о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия носят как документальный, так и литературный характер. Об их просветительской деятельности в славянских землях говорилось в так называемых «Паннонских легендах» - пространных житиях. Сейчас известно 48 полных списков «Жития Константина» (монашеское имя Кирилл). Пространное житие Константина Философа было составлено в Великой Моравии сразу после его смерти, предположительно между 869 и 882 годами. Ученые предполагают, что сага составлена учениками Кирилла или его братом. В пользу последнего свидетельствует хорошая осведомленность автора «Жития» о детских и юношеских годах Константина. В биографическое описание включены фрагменты его произведе-

ний, молитвы, стихи, полемические трактаты.

В конце IX- начале X века было создано «Житие Мефодия», которое также анонимно. Оно сохранилось в шестнадцати списках, древнейший из них представлен в составе древнерусского Успенского сборника XII -XIII века. В конце IX столетия Климентом Охридским было написано «Похвальное слово Кириллу и Мефодию». Автор называет Кирилла «новым апостолом, деятельность которого повсюду возрождала весну на земле». Он, по словам писателя, «просветил бесчисленные народы во тьме неведения лежащие». Общий пафос похвал был направлен на прославление учителей. Братьям посвящался первый славянский трактат «Сказание о письменах», написанный в конце IX века чернерижцем Храбром. Он отметил: «... еще живы те, кто их (Кирилла и Мефодия) видел». Основная цель «Сказания» доказать преимущества славянского письма над греческим в славянском богослужении.

Из ранних разножанровых сочинений до наших дней дошли исторические факты о жизни и деятельности основоположников славянской письменности. Отец братьев, по одному из афонских преданий, Лев, был славянином, болгаринном, занимал должность военачальника, а мать – гречанка. У Льва и Марии родилось семеро детей: старший Мефодий (около 815-885 гг.), младший – Константин (ок.827-869 гг.). Имя старшему брату дали после обряда принятия монашества. Предполагается, что первоначально Мефодия звали Михаилом. Младший брат тоже вошел в историю под монашеским именем Кирилл, которое он получил перед смертью. Уже в детстве они хорошо знали греческий и славянский языки. Константин отличался любознательностью. После смерти отца 14-летний юноша был замечен Феоктистом, регентом при малолетнем императоре Михаиле III. Благодаря Феоктису Константин перебрался в Константинополь и стал обучаться в придворной школе. По свидетельству «Жития», Константин изучал грамматику, арифметику, геометрию, астрономию, диалектику, риторику, музыку, Гомера, и «все прочие эллинские художества». Кроме греческой речи младший брат постигал славянский, еврейский, хазарский, арабский, самаритянский и сирийский языки. Константина обучали виднейшие учителя того времени. Среди них был Фотий, образованнейший человек, знаток античной литературы. Он преподавал философию, а впоследствии принимал активное участие в дальнейшей судьбе Константина. В проповедях Фотия имеются сведения о походе Руси в 860 году на Константинополь. По окончании обучения перед выпускником открывалось перспективное будущее. Регент Феоктист предложил Константину в жены свою крестницу, что означало бы скорое получение воеводства и должность стратига. Однако молодой человек отказался от выгодного предложения и, рукоположенный в священники, получил скромную должность библиотекаря при книгохранилище патриарха. Работа не приносила удовлетворения Константину, и поэтому он вскоре отказался от этого места и на полгода удалился в монастырь. Вернувшись в Царьград, стал преподавателем филосо-

фии. На этой должности у Константина проявились замечательные ораторские и диалектические способности, за что он получил прозвище «философ», сопровождавшее его до конца жизни. В публичных диспутах незаурядный просветитель умело вел богословские споры против иконоборцев.

Умение убеждать, находить в спорах необходимые аргументы принесло Константину широкую известность в столице. С этого времени император Михаил, а позднее и патриарх Фотий начинают отправлять Константина к соседним народам для проповедования христианского учения. В 855 г. он участвовал в греческой миссионерской поездке в Сирию, главной задачей которой был обмен пленными, порожденными войнами арабов и греков. По данным житий, 28-летний Константин вступал в богословские споры с сарацинскими учеными и одерживал победы. В документе «Успение Кирилла», составленном на территории Болгарии, отмечалось посещение Философом этой страны. Миссионер Кирилл якобы обратил в христианство много болгар. Ученые сомневаются в этом событии, т.к. нет других первоисточников, подтверждающих данное явление.

По-иному сложилась судьба Мефодия. Он рано поступил на военную службу. В течение десяти лет был управителем одной из славянских областей. Затем удалился в монастырь. В 60-е гг., отказавшись от сана архиепископа, стал игуменом (настоятелем) мужского монастыря Полихрон на азиатском берегу Мраморного моря.

После дворцового переворота 856 г. Константин вместе со своими учениками поселился в монастыре у брата. По мнению ряда ученых, в обители вокруг Кирилла и Мефодия образовалась группа единомышленников, своеобразный научный кружок, где зарождалась идея создания славянской азбуки и начиналась работа по ее воплощению в жизнь. Деятельность братьев-просветителей стала совместной. Константинопольским патриархом стал Фотий, хорошо помнивший своего ученика. Духовный начальник делал все, чтобы Константин вновь мог применять невостребованные долгое время способности дипломата и полемиста. В начале 60-х гг. IX в Византию прибыла миссия из Хазарского каганата с просьбой растолковать основы христианского учения. Византийский император Михаил III и патриарх Фотий воспользовались возможностью упрочить свое политическое и религиозное влияние на хазар. Братьев Константина и Мефодия они отправили в Хазарский каганат с проповедью там христианского учения. По пути к хазарам византийские паломники остановились в греческом городе Корсунь (ныне Херсонес) в Крыму. Здесь Константин пополнил знания еврейского языка, да к тому же, по свидетельству «Паннонского жития», обнаружил Евангелие и Псалтырь, написанные на сирийском языке. В ставке Хазарского каганата Константин одержал победу над иудейскими и мусульманскими богословами и окрестил около двухсот хазар. По возвращении в Византию Философ снова удалился в монастырь.

В 863 г. Византийский император направил Кирилла и Мефодия в Моравию

для проповеди христианства на славянском языке и оказания содействия моравскому князю Ростиславу. Моравия в тот период боролась за независимость, на которую посягали немецкие феодалы.

Братья начали активно готовиться к миссии, считая важным делом создание азбуки приспособленной к звукам славянской речи. В 863 году Константин – философ создал первую славянскую азбуку состоящую из 38 букв греческого письма и знаков, отражающих славянскую речь. Безусловно его активным помощником был брат, а возможно и их ученики из числа местных славян. Исследователь С. Б. Бернштейн отметил, что славянская азбука была создана в короткое время. Это обстоятельство объясняется отличной филологической подготовкой Константина, обучавшегося у Фотия. Философ хорошо знал многие языки, имел опыт переводчика грамматики с еврейского на греческий. Мефодий неплохо владел практически славянским языком. Перед посещением Моравии Солунские братья перевели на славянский язык несколько богослужебных книг. Среди них избранные сочинения и Евангелия, апостольские послания, Псалтырь.

В мае месяце Константин и Мефодий прибыли в столицу Моравии город Велеград. Князь Ростислав встретил их с почетом и радостью. На богослужениях братья читали Евангелие по-славянски, и народ потянулся к ним и к христианству. Миссионеры усердно обучали учеников славянской азбуке, богослужению, продолжали переводческую деятельность. Церкви, где служба велась на латинском языке, пустели, римско-католическое священство теряло в Моравии влияние и доходы. У Константина и Мефодия начались столкновения в триязычниками, выступавшими за то, что обрядовыми могут быть только латинский, греческий и еврейский языки.

Миссионерские пути привели братьев в чешский город Блатноград, куда они прибыли по приглашению князя Коцела. Он выучился у Константина и Мефодия славянской грамоте и отправил с ними в Рим около пятидесяти учеников для такого же обучения и посвящения их в духовный сан. Направляясь в Италию, братья посетили Венецию, где участвовали в новом споре с триязычниками. В Риме папа Адриан II встретил Константина и Мефодия очень торжественно, с почетом, принял под свою опеку богослужение на славянском языке. Глава церкви распорядился положить славянские книги в одном из римских храмов и свершить над ними богослужение. Папа рукоположил Мефодия в священники, а его учеников в пресвитеры и диаконы. В послании князьям Ростиславу и Коцелу Адриан II узаконил славянский перевод Священного Писания и отправление богослужения на славянском языке. В Риме Константин и Мефодий провели почти два года. Одна из причин длительного пребывания – ухудшение здоровья Константина. В начале 869 г. он принял схиму, высшую монашескую ступень, требующую от посвященного в нее выполнения суровых аскетических правил. Наряду с этим получил новое имя Кирилл. Через полтора месяца после принятия схимы он скончался и был погребен в Риме в храме св.Климента. Великий

просветитель вошел в историю славянской письменности и культуры под именем Кирилла, почитаемого всеми образованными людьми.

После смерти брата Мефодий был посвящен в сан архиепископа Моравии и Паннонии. Он развернул большую работу по распространению славянского богослужения. Немецкое духовенство путем интриг, подлогов и доносов стремилось расправиться с Мефодием. Противники тайно сговорились со Святополком, который захватил и передал в руки немецких феодалов покровителя Мефодия князя Ростислава. Лишенный поддержки светской власти, Мефодий был заключен в темницу немецкими епископами.

В заточении он провёл почти два с половиной года. Новый глава церкви Иоанн VIII велел освободить и восстановить Мефодия в его архиепископских правах. Однако, богослужение на славянском языке папа категорически запретил, а славянскую речь разрешил только для церковных проповедей.

Просветитель снова поселился в столице Моравии Велеграде и вступил в архиерейские права. Вопреки запрещению Иоанна VIII Мефодий продолжал богослужение на славянском языке. Кроме того он приобщал к православию соединение с Моравией славянские народы. Архиепископ крестил чешского князя Боривоя с супругой Людмилой и некоего князя с Вислы. Все они потом приняли славянское богослужение, славянскую азбуку и книги; одновременно крещённые вступили в союз с Моравией для совместной борьбы против немецких завоевателей. Активная деятельность Мефодия снова побудила немецкое духовенство к репрессиям против него. На архиепископа поступил донос Иоанну VIII, обвиняющий Мефодия в ереси, в нарушении канонов католической церкви и в ослушании папе. Однако просветителю удалось убедить Иоанна в необходимости славянского богослужения.

Нескончаемые интриги, подлоги, доносы подорвали здоровье Мефодия и он решил уехать отдохнуть в Византию. Но и на отдыхе он занимался переводом Библии на славянский язык. В середине 884 года Мефодий возвратился в Моравию. Здесь он вместе с двумя учениками в течении шести месяцев перевёл с греческого языка на славянский все библейские книги (кроме Маккавейских). Жизненные силы покидали великого просветителя, и 19 апреля 885 года Мефодий скончался. Похоронен в Велеграде.

После вступления на престол папы Стефана V христианские просветители стали преследоваться, т.к. глава церкви был противником славянского богослужения. На учеников Мефодия начались гонения. Часть из них бежала на юг, иные были проданы в рабство, часть убита. Пять ближайших учеников Мефодия заточили в железа, держали в темнице, а затем изгнали из страны. В 890 г. папа Стефан VI предал анафеме славянские книги и славянское богослужение, запретив его окончательно. Однако дело, начатое Константином и Мефодием было продолжено их учениками. Климент, Наум и Ангелларий поселились в Болгарии и стали основоположниками болгарской литературы. В конце IX – начале X века

один из учеников Кирилла создал письменность, подобную греческому письму. Новая система письма получила название кириллицы в память о человеке, который впервые предпринял попытку создания азбуки пригодной для записи славянской речи.

В XI веке кириллица имела 43 буквы, из которых 25 заимствованы из византийского устава, а 18 построены относительно самостоятельно для передачи отсутствовавших в греческом языке звуков старославянской речи. Кириллица распространилась на территории Сербии и Киевской Руси.

Таким образом, отправным фактором зарождения образования у славянских народов послужило православие с его богослужебными книгами. Великие просветители Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку и перевели христианскую литературу с греческого языка на славянский.

Впоследствии евангелия, псалтырь и часослов стали учебными книгами у россиян на протяжении нескольких столетий. Знаки современного русского алфавита «Б», «В», «Г», «Ж» и ещё 13 обозначений сохранили форму, предложенную Солунскими братьями более одиннадцати веков тому назад.

### 2.3. Организация первых школ на Руси

**З**арождение образования связано с церквями и монастырями. Обители были основной формой организации религиозной жизни монашества в христианстве, индуизме, исламе и буддизме. Родиной монастырей, появившихся в первом тысячелетии до новой эры, являлся Египет. Со временем религиозные общины монахов стали важной хозяйственно-экономической базой феодальной власти на востоке и в Западной Европе.

Христианские монастыри во главе с игуменом, сохраняя автономию, образовывали уже в IV в. подобие позднейшей конгломерации: игумены съезжались на общий совет по несколько раз в год, принимали согласованные решения. В монастырях поддерживалась почти военная дисциплина. Монахи составляли «компании», во главе которых стояли деканы. Каждые десять компаний составляли дивизион. Вся жизнь монастырей регламентировалась уставом. Древнейшие из них приписывают Пахомию, его ученикам – Шенуди, Макарию Александрийскому, Василию Великому. В результате иконоборчества бежавшие от преследований монахи образовали своеобразную «монашескую республику» на скалах полуострова Афон, ставшую с X в. главным центром православного (греко-византийского) монашества. В 962 – 1542 гг. здесь было основано около 200 монастырей. Свою автономию Афон сохранил и тогда, когда ему пришлось формально подчиниться власти константинопольского патриарха (около 1000 г.). С Афоном в значительной степени связано и распространение в X в. православных монастырей в Греции, Болгарии, Чехии, а также на Руси.

Христианские обители основывались вблизи городов князьями и боярами, жаловавшими их землями, ссужавшими деньгами и представлявшими монасты-

рям судебные и податные привилегии. Монастыри сыграли важную роль в укреплении и развитии феодальных отношений на Руси, в распространении грамотности. В первые века после крещения Руси христианские обитатели были рассадниками письменности, вели летописи, собирали библиотеки, организовывали школы.

Первое упоминание об обучении относится к 988 году, когда киевский князь Владимир Святославович (Святой) послал собирать у лучших людей детей и отдавать их в «обучение книжное». В «Истории Российской» В.Н. Татищев отметил, что митрополит Михаил советовал Владимиру открывать училище для утверждения веры. Князь повелел «собрать детей знатных, средних и убогих, раздавая по церквам священникам со причетники в научение книжное».

Вместе с указанием крестить народ Владимир Святой повелел строить церкви в городах и селах, заводить школы по образцу греческих для обучения детей книжному чтению. Первая школа возникла в Киеве, где учителями служили греки, привезенные великим князем из солнечной страны, а также болгарские славяне. У них уже прижились христианская вера и христианское просвещение. Первыми книгами на Руси были привезенные из Болгарии и Греции Священное Писание и богослужебные, переведенные с греческого на славянский язык Кириллом и Мефодием и их учениками.

У Владимира Святославовича было пять сыновей – Святополк, Борис, Глеб, Святослав, Ярослав. В борьбе за киевский престол старший из них, Святополк, убил трех братьев и планировал устранить Ярослава, правившего Новгородом. В результате междоусобной борьбы Святополк, получивший прозвище «Окаянный», потерпел поражение, бежал в Польшу, а затем в Чехию, но в пути погиб. Ярослав объединил под своей властью почти все древнерусские земли (кроме Полоцка), стал усиленно насаждать христианство, строить церкви и монастыри. В 1030 г. он открыл школу в Новгороде, ставшую вторым учебным заведением на Руси. Главная задача новгородской школы состояла в подготовке грамотного городского управленческого аппарата и священников, деятельность которых проходила в сложной борьбе с сильными традициями языческой религии среди новгородцев и угро-финских племен, окружавших Новгород. Задача была успешно решена. Новгород позже стал центром русской культуры с широко развитым письменным делом. Грамотные священники, подготовленные в церковных и монастырских школах, обучили чтению и письму светских людей. Последние стали ремесленниками – «книжниками» (переписчиками книг) и учителями грамоты. Сотни берестяных грамот, найденных археологами, являются доказательством плодотворной деятельности первых школ. Новгородские грамоты – это записи политических новостей, протестов крестьян против феодальной эксплуатации, списки повинностей и обязательств, денежные документы и завещания, частные письма с бытовыми и хозяйственными вопросами, поручениями, описями конфликтов, любовные послания.

Ярослав Мудрый отстроил Киев, заложил церкви святой Софии и святой Богородицы, монастырь святого Георгия. Князь назначил русским митрополитом киевского монаха Иллариона, усилив тем самым свое влияние на церковь. В 1037 г., как отмечает летопись, Ярослав возводил в городах церкви и заставлял попов учить детей «понеже тем есть поручено Богом».

Киевский храм святой Софии, ставший главным сооружением Ярослава Мудрого, являлся резиденцией русских митрополитов, центром русского просвещения, средоточием политической и культурной жизни Руси. Здесь принимали иностранных послов, обучали грамоте в дворцовой школе, обосновавшейся в прихрамовых помещениях, велась интенсивная работа по переводу византийских и иных книг на славянский язык. С греческого на русский язык были переложены «История иудейской войны» И. Флавия, «Христианская топография К. Индикоплова», «Повесть об Акире Премудром», «Житие Василия Нового» и др.

В княжение Всеволода Ярославича церковные школы продолжали успешно развиваться, что было обусловлено глубокой заинтересованностью великого князя в распространении грамотности. Сам он был образованным человеком, знал пять иностранных языков, вместе с братьями утвердил «Правду Ярославичей». Всеволод заложил церковь святого Андрея, а затем построил при ней женский монастырь. Первая дочь киевского князя Анна приняла постриг в инокини и развернула активную деятельность по просвещению девушек. В 1086 г. при Андреевском монастыре она основала женское училище, где около 300 «младых девиц» знакомились с основами христианской религии, обучались письму, пению, швейному делу, другим полезным ремеслам. В ученицах воспитывали трудолюбие и «воздержание любострастия в юности», Княжна-инокиня Анна Всеволодовна руководила монастырской школой в течение 26 лет. Это было первое женское общеобразовательное учебное заведение не только на Руси, но и в Европе.

В 992 г. на Руси были учреждены епископии (высшие церковные правления), оказавшие значительное влияние на распространение училищ. При каждой из них учреждали училище под надзором и руководством архиереев, подававших пример своей пастве. Первые митрополиты и епископы были людьми высокого образования, являлись устроителями и руководителями книжного учения на Руси. К этому их побуждал долг и прямые интересы церкви. В первой половине XI в. уже существовали Белгородская, Владимирская на Волыни, Новгородская, Ростовская и Черниговская епархии. Позже было учреждено несколько церковных округов: Тмутороканский (около 1068 г.), Переяславский и Юрьевский (1072 г.) Полоцкий (ок. 1105 г.), Туровский (1114), Смоленский (1137), Галицкий (1157), Рязанский (ок. 1207), Владимирский на Клязьме (1215) и Угровский.

В 1093 – 1097 гг. церковные школы по «научению грамоте» существовали во Владимире-Волынском, Киеве, Муроме, Переяславле, Суздале и Чернигове. В пригороде Полоцка княжеская дочь Евфросинья Полоцкая основала монастырь, а при нем мастерскую по переписке книг. В 1143 г. она открыла женское монас-

тырское училище, приобщив к учительской работе сестру Градиславу, родственниц Коринию и Ольгу.

Ряд российских источников свидетельствуют о наличии в XII в. школ и в других городах – в Галиче, Турове, Смоленске. Интересная информация содержится в «Житии Авраамия Смоленского», раскрывающем воспитательные возможности семьи и прилежание к учебе мальчика Авраамия. Он был не по годам серьезен, не играл с детьми, быстро научился читать, шел впереди всех на божественное и церковное пение. Больше всего любил читать учение преподобного Ефрема, проповедников Иоанна Златоуста и Федора Печерского. Авраамий стал одним из образованнейших людей в Смоленском княжестве, уделявшем много времени переписке книг и борьбе против врагов-игуменов.

В организации школ на Руси в X – XII вв. характерна совместная деятельность князей и церкви. Вместе с духовенством князья насаждали христианство, строили церкви, организовывали училища, превращая их в опорные пункты своего влияния на массы. Князья давали предписания об открытии школ при церквях. Последние, в лице духовенства, организовывали школы с составом своих учителей, церковными книгами и всем внутренним укладом училищ определяли религиозный характер обучения и воспитания.

В церковные школы принимались мальчики 7-летнего возраста в течение всей зимы, но занятия преимущественно начинались с 1 декабря. Обучение было платным. Историк Н.М. Лавровский высказал предположение о том, что первые церковные школы были общежитиями, где дети, взятые из родительских домов, жили «совокупно». Он ссылаясь на выражения летописцев: «поимати дети», «дети отымати у нарочистых людей», «взимати младые дети»; приводил литературные источники, где говорилось о плаче матерей при расставании с детьми.

Главной целью первых училищ было изучение новокрещенными «слова Божия», подготовка священников и причетников для приходских церквей. Затем деятельность школ расширилась, и все желающие могли получать религиозно-нравственное образование. Изучались лишь те предметы, которые были непосредственно связаны с христианской верой: слово Божие, славянская грамота и письмо, церковное пение и греческий язык.

Сначала обучение касалось только детей и членов великокняжеской семьи, а затем по повелению князя должны были учиться дети бояр и лиц высшего сословия, приближенного к великому князю. В школах для простого народа обучали тех, кто готовился к работе священниками. Получив религиозно-нравственное образование, они, в свою очередь, обязаны были открывать школы при своих домах и обучать детей грамоте, содействовать распространению просвещения. В «Слове Даниила Заточника» (XII в.) указывалось, что грамотность была доступна простым людям мирского звания.

Они, ознакомившись в школе с книжным делом, сами открывали училища и становились учителями. Многие из них вели подвижническую деятельность,

получив звание мастера грамоты. Они обслуживали преимущественно сельских жителей, брали на учебу даже детей несвободного и «рабского происхождения».

Обучение грамоте начиналось с освоения азбуки-кириллицы и состояло в заучивании букв в алфавитном порядке – учитель произносил, а ученик вслед за ним повторял. Дети должны были освоить не только названия, но и начертание букв. Затем литеры сочетались в слоги и зачитывались, а после этого составлялись слова. Научившись этому, ученик получал книгу религиозно-нравственного содержания, по которой он совершенствовался в чтении.

Параллельно с чтением осваивалось и письмо, где в основе лежал наглядно-показательный метод. Он заключался в копировании букв оригинала. Письмо представляло особое искусство, к изучению и освоению которого относились очень тщательно. Обращалось внимание на то, чтобы писали прямо, красиво, правильно употребляли буквы, строчные и надстрочные знаки. Пособием для изучения букв служили акrostихи, то есть специально подобранные изречения, каждое из которых начиналось с новой буквы алфавита. В житии святого Стефана Пермского есть указание, что Кирилл -Философ не только составил азбуку словенскую, но и сложил еще грамоту. В Псковском хронографе эта грамота названа литицей. Акrostихи и первое пособие по изучению грамоты в определенной степени способствовали освоению письма, однако создание текста требовало особого труда. Поэтому многие писцы на последнем листе в послесловии высказывали свою радость по случаю окончания работы, сравнивая себя с женихом, радующимся невесте, или с зайцем, избежавшим ловушки.

Обязательным предметом в курсе древней школы было церковное пение. Оно зародилось вместе с появлением новой веры и составило важную часть богослужения. Пению обучались не только будущие священники, но и светские лица, в том числе и князья. Так, Игорь Олегович был не только активным читателем книг, но и «в пении церковном учен». В походе на половцев (1111 г.) князь Владимир и попы пели перед полком тропари и кондаки Христа и канун Святой Богородицы. После победы над половцами Константин с Мстиславом Изяславичем пели благодарственные песни. В церковном пении принимал участие и простой народ, как это было, например, при перенесении мощей святых Бориса и Глеба, когда звучало многоголосие «Господи, помилуй». Учителями пения являлись болгары, а со времен Ярослава этим стали заниматься и греки. Ноты назывались знаменами и сначала изображались буквами, подобными греческими. Позже их заменили крюковые ноты, употреблявшиеся еще и в XX в. старобрядцами. На Руси были свои «песнопевцы» и слагатели духовных песен, такие как Георгий, творец канонов, Кирилл Туровский и др.

Среди первых русских общин, как отметил С.И. Миропольский, была церковь со священником и причтом, а затем и школа. При церкви образовывался приход с прихожанами. В больших городах и селениях имелось по несколько

церквей и столько же приходов. Малые селения могли примыкать к этим церквям, и таким образом города и погосты становились церковными средоточиями для окружающих их селений. Русская община приняла на себя три святых церковных обязанности: попечение о церкви с причтом, заботу об училище для воспитания детей в духе церкви, попечение о бедных. Все эти три функции прихода находились в ведении духовной власти и совершались под ее руководством. Первая начальная школа на Руси была церковно-приходской, теснейшим образом связанной с общиной.

Кроме школ некоторое распространение получило индивидуальное обучение духовенством детей князей, дружинников, служителей церкви. Наряду с чтением, письмом и счетом таких учеников знакомили с географией, историей, животным и растительным миром других стран. Достоверные сведения зачастую дополнялись фантастическими эпизодами и явлениями. Знания о зарубежных странах излагались в переводных с греческого языка и проникших в древнюю Русь через Болгарию рукописях: «Шестоднев» Василия Великого, «Физиолог», греческая хроника всемирной истории («Амартола»). Грамотность торговых людей, а тем более крестьянства, стояла на низком уровне. Все сделки заключались устно. Письменные обязательства, как это следует из Новгородской летописи 1209 г., появились в XIII веке.

Значительную работу по распространению христианства и просвещения проводили монастыри, учреждаемые высшей властью. Авторитетное значение обителей привлекало к ним князей и народ, располагало их к жертвованиям. Так, Ярослав Изяславович жертвовал средства на обители в Деревьевской, Небольской и Лучской волостях, а также расположенные близ Киева. Князь Глеб с княжною выделили 60 гривен серебра и 50 гривен золота. Мстислав Владимирович предоставил монастырям даже свою дань. Каждый монастырь был пристанищем сирот, приютом для немощных, «питателем» бедных, школой для неграмотных. Здесь православный народ учился христианской вере и «книжному почитанию». В монастыри стремились лучшие духовные силы народа, его избранники, становившиеся затем его учителями.

Ревизор духовных школ С.И. Миропольский предположил, что сироты, проживавшие в монастырях, не только питались, но и обучались. Прежде всего их наставляли в православной вере, учили всему, что «полезно для спасения и нужно всякому христианину». Чтению книг учили способных, дабы сделать их участниками монастырского богослужения.

В X – XII вв. на Руси имелось свыше 50-ти монастырей, из них до 20 – в Новгороде, 14 – в Киеве. В обители стекались избранники, проникнутые духом христианского учения. По выражению Нестора, это были «светила, сиявшие на всю Русь». Они проводили время в молитвах, труде, «книжном почитании». Подвижники монастырей, проповедовавшие святое учение словом и делом, представляли народу высшие идеалы, имели влияние на него своими советами,

молитвами, примерами. Древние монастыри, по словам русского историка М.П. Погодина, журналиста и публициста, представляли лучшую, светлую сторону русской жизни и дорогое достояние отечественной истории.

Особенно прославилась своими подвижниками и нравственным влиянием на русскую жизнь киевская Печерская обитель. Священнослужители, назначаемые из иноков, распространяли образование, а «каждая новая епархия становилась новым учебным округом, новый монастырь – гимназией, новая церковь – новым училищем». Каждый монастырь сам по себе был училищем, приютом грамотности, местом подготовки учителей, изготовления книг, инициатором открытия школ.

Правители древнерусских областей уделяли самое серьезное внимание работе обителей, характерным примером является деятельность галицкого князя Ярослава (1153 – 1187), одного из образованнейших русских князей, прозванного за свой ум «Осомыслом», то есть смышленным, мудрым, при нём в Галицко-Волынском княжестве работали монастыри в 15 городах. В областях были открыты внешние школы, предназначенные для окрестного населения, что являлось нововведением. На Руси в этот период существовали лишь внутренние монастырские школы, где обучались только черноризцы, проживающие в обители. Князь Осмомысл заставил монастыри использовать часть своих прибылей на нужды школьного обучения детей, живущих за пределами монастырских стен. Обучение в Галицко-Волынском княжестве получило широкое распространение, о чём свидетельствуют археологические источники. При раскопках нашли писала в 11-ти городах, в том числе в Галиче, Звенигороде, Изяславле, Коломне и в других населенных пунктах.

В XII в. в г. Владимире при Рождественском монастыре функционировала школа повышенного образования, где работали русские и византийские педагоги. Князь Константин Всеволодович уделял большое внимание школьной библиотеке, имевшей манускрипты, переводные хронографы, различные документы прошлого, над которыми трудился он сам и другие заинтересованные люди. С конца XII в. монастырская школа превратилась в центр подготовки духовенства для Владимиро – Суздальского княжества. В 1214 г., по данным В.Н. Татищева, Константин заложил на своём дворе каменную церковь святой Богородицы, при которой затем открыл училище. В 1227 г. в Суздале начала работать женская монастырская школа. В течение 24-х лет ей руководила Евфросинья Суздальская.

Летописи и позднейшие авторские источники не упоминают (за редким исключением) о наличии школ при церквях и монастырях. Видимо, в ту пору училища при них являлись неотъемлемой необходимостью. Ничего не говорится о специальном строительстве школьных зданий. Редким явлением было учреждение женских монастырских школ, и поэтому хроникеры отмечали такие события особо, указывая организаторов и их вклад в дело образования.

Ряд фактов позволяют предположить наличие училищ при монастырях. За-

писи XI и XII вв. (граффити), найденные в Киевском Софийском соборе, повествуют о школе при нём, учителях и учениках. В средневековых записях сказано: «Месяца июня в 10-й день выгреб грамматика, а в 15-й отдали Лазарю». Исследователь С.А. Высоцкий предположил, что в граффити говорилось о найденных в соборе останках учителя, которые затем передали в монастырь игумену Лазарю. Грамматик, видимо, являлся одним из педагогов дворцовой школы «книжного учения» при храме. В «Житии Кирилла» говорится о его воспитании и обучении в г. Турове, где он изучал божественное Писание. Этот предмет осваивали в школах повышенного типа, работавших при монастырях, где были сосредоточены библиотеки. В «Истории русской церкви» автора Макария повествуется об обучении будущего первого русского митрополита Петра. Сначала он учился медленно и без усердия, но потом так успешно, что превзошёл в учебе всех сверстников. В течение пяти лет, как полагают ученые, Пётр обучался в церковной школе. При достижении 12-летнего возраста он постригся в монахи. В XIII в. на Волыни в г. Ратно Пётр основал монастырь. Его начитанность и ораторские способности способствовали быстрому продвижению по церковной иерархической лестнице. В 1308 г. царьградский патриарх Афанасий назначил Петра митрополитом Киевским и всея Руси.

Крупные монастыри были центрами подготовки образованного пополнения церковной иерархии. Они пытались установить свой надзор над духовной жизнью общества, не ограничиваясь чисто религиозной сферой, стремились охватить и политические отношения. Главенствующее положение в реализации данных задач занимал Киево-Печерский монастырь. Об этом красноречиво сказано в «Похвале Феодосию Печерскому»: «Лавра твоя славится тобою, и во всех концах Вселенной почитается имя ее. Народы дивятся отцам, бывшим в ней, которые воссияли, как звезды на тверди церковной. . . Приходили в неё цари и поклонялись князья, покорялись вельможи».

В 1068 г. Киево-Печерская обитель, а вслед за ней и другие переняли устав, заимствованный из Константинопольского монастыря. Разработанные идеологом монашества Фёдором Студитом правила предусматривали жизнь монахов в общежитии, обязательный физический труд, отречение от всякой собственности, строжайшую дисциплину, обучение иноков грамоте для углублённого познания божественного учения. В связи с переходом на Студийский устав в русских монастырях началось создание школ для обучения грамоте монахов. Процесс завершался самостоятельным чтением религиозных книг. С этой целью в обязанность игуменов входило создание библиотек для чтения. В пункте 26 Устава было отмечено, что в дни сво-бодные от «телесных дел» книгохранитель подаёт звуковой сигнал, по которому монахи идут в книгохранительную комнату и берут книгу для чтения по вечерам. Через определённое время книжный приставник снова сигнализирует, и черноризцы возвращают книги по записи, а вовремя не возвратившие подвергаются епитимии.

Крупные монастыри, находившиеся под покровительством князей и местной феодальной власти, сосредоточили в своих руках экономические средства. Обитатели владели обширными земельными угодьями, развивали ремесла, в том числе и книжное дело. В монастырских скрипториях осуществлялась литературно-редакторская работа, листовая орнаментация книг, чеканка серебряных окладов, делались переплеты, создавались мастерские книжной миниатюры. Крупные обитатели являлись основными поставщиками книжной продукции для городских сословий.

Сущность воспитания в монастырских школах заключалась в наставлении монахов, в воздержании, смирении, бесстрастии телесном, покорности и безропотности, созерцании собственной души. Все это достигалось путём усердного молитвословия, постов, самоограничением и проповедью фантастических чудес и подвигов местных угодников. Принявший постриг вверялся старцу, который старался приучать его побеждать свои желания. Наставник преднамеренно создавал провоцирующие ситуации и приказывал иноку делать то, к чему у него не было расположения. Умертвление своей воли считалось источником всех добродетелей. Система воспитания монахов-учеников предусматривала их постоянную занятость каким-либо делом или молитвами. В соответствии с правилами иноки должны были молиться до 12-ти раз днём, вечером и ночью. За непослушание полагалось духовное наказание, а за более важные проступки – телесное.

В досоветской историографии монастыри считались ведущими организациями в создании первых школ и в распространении грамотности на Руси. В частности, апологет церковно-приходского обучения и автор работ о народной школе С.И. Миропольский отмечал: «Каждый монастырь сам по себе был училищем, приютом грамотности; каждый создавал учителей и вызывал устройство школ». Однако исследования советских ученых показали, что школы имелись не при всех монастырях. Так, в малых обителях, насчитывающих от 2-х до 7-ми насельников, организованное групповое обучение отсутствовало. Обучение монахов в таких монастырях велось индивидуальным образом. Контингент обителей пополнялся за счёт городских и сельских низов. Обучение монахов в монастырских школах соединялось с ремесленным ученичеством, трудом на монастырских землях.

Обучение в церковных и монастырских школах было тесно связано с воспитанием. Главной целью училища, как отмечали историки досоветского периода, была не грамота, не книжность, а просвещение учащихся светом учения Христа; воспитание любви к православной церкви, послушание в соответствии с её заповедями, добрая жизнь по вере. Грамотность же служила лишь средством для достижения этой цели. Об идеале воспитания в древнерусской школе имеются сведения в летописях, завещаниях и древних поучениях пастырей. Сущность его характеризуется христиано-евангельской направленностью, где ценятся лю-

бовь и правда, верность и преданность воле Божьей, смирение и любовь к отечеству. Древнее воспитание зижделось на принципе: имеешь правую веру – защищай её и исповедуй. В основе нравственного воспитания лежал страх Божий. Его толковали как страх любви, лишённый устрашения, являвшийся лучшим охранителем человека на жизненном пути. Важнейшими задачами воспитания было развитие в детях духа церковности, любви к богослужению, формирование навыка в исполнении церковных заповедей. «Не ленитесь к церкви ходити, – учил Лука Жидята, – на заутреню, и на обедню, и на вечерню. В церкви предстоите со страхом Божиим: не молви речи, но, ни мысли, но мли Бога всею мыслью, да отдаст ти Бог грехи». Священник Кирилл Туровский хвалил и благословлял всех приходящих в церковь и просил их направлять в храм соседей, родных, жен и детей для прослушивания «душеполезных словес».

Древнерусский народ воспитывал в детях правдивость, искренность, честность в житейских отношениях, миролюбие и верность слову. Об этом сохранились высказывания Луки, Феодосия, Мономаха и др. Последний предложил правила благовоспитанности: старейшим подчиняться, мудрых слушать, при старых молчать, с равными и младшими «любовь имети», беседовать без лукавства и много думать. Князь Владимир Мономах советовал накормить и напоить любого странника, при необходимости утешить его в горе, любить людей всех национальностей. Глубокая вера восточных славян в провидение позволяла терпеливо переносить скоби и испытания, причиной которых, по их мнению, была греховность. Только молитвой, покаянием и исправлением можно было «отвратить гнев Божий». Это коренное воззрение народа передавалось воспитанием, высказывалось в летописях, поучениях и завещаниях. Наставники молодёжи советовали ничего не бояться, так как жизнь человека в руках Божьих, и только он является Владыкой жизни и смерти; призывали заботиться, прежде всего, о своей душе, трудиться с верой в Бога, охраняющего нас.

Особое внимание древнерусские люди обращали на воспитание трудолюбия. Ленивый не желает овладевать знаниями и умениями, а если и умел это делать, то забудет, так поучал Мономах. Он же призывал молодежь не лениться в добрых делах, в посещении церкви, «да не застанет вас солнце в постели». Этим же правилам следовал Даниил Заточник, раскрывая молодежи свое трудолюбие. Он не ездил «за море», не учился у философов, а постигал «сладость словесную и разум», как пчела, собирающая нектар. Постижение знаний, указывал Заточник, есть Божий промысел.

Древнерусское воспитание было высокопатриотическим, отражающим верность народу и своему князю. Митрополит Филарет сравнивал неверность князю с изменой жены мужу, с делом Иуды. Несмотря на междоусобицы и удельное время, русская земля, как заметил М.П. Погодин, была беспрестанно на устах у князей, духовенства и летописателей. Благородные идеи и чувства проявлялись преимущественно при мысли о всей Русской земле, единство которой

всегда сознавали князя, несмотря на междоусобицы, доказывая развитие в них гражданского чувства и любви к отечеству. Собираясь на битву с половцами, князя провозглашали: «Бог помощи за крестьян и за Русскую землю свои головы сложить и быть причисленными к мученикам». Смерть за отечество считалась славною смертью, исполнением долга перед родной землей. В таком духе крепкой любви к земле русской и готовности к самопожертвованию воспитывалась молодёжь в первых школах.

В XII в. в послании митрополита Никифора к Мономаху впервые были изложены психологические обоснования воспитания. Автор рассуждал о способностях души - разуме, чувстве, воле, о правильной деятельности пяти чувств. Разумом мы отличаемся от животных. Его неправильное употребление, отмечал Никифор, ведёт к падению, «пример – денница – ангел». Чувство выражается в «ревности к Богу и в неприязни к врагам Божиим». Неправильное владение чувством порождает злобу, зависть, своекорыстие. Воля проявляется в стремлении к Богу, в ожидании просвещения от него, в подавлении страданий через наслаждение весельем. Душа в теле, отмечал митрополит Никифор, как светлое око, наполняющее своей силой всё тело. Слугами души являются внешние чувства, которые должны быть здоровы, чисты и действовать правильно, в противном случае они могут приводить к заблуждению.

Значение древнерусской церковно-приходской школы, по оценке С.И. Миропольского, весьма велико. Русский народ получал в ней грамотность, воспитывалась любовь к православной церкви, верность князю и отечеству; формировался здоровый, правильный взгляд на жизнь; утверждались христианские понятия о правде, любви, послушании, о долге, совести и о высшем призвании человека. Свидетельствами высокой грамотности является множество письменных произведений, принадлежащих лицам всех званий и санов: князьям, митрополитам и епископам, архимандритам и монахам, боярам и простолюдинам. Сохранились летописи, сказания, законы, церковные уставы; грамоты княжеские, монашеские, «мирные»; торговые договоры, поучительные слова, рассуждения, жития, послания, описание странствий, вопросы и ответы о церковных предметах, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы. Кроме работ духовной и церковной словесности, есть и светские произведения: былины и песни, пословицы и поговорки, «Слово о полку Игореве» и «Слово Даниила Заточника» и др.

Таким образом, церковные и монастырские школы стали первой организационной формой обучения на Руси, где учили чтению, письму и церковному пению, воспитывали детей в духе христианского вероучения. Поступательный ход распространения христианства имел прогрессивное значение: вместе с религией восточные славяне получили более высокие элементы византийской культуры, литературу и письменность на близком к родному языке. Эти обстоятельства помогли нашим предкам высоко поднять просвещение в XI – XII вв. и достигнуть уровня просвещения более высокого, чем у народов Западной Европы того времени.

Анализ имеющейся информации и логика исследования дают основание для утверждения о широком распространении монастырских и церковных школ на Руси в период до монголо-татарского нашествия. Этому способствовали исторические условия и обстоятельства: благодатная для распространения христианства российская среда, переведенные с греческого на русский язык богослужебные книги, этнографическое единство славянских племён, участие в образовании русского народа болгарских епископов, священников и клира. Церковь, общество и законодатель Руси должны были единодушно принять три обязательные задачи для своей деятельности:

- 1) содействовать религиозному образованию народа;
- 2) формировать в нём христианскую нравственность;
- 3) распространять в народе умственное образование.

В XIII – XV вв. Русь оказалась в тяжёлых условиях, обусловленных нашествием монголов. Летописцы называли этот период большой карой за грехи народа. В 1224 г. бесчисленные орды Чингисхана вторглись в Южную Русь. В кровавой битве на реке Калке погибло до 45 тысяч русских воинов, в том числе девять князей. После первого разгрома орды удалились в глубь степей для пополнения своих сил. В 1237 г. монголы в ещё большем количестве вторглись на Русь, грабя и сжигая всё на своём пути. Они разорили Рязань, Коломну, Москву; обратили в развалины стольный Владимир; испепелили Гороховец, Муром, Переяславль, Суздаль, Тверь, Торжок, Ярославль и др. В декабре 1240 г. уничтожили дотла Киев и «люди от мала, до велика убита мечем» (Ипатьевская летопись, с. 164). Кроме этого юго-запад Руси подвергся агрессии литовского княжества, захватившего Галич и Волынь; с северо-запада делали набеги на русские города литовцы, немцы и шведы. Русь была похожа на военный лагерь, постоянно готовый к битве с неприятелями. В такое смутное и тяжёлое время, когда каждый опасался за свою жизнь и собственность, школам было трудно расти и развиваться. Почти исчезла христианская любовь, нарушились обменные отношения, появилось пьянство, «буйство и бесчеловечие», угодничество и подкупы. Частыми явлениями стали хищения, грабежи и убийства.

Борцами за возрождение нравственности и образования выступили церкви, большинство из которых стало истинными патриотами русской земли. Епископы защищали церковь и отечество перед монгольскими владыками; мирили враждующих князей, не боясь говорить им правду в лицо; старались установить мир и согласие на Руси. Митрополиты ходили в центр монгольской орды отстаивать прежние льготы церкви и духовенства, интересы паствы. Так, Алексей трижды побывал у ханов, где его встречали с почётом как авторитетного и высокообразованного священнослужителя. Он был советником великих князей, посредником и миротворцем между удельными князьями. Дважды посещали монгольских ханов митрополиты Петр и Феогност, последний достиг подтверждения всех прежних льгот церкви и духовенства, в том числе и на образование паствы. Мит-

рополиты Кирилл, Киприан и Фотий продолжали преданно служить церкви в период монгольского ига. Высокими моральными качествами и образованностью отличались и епископы: Моисей (Новгород), Исайя и Кирилл (Ростов), Серапион (Владимир), Симеон (Тверь). Сильны словом и делом были просвещенные ино-ки Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Сергей и Герман Валаамские; просветители Корелов, Стефан, Арсений, Авраамий Галичский и др. Древнерусское духовенство пользовалось уважением у монголов, о чем свидетельствуют ханские ярлыки (жалованные грамоты). Они охраняли неприкосновенность веры, имущества, церковных законов, личные права духовенства; освобождая его от податей, пошлин и провинностей, от ответственности перед властями и гражданскими судами. Духовенство таким образом ставилось в привилегированное положение и выделялось из других сословий.

Благосклонное отношение монгольских ханов к русским служителям церкви способствовало сохранению и развитию училищ. Свидетельства о их существовании на Руси в эпоху монгольского ига имеются в житиях святых, отличавшихся высоким образованием и примерными нравственными качествами. О новгородских епископах Евфимии и Нифонте отмечалось, что их семи лет отдали учиться божественным книгам. Опираясь на одну из рукописей, А.М. Карамзин писал (современная транскрипция): «Когда младенец остался сиротой, вдова отдала его дьяку для обучения грамоте. В том училище было много учеников» [9].

В житие новгородского архиепископа Ионы отмечено, что училище в Новгороде, где он учился в детстве, отличалось «многочисленностью». В житиях святых Макария Калягинского и Стефана Махрицкого говорилось об отдаче их родителями «в научение грамоте и божественным книгам». Обучение было доступно всем. Об этом свидетельствуют записи в «Сборнике Новгородской Софийской библиотеки»: «Сей св. Пётр митрополит родися от родителю крестьяну... и бысть семь лет, нача учити грамоту сию» (Т. XIV в. л. 334). На основании анализа исторических документов С.И. Миропольский сделал вывод о бесплатности и доступности церковно-приходских школ. В «татар-скую эпоху», писал он, училища были на Волыни, где обучался преподобный Стефан Махрицкий; в Москве, где учился св. Алексий; в Твери (св. Арсений), Ростове (Сергий Радонежский с братьями), Устюге (св. Стефан Пермский), в Кашине (пресвятой Макарий Калязинский), Новгороде (новгородские архиепископы Моисей, Евфимий, Иона). В житиях описывались лишь святые люди, и поэтому сведения о школах сохранились только, о тех местах, где они получали книжное образование. Грамотность нужна была, прежде всего, для церковного клира, а затем и для гражданских потребностей.

В истории древнерусского образования сохранились сведения о миссионерской деятельности Стефана, священнослужителя православной церкви. Научившись грамоте, поняв смысл божественных писаний, он решил отправиться в Пермский край, где хотел внедрить христианство и научить грамоте взрослых и юношей, «отроков молодых и малых детищ». После этого Стефан планировал

назначать из аборигенов попов, дьяконов, подьячих, готовить чтецов, певцов и переписчиков книг, а также переводчиков русских книг на язык зырян. Христианизация Пермского края совершалась подобно процессу в центральной России, но здесь не было щедрых князей, способных учреждать школы. Поэтому, как позже писал Стефан, он путешествовал по всему краю, просвещая и крестя народ. Миссионер обучал грамоте, писал книги, ставил и освящал церкви, украшал их иконами, оборудовал монастыри; проводил постриг в монахи, готовил игуменов, священников, попов и дьяконов. Священнослужитель Стефан Пермский разработал азбуку для зырян, составил грамматику, написал ряд книг для коренного населения.

Конкретных сведений о наличии училищ в Пермском крае не имеется, но о том, что существовало книжное учение информация сохранилась. Его содержание включало чтение, письмо и церковное пение, а первой учебной книгой была псалтырь.

В XIII - XV вв. местом духовного просвещения по-прежнему оставались монастыри. В 30-х гг. XIV в. церковный и политический деятель Сергей Радонежский основал Троице-Сергиев монастырь. По его инициативе уже в XV в. было учреждено более 30 обителей в различных районах Северо-Восточной Руси, и том числе московские – Симоновский и Андрониковский, Савво-Сторожевский под Звенигородом. Монастыри по-прежнему являлись средоточием грамотных людей. В некоторых из них велись летописи, собирались и переписывались книги, подготавливались опытные переписчики, учились грамоте дети. В XV в. значительно увеличилось число монастырей на российском Севере. Первыми основателями были Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий, Мартиниан Белозерский, Кирилл Гомельский. Они активно занимались переписыванием книг и обучали этому своих учеников. В монгольский период возникло более 180 обителей, из которых 150 входили в состав Московской митрополии, а остальные находились в Юго-Западной Руси. Рост монастырей в трудное для славян время истории досоветского периода объясняли тремя обстоятельствами: во-первых, естественным ходом и дальнейшим развитием религиозно-христианской жизни; во-вторых, разрешительными ханскими ярлыками и княжескими грамотами; в-третьих, уходом людей из городов и сёл с целью спасения от насилия и бедности. Сторонником третьего обстоятельства являлся А.М. Карамзин, отметивший, что люди «толпами шли в тихие, безопасные обители». Активное открытие монастырей проходило не в период жестокого «ига поганых», а позднее, когда оно ослабело и стало не таким тяжелым. Иноки по-прежнему служили делу просвещения, о чем свидетельствуют их переводы на русский язык богослужебных книг. Так, в обителях были трансформированы «Диоптра» Филиппа Пустынника, «Сборник поучений на все воскресные и праздничные дни», «Творения св. Дионисия Ареопагита», «Толкование Олимпиодорова на книгу Иова», «Беседы» Златоуста, жития святых и др. Для списывания книг ино-

ки ходили в Афон, занимались в студийском монастыре. Игумен Высотский Афанасий посещал Константинополь, где переводил и переписывал богослужебные книги. Созданием рукописных книг активно занимались в Кирилло-Белозерском, Печерском и других монастырях, в Киево-пустынной обители. Книжность составляла необходимую принадлежность монастырей, которая поддерживалась обычаями и устоями обителей. Чтение книг проводилось на монастырских трапезах и в вечернее время. В нравственных наставлениях отмечалось: «Утверждайся чтением книг, ... перед отходом ко сну много молись, почитай книги, займись рукоделием».

В XIII – XV вв. монастыри по-прежнему оставались приютом для сирот, где они жили, питались и обучались. В соответствии с уставом святых отцов обители обязаны были учить грамоте проживающих на её территории детей и молодых людей. В период монгольского ига монастыри являлись центрами духовного просвещения, которое они распространяли по сёлам и деревням Руси. Характер обучения и воспитания, как и раньше, имел религиозно-нравственную направленность, так как заведование и руководство школами принадлежало исключительно духовенству. В обучение грамоте входили чтение, письмо и церковное пение. Значительное развитие получила письменность, а перепиской книг стали заниматься не только духовные лица, но и миряне. Так, на Псалтыри 1296 г. писец Захарий сделал ремарку, в которой указал, что он много переписал книг, занимаясь этим делом с детства и до старости (Описание Российской библиотеки. Т. I. – С. 184). Однако орфография переписанных книг стала хуже из-за поспешности или небрежности, а быть может от «невежества и своеволия» переписчиков. В богослужебных книгах появились ошибки, недописки, пропуски и изменения слов. Подобное бывает, когда искусство из рук немногих специалистов, распространяясь, переходит в массы и становится уже не призванием, а средством материального обеспечения.

Что касается пения, то оно преподавалось в школах и поддерживалось постоянной церковной практикой. Об этом сохранились записи в летописях XIII – XIV вв. и житиях святых. Прибывший в Ростов царевич Петр, говорилось в житии, был поражён «умилительным» пением в церкви святой Богородицы, где левый клир пел на греческом, а правый – на русском языках.

Таким образом, в тяжелое для Руси время духовенство было единственной социальной группой, заботящейся об образовании народа. Работа священнослужителей (митрополиты Кирилл, Пётр, Алексий, Василий Новгородский, Киприан, Фотий, Григорий Самвлака, Симеон Новгородский, Кирилл Белозерский) содержали «учительные» послания. Жития святых и путешествия (Стефан Новгородец, Игнатий, иеродиакон Смоленский, дьяк Александр, Зосима) значительно расширяли кругозор восточных славян.

Выдающееся явление представляют труды святого Стефана Пермского: он дал зырянам Священное Писание и богослужебные книги на их родном языке,

стал единственным просветителем целого края в период монголо-татарского ига. Монастыри являлись приютами духовного просвещения, среди которых особенно выделялись Киево-Печерская лавра и Троицкая обитель, основанная преподобным Сергием. Продолжалось обучение детей в школах при церквях, православный народ получал духовную пищу от своих пастырей.

## 2.4. Педагогические поучения христианских сочинений

**С**одержание образования в монастырских и церковных школах было пронизано религиозным духом, ореолом святости, утверждением слова божьего. Русский человек заимствовал основы педагогики из Библии, боговдохновенных книг, считая их наиболее душеспасительными и эффективными. Священное Писание представляет собрание многих и весьма различных книг с неодинаковым миропониманием и различными педагогическими рекомендациями.

Книги Ветхого Завета провозглашают суровый патриархат с присущими ему характерными свойствами: авторитарная роль отца с неограниченными правами, суровая до жестокости домашняя дисциплина, варварский взгляд на женщину, подавление личности ребенка и всякой его самостоятельной инициативы. В новозаветной христианской морали другая концепция. Здесь говорится о любви, кротости, ценности каждого человека. Новый Завет называет детей личностями, имеющими права и обязанности. Семья зиждется не на беспрекословном подчинении и строгости, а на началах любви, взаимопомощи, относительного равенства. Население древнерусского государства должно было усвоить новозаветный идеал, но строго патриархальный уклад семьи этому не способствовал. Восточные славяне были церковниками, обрядниками, принявшими христианство, однако мало знакомыми с его учением. Им были вполне понятны начала еврейской семьи, которые отвечали их взглядам, жизненному укладу. Новозаветная педагогика, как отметил П.Ф. Каптерев, была чужда восточным славянам, «до неё они не доросли». Поэтому были заимствованы основы воспитания, изложенные в Ветхом Завете, а евангелистские заповеди о любви, кротости и снисхождении влияли на новохристиан пока слабо.

Педагогический идеал был заимствован главным образом из двух книг Ветхого Завета – Притчей Соломона и Премудростей Иисуса сына Сирахова. В них говорится, что во главе семьи стоит отец, источник не только ее земного благополучия, но и вечного спасения, источник милости божьей в семье. Обращаясь к детям, Сирах говорил:

*«Дети, послушайте меня отца и поступайте так, чтобы вам спастись, потому, что Господь возвысил отца над детьми и утвердил суд матери над сыновьями. Почитающий отца очистится от грехов и уважающий мать свою – как приобретающий сокровища. Хотя бы отец и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте*

*силы твоей. Милосердие к отцу не будет забыто; несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится...*

*Оставляющий отца – то же, что богохульник, и проклят от Господа, раздражающий мать свою».*

Что касается женщины, то жена у древних евреев не считалась равной мужу. Она должна была во всем ему повиноваться, быть верной – в этом её главная добродетель. Досада, стыд и большой срам, говорилось в Премудростях Сираха, если жена станет преобладать над своим мужем. «Не отдавай жене души твоей, чтобы она не возстала против власти твоей». «Есть у тебя жена по душе? Не отгоняй её». Счастливый тот муж, у которого добродетельная жена, создающая ему мирную жизнь. «Добрая жена – счастливая доля, она даёт в удел боящимся Гопода». С такой женой, замечает Сирах, «сердце довольное» у богатого и у бедного, а лица их постоянно весёлые. Ряд афоризмов характеризуют женщину с отрицательной стороны, как человека с особыми качествами, но не как воспитательницу своих детей. «Лучше злой мужчина, нежели ласковая женщина», «Всякая злость мала в сравнении со злостью жены», «Берущий злую жену тоже, что хватяющий скорпиона», «Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели со злою женою». Соломон и Иисус Сирах часто предостерегают от влияния женщин, видя в них источник греха и весьма несовершенные существа, склонные к соблазнительству – «как из одежды выходит моль, так от женщины лукавство женское».

По рекомендациям Ветхого Завета отношение родителей к детям должно быть суровым. Соломон поучал: «Кого любит Господь, того наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну». Такой тезис обосновывал обучение и физическое наказание детей, что не только противоречило отеческой любви к ним, отмечал Соломон, а, напротив, доказывало родительскую любовь. «Из любви к сыну, не оставляй его без наказания – наказанный розгою не умрет, но душа его будет спасена от преисподней». Соломон утверждал, что розга и обличение дают мудрость, а отрок, оставленный без внимания, «делает стыд своей матери».

Другой древний еврейский мудрец Иисус, сын Сираха, предлагал ещё более суровое отношение к детям. Кто любит своего сына, отмечал он, тот пусть чаще его наказывает, чтобы впоследствии утешаться плодами своего воспитания. Мудрец советует не давать поблажек, не играть с ребёнком, не смеяться, не ласкать его, так как в противном случае дитя принесет горе, опечалит родителя, который в бессилии будет скрежетать своими зубами. Чтобы такого не случилось Иисус, сын Сираха, советует не давать воли в юности и не потворствовать прихотям ребёнка. «Нагибай шею его в юности и сокрушай рёбра его, доколе оно молодо, дабы сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе. Кто наставляет своего сына, тот будет иметь помощь от него, и среди знакомых будет хвалиться им. Кто учит своего сына, тот возбуждает зависть врага, а перед друзьями будет радоваться о нём». Имеющие дочерей должны заботиться о их теле, не показывая при этом своего весёлого лица.

Таким образом, ветхозаветная система воспитания провозглашала махровый родительский авторитаризм, основанный на суровом обращении с детьми и физических наказаниях. Унижалась личность ребенка, не признавалось его волеизъявление, отсутствовали всякие права. Заповеди и наставления ветхозаветной педагогики были восприняты в Древней Руси, так как отвечали укладу жизни и нравам восточных славян.

Кроме книг Ветхого Завета были и наставления отцов церкви, источники, раскрывающие основы обучения и воспитания. Среди них преимущественно использовались рекомендации Иоанна Златоуста, греческого церковного писателя и проповедника. Его взгляды значительно шире, но отличаются двойственным отношением к воспитанию в семье. С одной стороны, Златоуст защищает ветхозаветную педагогику, а с другой – намекает на гуманистические отношения и высокое предназначение разумно воспитанной молодёжи. Рождение детей – это дело природы, отмечает проповедник, а вот воспитание добродетели считается результатом деятельности ума и воли родителей. Дети будут довольно богатыми, если получат хорошее воспитание, способное упорядочить их нравы и поведение. Нужно стремиться не к тому, чтобы сделать детей богатыми, имеющими роскошь и излишества, а к воспитанию у них благочестия и богатой добродетели. Отцы, не заботящиеся о христианском воспитании, отмечает Златоуст, «суть убийцы своих детей и даже хуже». Настоящие убийцы отделяют тело от души, а отцы – убийцы и тело, и душу вверяют в геенский огонь. Самым большим злом является развращённая и загубленная душа ребенка. Нерадение о детях, по мысли церковного писателя, есть величайший из всех грехов. Поэтому всё в обществе должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях, в обучении и воспитании их с использованием наказаний. Если бы отцы давали детям доброе воспитание, то стали бы ненужными ни суды, ни судилища, ни наказания. «Палачи есть потому, что нет нравственности» [10]. Мысли Златоуста весьма поучительны. Но какова же цель воспитания и какие средства для ее достижения предлагает проповедник? В ответах на эти вопросы автор напоминает Соломона и Иисуса, сына Сирахова. Цель воспитания, по мнению Златоуста, – «приготовлять Богу благочестивых служителей и рабов, или лучше сказать, ангелов», использовать при этом аскетизм, суровость, монашество. Земные блага малоценны, подчеркивает проповедник, нужно постоянно стремиться к небесному, духовному, к благочестию. Кто земное предпочитает духовному, тот лишается того и другого, а кто стремится к небесному, тот наверняка получит и земное. Поэтому дело большой важности, по Златоусту, посвятить Богу детей, данных от Бога. В пример автор ставит Анну, мать Самуила, поспешившую представить своё дитя в храм Божий. Все светские науки, искусство и гражданские обязанности греческий проповедник ставит на второй план, выдвигая на первый формирование «ангелов». Однако он не отрицает светское образование, а советует не акцентировать на нем внимание.

Воспитательная цель по Златоусту может быть достигнута только насилием над детьми, крайне суровым отношением к ним. По его мнению, это есть единственно возможный и правильный путь, так как юность неукротима и поэтому нуждается во многих наставлениях и учителях, воспитателях, руководителях и надсмотрщиках. Юность, по выражению проповедника, «что конь необузданный, что зверь неукротимый». Нельзя позволять детям делать приятные им дела, так как они могут быть и вредными для них, а нужно «вынуждать их к благочестию и послушанию воле родительской».

Церковный писатель Златоуст особое внимание уделял роли родителей в воспитании. Бог поставил их владыками, попечителями, судьями детей, дал родителям полную власть над детьми, на них же возложил и все заботы о воспитании. Автор, ссылаясь на Ветхий Завет, советует жестоко наказывать непослушных сыновей, «в юности нагибая шею их». Господь не только внушает это повеление устами своего пророка, как указывал Златоуст, но и угрожает детей, непокорных власти своих родителей: «Кто будет злословить отца своего или мать свою, тот да будет предан смерти» (Левит 29,9). Таким образом, старинное еврейское правило греческий проповедник советует применять к христианским детям, несмотря на совершенно иной характер учения Иисуса Христа.

Златоуст осуждал «преступную кротость» древнеиудейского священника Илии к детям, ограничивавшегося только увещаниями и не принимавшего более строгих мер к непослушным детям. При дурном поведении, по советам проповедника, требуются не увещания детей «но уроки сильные, истязания строгие, врачевство так же крепкое, как и зло».

Идеал женщины, матери у Златоуста также заимствован из ветхозаветных наставлений. Он советовал матерям больше внимания уделять дочерям, следить, чтобы они находились дома. Следует формировать скромность, благочестивость, учить презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах. Такое воспитание дочерей принесет пользу не только им, но и будущему мужу, рожденным детям, а затем и внукам. «Если корень будет хорош, то и ветви будут лучше развиваться, и за все это получите награду».

Рекомендации Златоуста по суровому воспитанию не являются однозначными. Он говорил и о любви, и о кротости, способствующих уважению отца детьми. Ничто так не привязывает членов семейства, говорил проповедник, как постоянная скромность и любезная кротость отца в обращении с домашними.

Подобные общие наставления о христианских добродетелях очень часто упоминались русскими пастырями в XI – XV вв. Ими были наполнены древние сборники «Измарагды», «Златоструи», «Пчёлы» и др. В весьма распространенном «Изборнике» 1076 г. содержится ряд педагогических рекомендаций. Так, благочестивый вельможа Ксенофонт повествовал, что он никогда не гневался, не оставлял церкви, не презирал нищих и странных, не завидовал чужой красоте. Так жить он рекомендовал и детям. Святая Феодора, обращаясь к сыну, призывала его регулярно молить-

ся, терпеть голод, подавать «алчущим хлеб свой и одежду свою нагим», посещать больных, утешать старых, помогать вдовам. Она советовала всегда трудиться, и тогда Господь увидит «труд твой и пошлёт тебе свою помощь». Митрополит Даниил, обращаясь к отцам, также призывал их воспитывать детей в трудолюбии, избегать кощунства, сквернословия, не красть, не лгать и «избегать всякого зла». Обращаясь к отрокам и девицам, он советовал с желанием относиться к рукоделию, рисованию, письму и к книжному учению, никогда не быть праздными.

Древние сборники, поучая родителей и детей, советовали избегать смеха, растлевающего тело и прогоняющего добродетель. За основу бралась заповедь Сираха, в которой он призывал не смеяться с ребенком, не играть, чтобы потом не горевать и не жалеть об упущенном времени. По учению древних русских моралистов выходило, что светлая сторона жизни есть лишь соблазн и грех. Истинное состояние настоящего христианина есть печаль, воздыхание, плач. Жизнь - дело тяжкое и суровое, земля - юдоль печали. В «Измарагде» отмечалось:

*«Смех не созидает, не хранит, но погубляет и созидание разрушает; смех Духа Святого печалит, не пользует и тело растлеывает; смех добродетели прогонит, потому, что не помнить о смерти и вечных муках. Отъими, Господи, от меня смех и даруй плач и радение».*

Веселье и смех должны быть изгнаны из воспитания, так как они губительны для души и тела. Смех от лукавого, а плач и рыдание от Бога, так отмечалось в сборниках.

Древние сборники были собранием афоризмов и статей, заимствованных из Священного Писания. Педагогические наставления Ветхого Завета, высказывания Соломона и Иисуса, сына Сирахова разбросанны и бессистемны. Русские авторы собирали их, систематизировали, излагали с некоторыми сокращениями для лучшего усвоения читателями и применения в воспитательной практике. Так, в одном из сборников XV в. имеются две статьи с педагогическими наставлениями – «Слово о притчи и о наказании детей к родителям своим», «Слово святых отец. Как детям чтити родителя своя». Эти две работы не что иное как связанное изложение ветхозаветной педагогики. Их сравнение и сопоставление показывает, что они идентичны и по мыслям, и по выражениям. Первое и второе слово являются почти буквальным воспроизведением отрывков из Притчей Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова [11].

Поучения ветхозаветной педагогики освещались русскими авторами на протяжении нескольких столетий в работах с различными наименованиями. Одна из них, «О вскармлении детей», изложенная в сборнике XVI в., содержала выдержки из Библии и из высказываний проповедника Златоуста. Здесь снова автор внушал родителям идею о формировании в детях доброты и благочестия с использованием физических наказаний: «Аще бю и жезлом биеши его, не умрет, но здрав будет, ты бы бия его по телу, душу его избавивши от муки» (Премудрости Иисуса, сына Сирахова).

В другой работе – «Домострой» выражен идеал средневекового воспитания и семейного быта на Руси. Полное её название представляет своеобразную аннотацию: «Книга глаголемая Домострой, имеет в себе вещи зело полезны. Поучение и наказание всякому христианину. Мужу и жене и чадам и рабам и рабыням». В содержание Домостроя вошли отдельные положения, заимствованные из «Златоуста», «Измарагда», «Золотой цепи» и других сборников, основанных на ветхозаветных наставлениях. Несколько разделов в книге полностью посвящены вопросам воспитания. В главе XV «Како детей своих воспитати во всяком наказании и страхе Божий», отмечается, что родители должны любить детей и беречь, и «страхом спасати». Глава XVII «Како дети учити и страхом спасати» представляет собой пересказ ветхозаветной педагогики, взятой автором из одного поучения с добавлением собственных незначительных высказываний. По выражению П.Ф. Каптерева, вся глава весьма сильно пропитана еврейским духом и переносит читателя в ветхозаветные времена. В XVIII главе Домостроя «Како детям отца и мать любити, и беречи, и повиноваться им, и покоити их во всем», приводятся многие мысли и выражения из Иисуса, сына Сирахова с включением ветхозаветных текстов. От детей требуется полное подчинение старшим, основанное на принципах авторитарного воспитания. Дети должны почитать своих родителей, воспитываться строгостью и лаской. Рекомендуются суровые меры подавления воли, телесные наказания. Девочки воспитываются как затворницы. Наряду с этими указаниями автор советует прививать детям с ранних лет трудовые навыки, обучать их ремеслу «отцу сынове кто чего достоин, матери рукоделию дщери». Домострой требует от родителей воспитания в детях настойчивости в труде, аккуратности в доме, почтительности к старшим, вежливости со всеми окружающими их людьми. В целом же воспитание по Домострою направлено на развитие у детей чувства ответственности перед государством, церковью и родителями.

В XVII в. продолжалось заимствование материала из более ранних источников. К сочинениям педагогической направленности, основанным на библейских наставлениях, относится работа «О царствии небесном и о воспитании чад», а также педагогический сборник конца XVII в. Первое сочинение составлено под сильным влиянием Златоуста и представляет собой своеобразную мозаику из текстов Ветхого и Нового Завета. Цель жизни и воспитания, по этой работе, есть получение царства небесного. На земную жизнь автор смотрит мрачно и отрицательно, подчеркивая, что нужно постоянно плакать, каяться, презирать землю и все находящееся на ней и всеми силами стремиться к небесному. Средством для достижения небесного царства служит главным образом просвещение, обучение детей, имеющее неоспоримое преимущество перед богатством. Отцы, не заботящиеся о воспитании своих детей в добродетели, - это «убийцы своих чад».

В педагогическом сборнике конца XVII в. почти нет никаких новых начал и идей. Однако наряду с библейскими наставлениями здесь уже появились автор-

ские психолого-педагогические рассуждения об особенностях воспитания детей. Одна из основных мыслей – необходимость внушать духовную мудрость детям «измлада», приобщать к определённой профессии. К какой работе они привыкнут в юности, та им «сладка будет» до конца жизни. Эту идею автор рекомендует реализовывать поэтапно. В первом семилетии необходимо учить детей правильно и красиво говорить; во втором – учить какому-либо ремеслу и особенно оберегать от дурных примеров; в третьем семилетии обучать детей «страху Божию и премудрости, как жить по-божьи и честно гражданствовать». Сердца юношей, говорится в педагогическом сборнике, восприимчивы подобно воску. На нём можно отпечатать добродушного голубя, высокопарного орла, лютото льва, ленивого осла или трудолюбивого вола. Основы воспитания, заложенные в юности, останутся в человеке до глубокой старости. Автор сравнивал ум отрока с чистой гладкой доской, на которой учитель пишет, что хочет; с новым сосудом, постоянно сохраняющим запах ранее налитой жидкости; с молодым деревцем, склоняющимся в любую сторону по желанию взрослых.

При воспитании рекомендуется придерживаться четырех условий. Первое – использовать жезл как «скоренитель злобы и насадитель добродетелей». Без него невозможно обмолотить сноп, разбить орех. О значении жезла и физических наказаний в воспитании автор рассуждает на протяжении нескольких страниц. Второе условие – изолировать ребенка от злого общества и не разрешать с «лукавыми дружитися». Третье – не быть дурным примером для своего ребёнка. Четвёртое условие предусматривает разумную любовь к детям, так как неумеренная привязанность вредит формированию личности.

*«Полезно выпить вина умеренно, оно веселит и здоровит, но вредно пить без меры. Также весьма вредно и любить детей без меры».*

В педагогическом сборнике содержится много цитат из Ветхого Завета, приводится пример иудейского священника Ильи, пострадавшего от дурного воспитания своих детей. Автор ссылался на поучения Сираха и Златоуста. Новозаветный материал цитировался очень редко, и из него подбирались тексты в унисон первому разделу Священного Писания. Например, одно из приводимых наставлений касалось соблазнов человека. Если он ими увлечён, то ему лучше «потонуть в пучине морской». В педагогическом сборнике, как и у Златоуста, есть поучение о любви, являющейся величайшей добродетелью, которая долготерпима, милосердна и даже способна любить врагов.

Анализ древнерусской литературы указывает на то, что педагогические идеалы Древней Руси строились в основном на воззрениях Ветхого Завета. Высшую цель воспитания далекие предки видели в «научении детей страху Божию, повиновению их заповедям Господним». В основу всего воспитания ставили душепасительность, охрану детей от дурных примеров, от зла в его различных проявлениях. Грамотность определялась как начальный этап обучения с целью познания божественного писания. Детей учили правилам приёма пищи в тот или иной

день Поста, информировали об использовании святой воды, кадила («как подбает кадити перед Богом»). Указывалось, как родителям учить детей земным поклонам, двуперстному или трёхперстному кресту, как есть просфоры, поклоняться иконам. Однако сущность христианского учения при этом не объяснялась.

На Руси чрезвычайно ценили книгу как глаголы (речь, слово) самого Бога, как божественную мудрость; почитали священников и монахов как учителей, наставников, руководителей и внушали повиноваться им во всём. Наставники детей не уважали, не признавали детской личности, относились к детям крайне сурово, опасаясь проявить к ним излишнюю любовь и снисходительность; подавляли самые простые и естественные проявления детской природы – веселье и смех. Историк педагогики П.Ф. Каптерев отметил, что нежного, кроткого, любвеобильного христианского духа, бережного, заботливого отношения к человеческой личности предки не усвоили из христианства. Они ограничились фразами о ценности добродетели и гнусности порока, более почитали иконы и посты, чем божественное и глубоко человеческое учение Христа [12]. Безусловно, недостаток настоящего христианского подхода и евангельских отношений в семье не исключал естественной любви родителей к детям и к заботе о них.

Таким образом, основы воспитания в древнерусском государстве зиждились на библейских притчах, премудростях и наставлениях, многие из которых сохранились на долгие годы в семейной и школьной педагогической практике Российской империи.

## 2.5. Православная учебная литература



озвышение в XV веке Москвы, претендовавшей на роль «третьего Рима» и считавшей себя наследницей Византии, естественно, требовало повышения уровня грамотности. Даже в середине XVI века в одном из документов указывалось на безграмотность князей и боярских детей. В нем указывалось: «А которые князья и дети боярские в сей записи написаны, а у записи рук их нет, а те князи и дети боярские грамоте не умеют». Рост торговли и ремесел, потребность в разумном управлении все расширяющегося русского государства, престиж царского двора и укрепление христианства требовали грамотных князей, бояр и служителей церкви.

В конце XV века русская православная церковь вела активную борьбу против новгородско-московской ереси («жидовствующих»), нового идеологического движения. Основной контингент оппозиционеров составляли горожане, возглавляемые низшим духовенством. Характерной особенностью еретиков была их высокая грамотность, знание Библии, еврейских и арабских переводных сочинений. Антицерковники отрицали внешние церковные обряды, монашество, поклонение мощам, а некоторые вообще, подвергали критике с рационалистических позиций основной догмат православия о троичности божества. Эти взгляды

находили отклик среди малоимущего населения, и ересь распространялась не только среди посадских людей, но и в селах Новгородской земли.

Борьбу против еретиков возглавил Иосиф Волоцкий, написавший ряд обличительных сочинений. Жестоким гонителем религиозных отступников был новгородский архиепископ Геннадий, церковный и политический деятель, сторонник «воинствующей» церкви. Многие еретики подвергались тяжелым наказаниям, а Иван-Волк Курицын, Дмитрий Коноплев и Иван Максимов были сожжены.

Борьба с инакомыслящими выявила «простоту» сподвижников Геннадия и образованность еретиков, умело использовавших церковно-полемическую и астрономическую литературу. Этот фактор, на наш взгляд, стал одной из причин, побудивших архиепископа обратиться с посланием (около 1500 года) к митрополиту Симону. Его автор раскрыл уровень грамотности в России XV века, в частности, среди священнослужителей, считавшихся наиболее просвещенным сословием. Архиепископ Геннадий не мог найти во всей Новгородской области достаточно грамотных людей для занятия ими должностей священников. Претендентов являлось много, отметил автор послания, но при испытаниях они оказывались неграмотными или малограмотными. «Им дают деяния апостолов, а они не умеют ступити, дают псалтырь, а они и по тому еле бредут». По мнению Геннадия, причина столь плачевного состояния образования заключалась в учителях. «Мужики – невежи» при обучении портят речь детей, заставляя их заучивать наизусть заутреннюю и вечернюю службы; требуют за учительство горшок каши и гривну денег, да к тому же добиваются подарков от родителей.

В своем послании Геннадий предложил московскому митрополиту ходатайствовать перед великим князем об основании училищ, в которых обстоятельно и до конца изучались бы «азбука – граница», а затем почтительные слова и псалтырь «накрепко». После освоения этих основных начал можно переходить к чтению всяких богослужебных книг и отправлять церковные службы. Образовательный идеал, по Геннадию, был чрезвычайно ограниченным, так как он не упоминал ни о грамматике и письме, ни о счете. Видимо, обучение письму, а тем более вычислениям, автор считал делом весьма затруднительным и невыполнимым для будущих священнослужителей. Очевидно, священники геннадиевского времени не только не умели писать, но даже и читать, были зачастую совершенно безграмотными, отправляющими церковные службы наизусть, без книг, «заучивая их с голосу».

Содержание образования, как видно из послания Геннадия, крайне минимизировано. Для лучшего усвоения букв он предложил изучать азбуку в виде акростиха. Каждая строка в этой азбуке начиналась с буквы в порядке алфавита, а начальные буквы всего акростиха представляли азбуку. Содержание стихотворений отличалось разнообразием: нравственно-поучительные, исторические, догматические, молитвенные и др. Древнейшим образом «азбуки – границы» является «Молитва Константина философа сотворена азбукою».

*«А. Азь словом сим молюся Богу:  
Б. Боже всеа твори зажителю  
В. Видимыя и не видимыя!  
Г. Господня Духа послѣ живущаго.  
Д. Да вдохнетъ въ сердце мое слово,  
Е. Еже будетъ на оупсехъ всем.  
Ж. Живущимъ въ заповѣдь твоихъ» и т.д.*

В первых училищах и в домашнем обучении использовались рукописные азбуковники. Часть из них представляла собой учебные пособия, в которых помещался букварь, краткие сведения по грамматике, арифметике, а также религиозно-нравственные поучения. Первые справочники, именуемые азбуковниками, появились на русской земле ещё в XIII веке. Древнейший список словарного азбуковника был создан для новгородского епископа

Климента (1282 г.). В заглавии указано: «Речь жидовского языка, преложена на русскую, неразумно на разум, и в евангелиях, и апостолах, и в псалтырях, и наречии, и в прочих книгах». По сути, - это первый известный на Руси словарь. Автор дал толкование 174 еврейским словам, встречающихся в богослужебных книгах. В учебных азбуковниках помещались статьи по философии, посвящённые взглядам Аристотеля, Демокрита, Платона, Школе стоиков и др.; давались сведения по всеобщей истории и географии. В описании земли говорилось о частях света, реках и городах, упоминавшихся в Библии. В наставительных азбуковниках на рубеже XVII – XVIII веков содержались воспитательно-дидактические тексты в стихотворной форме в виде силлабических виршей.

*«В доме своём, от сна восстав, умойся,  
Прилучившимся платя краем добре утрися,  
В поклонении святым образам продолжися,  
Отцу и матери низко поклонися,  
В школу тщательно иди  
И товарища своего веди,  
В школу с молитвой входи,  
Тако же вон исходи» [13]*

Считалось, что такой приём облегчает заучивание социально-этических норм, необходимых в жизни.

Распространение азбуковников в русском государстве способствовало появлению азбук. В истории учебной христианской литературы начался важный этап в её распространении, обусловленный изобретением книгопечатания. Первым печатным учебником в Российской империи была азбука-грамматика, изданная в 1574 году Иваном Фёдоровым (1510 – 1583), основоположником отечественного книгопечатания, видным просветителем XVI века. До 1553 года он был дьяконом церкви в московском Кремле, а затем работником анонимной печатни, основателем типографий в Литве и Украине.

Азбука-грамматика состояла из 8 страниц азбуки (букваря), сокращённой грамматики и молитв, а также материала по первоначальному обучению счёту. В основу учебника, как отметил Б. Н. Митюрлов, Фёдоров положил распространённый в его время буквослагательный метод. Обучение начиналось с заучивания букв и усвоения двух- и трёх буквенных слогов. На первой странице давалось 45 букв алфавита, затем они приводились в обратном порядке и третий раз располагались в разбивку восемью колонками. Такое трёхкратное повторение преследовало цель способствовать более твёрдому усвоению каждой буквы алфавита. После алфавита, слогов и примеров спряжения глаголов давались нравоучительные тексты для закрепления и развития навыков письма и чтения.

В 1633 – 1642 гг. на Московском печатном дворе работал Бурцов - Протопопов Василий Фёдорович (годы жизни неизвестны), русский издатель, сын подьячего, дважды издававший азбуку с гравюрами и заставками. Первое издание 1634 года вышло под названием «Начальное учение человекам, хотящим разумети божественного писания». Тираж книги составил 6000 экземпляров. В истории образования принято её упрощённое название «Азбука». В книге Бурцова имелась гравюра «Училище», изображающая четырёх учеников с раскрытыми книгами и учителя, готовящегося наказать розгами ученика, стоящего перед ним на коленях. Страницы «Азбуки» были оформлены в виде заставок, где каждая буква алфавита сопровождалась критическим изречением православного содержания. Второе издание 1637 года именовалось «Букварь языка славенкса, сиречь начало учения детей, хотящим учиться чтению божественных писаний». Книга имела справочный аппарат, состоящий из предисловия и поэтической аннотации о целях и методах учения, обращённой к ученику. Автор Бурцов писал: «Сия зримая малая книжица по речению алфавитица напечатана бысть по царскому велению вам малым детям к научению. Ты же благоумное отроче сему внимай и от нижния ступени на вышнюю ступай» [14]. В предисловии издатель назвал азбуку Лествицей к изучению часослова, псалтыри и прочих божественных книг. Такое наименование, по мнению Бурцова, видимо отражало постепенность и последовательность (подниматься по ступеням лестницы) в овладении учениками грамотой. Автор советовал детям слушаться учителя и не сопротивляться ему ни в чём. Обучающий же должен быть требовательным и справедливым, реализовывать главную задачу – помочь детям продвигаться от незнания к знанию. По Бурцову, ребёнок, что воск, в котором его разум отображает всё как печать.

Создатель азбуки-букваря старался максимально использовать наглядность. Так, например, при знакомстве ребёнка с буквой «О» Бурцов изобразил двух согнутых человек, получившаяся фигура которых была похожа на знак О. Затем в азбуке шло начертание свыше 20 вариантов этой буквы, давались рисунки нескольких животных и обыденных предметов начинающихся со звука О.

В книге Бурцова, кроме напечатанных букв, имелись склады, числа, знаки

препинания, образцы склонений и спряжений; приводились нравоучения, расположенные в алфавитном порядке, излагались заповеди, притчи, наставления, изречения о жизни и учении Христа. Содержимое текстов для чтения было подчинено целям духовно-нравственного воспитания в духе православия. Азбука Бурцова была широко востребованным учебником в России. По ней учился грамоте сын Алексея Михайловича Пётр, ставший затем Петром Великим, первым всероссийским императором.

Значительным шагом вперёд в развитии образования, приобщения к православию послужило издание букварей. В 1595 году в Вильно был напечатан букварь под названием «Наука ко чтению и разумению письма славенского.» Его автор Лаврентий Зизаний, учитель братских школ. В книге приводились буквы славянского алфавита и склады для заучивания; имелись молитвы и статьи о православной вере, предназначенные для упражнений в чтении.

Вопросы грамотности россиян волновали Симеона Полоцкого (в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович), знаменитого церковного деятеля, писателя, драматурга, публициста, жившего в 1629-1680 гг. Он окончил Киево-Могилянскую академию, а по возвращению в Полоцк принял монашество и несколько лет работал в полоцкой братской школе. В 1664 году Симеон переехал в Москву, где в Заиконоспасском монастыре обучал латинскому языку подъячих из тайного приказа. С 1667 года Полоцкий стал учителем детей царя Алексея Михайловича, а затем и наблюдателем за Никитой Зотовым, учителем Петра I. Как воспитатель царских детей он написал для них несколько поучительных сочинений: «Вертоград Многоцветный», «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего», «Книга кратких вопросов и ответов катехизических».

В 1679 году Полоцкий издал «Букварь языка славенска». Учебное пособие начиналось предисловием с силлабическими нравоучительными виршами «К юношам, учиться хотящим». В букваре, наряду с грамматическими материалами, автор поместил образцы торжественных речей, посвящённых праздникам, обращения к родителям учеников и благодетелям. В книге Полоцкого также имелись молебны перед началом учения «Чин благословения отроков во училище учиться священным писаниям идущим» и «Стославец святого Геннадия, патриарха Константинопольского, о вере».

В 1694 году иеромонах Карион Истомин (1650-1717) издал Малый «Букварь в лицах» (т. е. лицевой, иллюстрированный), работа над которым продолжалась в течение нескольких лет. Через два года он опубликовал Большой букварь. Создатель учебников был общественным деятелем XVII века, педагогом, поэтом и переводчиком. Образование Истомин получал в монастырской и патриаршей школах, в Славяно-греко-латинской академии у братьев Лихудов. На Московском печатном дворе он работал писцом, чтецом (корректором), справщиком (редактором), издателем. В типографической школе Истомин преподавал греческий и латинский языки; был придворным поэтом и учителем детей царской фамилии,

в том числе и юного Петра Алексеевича. Для них педагог-издатель разработал несколько учебных книг и, в частности, «Грамматику малую».

Букварь Истомина вышел тиражом в 106 экземпляров. Книга имела 44 листа и начиналась фронтисписом в фигурной рамке. Наверху листа был изображён Христос, обучающий детей. Они держали свитки с названиями наук: астрономия, риторика, философия, грамматика, геометрия. Внизу Истомин предложил посвящение в стихах, где упоминалось имя составителя и дата выхода букваря в свет. Его полное название отличалось многословием: «Букварь славяноросийских писмен уставных и скорописных, греческих же, латинских и польских с образованиями вещей и со нравоучительными стихами: Во славу Всетворца Господа Бога и в честь пречистой Девы Богородицы Марии, и всех святых». По сравнению с предыдущими букварями книга Истомина была содержательной и необычно структурированной. Каждой букве отводилась отдельная страница с изображением знака в виде одной или двух человеческих фигур в разнообразных позах и костюмах. Многие из них изображались в рыцарской одежде, в шлемах и латах. За фигурной заглавной буквой следовали образцы печатного и строчного написания письменных знаков. Вторая строка посвящалась скорописным знакам, а затем шло изображение греческих и латинских букв с их названиями, то есть делалась попытка постижения славянского, греческого и латинского алфавитов. Центральную часть страницы занимали изображения людей, предметов быта, животных, растений, названия которых начинались с данной буквы. Помимо в основном известных детям предметов в букваре Истомина представлялись заморские растения и животные (виноград, кипарис, слон, лев и др.); люди разных профессий (звездозаконник, историограф); части света (Америка, Африка, Азия). Особое место в букваре отводилось изображению предметов применяемых в богослужении: потир, рапида, свешник, хоругвь, митра, купель, епитрохиль, аналой и др. Всего в учебнике имелось свыше 400 рисунков. Каждая страница с различными очертаниями букв и иллюстрациями заканчивалась стихами, в которых имелись предметы на нужную букву. Так, например, страница на букву «К» заканчивалась стишком:

*«Киты суть в морях, кипарис на суше,  
Юный, отверзай в разум твои уши,  
В колесницу сядь, копьем борися, и  
Конем поезжай, ключом отприся»*

Определённое место в букваре отводилось кратким молитвам взятых из церковных текстов.

Отличительной чертой учебников К. Истомина была их наглядность и занимательность. Букварь, как отметил автор, предназначался не только для обучения мальчиков, но и девочек. Учебник стал своеобразной детской энциклопедией, расширяющей кругозор учащихся.

Восточно-славянские буквари, как отметила Е. А. Кузьминова, характеризо-

вались большой и сложно организованной учебной частью, включающей пять составляющих. 1. Наличие алфавита. 2. Размещение в алфавитном порядке двух – и трехбуквенных слогов. 3. Представление грамматического и орфографического материала. 4. Наличие азбучного акростиха («Азбука толковая о Христе», или «Христова азбука», начинающийся словами: «Аз есмь всему миру свет»). 5. Изложение текстовой части, включающей молитвы, символ веры, отрывки из Священного Писания, катехизические основы истин веры и норм христианской нравственности. В букварях 1634, 1637, 1657 годов и других имелся раздел, раскрывающий числовое значение церковнославянских букв («Число церковное», «Числа»). Все материалы в учебных книгах: буквы, слоги, грамматические примеры, богословские сентенции – располагались в алфавитном порядке.

В букварях XVI – XVII вв. увеличилось число катехизических текстов. Так, в хрестоматийной части приводилось десять заповедей Ветхого Завета шесть совершенств и блаженств Нового Завета, четыре евангелические добродетели и прочее. С 1621 года буквари стали включать отрывки из ветхозаветных книг: Притчи Соломоновы, Премудрость Иисуса, сына Сирахова, Книга Товит и др.; фрагменты из посланий апостола Павла; состав с тенденцией их количественного увеличения. В учебных книгах начали публиковать катехизис Стефана Зизания под названием «Изложение о православной вере, кратким вопрошением и отвещанием, удобнейшего ради познания детям христианским». В связи с реформами Патриарха Никона в букваре 1657 года появилась статья о перстоложении при крестном знамении и архиерейском благословении «Како достоин архиерею или священнику благославляти христиан». Основной текст букварей состоял из молитв.

В XVI – XVII вв. в Русском государстве было издано 40 наименований букварей. В частности, в Москве они выходили в свет 8 раз, в Вильно – 5, во Львове – 3 издания, в Могилёве – 2, а также по одному разу публиковались в Остроге, Евье, Кутеине. Только во второй половине XVII века Московский печатный двор издал свыше 300 тыс. экземпляров букварей, которые быстро раскупились.

Постижение грамоты через азбуки-буквари с текстами религиозно-нравственного содержания было подчинено целям воспитания молодёжи в духе православия. После освоения букваря детям помогали совершенствоваться в чтении и заучивать молитвы, изложенные в Часослове. Своё название книга получила от службы часов, которую она содержит. Эта была богослужбная книга, содержащая неизменяемые молитвословия суточного круга богослужения, являясь руководством для чтецов и певцов на клиросе. Первоначальное составление Часослова приписывают преподобному Савве Освящённому, включившего в него чинопоследования ежедневных церковных служб. Дополнения к руководству были сделаны Иоанном Дамаскиным и Фёдором Студитом. Часословы в виде книг появились в Западной Европе в XIII веке, а затем получили широкое распространение в XIV – XV вв., в связи с ростом грамотности. Их изготавливали в

ремесленных мастерских всех стран Европы. Наибольшую популярность обрели французские и фламандские книги. Первые русские печатные Часословы были изданы при патриархах Иосафе (1640) и Никоне (1653).

Часослов включал тексты неизменяемых молитвословий шести ежедневных церковных служб: часов с междучасием, изобразительных, вечерни, повечерия, полунощницы, утрени. Кроме того книга содержала чины и молитвы, присоединяемые к службам дневного круга: утренние молитвы, последование возвышения панагии («чин о панагии») [15], благословение трапезы, канон Богородице и молитвы на сон грядущий. Со временем в Часослов были включены краткие часто повторяющиеся изменяемые песнопения: тропари [16], кондаки [17], Богородичны, избранные тексты Пасхальной недели. На Руси использовали Часословы двух типов – «большой» (великий) и «малый». Первый, кроме молитвословий содержал также часы с междочасиями в вечерие Рождества Христова, Богоявления в Великую пятницу и др. «Малый» Часослов ограничивался только неизменяемыми молитвословиями служб суточного круга богослужения и зачастую издавался для обучения чтению. Основные положения христианского вероучения излагались в катехизисе, использованном при обучении.

Заключительной и высшей книгой в русском образовании XII – XVIII веков являлся Псалтырь (евр. *tehillium*), пятикнижный «Богодуховенный» сборник хвалебных и молитвенных псалмов Израиля, открывающих важные истины. Для христианина Псалтырь являлся самой драгоценной книгой Ветхого Завета, содержащей молитвы на все случаи жизни. Человек обращался к ней при скорби и безысходности, в бедствиях и болезни, в слезах покаяния и в радости после полученного утешения, в потребности благодати и для вознесения, чистой хвалы Творцу. Во всём Писании, как отметил Амвросий Медиоланский, дышит благодать Божия, но в сладкой песне псалмов она дышит преимущественно.

Название Псалтыри происходит от греческого слова «псало», что означает бряцать на струнах, играть. Основоположником создания Богодуховенного сборника считают царя Давида, составившего более 80 псалмов. Он был самым выдающимся царём, когда-либо правившим Израилем. Давид сочетал в себе ценные качества: любовь к народу, справедливость, мудрость, мужество, крепкую веру в Бога. Управляя царством, он заботился о том, чтобы богослужение в скинии [18], проходило боголепно, и для него составлял псалмы, которые часто использовались хором в сопровождении музыкальных инструментов. Нередко сам Давид возглавлял религиозные праздники, принося Богу жертвы за еврейский народ и воспевая псалмы. Царь ввёл употребление при псалмопении струнных, духовых и ударных музыкальных инструментов: гуслей, тимпанов, псалтери, кимвалов, труб и др. [19].

Псалмы освещают несколько крупных и важных тем: Христос, Иегова, закон, творение, будущее Израиля и испытания обновлённого сердца в страданиях, радости, затруднениях. Обетования псалмов, как отметил Ч.И. Скоуфилд, в ос-

новном имеют отношение к еврейскому подзаконному народу, но они духовно истинны и в отношении христианского опыта в том смысле, что открывают замысел Божий, движение Его сердца навстречу тому, кто недоумевает, страдает, или унывает. Своим содержанием псалмы оказывали «благодетельные влияния восторженного сердца» при разных испытаниях жизни.

Древнейшие сохранившиеся славянские рукописи Псалтыря относятся к IX веку. Впервые она была напечатана в 1495 году в Черногории. В некоторых последующих изданиях книги помещались истолкования псалмов, и поэтому Псалтырь называлась толковой. Таковыми являлись сочинения И. Златоуста, Амвросия, Августина, Феофана, Вишнякова и др. Псалтырь послужила первоисточником большей части вечерних и утренних молитв. Новгородский епископ Геннадий считал изучение богодуховного сборника достаточным для того, чтобы быть способным к церковнослужительским обязанностям.

Обращение к Богу и святым в сочетании с Часословом стали называть «Следованной Псалтырью» или «Псалтири со воследованием». Именно такой вариант использовали для обучения технике чтения. Изучивший Псалтырь, считался человеком грамотным, «книжным», то есть способным читать любые книги. Древний русский человек, как отмечено в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, не расставался с псалтырью, ставшим настольной книгой и гуманитарным атрибутом в путешествиях.

Иногда к изучению Псалтири присоединяли ещё и Евангелие (греч. – «благая весть») и Деяния Апостольские. Евангелия входят в состав книг Нового Завета. Наиболее ранними источниками, упоминающим четыре канонических Евангелия являются Апостольские правила IV века и деяния Лаодийского собора 364 года. В этих сочинениях по именам авторов называются четыре Евангелия: Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Авторство каждой благой вести было согласовано только в начале II века, однако в XVIII веке его поставили под сомнение. Первые три текста содержат немало параллельных мест и именуются синоптическими (от греч. – синопсис – обозрение), то есть параллельными столбцами. Евангелие Иоанна существенно отличается от синоптических как по композиции, так и по содержанию. Оно было написано на несколько десятков лет позже книг других евангелистов. Иоанн видимо решил дополнить предыдущих авторов своим Евангелием. Текст И. Богослова представляет теологическое описание Иисуса Христа как вечного Слова и уникального Спасителя человечества. Во всех Евангелиях повествуется о его рождении и жизни, смерти и чудесного воскресения; приводятся проповеди, поучения и притчи.

Синоптические Евангелия стали источником многих сюжетов, цитат и идей для европейской культуры последующих столетий. Широко известны Рождество младенца Иисуса Христа, Нагорная проповедь и Заповеди блаженства, Преображение, Тайная вечеря, Воскресение и Вознесение. Основные, упомянутые в Евангелиях события в жизни Христа, постепенно стали отмечаться в качестве

церковных праздников народами, принявшими христианство. Знание их и участие в празднествах считалось обязательным не только для взрослых, но и для детей и подростков.

«Деяния апостольские» (1564 г.) была первой книгой отпечатанной в Москве. Она являлась, как бы, непосредственным продолжением евангелической истории, охватывающей время от Вознесения Иисуса Христа до 62 года включительно. Книга написана евангелистом Лукою во время пребывания его вместе с апостолом Павлом в Риме. Полагают, что её заказчиком был некий Феофил, знатный римлянин, прокуратор в Иудее.

Деяния состоят из 28 глав, разделённых на две неравные части. В первой (1-12) главы рассказывается о сошествии Святого Духа на апостолов, о первой проповеди апостола Петра, о состоянии первобытного христианского общества в Иерусалиме. В содержании отражены чудеса апостолов, их первоначальная проповедь, переход проповедников в другие области Палестины, преследование христиан Савлом, обращение к Христу сотника Корнилия, гонение Ирода Агриппы, мученичество Иакова Заведеева. Вторая часть книги, посвящалась описанию трёх проповеднических путешествий апостола Павла, в ходе которых он был взят под стражу в Иерусалиме, осуждён в Кесарии. После двухлетнего пребывания в заключении апостол Павел как римский гражданин был отправлен на суд в Рим. На пути в Италию он попал в кораблекрушение и поэтому прибыл в Рим только через полгода. В ожидании суда патриарха Павел два года томился под стражей, однако свободно проповедует православие.

Содержание книги «Деяния апостольские» было предметом споров учёных и богословов. У них возникли вопросы по поводу цели книги, описания лиц не принадлежащих к апостолам, достоверности биографических данных Петра и Павла. Оппоненты высказывали разные соображения о сути сочинения: это история апостольской церкви, павловской церкви, первобытной, история миссий среди язычников. В группе богословов сложилось преобладающее мнение о том, что цель книги – изобразить внешнее и внутреннее развитие церкви от её начала среди иудеев до её распространения «в средоточии язычества, Риме» Наиболее реальная критическая оценка всех изложенных мнений была дана в «Трудах Киевской духовной академии» за 1866 год (т. 2, 3). «С точки зрения православного богословия, книга «Деяния апостольские» есть история церкви апостольской или история первоначального, при апостолах, распространения христианства, составляющая непосредственное продолжение истории евангелий, столь же канонически авторитетное и боговдохновенное, как сами евангелия».

В XVII – XVIII вв. кроме христианской учебной литературы для школ стали шире использовать богослужебные книги церковно-приходских библиотек. В основном это были жития святых, творения «отцов церкви» и различные сборники. В церковных библиотеках имелись следующие издания: «Пролог», «Мargarит», «Торжественник», «Книга Чудотворцев»; жития святых – Николая, Бори-

са и Глеба, Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких, Иоанна Златоуста и др.; жития святых отцов – «Измарагд», «Богословие Златоуста», «Жезл правления», «Скрижаль», «Небеса Дамаскина» и др. При выдаче книг детям служители церкви обязаны были контролировать сохранность изданий. Они наставляли юных читателей чтобы те «не драли и воском слов не закапывали, и по домам без спросу и без ведома не брали».

Христианскую литературу, издаваемую в Российском государстве, можно классифицировать по трём номинациям в зависимости от её направленности. К первой категории относились литургические, часто издаваемые, церковно-служебные книги. В XVII веке, например, Московский печатный двор 60 раз издавал Псалтири, более 40 раз – Часословы, произвёл 28 выпусков служебников, сделал по 20 изданий Евангелий и Апостолов. В 1663 году была выпущена первая московская Библия с гравированным на девере фронтисписом и государственным гербом, портретом Алексея Михайловича и точным планом Москвы. Ко второй номинации относилась христианская учебная литература. Только в течение семи лет (1645 – 1651) восемь раз издавался учебный Часослов, за шесть лет (1645-1650) было девять изданий учебной Псалтыри. К третьей категории относятся богослужебные фолианты для монастырей, отличавшиеся большим форматом и значительным весом, издаваемые единичными экземплярами с драгоценным оформлением. Например, в Соловецкой и Хутынской обителях имелись Евангелия в серебряных окладах, весящие свыше двух пудов. Книги данной номинации не использовались при богослужении, а только показывались прихожанам ради «благолепия».

Во второй половине XVIII века неоднократно подчёркивалась необходимость обучения катехизису с целью познания основ православной веры и толкования десяти заповедей «для вкоренения нравочения всеобщего». По уставу народных училищ 1786 года курс Закона Божия дополнили изучением священной истории; в 1819 году ввели избранные чтения из Св. Писания. В 1823 году были изданы катехизисы митрополита Филарета «Начатки христианского учения» (краткая священная история и краткий катехизис) и «Пространный христианский катехизис». До 80-ых гг. они являлись единственными учебниками по изложению истин веры в формате Закона Божия.

С 30-х гг. XIX столетия в обязательный курс ввели как особый предмет «христианское вероучение», методические руководства к которому составили протоирей Бажанов, Воскресенский, Кочетов, Малов и Мансветов. Оригинальную систему обучения Закону Божьему предлагал протоирей Наумов, не допускавший деления курса на особые отделы. Он рекомендовал вероучение, правоучение и основы богослужения излагать совместно. Свою идею Наумов изложил в брошюре «Мысли при взгляде на девять заповедей Закона Божия». Однако большинство законоучителей предпочитали излагать материал с традиционной последовательностью: молитвы, катехизис, основы богослужения, история вселенс-

кой и русской церковью. Объём каждого предмета согласовывался с общим учебным планом начальной и средней школы, с программами Министерства народного просвещения (МНП) и Св. Синода.

Законоучительство в российских школах признавалось делом церкви, которая в соответствии с 64 правилом VI Вселенского собора допускала к преподаванию Закона Божия лишь священнослужителей (священников и дьяков). По указу 1871 года такой деятельностью могли заниматься и лица, не имеющие духовного сана, но окончившие полный курс духовной семинарии. Кроме школьного обучения законоучители обязаны были руководить молитвой детей в школе, церкви и дома; управлять внеклассным чтением Священного Писания и других религиозных книг; следить за исполнением детьми христианского долга исповеди и причащения, за соблюдением церковных правил и благочестивых христианских обычаев. За преподаванием Закона Божия следили особые наблюдатели из среды духовенства православной церкви.

Развитие российского общества вносило свои коррективы во многие сферы жизни, в том числе и в религиозное обучение. Протоирей Г.Б. Павский, законоучитель будущего императора Александр II, предложил свой план и методику преподавания Закона Божия, изложенные им в записке В.А. Жуковскому. Автор выделил два основных момента в этом процессе. Первый – это учёт возрастных особенностей детей, когда постепенно развиваются умственные и нравственные силы учащихся. Детство, писал Павский, возраст чувства; сообразно с этим в ребёнке развивается религиозное чувство с помощью молитв. Они могут быть не только общецерковными, но и особыми, импровизируемые учеником под руководством учителя на каждый выдающийся случай личной и общественной жизни. Религиозное чувство формируется и при знакомстве с жизнеописаниями святых, с «указанием руки Божьей в природе и в общежитии», а также в ходе живого созерцания обрядов церкви. Второй момент религиозного обучения – изложение православных идей в формах рассудка, воображения и в правилах, то есть изучение догматов, обрядов и правил нравственности. Законоучительное новаторство Павского было с восторгом приветствовано Жуковским, но метод и дидактика, предложенные для обучения Закону Божию не были приняты из-за разлада автора с митрополитом Филаретом.

С 1860 года началась усиленная работа по составлению новых программ изучения Закона Божия. Лучшей из них была признана схема А. Кочетова. В учебные планы МНП 1872 года ввели чтение новозаветной истории по библейскому тексту и сообщение сведений по священной географии. Отмена монополии учителей по Закону Божию вызвала большое оживление в издании духовно-педагогической литературы. Появились руководства М. И. Богословского, Д.П. Соколова, А. Лаврова, П.А. Лебедева и др.; были изданы учебники Г. Титова «Уроки по православному катехизису», П.А. Смирнова «Изложение христианской православной веры», А. Лаврова «Записки по предмету Закона Божьего» и др. В

1880 году наконец-то были опубликованы записка и программы Павского, а также образцы составленных им молитв и очерков явлений природы. Они появились на свет, благодаря Н.И. Барсову, поместившему материалы в «Сборник Императорского Русского исторического общества и в «Русской старине».

В начале XX столетия вопрос о преподавании Закона Божьего снова стал волновать церковную власть и общество. Отмечались крупные недостатки в области преподавания религии. В августе 1909 года Св. Синод созвал всероссийский съезд законоучителей средних учебных заведений для обсуждения вопросов о лучшей постановке Закон Божьего. Решили во всех средних заведениях установить один общеобразовательный курс Закона Божьего, в состав которого должны входить священная история Ветхого и Нового Завета, учение о богослужении, пространный катехизис и история Церкви – вселенской и отечественной. В соответствии с новыми требованиями появились новые учебники по Закону Божьему. Лучшими считались книги И. Виноградова, Д. Соколова, Г. Смирнова, А. Темномерова.

Обязательная православная литература по курсу Закона Божия дополнялась другими книгами для чтения в школе и дома. Наиболее популярной являлось «Училище Благочестия, или Примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых», выдержавшая к 1890 году 13 изданий. Книга побуждала и воспитывала в детях религиозно-нравственное чувство умело подобранными примерами в доказательство тех или других христианских добродетелей. Издание отличалось ясностью и чистотой речи вполне доступной для учащихся. В книге почти 500 страниц текста и иллюстраций. Структура «Училища Благочестия» включала шесть частей состоящих из 415 небольших рассказов.

Наряду с чисто библейскими примерами в поучительных новеллах отражались наиболее существенные стороны человеческого характера и бытия: трудолюбие и терпение, обоюдное милосердие и благотворительность, скромность и самохвалство, презрение богатства и наказание сребролюбца, молитва и сила родительской молитвы, повиновение властям и пренебрежение к начальству, выбор чиновников и его значение, супружеская верность и примерность жены. В ряде рассказов повествовалось о негативных качествах человека: лукавстве и дерзости, духовном и бессовестном коварстве, жестокости и хищничестве. Для более эффективного восприятия материала детьми некоторые рассказы дополнялись рисунками Ф.Г. Солнцева, известного российского академика.

В 1896 году издание книготорговца И.Л. Тузова выпустило «Детскую Библию», составленную протоиреем А. Соколовым. На информационной странице указывалось, что это Священная история в простых рассказах для чтения в школе и дома. В книге два больших раздела, повествующих о ранней и новой истории человечества. Священная история Ветхого Завета содержала 125 рассказов, охватывающих период от сотворения мира и человека до новелл о иудейском священнике Матофее и царе Ироде. Священная история Нового Завета отражалась

в 108 рассказах, от рождения и крещении Иисуса Христа до Успения Божьей Матери.

В 1899 году издание товарищества М. О. Вольфа опубликовало «Библию для детей» в рассказах священника П. Н. Воздвиженского с 8-ю цветными иллюстрациями и 66-ю рисунками. Книга начиналась поучительным четверостишием:

*«Бойтесь, дети, лени  
Как дурной привычки  
И читайте в сутки  
Вы хоть по страничке».*

Издание, адресованное детям, автор назвал «Моя первая Священная книга». Она была большого формата, красочного оформления, включающая 31 рассказ. Полиграфическое произведение, так же как и предыдущее творение 1896 года содержало два раздела. В первом – Ветхом Завете, излагался материал от сотворения мира до плана иудеев и пророка Даниила; второй раздел, включавший в себя историю Нового Завета, содержал рассказы от Благовещения Пресвятой Девы Марии и рождения Христа, до его Воскресения и Вознесения.

Церковные реформы 60-70-х гг. XIX в. Обусловили активность в образовательной и просветительской деятельности священнослужителей. В связи с этим резко повысилась роль церковных библиотек, выписывающих ежегодно журналы «Дружеские речи», «Сельский вестник», «Троицкое слово» и др. Одной из форм работы священников среди населения стали «уличные библиотеки». Так называли назидательные листки в специальных рамках, вывешиваемые в самых многолюдных местах города (рынки, церкви, скверы, паромные пристани). Особенно привлекали прихожан тексты на темы: «Против пьянства», «О вреде табакокурения», «О мире и согласии в семейной жизни», «О страдании Иисуса Христа», «Молитвы и слёзы матери». В начале XX столетия значительную помощь в комплектовании фонда библиотек оказывали книжные склады общества распространения религиозно-нравственного просвещения. По заявкам с мест высылались списки новых книг, предоставлялись льготные кредиты, делалась упаковка изданий; организовывалась подписка на журналы «Кормчий», «Русский паломник», «Отдых христианина с трезвой жизнью», «Воскресный день», на местные газеты. Экономическое развитие Российской империи требовало нового подхода к качественному подбору книг. Наряду с житиями святых библиотеки стали приобретать литературу исторического содержания, по медицине, садоводству и огородничеству.

В методике изучения православия особое значение придавалось иллюстрированному изображению фрагментов библейских сюжетов. В 1861 году издательство товарищества «Общественная польза» выпустило красочную большеформатную книгу «54 картины из Священной истории Ветхого Завета», составленную Сапожниковым, бывшим профессором императорской академии художеств. Пояснения к картинам были написаны В. А. Золотовым, известным дея-

телем по распространению грамотности. Он являлся автором таблиц для взаимного обучения чтению и письму, русской азбуки с наставлениями, арифметики для начальных сельских училищ. Деятель издал «Историю России в картинках», выдержавшую шесть изданий. В «54 картинках» Сапожников изобразил, а Золотов описал сотворение мира, человека и женщины, потоп и наказание египтян, взятие Иерихона и смерть Самсона, суд Соломона и добродетельного Товита, много других занимательных рисунков по библейским событиям.

Содержание православной учебной литературы постоянно совершенствовалось в зависимости от политических событий и тактики Св. Синода. Они определяли пути и средства, формы и способы преподавания христианства, духовно-нравственного воспитания. Традиционные сухие догматы Священного Писания постепенно становились понятными ученикам всех возрастов. Курс Закона Божия был значительно усовершенствован в начале XX столетия, появились альтернативные учебники и руководства.

## 2.6. Адепты православия в образовании

**П**оборником изучения основ христианства в учебных заведениях империи выступали разные люди: монахи и священники, преподаватели и учёные, государственные деятели. Большое просветительское влияние на уровень образования в Московском государстве оказал **Максим Грек** (1470 – 1556), учёный, греческий монах, приглашённый в Москву для перевода и исправления богослужебных книг. Он обучался в Италии, Франции, слушал во Флориде проповеди итальянского доминиканского священника Д. Саваноролы, отличавшегося глубокой религиозностью и склонностью к философствованию. Его наставления оказали большое влияние на формирование мировоззрения М. Грека как будущего учёного. Греческий монах принимал участие в издательской деятельности в Болонье, работал писцом и переводчиком в Венеции, служил «по книжным делам» в Милане. В Греции М. Грек постригся в православном Ватопедском монастыре на Афоне.

В 1518 году учёный монах был приглашён великим князем Василием III в Москву для перевода на русский язык богослужебных книг и, в частности, толкований на Псалтырь. После перевода М. Грек остался в столице для работы по исправлению богослужебных книг, создал княжескую библиотеку. В Московском государстве, в тот период, шла острая борьба нестяжателей, осуждавших обогащение монастырей и так называемых иосифлян, ратовавших за увеличение монастырских богатств. Будучи сторонником аскетизма М. Грек полностью встал на сторону нестяжателей. На специально созванных двух церковных соборах он был осуждён якобы за преднамеренную порчу книг и действий, враждебных государству, а фактически за активную и убедительную поддержку им взглядов нестяжателей. Противника иосифлян заточили в Иосифо-Волоколамский монастырь, а затем перевели в Отрочьскую обитель, в которых он провёл двадцать

цать лет. Последние годы жизни М. Грек провёл в Троицко-Сергиевском монастыре. В этот период он написал ряд посланий Ивану IV с осуждением боярской анархии, с необходимостью ликвидации казанского царства – постоянного источника беспокойства. Идеал учёного монаха – сильная государственная власть, опирающаяся на согласие подданных и заботящаяся о бедных.

Как философа М. Грека особенно занимал вопрос о месте и значении в жизни религии и философии. Ядром последней он считал этику, воспитание кротости, мудрости, гражданственности. Для трудов М. Грека характерно просветительство. Он популяризировал сочинения античных писателей, сообщал о великих географических открытиях. Первым в Московском государстве сообщил об открытии Америки.

В течение сорока лет пребывания М. Грека в будущей России он своими многочисленными сочинениями нравоучительного характера, а это было 365 текстов, способствовал развитию интереса народа к православию. Святитель Макарий часть поучений учёного монаха внёс в Великие Четьи-Минеи. Они представляли собой собрание книг Священного Писания с толкованием прологов, патериков, переводных и оригинальных русских житий, сочинения «отцов церкви» и русских церковных писателей, посланий митрополитов и др. Греческий учёный признавал божественное происхождение царской власти, считая, что царь обязан действовать в согласии с духовенством и боярами. Религиозный публицист, автор и переводчик Максим Грек канонизирован Русской церковью в лике преподобных.

В 1867 году в Москве была учреждена Славяно-греко-латинская академия. Её первыми организаторами являлись греческие монахи **Иоанникий** (1633 – 1717) и **Софроний** (1652 – 1730) **Лихуды**, воспитанники Падуанского университета. Братья принадлежали к потомкам византийского княжеского рода царской крови. В Греции они в течение нескольких лет работали учителями и проповедниками.

При планировании открытия в Москве высшей школы царь Фёдор и патриарх Иоаким попросили восточных патриархов прислать православных искусных учителей. Иерусалимский патриарх предложил Лихудам, в то время проживавшим в Константинополе, отправляться в Москву с его рекомендательными грамотами и деньгами на дорогу. По прибытии в столицу московского государства братья открыли школу, где обучалось пять учеников типографского училища. Тем временем в Заиконоспасском монастыре было выстроено здание для академии. Первыми учениками нового учебного заведения стали все обучавшиеся в типографском училище и сорок детей из семей бояр, священников, дьяконов, монахов. При открытии академии общее количество учащихся составило 99 человек, из которых 23 зачислили в подготовительное отделение.

В академии преподавание сначала велось на греческом языке, а затем Лихуды ввели латинский язык. В учебном заведении было восемь классов: фара, в котором учили читать и писать на греческом и латинском языках; инфима, где

начинали изучение грамматики; классы грамматики, синтаксиса, пиитики, риторики, философии и богословия. Восьми классам предшествовал подготовительный, где обучали азбуке, письму, чтению часослова и псалтыри. В начале XVIII в. большое значение при обучении стали придавать еженедельным диспутам и дважды в год публичным спорам, заменявших экзамены зимой и перед летними каникулами. Практиковались религиозные представления.

Положение Лихудов в России отличалось предвзятостью отношений к их деятельности. Так, «представитель латинского учения» монах Сильвестр (Медведев в миру) видел в братьях соперников по ученому положению. Он провозгласил Лихудов еретиками и издал против них «Макну», обличительное сочинение. Братья написали в ответ «Акос или врачевание от угрызений змиевых». Сильвестр издал второе сочинение против учёных монахов – «Тетрадь Лихудов». Последние ответили книгой «Диалоги грека учителя к некоему Иисуситу». Двумя сочинениями Лихудов спорный вопрос был решён в пользу православного греческого мнения.

Патриарх Досифей II, основываясь на конфликтах и доносах корыстного характера, устранил братьев от преподавания в академии и направил их для проведения занятий в московской типографии. В 1697 году особым указом Петра I Лихудам поручили обучать несколько избранных человек итальянскому языку. Однако братьев продолжали обвинять то в ересях, то в каких-то политических интригах в Царьграде. В результате их сослали в Ипатьевский монастырь. В 1706 году новгородский митрополит Иов поручил Лихудам открыть в Новгороде Славяно-греко-латинскую школу по образцу московской. Из Новгорода их снова вызвали в Москву для занятий в академии и для участия в исправлении Библии. После смерти Иоанникия, около 1720 г., Софрония назначили настоятелем Солотчинского монастыря в Рязанской епархии. Монахи не любили настоятеля – грека, получившего эту должность не по их выбору, а по назначению начальства. Они отказывались подчиняться его распоряжениям, несколько раз держали Софрония под арестом в его келье, покушались даже на жизнь настоятеля. Он бежал в Москву, но там его жалобы не имели успеха вследствие подкупа судей монастырскими стряпчими, ненавидевшими Софрония за то, что он препятствовал расхищению ими монастырского имущества.

Православные учёные-монахи составили учебники по грамматике, риторике, физике, психологии и богословии. Они творчески относились к занятиям, вносили в них свои идеи и новшества, умело интегрировали материал светского и духовного содержания. В частности, в риторике классифицировали красноречие на божественное, героическое и человеческое. Братья Лихуды исправляли славянский перевод Библии; писали полемические сочинения против протестантизма и раскола церкви; были авторами актуальных работ «Акос» и «Мечец духовный», в которых отстаивали интересы грекофильских кругов, боровшихся со сторонниками латино-польской образованности. Литературное наследие

Иоанникия и Софрония включает хвалебные и проповедческие сочинения: «Похвальное слово царю Иоанну», «Похвальное слово царю Петру I по взятии Азова», «Речь патриарху», «Слово о Софии премудрости Божией», «Житие Варлаама» и др. Они авторы проповедей, посвящённых победам России в Северной войне.

Некоторые исследователи творчества Лихудов называли их родоначальниками высшего образования в Великороссии. Ученики Иоанникия и Софрония стали первыми русскими учёными, среди которых Барсов, Головин, Поликарпов, Постников, Роговский и др. Кое-кто из них стали профессорами академии и её начальниками, отчасти трудившимися над адаптацией Библии и издания ряда учебных пособий. Воспитанием детей в духе христианского вероучения занимался **Н.И. Ильминский** (1822–1891), экстраординарный профессор Казанского университета, преподаватель духовной академии, основатель и директор Казанской инородческой учительской семинарии. Свою жизнь он посвятил православной миссионерской деятельности.

Просветитель был создателем особой системы русификации национальностей востока России. Вместо полицейской нагайки и грубого административного наскока, как отметил Е. Н. Медынский, Ильминский подошёл к обрусению национальных меньшинств с «ласковым» словом, с елейной проповедью православия. Свою деятельность он начал с изучения татарского языка, который решил постичь, проживая среди иноверцев. В татарской слободке Ильминского встретили настороженно, и поэтому он поселился в русской семье этого же поселения, выбрав место жительства вблизи медресе. Затем, пользуясь знанием татарского и особенно почитаемого учениками медресе арабского языка, русский просветитель терпеливо завоёвывал доверие этих учеников.

С 1847 года Ильминский много работал над переводами миссионерской литературы. По поручению казанского архиепископа он вёл секретные расследования отступничества крещёных татар, прикрываясь путешествием якобы для изучения языка аборигенов. Вояжировал Ильминский пешком, подсаживаясь иногда на телеги к татарам-попутчикам; умел находить доступ в татарские семьи, несмотря на подозрительное отношение к нему коренного населения. Православный путник начинал разговор об урожае и каких-либо хозяйственных делах, выведывая постепенно у доверчивых собеседников необходимые ему сведения. Иногда, однако, дело доходило до угроз татар расправиться с Ильминским, и ему приходилось спасаться при содействии полиции.

В 1850 году Ильминский, по поручению Казанской духовной академии разработал проект будущей системы работы с инородцами, в которой признал желательным использовать с миссионерскими целями школу и учителя. Задачи образовательного заведения просветитель сформулировал как русский христианин: «Школа должна воспитывать нравственных и религиозных людей на началах и в формах православной церкви и русской народности».

Деятельность Ильминского была направлена на прочное сближение инородцев с русским населением путём просвещения, под которым в первую очередь понимались христианско-православные идеи. Просветитель стремился приобщить иноязычные народы к русской культуре, а через неё и к общечеловеческой. Ильминский разработал особую систему просвещения инородцев на основе живого разговорного языка. Родное наречие он считал основанием и перво-степенным орудием школьного образования, а главную роль отводил начальной школе.

Своё отношение к православию в образовании высказал **К. Д. Ушинский** (1824 – 1870), великий русский педагог-классик, один из основоположников педагогической науки и народной школы в России. Его раннее детство прошло под религиозным влиянием семьи, строго выполнявшей церковные обряды и праздники.

В 1860 году в «Журнале Министерства народного образования» (№11, 12) была напечатана статья Ушинского «О нравственном элементе в русском воспитании». В ней автор размышлял о народности, языке и роли религии в решении важного общественного вопроса каким является воспитание. Главными участниками реализации проблемы, с одной стороны есть церковь, с другой – представители духовного и светского образования. Духовный пастырь по коренному смыслу христианской религии, как отметил Ушинский, должен быть не только служителем алтаря, не только проповедником слова Божия, но наставником и учителем. На его обязанности лежат принятие в «недра церкви» нового христианина посредством таинства крещения, введение его в смысл христианских истин и в нравственный храм христианства. Православный пастырь призван умственно и нравственно возвышать людей, открывать источник того благотворного влияния, которое христианская религия оказала на умственное и нравственное развитие человеческих обществ. Российские духовные пастыри, по мысли педагога-классика, должны «приготавливать в нас не только членов церкви, но и деятельных граждан христианского государства». Педагогическая работа служителей культа не только не противоречит характеру священнослужительской деятельности, но является самым необходимым дополнением. Такой труд пастырей требует серьёзной общеобразовательной и педагогической подготовки. Духовные лица, вооружённые светскими знаниями, как полагал Ушинский, могли бы стоять не только во главе народных училищ, но и быть начальниками и главными распорядителями высших школ. Дело не в том, кто должен заведовать народной школой, а в том, чтобы заведующий был «истинным христианским воспитателем, истинным педагогом по призванию, по цели, по занятиям и искусству». Духовные лица, посвящающие себя воспитательной деятельности, должны быть хорошими педагогами, а светские учителя, занимающиеся воспитанием простого народа, это и хорошие наставники, и истинные христиане по своим стремлениям и убеждениям. Воспитателем в народной школе, по мысли Ушинского,

может быть только человек знакомый с христианской религией, который в состоянии сообщить одиннадцатилетним христианским детям религиозные понятия доступные их возрасту.

Одним из принципов образования педагог-классик считал народность, включающую родной язык и православие. Родной язык не только лучший выразитель всех духовных свойств, но является и лучшим духовным народным наставником, учившим народ ещё тогда, когда не было, ни книг, ни школ. Родной язык, по мнению Ушинского, является реальным содержанием народности, а она тесно связана с религиозно-нравственными устоями, исторически сложившимися в русском народе. Задачей воспитания является внедрение истин христианства, идущее вместе с народностью. Нельзя отделять «непереходимой гранью» преподавание Закона Божия от преподавания других предметов. В противном случае учебные дисциплины останутся, но воспитание исчезнет. Современная педагогика, как отметил Ушинский, выросла исключительно на христианской почве «и для нас нехристианская педагогика есть вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди». Основоположник народной школы был сторонником сближения светского образования с религиозным. Одним из путей он считал открытие для светских лиц возможностей полного богословского образования в семинариях или университетах. Только тогда можно ожидать «плодовитого сближения» между образованием и церковью.

*«Мы требуем, чтобы учитель русского языка, учитель истории и т. д. не только вбивали в голову учениками факты своих наук, но развивали их умственно и нравственно. Но на чем, же может опираться нравственное развитие, если не на христианстве?» [20].*

Российское образование, по Ушинскому, возможно, построить только на прочной основе народной религии как неисчерпаемом и величайшем сокровище, источнике нравственного и умственного развития. Народность и религия являются «родимой грудью», соединяющей россиян с давно отжившими и грядущими поколениями.

Православие органично вошло в учебную книгу «Родное слово» и в руководство для учителей с одноимённым названием. Ушинский знакомил детей с христианскими именами, рождественским сочельником, колядками, крещенскими обрядами, масленицей. В рассказе «Ожидание весны» автор писал: «Масленица – семикова племянница. – Звал, показывал честный семик широкую масленицу к себе погулять: на горах покататься, в блинах повалиться. – Не всё коту масленица; придёт и великий пост [21].

В «Родном слове» основоположник народной школы рассказал о радонице и её восприятии детьми. В доступной форме Ушинский повествовал детям о паш-

не и посева зерновых. Рассказ он закончил словами «Господи, пошли нам впору дождь и ведро!» Отче, возрасти в нас семена благие!» Из учебной книги дети узнавали, что троицын день – это, по выражению учёного зелёный праздник, когда в церковь несут букеты сирени и зелёные ветки.

«Завтра духов день, а сегодня гремел первый гром».

В «Родном слове» (книге для учащихся) Ушинский рассмотрел вопросы содержания образования и место в нём христианского вероучения. Православная церковь, по его замечанию, допускает к исповеди 7-летних детей и признаёт этот возраст окончанием младенчества и началом отрочества. Тем самым христианство намекает на начало развития в детях самосознания, а значит и начало «правильного ученья».

Первоначальное обучение, по мысли учёного, должно «открываться» несколькими предметами, среди которых определённое место занимают библейские рассказы. Если в течении трёх лет ребёнок регулярно занимался каждый день по 2 – 3 часа, то он может связно и толково говорить, плавно читать, бойко считать, умно рассказывать 20 или 30 событий из Ветхого и Нового Завета. Особое внимание Ушинский уделял методике библейских рассказов. Он отметил, что излагать их следует не педантичным и не книжным тоном, а вполне серьёзным и задушевым. «Шутки и прибаутки уместны при всяких других рассказах, вовсе не, кстати, при рассказах библейских». Однако серьёзность изложения не должна делать его скучным и вялым. Хорошие рассказчики, по словам учёного, события библейской истории передают так, как будто они были очевидцами увиденного или услышанного только вчера. Интерес учителя к происшедшему, в котором он сам якобы принимал участие, возбуждает интерес в детях и вера, выражающаяся в словах наставника, побуждает веру в детском сердце. Первые рассказы из Библии, как заметил Ушинский, никак не должны иметь претензии на передачу детям всего хода событий священной истории, так как даже 10-летние ученики вовсе не способны к обзору такого обширного поля. Дети едва в состоянии обозреть какое-нибудь одно не очень сложное и не очень длинное событие и «свести его начало с концом». Поэтому в библейских рассказах следует сообщать отдельные события из Ветхого и Нового Завета.

В статье «О классных рассказах вообще и о библейских в особенности» сторонник православия осветил опыт лучших зарубежных школ в приобщении детей к христианству. Там в первый год учения детям от 6 до 8 лет сообщается не более десятка рассказов; во второй год все они повторяются, но с новыми дополнениями и объяснениями, и к ним прибавляется ещё от 10 до 15 рассказов. На третьем году обучения все они, пройденные ранее, снова повторяются, дополняются, объясняются.

Рассказы детям отдельных событий библейской истории, - это, по словам Ушинского, прочный материал для «будущей постройки». Беспрестанное повторение библейских рассказов будет способствовать предупреждению забвения

ния. Только после того как в памяти детей запечатлеются библейские рассказы, связанные одной общей нитью, следует начинать полное изложение

Педагог-классик также уделял внимание обучению детей пению. Он предупреждал, что в этом деле могут возникнуть трудности, если учитель сам не умеет петь. В такой ситуации Ушинский советовал педагогам приучать детей произносить всем классом какие-нибудь молитвы, стихотворения, пословицы. Это может заменить отчасти пение как средство, «освежающее утомлённый и расстроившийся класс» [21, с. 262]. И вообще всё обучение и вся школьная жизнь, по Ушинскому, должны быть проникнуты разумным, религиозным и нравственным элементом.

Деятельность основоположника народной школы в России во все периоды его бытия была тесно связана с религией. Однако последние годы жизни он, эволюционируя в сторону либерализма, изменил свой прежний взгляд на руководящую роль духовенства в школе. В статье «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» (1870) автор уже признает нежелательным, чтобы священники возглавляли народную школу; считает, что «идея церковной школы не пустила у нас корней ни в народе, ни в духовенстве». Попытки последнее время заводить училища при церквях признавались педагогом-классиком уже чем-то «напускным». Сами крестьяне, как он отметил, высказываются довольно решительно против назначения священников наставниками народной школы, так как они отвлекаются на церковные дела, да и сами селяне хотят быть хозяевами этих училищ, поскольку они их содержат. Крестьяне не могут сменить священника, если он оказывается плохим школьным учителем, «так как сами же крестьяне отрывают его от школы для своих треб». В начале своей деятельности главную задачу Ушинский видел в подготовке «истинного христианина», в конце – в подготовке полезных для общества граждан. С течением времени у него всё больше начинают преобладать общественные и гражданские мотивы, вытесняя на второй план христианские, церковные, надземные. В статье «Религия как историческая форма функционирования психики» Ушинский отметил, что настоящая прогрессивная школа не проповедница религии и менее всего противоречит частным принципам православной религии. Христианство имеет историческое основание и обращается, прежде всего, к чувству человека. Прислушиваясь к голосу божьему, он открывает для себя источник нравственности или высшей практической мудрости. Иные воспитатели, по наблюдениям великого русского педагога, злоупотребляют этим глубоким библейским изречением, угрожая «заставить страху детям». Зрелые тем самым прикрывают своё неумение сдерживать гнев, неумение, которое должно вычеркнуть их из списка воспитателей. Они внушают детям не страх божий, а «страх учительский, из которого родятся ложь, притворство, хитрость, трусость, рабство, слабость, ничтожество души, - а не премудрость».

Наряду с народностью и религией педагог-классик рассматривал науку, на-

зывая её третьей основой воспитания. В формуле «религия, народность и наука» ярко сказываются с одной стороны противоречия Ушинского, а с другой – сдвиг вперёд в понимании задач воспитания, навеянных развитием капитализма в России и стремительным прогрессированием естественных наук в Европе. Основоположника народной школы в России нельзя назвать ярким адептом православия в образовании, т. к. его взгляды трансформировались в направлении материалистического понимания истории общества.

Махровым адептом церковноприходского образования был **К.П. Победоносцев** (1827 – 1907), российский государственный деятель, учёный правовед, писатель, переводчик, историк Церкви. Он служил чиновником в департаментах Сената, являлся профессором кафедры гражданского права в Московском университете, преподавал законоведение великим князьям. Его слушателями были будущие императоры Александр III и Николай II. В 1880 – 1905 гг. Победоносцев находился в должности обер-прокурора Святейшего Синода. Помимо ведомства православного исповедания он играл ведущую роль в определении правительственной политики в области народного просвещения, в национальном вопросе, а также внешней политике. Обер-прокурор, являлся ближайшим советником Александра III, стал автором Высочайшего манифеста от 29 апреля 1881 года, провозгласившего незыблемость самодержавия.

Свои социально-политические взгляды Победоносцев раскрыл в книге «Московский сборник» (1896), где наиболее полно изложил собственное мировоззрение. Автор резко критиковал основные устои культуры и принципы государственного устройства стран Западной Европы; осуждал демократию и парламентаризм, называя их «великой ложью нашего времени». Всеобщие выборы, по мнению Победоносцева, порождают продажных политиканов и понижают нравственный и умственный уровень управленческих слоёв. Государство тем сильнее и значимее, чем явственнее в нём обозначается «представительство духовное». Только этим условием в народной среде и в гражданской жизни подерживается и укрепляется чувство законности, уважения к закону и доверие к государственной власти. Религия, и именно христианство, как считал историк Церкви, есть духовная основа всякого права в государственном и гражданском быту и «всякой истинной культуры». Церковная политика Победоносцева отличалась двойственностью. С одной стороны он ценил сельское духовенство «немудреных пастырей наивного стада», с другой – не любил действительных вождей. Обер-прокурор боялся их дерзновения и свободы, боялся и не признавал пророческого духа. Он не хотел общественной и культурной влиятельности иерархии и клира, властно следил за выбором епископов.

Обер-прокурор Синода Победоносцев пытался противостоять распространению либеральных идей, стремился восстановить религиозное начало в народном образовании, пытался всецело заменить народную школу церковноприходской. Он выступил в печати с несколькими работами по вопросам воспитания.

Так, в брошюре «Ученье и учитель» (1900) Победоносцев писал о призвании и долге учителя, о природе ребёнка и необходимости считаться с ней при воспитании. Однако наряду с этим он в «Московском сборнике» высказывался против всеобщего, бесплатного, и тем более обязательного обучения. В программе начальной школы, по мысли Победоносцева, должны быть только Закон Божий, чтение, письмо, счёт и церковное пение. Никакой «энциклопедии знаний под диким названием родиноведение» не должно быть в начальной школе. Задачи народной школы, как утверждал российский деятель, определяются исходя из народных воззрений. Он отмечал: «Школа учит читать, писать и считать, но в неразделённой связи с этим учит знать Бога и любить его, и бояться, любить отечество, почитать родителей». Для более повышенного образования Победоносцев издал учебник «История Православной Церкви до разделения церквей». В предисловии автор писал: «Грустно и обидно, если при мысли об «Истории Церкви» возникает представление о заучивании известных фактов, расположенных известном порядке. История Церкви должна запечатлеться не в одной памяти, но в сердце каждого, как таинственная история страдания, ради великой бесконечной любви».

Значительный вклад в осмысление содержания образования сделал русский педагог и психолог **Каптерев Пётр Фёдорович** (1849 – 1922), автор трудов по детской психологии, педагогике и истории педагогики. Он развивал некоторые прогрессивные идеи Ушинского и Коменского, дал психологическое обоснование важных проблем дидактики; был видным деятелем ряда либеральных педагогических объединений, активным участником съездов по вопросам педагогики, семейного воспитания и народного образования. Каптерев выступал с литературно-педагогическими работами в журналах «Педагогический сборник», «Женское образование», «Народная школа». Одной из его любимых идей была мысль об автономии общества, противопоставляемому государству в деле воспитания и образования.

Российский учёный обозначил три периода в развитии русской педагогики: церковный, государственный и общественный. Первый, по мысли Каптерева, обнимает время до царствования Петра Алексеевича и характеризуется преобладающим положением церкви и её мировоззрения в жизни русского народа и в его образовании. Обучение заключалось в изучении церковно-богослужебных книг и Священного Писания. Учителями были духовные и светские лица. Для служителей церкви обучение являлось дополнительным заработком, а для мирян – подготовкой к занятию духовных должностей.

*«Учились для спасения души, чтобы лучше  
Уразуметь церковные службы, понимать слово божье  
И через это сделаться чище, совершеннее и  
Тем приблизиться к Богу» [22].*

В первый период, как отметил историк педагогики, церковное образование

являлось единственным типом для всех, и для бедных, и для богатых, для знатных и простых, для мальчиков и девочек. «Можно было кое-что прибавить к этому типу образования, но миновать его было невозможно». Мастера грамоты пытались дополнять скучное обучение внешкольным чтением, но и оно характеризовалось таким же «благочинным и душеспасительным содержанием».

Во втором периоде, по Каптереву, кроме государства продолжает работать церковь, духовенство, проявляет инициативу и сам народ. Селяне заводят у себя по деревням «излюбленные» школы старого типа, для изучения псалтыри, канонов и церковно-служебных книг. Учителями приглашали работать начётников и начётниц. Так называли людей много читавших, но имеющих поверхностные знания, механически и некритически усваивавших прочитанное. Во втором периоде начинается борьба между «государственной и общественной педагогией».

В общественном этапе развития, по словам Каптерева, снова «пышно расцветает» религиозная педагогика в церковно-приходской школе. Её апологетом являлся С. А. Рачинский, русский деятель народного образования. Он утверждал, что церковно-приходские школы и классические гимназии, наиболее приемлемые для России учебные заведения.

Как историк педагогики Каптерев сделал вывод об отсутствии резких границ между этапами развития образования. Церковный, государственный и общественный периоды русской педагогики не представляют исключительно начал церковного, государственного и общественного. Они исчезают вслед за окончанием каждого из этих периодов. Всё дело заключается только в преобладании одного из этих начал над другими в «командующем положении, идейном и физическом».

Бурная эпоха 1904–1905 гг. отразилась и на педагогических взглядах Каптерева. Одной из важнейших задач он стал считать воспитание доброго общественника. «Общественность есть второй воздух, которым мы дышим». Идею автономности учёный стал пропагандировать в применении к педагогическому процессу. Каптерев объявил себя сторонником невмешательства государства и церкви в педагогический процесс. Школа, по его мнению, не должна насаждать ни патриотизма, ни церковности. При этом «церковь и государство имеют право требовать, чтобы педагогический процесс и воплощающие его учреждения не служили орудием для врагов государственных и церковных начал»[23].

Социально-педагогические воззрения Каптерева в значительной степени были обусловлены нестабильным духовно-политическим состоянием Российской империи.

### **Вопросы и задания**

1. Каковы причины зарождения христианства и его значение для развития Руси?
2. Раскройте основные этапы жизненного пути создателей славянской письменности.

3. Где и как открывались первые школы на Руси?
4. Укажите содержание педагогических поучений в христианских сочинениях.
5. Сделайте описание первых азбук и букварей.
6. Каково назначение и содержание часословов и псалтирей?
7. Осветите совершенствование учебного курса «Закон Божий».
8. Укажите православную литературу для внеклассного чтения.
9. Кого называли адептами православия в образовании?
10. Почему К.Д. Ушинский был сторонником православия в обучении?

#### **Литература для самостоятельной работы**

1. Бернштейн С.Б. Константин-филосов и Мефодий.- М., 1984.
2. Ботвинник М. Откуда есть пошёл букварь. – Минск, 1983.
3. Бычков В. 2000 лет христианской культуры. – М., 1999.
4. Воробьёва М.Н. Православное просвещение на Руси //Педагогика. – 1996. - №2.
5. Грундман В. Иисус из Назарета. – Рост. – н-Дону, 1998.
6. Евангелие. – М., 1991.
7. Закон Божий: основы православной веры в изложении для детей/Сост. С. Колмзина.- М., 2004.
8. Иисус Христос и его ученики/ Сост. В.Л. Шленов.-М., 1996.
9. Кучер О.Н. Христианство. История и современность. – Рост.-н-Дону; 2004.
10. Михашенко А.Л. Основоположники. Ко Дню славянской письменности и культуры//Гуманитарные науки: исследования и внедрения. Сб. науч. тр.№1(20).-Курган, 2010.
11. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа/Ред. Ф.З. Канунова. - СПб., 2008.
12. Селищев Н.Ю. Православная церковь. Взгляд русского историка. - М., 2001.
13. Янг, Джон. Христианство. - М., 2001.

## **Глава третья. РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В XVI – XVIII ВЕКАХ**

### **3.1. Образовательные проекты и педагогическая мысль**

**В** 1551 году в Москве по инициативе правительства состоялся Стоглавый церковный собор с участием царя Ивана IV и представителей Боярской думы. Заседания проходили в царских палатах под председательством митрополита Макария, «пастыря умного и просвещенного». Работу собора открыл Иван Грозный, отметивший в своей речи небрежное учение как причину малограмотности священников. В 25-й главе постановлений церковного собора «О дьяцех, хотящих во дьяконы и в попы ставиться» отмечено, что раньше в «Российском царствии» в Москве, Великом Новгороде, и в других городах было много училищ, где учили читать, писать и петь. Теперь же грамотных очень мало. Претенденты в дьяконы и попы неграмотны. Назначение их священнослужителями будет противоречить церковным правилам, но при их отсутствии «церкви без пения будут», а православные станут умирать без покаяния. Попами следует назначать грамотных людей, достигших 30-летнего возраста, дьяконами – 25-летнего возраста, могущих содержать церковь и управлять православными христианами в соответствии со священными правилами.

В 26-й главе Стоглава «О училищах книжных по всем градам» указывалось на решение собрания, принятое по совету царя. Оно предусматривало избрать высшему духовенству в Москве и в других городах, «женатых и благочестивых» священников и дьяков. В их домах открывать училища, где бы они же стали учителями. Предполагалось обучать детей всех желающих православных христиан чтению, письму, церковному пению псалтырному и налоюному, страху божию. Образовательный проект Стоглавного собора не предусматривал ассигнование школ домашнего обучения, не упоминал об изучении грамматики и арифметики, об ознакомлении с Библией.

Постановления Стоглавого собора являются одним из первых государственных документов, в котором поставлены вопросы обучения духовенства и мирян, осознается необходимость создания во всех городах Русского государства училищ, определено содержание обучения. Главное внимание Стоглав сосредоточил на религиозной подготовке учащихся для нужд церкви, воспитании их в духе православия. В постановлении собора под страхом наказания запрещали чтение еретических книг. Отмечен упадок просвещения по сравнению с предыдущими годами. Постановление Стоглавого собора оказало определенное влияние на теорию и практику обучения и воспитания во второй половине XVI и XVII веков, хотя и не разрешило острых проблем подготовки грамотных людей.

Сохранившиеся свидетельства иностранцев, посещающих Московскую Русь, говорят о школах в очень сдержанных выражениях. Так, Кобенцель, бывший в

России в 1576 году, отмечал: «Во всей Московии нет школ и других способов к изучению наук, кроме того, чему можно научиться в монастырях: поэтому из ста людей найдется один, умеющий читать или писать». Другой иностранец, Маржерет, высказался в том же духе: «Русский народ не знал ни школ, ни университетов. Они священники наставляют юношество чтению и письму, чем не многие, впрочем, занимаются». Иезуит Антоний Поссевин, бывший в России в 1580-1582 годах, писал: «Нет здесь ни коллегий, ни академий, а есть только кое-какие школы, в которых учатся дети читать и писать» [24].

Интерес к вопросам образования в Московском государстве стал проявляться с середины XVII века. Открывались школы, пробуждалась педагогическая мысль. В 1666 году в московской Спасской школе работал Симеон Полоцкий, преподававший грамматику, пиитику и риторику. В 1667 году он был приглашен воспитывать царевича Алексея Алексеевича и Федора Алексеевича, а с 1679 года наблюдал за учителем Николаем Зотовым, обучавшим Петра I. Для своих учеников Полоцкий написал несколько сочинений: «Вертоград Многоцветный» (сборник стихотворений как книга для чтения), «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего», «Книга кратких вопросов и ответов катехизисных». В «Ветрограде» и других работах его поэзия носила дидактический характер. В своих стихах Полоцкий дал сведения из всемирной истории, географии, зоологии, минералогии, разъяснил некоторые термины. Большинство стихотворений просветителя – это панегирик науке и обличие невежества и суеверий. Деятель русского просвещения С. Полоцкий предложил особое внимание уделять обучению ребенка в раннем возрасте (с 7 лет), когда он представляет собой «скрижаль неписанную». Обучение в этом возрасте должно быть образным и наглядным. С 14-летнего возраста от письма и чтения надо переходить к изучению свободных наук, а еще через 7 лет – к изучению гражданских законов. Главная задача воспитания, по мнению Полоцкого, лежит на родителях ребенка. Они не должны губить его чрезмерным ласками и «ненаказаниями». Родители обязаны изолировать ребенка от негативного влияния общества. С самых ранних лет следует учить рукоделию, прививая им трудолюбие.

В 1713-1714 годах русский государственный деятель Ф.С. Салтыков представил Петру I две записки с проектами разнообразных реформ: строительство мануфактур и расширение торговли, поиски северных морских путей в Индию и Китай, освоение Средней Азии и Сибири, книгопечатания, библиотек, а также развитие в кратчайшие сроки мужского и женского образования. Его «Пропозиция» предлагала учредить в зданиях монастырей (монахов поселить) в каждой губернии 1-2 академии, содержащихся за счет монастырских доходов. В учебные заведения принимать детей, достигших 6-летнего возраста и обучать там до исполнения им 23-х лет. Контингент учащихся, по Салтыкову, набирается из дворянских и купеческих семей и «всяких иных разных чинов». Всего предлагается открыть 9 академий с числом до 2000 учащихся в каждой. В соответствии с про-

ектом в учебный план должны входить грамматика и риторика, философия и богословие, история и география, математика и физика, навигация и фортификация, рисование и черчение, а также поэтика, механика, архитектура, артиллерия, фехтование, верховая езда и танцы.

Пропозиция Салтыкова предусматривала создание 18 женских школ (по две на губернию) с 500-ми воспитанницами в каждой; обучение девочек с 6 до 15-летнего возраста. Все отцы обязаны были отдавать своих дочерей на учебу. Уклонявшимся от всеобща грозил штраф. Для начала XVIII в., образовательный проект Ф.С. Салтыкова был инновационной работой, характеризующейся широтой мышления автора, бессословностью, идеей общего женского образования.

В 1716 году Петр I вызвал в Петербург Феофана Прокоповича для консультации и организации церковной и образовательной реформ. Это был ученый-богослов, полемист и проповедник, получивший широкое образование в Киевской и Римской академиях, преподававший в течение 12-ти лет в Киево-Могилянской академии. В проектах Прокоповича религиозная сторона имела меньшую значимость по сравнению с ранее принятыми документами. На первую позицию вышли государственный, светский и педагогический интересы ученого-богослова. В 1721 году Петр I утвердил «Духовный Регламент», разработанный Прокоповичем, в котором одним из новшеств был проект организации училищного дела. Предлагалось учредить духовные школы трех разрядов: академии, семинарии и элементарные училища. Первостепенное значение в «Регламенте» автор уделил учительству и его роли, особенно в учебном процессе академии. Претенденты на должность преподавателя были обязаны показать свои знания латинского языка и умения владения переводом. Избранные учителя должны излагать материал кратко и ясно, использовать для работы с учениками хорошие апробированные учебники, изданные в Париже. Прокопович дал рекомендации об изучении богословия, советуя побольше изучать священное писание, читать его толкование по сочинениям отцов церкви.

Ученый-богослов предложил учебный курс академии из семи учебных предметов: грамматика с историей и географией, арифметика и геометрия, логика или диалектика, риторика, физика с краткой метафизикой, краткая политика, богословие. Последние изучаются в течение двух лет. Соединение грамматики с историей и географией Прокопович аргументировал следующим образом: при грамматических упражнениях, переводах с родного языка на иностранный и обратно требовать от учеников переводить географические и исторические книги. Географию следует изучать при помощи карты и глобуса, обучать студентов так, чтобы могли «перстом указать где Асия, где Африка, где Европа и к которым сторонам под ними лежит Америка». Академия по Прокоповичу – всесословная школа, где обучаются дети духовенства, дворянства, приказных людей. Принимать в учебные заведения следует с большой осторожностью и «с рассмотрением остроумия». Академии должны располагаться не в городах, а в местности,

отдаленной от мирских соблазнов, от веселой беззаботной жизни.

В соответствии с «Регламентом», при академии ими автономно учреждаются духовные семинарии с контингентом в 50-75 учеников. Они размещаются в отдельных зданиях с учетом возраста по 8-9 человек. В каждую спальню назначается особый надзиратель – префект. За семинаристами устанавливается бдительный надзор, и их жизнь организовывается по строгому распорядку дня. В определенные часы они должны вечером отходить ко сну и вставать по утрам, молиться и учиться, трапезничать и гулять и др. Лучше всего, как указал Прокопович, это делать по сигналу колокольчика. Для младших семинаристов, нарушающих режим, допускалось наказание розгами. Первые три года воспитанники должны находиться в полной изоляции от общества, а затем не более двух раз в год разрешалось отпускать к родителям или родственникам на срок не более семи дней. В образовательном процессе устраивать дискуссии, разыгрывать комедии, проводить познавательные экскурсии. По окончании семинарии выпускники принимали присягу на верность любой службе, указанной государем. Наиболее способные к духовному делу должны поступать в распоряжение епископов.

Кроме академии и семинарий в Духовном Регламенте говорилось и об элементарной школе для детей священников. В главе «Домы училищные и в них учителя и ученики, також и церковные проповедники» предписывалось всем архиереям открывать при своих домах школы для детей духовенства, а также и для прочих сословий. Основная цель архиерейских школ – подготовка церковнослужителей. Содержание домашних учебных заведений и учащихся возлагалось на архиерейские дома: «Подобает чтобы ученики и кормлены и учены были в туне и на готовых книгах епископских».

Представителем педагогической мысли начала XVIII века был другой сторонник просвещения – И. Т. Посошков, видный русский экономист и публицист. Это крестьянин – самоучка, ставший состоятельным и известным человеком благодаря трудолюбию, настойчивости и неординарности мышления. Посошков работал в мастерских Оружейной палаты и Монетного двора, заведовал водочным заводом. В начале XVIII века стал зажиточным человеком, приобрел дом в Петербурге, два дома в Новгороде, а в 1718-1727 годах купил несколько небольших деревень. Он стал ярким представителем передового купечества, написавшим экономическое сочинение «Книга о скудости и богатстве». В работе сделан обоснованный анализ русского хозяйства и предложены смелые проекты. Для истории образования интересно обширное сочинение Посошкова «Завещание отеческое», написанное в 1720 году.

Российский публицист был убежденным сторонником идущего с Запада просвещения и в особенности технических знаний. Однако наряду с прогрессивными взглядами у Посошкова имелись и консервативные высказывания. Так, в «Завещании отеческом» все воспитание автор требует проводить в строго выдержанном церковно-религиозном духе. Первыми словами, к которым следует

приучать ребенка, являются не «тятя» или «мама», а «бог на небе». Первые наставления, услышанные ребенком: «Бога бойся, ни с кем не бранись, не дерися; Бог с неба смотрит, и что бы ты ни сделавши видит, и языка своего не выставляй: Бог за то убьет» [25].

Как можно чаще следует твердить молитвы. Все религиозно-воспитательные наставления Посошкова касаются воспитания покорности божьей воле. Бог изображается грозным карателем и постоянным сыщиком, следящим за каждым поступком человека и, в частности, ребенка. Другая черта, характеризующая педагогические воззрения сторонника просвещения - это крайняя суровость воспитания. Детей надо держать в «великой грозе», указывал Посошков, чтобы они трепетали перед Богом и боялись одного взгляда родителей. В подтверждение этого тезиса автор приводил длинный ряд текстов из Ветхого Завета о сокрушении ребер детям.

Содержание образования, предложенное Посошковым, было значительно шире традиционных учебных планов школ Московской Руси. Он предлагал учить славянскому чтению, письму, грамматике, четырем арифметическим действиям, латинскому языку, а также желательное изучение греческого или польского языка. Следует обучать своих сыновей различным «художествам», среди которых особенно нужными являются рисование и черчение. Последние необходимы при начале всякого дела, чтобы иметь общую картину и размеры задуманного изделия.

Особое внимание Посошков уделял образованию духовенства и роли его в жизни народа. Без священника, утверждал он, не достичь не только царства небесного, но и земные дела хорошо не устроить. Публицист имел ввиду религиозно-нравственное воспитание и умственное образование населения. Положение сельского духовенства, живущего земледельческой работой, нуждается в коренном улучшении. «Мужик за соху и поп за соху, мужик за косу и поп за косу, а церковь святая и духовная паства остается в стороне». Священнослужители, отмечал Посошков, есть слуги Божии и им в соответствии со «словом Господа подобает питаться от церкви, а не от земледелия». Непросвещенное и необразованное духовенство не только не в состоянии кого-либо обратить в веру, но даже и не понимает самого слова «вера», не умеет правильно совершать церковные службы. Сельский поп, как отметил Посошков, не знает даже основ христианской религии. Поэтому духовенство необходимо хорошо учить. Во всех епархиях следует построить просторные школы и собрать в них всех поповских, дьяконовских и пономарских детей от 10 до 25 лет. У родителей, не отпускавших детей в школу, забирать их насильно. Обучать следует грамматике, риторике или философии, обстоятельно учить слову Божию и церковному богослужению. Желательно давать ученикам читать летописные книги. По воскресеньям Посошков советовал устраивать диспуты на темы из Священного писания, а учителям при этом наблюдать за рассуждениями учеников и определять, кто из них склонен к

духовному или светскому делу. Стронник просвещения рекомендовал напечатать больше Библий, Маргаритов, учительных сборников, толковых евангелий, апостольных бесед, четьев-миней и разослать их по школам, а после обеда ежедневно читать. Полезно, по мнению Посошкова, составить и напечатать разъяснения о разных «еретических» верах: римской, униатской, армянской, нестори-евской и др. Пастыри должны их хорошо знать, чтобы отстаивать христианство. Не менее полезно напечатать и разослать по школам «Камень Веры» Стефана Яворского. Будущие пресвитеры, иноки и архиереи должны заучить его с целью «еретические челюсти сокрушати». Тех, кто в школе не учился, не посвящать ни в священники, ни в дьяконы. «Наше спасение и погибель, - писал Посошков, - лежит в пресвитерах – чем они просвещеннее, тем образованней и порядочней в поведении будет паства». Постоянное общение просвещенного и нравственного пастыря с прихожанами, его проповеди и исповеди могут сослужить хорошую службу в религиозно-нравственном просвещении народа и содействовать подъему «умственного состояния».

Впервые в истории Русского государства Посошков убедительно высказался за обучение крестьян. В работе «Книга о скудности и богатстве» он указал на бедноту крестьянства, причинами которой является попустительство правительства, наличие помещиков, лень и безграмотность. Имеются деревни, где нет ни одного грамотного человека. Этим пользуются всякие проходимцы, собирая с крестьян деньги якобы по особому правительственному указу, а они «оспорить не могут и в поборах много с них излишних денег емлют». Чтобы избежать подобного положения, Посошков предложил крестьянских детей, достигших 10-летнего возраста, в обязательном порядке отдавать дьячкам для обучения грамоте. В течение 3-4-х лет все должны быть обучены. В противном случае, если детей не выучат, а подрастающих не станут отдавать дьякам, то таких крестьян штрафовать. Грамотные крестьяне не только помогут в ведении помещичьих хозяйств, «но и государственным делам годны будут, наипаче же в сотские и пятидесятские вельми будут пригодны». Никто их не обидит и не возьмет лишних поборов. Указ о всеобщем обучении сторонник просвещения предложил послать и в мордовские населенные пункты, где бы не исключалось и насилие для нежелающих обучаться грамоте.

По оценке П.Ф. Каптерева, Посошков был человеком – самородком, выучившимся на медные гроши и сформировавшимся путем самообразования, жизненного опыта и размышлений. Это не «отшлифованный научным образованием талант», горячий патриот, церковник и демократ.

Выдающимся деятелем Петровской эпохи являлся В.Н. Татищев. Первый русский историк, государственный деятель. Сын псковского помещика окончил артиллерийскую школу, участвовал в Северной войне и, в частности, в осаде Нарвы, в Полтавской битве. По окончании военных событий Татищев выполнял различные военно-дипломатические поручения русского царя. После заключе-

ния мира со шведами его, с 20-ю учениками школы математических и навигацких наук, послали в Швецию для изучения горнорудного дела и способов подготовки специалистов в этой области. По возвращении волею Петра I капитан артиллерии был назначен управляющим горными заводами Урала и Сибири.

Высокообразованный Татищев страстно любил родину и историческую науку. Он был убежден в том, что Древняя Русь была культурнейшим государством, а нашествие татар затормозило поступательный ход развития русской культуры. Современники Петра I, по мнению ученого, должны поднять Россию на новую высокую ступень развития и сделать ее промышленной и торговой страной. В отличие от Посошкова, Татищев осуждал русское духовенство и считал, что оно мешало просвещению народа, хотя в отношении к современности признавал «пользу от ученых священников».

В работе «Разговор о пользе науки и училищ» государственный деятель отметил необходимость познания самого себя для каждого просвещенного человека. Самопознание внешнее и внутреннее, телесное и духовное в равной степени необходимы для настоящего и будущего благополучия. Инструментом познания является наука, практически полезная всем. Татищев считал необходимым доказать ее полезность как для государства, так и для отдельных сословий, опровергнуть мнение о вреде науки в отношении к религии, о причастности ее к порождению ереси. Наука необходима для правильного понимания веры, так как незнание сущности искажает веру. «Даже апостол Павел, - отметил Татищев, - и многие отцы церкви изучали науку. Запрещающие данную сферу человеческой деятельности есть невежды или коварные люди, желающие для собственной выгоды держать народ в невежестве с целью раблепного исполнения их приказаний».

Науки, по Татищеву, необходимы для разумного управления государством, для правящего класса, для простого люда в ведении им своих дел и в укреплении добрых нравов. Незнание же или глупость вредят успеху личности и общества. Народная глупость в делах веры и в делах правления приносит великое зло. Вследствие «неучения» народ не знает ни естественного, ни божественного закона, а потому нередко и бунтует. Сущность науки заключается в ее практической полезности, потому что знание состоит в разумении, «что добро и зло, то есть что человеку полезно и нужно, и что вредно, и не потребно» (Быт. 3,5). Поэтому Татищев предложил классифицировать науки в зависимости от жизненной необходимости человека, выделив пять основных категорий:

1. Нужные науки: домоводство, медицина, здравосбережение, нравоучение (поскольку человек непристойными поступками может вооружить против себя окружающих), законоучение божеское и человеческое, умение владеть оружием, логика и богословие (ведущее к будущему вечному благополучию).

2. Полезные науки: письмо и грамматика, история и генеалогия, география и ботаника, анатомия и естествознание, а также математика (арифметика, геомет-

рия, механика с приложениями – архитектура, оптика, акустика, астрономия), химия, красноречие и иностранные языки.

3. Щегольские науки: поэзия и живопись, музыка и танцы, верховая езда.

4. Любительские науки: астрология и хиромантия, алхимия и физиогномия. Эти науки, по оценке Татищева, не имеют ни физического, ни математического основания и презираются учеными людьми.

5. «Вредные» науки: глупые волхования, ворожба и колдовство и, в частности, некромантия (вещание на трупах), аэромантия (воздуховещание), пиромантия (огневещание), а также заговоры, привороты, чернокнижничество и т.п. Все эти науки (пятая категория) есть простое суеверие и занимающиеся ими «в беспутстве время тратят и других обманывают, телесное наказание понести должны».

Такая группировка, на наш взгляд, есть не классификация наук, а обозрение самих разнообразных видов человеческой деятельности. Так, в одну группу Татищев включил домоводство, врачевание, самооборону, богословие и логику.

В своих «Кратких экономических до времени относящихся записях» русский историк требовал, чтобы дети крепостных крестьян обоего пола от 5 до 10-летнего возраста обучались чтению и письму. Это необходимо для государственных и военных нужд. Чтобы крестьяне не теряли даром свободного от полевых работ зимнего времени, он рекомендовал обучать их разным «художествам»: бочарному и горшочному, портновскому и сапожному, войлочному и шерстобитному, коновальному и овчарному, а также колесному, кузнечному и другим ремеслам, необходимым в крестьянском хозяйстве.

В вопросах содержания образования Татищеву присуща двойственная позиция: с одной стороны, он вводит ряд новых светских дисциплин, с другой – предлагает занятия религиозно-церковного содержания. В «Духовной моему сыну» просветитель прямо заявил, что главным в жизни является вера, а Закон Божий следует изучать: «от юности до старости, и день и ночь, ревниво познавая волю Творца». Следует читать Библию и катехизис, книги церковных учителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзина, Афанасия Великого, Феофилакта Болгарского, а также недавно изданные печатные толкования десяти заповедей и блаженства Феофана Прокоповича. Для тех, кто познал Библию, Татищев рекомендовал читать Прологи и жития святых в Четьи-минеех. После усвоения христианской литературы можно переходить к книгам «лютеранским, кальвинским и папическим». Знание их необходимо, так как грамотному человеку придется вести переговоры о религии с иноверцами.

В ряде работ и, в том числе, в исторических исследованиях Татищев выразил свое отношение к духовенству. Он указал на борьбу между просветительскими стремлениями правительства и обскурантизмом духовенства, его властолюбием. В старой русской жизни, по замечаниям историка, отсутствовали не только философские науки, но и грамматика. Не было никакой пользы народу от безграмотности писарей, хотя среди священнослужителей встречались «мужи бла-

горазумные и жития похвального были». В Древней Руси, по Татищеву, вводились науки, но после нашествия татар власть государей ослабла, а власть духовенства возросла. Для поддержания и роста собственных доходов отцы церкви старались держать народ в темноте и суевериях, сократив до минимума число училищ. Некоторые российские государи, как писал Татищев, думали об открытии народных школ, но малого достигли в вопросах образования. Они начали решаться лишь при Петре Великом, сумевшем вовлечь в образовательную кампанию и духовенство.

Выдающийся деятель петровской эпохи Татищев отличался толерантностью по отношению к различным религиям, утверждал, что «разноверие» не только не вредит государству, но и приносит ему пользу. Поэтому он был недоволен Никоном и его последователями, свирепствовавшими против раскольников, которых «многие тысячи пожгли и порубили или из государства выгнали».

Образовательные проекты начала XVIII века, педагогическая мысль Прокоповича, Посошкова и Татищева оказали значительное влияние на становление и развитие церковных школ в России. Использовались рекомендации по устройству училищ для простого народа, по разработке учебных планов, использованию светской и духовной литературы в учебном процессе, по основам религиозно-нравственного воспитания.

В 1764 году была предпринята первая попытка распространения сельских школ при помощи духовенства. Особая комиссия, утвержденная Екатериной II, представила проекты образования простого народа. Все труды этого органа государственная передала на рассмотрение известной московской комиссии для составления проекта нового уложения, где вопросы начальных училищ получили большую разработку. Сельские церковно-приходские школы планировалось открывать на 100-250 отдельных семейств. При их большом количестве должна утверждаться другая школа в месте, указанном архиереем или губернатором. Если приход состоит из разбросанных малых деревень, то училище устраивать так, чтобы в нем «без затруднений» могли проживать 30 учеников. Количество учащихся в одной школе не должно превышать 30 человек, а если желающих наберется больше, то их разделить на две возрастные группы. Старшие – посещают училище от сентября до января, младшие – с января до мая. Проект провозглашал обязательное обучение всех крестьянских мальчиков от 8-ми до 12-ти лет. Для девочек школа была необязательной, однако священникам вменялось в обязанность собирать их к себе каждую неделю и читать нравоучение из учебной книги. Занятие предписывалось проводить с утра до вечера, «как темнеть станет».

Проект начального образования детей крестьян предусматривал изучение российской азбуки со складами церковной и гражданской печати; исчисление буквами (т.е. церковное) и цифрами; молитвы краткие, вечерние и перед обедом; ясное и краткое истолкование десятисловия и догматов веры по катехизису. Училищному совету при Синоде поручалось составить назидательную книгу по

данной программе под пространным названием: «Христианские добродетели, состоящие в должности подданных Государю, в беспрекословном повиновении государственным узаконениям, в послушании и почитании господ своих и других установленных властей и в должности самому себе и ближнему».

Учебная часть сельской школы поручалась «в особое смотрение» приходских священников. Они должны иметь списки всех детей школьного возраста и следить за их своевременным поступлением в школы. Священник должен быть в училище ежедневно и наблюдать за ходом учения. При необходимости он связывается с епархиальной властью и получает распоряжения, книги, пособия и др. Согласно проекту, учительские обязанности возлагались на дьяконов, дьячков и на других «способных к тому лиц». Для священников и учителей планировались вознаграждения деньгами и натурой.

Церковно-приходские школы должны находиться на попечении и содержании сельского общества, избирающего из своей среды особых уполномоченных для заведывания хозяйством и наблюдения за порядком. Главное руководство сельскими училищами возлагалось на епархиальных архиереев и губернаторов. Ближайшее попечение и «начальство над ними» поручалось дворянам, избранным в конкретном округе. Им предоставлялось право ревизовать школы, назначать и сменять учителей.

Образовательный проект московской комиссии остался благим пожеланием, выраженным на бумаге. Несмотря на то, что приказам вменялось в обязанность открывать школы в многолюдных селениях, они этому придали второстепенное значение, не проявив никакой заботы об образовании сельского населения. Основными причинами были отсутствие средств и глубокой заинтересованности. На все статьи приказам отпускалось 15 тысяч рублей, а училища предписывалось учреждать «без отягощения казны». Местные органы были крайне скудны и ненадежны. И тем не менее, несмотря на утопичность проекта московской комиссии, был сделан теоретический шаг к становлению духовных школ в Российской империи.

### 3.2. Православные школы церковных братств

**З**начительное развитие церковных школ связано с деятельностью братств на юго-западе России. Появление религиозно-национальных объединений было обусловлено борьбой украинского и белорусского населения против польско-шляхетского гнета и католицизма. Они учреждались при церкви или монастырях и имели на своем попечении и содержании богадельни, больницы, странно-приимные дома, школы и типографии. Члены братств были людьми разных званий, чинов и положений, духовные и светские: митрополиты и архиепископы, епископы и игумены, иноки и священники, паны и дворяне, шляхтичи и мещане. Иногда в братства вступали священники с целыми приходами. Главная обязанность «братчиков» заключалась в единодушной, дружной дея-

тельности на пользу православия, «до последнего издыхания защищать древнюю веру, права и вольности братства». Естественно, что и школы, открываемые религиозными национальными организациями, служили этой же цели. В досоветской исторической и историко-педагогической литературе религиозно-национальные объединения Украины и Белоруссии назывались церковными братствами. После Октября 1917 года историю «подправили» и, в соответствии с активной атеистической пропагандой, убрали слово «церковные». В результате стали просто братства, а при освещении учебных планов вместо церковного пения осталось просто пение.

В 1439 году возникло Львовское братство, в 1458 году – Виленское, а затем и другие. Деятельность народных объединений стали поддерживать восточно-православные патриархи, заинтересованные в борьбе с агрессией Ватикана. В 1585 году антиохийский патриарх утвердил Львовскому братству новый устав, по которому все религиозно-национальные объединения подчинялись его руководству. Оно получило право контроля над моральной жизнью светских и духовных лиц, в том числе и епископов. Вскоре Львовское братство было подчинено непосредственно Константинопольскому патриарху.

В январе 1586 года Львовское братство получило от антиохийского патриарха Иоакима грамоту, в которой одобрялась благотворительная деятельность общества. Воодушевленные похвалой в том же году обратились к константинопольскому патриарху Феолинту с просьбой «ради церковного устройства» утвердить высокой властью их братство, школу и типографию, а также узаконить братский устав для других городов. Двумя годами раньше виленский бургомистр и настоятель Свято-Троицкого монастыря получили грамоту Стефана Батория, польского короля и полководца. В ней разрешалось магистрату города Вильно открыть школу при монастыре и содержать учителей и ученого архимандрита для обучения детей письму и наукам.

В июне 1590 года решением Брестского собора правила Львовского братства были распространены на все религиозно-национальные объединения киевской митрополии. Утверждение уставов обычно получали от польских королей. В конце XVI века братства имелись в городах Бельске, Бресте, Витебске, Замостве, Кобрине, Орше, Пинске и Полоцке; в местечках и селах, где, как и в городах, учреждались школы. Архиепископ Филарет писал, что все братские училища, особенно Киевское, оказали много услуг святой православной церкви. Они подготовили достойных священников, просвещенных пастырей, ревностных защитников православия.

В 1618 году в Могилеве князем И.Б. Отинским был основан мужской Богоявлений монастырь. Для укрепления православия при нем учредили школьное братство и типографию. Подобные образовательно-просветительные организации были созданы в Бресте, Виннице, Луцке, Минске, Немирове, Острожском и в других городах Украины и Белоруссии. Ректор и учителя братских школ изби-

рались общим собранием религиозно-национального объединения. Кроме того, братство избирало двух попечителей – общественных наблюдателей за школой. В уставах отмечалось, что каждый член церковного братства имеет право посещать школу с целью ознакомления с ее работой.

Образовательную деятельность братства начали с организации элементарных школ, а затем стали открывать средние и даже высшие учебные заведения. Средние школы носили четко богословский характер и по сути являлись семинариями. Их главная цель заключалась в распространении просвещения в духе православия и в подготовке грамотных иереев не только в городах, но и во всех населенных пунктах. Формально в училища принимались дети всех сословий и из семей с различными материальными возможностями. В уставе Львовской братской школы было записано, что в ней могут учиться сыны богатых, «сироты убогих и которые ходят по улицам живости просячи» (собирающие милостыню для пропитания), дети членов братств и особенно сироты обучались в школах бесплатно, за счет обществ. Вообще «братчикам» вменялось в особую обязанность заботиться и помогать детям, не имеющим средств, но желающим «научиться священному писанию». Для таких учеников при братских монастырях устраивалось помещения для проживания.

Прием в школы проводился в соответствии с разработанными правилами, отраженными в уставах учебных заведений. Желающие учиться должны были в течение трех дней присматриваться к школьным порядкам, а дети из бедных семей – и к содержанию учащихся. Если стремление к учебе не пропадало, то они говорили об этом взрослым. Ребенка провожал учиться отец или опекун в сопровождении одного или двух соседей как свидетелей. Им зачитывали реестр с описанием режима школы, требований к ученику, перечислением учебных предметов, знакомили с технологией обучения. Отец или опекун договаривались со школьным начальством о содействии и помощи учителя в обучении и воспитании сына или опекаемого. Ребенка зачисляли на учебу при условии, что он обязан оставаться в школе до конца обучения, «ибо каждый должен ходить в школу не одну четверть и не на год, но пока не окончит курс наук». Ученики проживали у родственников, на съемных квартирах, в монастырях.

Учебный план элементарных братских училищ включал чтение, письмо, греческий язык, церковный устав, церковное пение. В средних школах кроме этих дисциплин изучались грамматика, риторика, поэзия, арифметика, логика, богословие. Главнейшими предметами учебного курса считались священное писание и иностранные языки: греческий, славянский, латинский, русский и польский. Учащимся вменялось в обязанность ежедневно спрашивать друг друга по-гречески, а отвечать по-славянски, спрашивать по-славянски, а отвечать на родном языке. Вообще школьники должны были разговаривать между собой на греческом или славянском языках. Братские школы находились под значительным греческим влиянием и первоначально назывались греко-славянскими, где зачастую

преподавали греки. Преобладающим языком был греческий, на котором говорили, произносили речи, писали сочинения ученики. Обучению другим языкам уделялось меньше внимания, хотя считалось, что значение латинского необходимо, «дабы бедную Русь не звали глупой Русью».

Значительное время в учебном плане отводилось изучению христианской литературы. Учитель обязан был выдавать ученикам записки с изложением учения из евангелия, апостольских книг, пророков, святых отцов, философов, поэтов, историков и др. По субботам школьников обучали «пасхалии, лунному течению, счету, вычислению, правилам церковного пения».

В Белоруссии и на Украине были противники многопредметного духовно-светского образования в братских школах. Консерваторы боялись латинского языка и наук, считая их источниками ересей. Ревнители благочестия предлагали свой учебный план, в который бы входили греческая и славянская грамматика, изучение часослова, псалтыри, октаиха, апостола и евангелия. Лучше изучать то, что свойственно церкви, и быть простым богоугодником «и жизнь вечную получить, нежели постигнуть Аристотеля и Платона и стати философом мудрым, но в геену отйти». Такой позиции придерживались афинский инок Иоанн Вышенский и его сторонники. Так, Франциск Скорина рекомендовал изучать грамматику по псалтыри, логику – по книге Иова о посланиях апостола Павла, «красномольность» – по книгам Соломона, арифметику – по книге Чисел, геометрию – по Иисусу Навина, астрономию – по первым главам книги Бытия и т.д. Однако при этом взгляды Скорины и его мировоззрение выходили за пределы религиозного миропонимания. Наибольшее значение для развития церковных братских школ имела просветительная деятельность ученого Ф. Скорины, основоположника белорусского книгопечатания. Он обучался в Краковском и Падунском университетах, получил степень доктора «лекарственных наук». В 1517-1520 годах, проживая в Праге, Скорина издал переведенные им на белорусский язык «Библию русску», «Псалтырь» и др. Свою издательскую деятельность он продолжил в Вильно, где напечатал «Апостол», «Малую подорожную книжку», «Псалтырь» и другие издания, необходимые как для школ, так и для взрослых читателей. Книги Скорины отличались красотой оформления, где имелись гравюры, заставки, концовки с элементами белорусского орнамента. Автор сопровождал их предисловиями, послесловиями, примечаниями, комментариями, в которых старался дать читателям начатки научных знаний по истории, географии, астрономии, естествознанию. Ученый Скорина осуждал гнет феодалов, имущественное неравенство, выступал сторонником равенства и свободы всех людей, был патриотом своей родины, ставил целью просвещение «своей братии Руси». Деятельность Скорины сыграла огромную роль в развитии белорусской культуры, братских школ, во взаимном обогащении белорусской и русской культур. Издательская деятельность просветителя оказала влияние на последующее белорусское и русское книгопечатание, на культуру славянских народов.

В уставах церковных братских школ был четко определен распорядок их работы. Ученикам предписывалось приходить на занятия и уходить с них в определенное время. Опаздывать и пропускать уроки без уважительных причин запрещалось. Если ученик опаздывал в первый раз и впервые пропускал уроки, то его строго наказывали, а при повторном нарушении распорядка исключали из школы. В случае неявки ученика на уроки учитель должен послать за ним дежурного, который обязан выяснить причину: «не занимается ли игрою, не заленился ли где дома, не спал ли сверх меры, и по возможности следует привести отсутствующего ученика в школу» (Устав Луцкой школы, § 7). Во время уроков не разрешалось переходить с места на место, шептаться и разговаривать, а предлагалось слушать и замечать все, что читается и показывается учителем. На уроках ученикам запрещалось иметь посторонние «ремесленные инструменты и вредные книги».

Технология обучения предусматривала деление учеников на группы. Так, в элементарных братских школах одни учились распознавать и складывать буквы, другие – читать и заучивать наизусть различные уроки, третьи – учились объяснять и понимать прочитанное. Занятия начинались с индивидуального рассказа каждым учеником вчерашнего урока и показа письменной домашней работы, а затем по указанию учителя школьники занимались самостоятельно. После обеденного перерыва каждый ученик записывал заданные учителем уроки, малолетним же педагог записывал сам. Вечером дети обязаны были прочитать своим родителям или лицам их заменяющим то, что учили в школе, и с теми объяснениями, которые им делал учитель. Для закрепления пройденного ученики должны были дважды списать все сделанное ими в классе.

В братских школах особое внимание уделялось воспитанию почтительного отношения к старшим. При встрече с достойными духовными и светскими людьми полагалось снимать головные уборы и кланяться. Они должны были почтительно относиться к церквям, монастырям, кладбищам, училищам. Находясь около этих мест, детям следовало воздерживаться от негативных поступков, непристойных слов и нескромных шуток. Ученикам запрещалось ходить на пирушки и знаться с безнравственными людьми. В поддержании порядка и воспитании положительных качеств учителя опирались на самих учеников. С этой целью каждую неделю назначались 2-4 мальчика для надзора за школой и детьми. Отказываться от такого назначения запрещалось. Дежурные приходили раньше всех в школу, затопляли печь, подметали полы и садились у дверей, замечая всех «поздно приходящих и рано уходящих».

Помощники учителя отмечали не знающих урок, а также шаливших в классе, на улице, в церкви.

Примером для всех учеников служили педагоги (дидаскалы), к моральным и профессиональным качествам которых братства предъявляли жесткие требования. Учителя должны быть благочестивыми, рассудительными, «смирномуд-

рыми», кроткими, стойкими к любым соблазнам. В соответствии с уставами братских школ, людей с отрицательными качествами к обучению не допускали. Учителями не могли быть пьяницы и ловеласы, вымогатели и взяточники, сквернословы и «смехостроители», а также «пособители ересям». На учительские должности принимали людей православной веры, но при их недостатке приглашали и образованных иноверцев, хотя отношение к ним было не совсем доброжелательным.

За деятельностью учителей следили два уполномоченных от общества, люди сведущие в школьном деле и науках. Им давался реестр с печатью братства, в который дидаскалы записывали своих учеников и на основании этого документа получали заработную плату. Перед началом обучения учитель был обязан посоветовать каждому ребенку конкретные дисциплины для занятий, учитывая их возраст, наклонности и способности. По воскресеньям и в христианские праздники учителя вместе с детьми участвовали в литургии, а после обеда дидаскалы знакомили школьников с евангельскими и апостольскими текстами. При обучении учителям рекомендовалось относиться со всеми детьми одинаково – к богатым и бедным, сиротам и убогим. Однако при определении места каждого ученика в классе педагоги обязаны были придерживаться определенного порядка. Кто больше знал и прилежней учился, тот занимал «возвышенное» место, даже если был из бедной семьи.

Учитель и школьные наблюдатели должны были напоминать родителям и опекунам о порядке выполнения домашних заданий. Если в поведении детей появлялись признаки, мешающие образованию, то они тщательно изучались. За непослушание учитель имел право наказать виновного, «но не тирански, а наставнически, не сверх меры, а по силам, не с буйством, а кротко и тихо» (Устав Луцкой школы, § 2). При халатном отношении учителя к работе, а также родственников учеников, «препятствующих науке и благим нравам», виновных наказывали.

Значительную помощь в обучении оказывали братские типографии, развернувшие широкую издательскую деятельность. Печатались разные по жанру книги: богослужебные, «святоотеческие», полемические, учебные и др. Наиболее знаменитыми и успешными типографиями являлись Виленская, Могилевская, Луцкая и Львовская. Последняя в течение трех веков издала более 300 тысяч церковных и учебных книг. Книги братской печати распространялись не только в Речи Посполитой, где функционировали братские школы, но и в Валахии, Молдавии и России.

В 1631 году архимандрит Киево-Печерской лавры Петр Могила делает попытку организовать свою школу, отличную от братских. Он, как бывший воеводич и типичный феодал, был тесно связан родственными отношениями со знатными родами Польши и Украины. В начале своей духовной карьеры Могила занял резко враждебную позицию по отношению к среднему дворянству, куп-

цам, ремесленникам и казачеству. Идеологические разногласия приняли острые формы. Архимандрита обвинили в приверженности к католицизму, в стремлении латинизировать лаврскую школу. Казачество даже грозило бросить Могила в Днепр на съедение осетрам. К счастью, борьба закончилась компромиссным соглашением – лаврское училище закрыли, передав учеников в братскую школу. Оппозиционер был вынужден выполнить требование братства и запорожского казачества, но при этом потребовал права считаться пожизненным блюстителем и опекуном этой реорганизованной школы, разместившейся в Богоявленском монастыре. Архимандрит П. Могила добился того, чтобы учебное заведение именовалось в его честь «Киево-Могилянская коллегия», хотя главная заслуга в открытии этой школы принадлежала не ему, а киевскому братству.

Демократические уставы братских школ способствовали двусторонним связям школы и семьи, школы и общества, предусматривающим взаимную ответственность всех сторон. Роль и значение духовно-светских учебных заведений Украины и Белоруссии весьма значительны. Ценны и новы были четкая организация школьной жизни, элементы классно-урочной системы, хорошая постановка учета посещаемости и успеваемости учащихся и др.

Из братских школ вышли многие деятели просвещения, составители первых учебников для детей, авторы полемических сочинений против унии и замечательных произведений по богословию и церковной проповеди, переводчики и исправители книг. В XVI- начале XVII века учителями братских школ было составлено несколько печатных славянских грамматик. Среди них «Грамматика доброглаголивого эллинославянского языка», изданная Львовским братством в 1591 году; «Грамматика словенского языка», составленная Лаврентием Зизанием и изданная в Вильно в 1596 году; «Грамматика словенская», разработанная Мелентием Смотрицким и изданная в 1619 году в Киеве. Последняя стала замечательным трудом своего времени, в течение двух веков определившим в основном работу по русскому языку в светских и церковных школах России. Многие «учителя – братчики» и организаторы народного образования были приглашены в Москву с целью оказания помощи в становлении школьного дела в Московском государстве. Это были Иов Борецкий, Лаврентий Зизаний, Памва Берында, Захарий Копыстенский, Епифаний Славинецкий.

Многие черты религиозно-национальных школ Украины и Белоруссии, являвшихся передовыми учебными заведениями своего времени, нашли, по-видимому, отражение в «Великой дидактике» Я.А. Коменского, и в особенности в его «Законах хорошо организованной школы». Церковные братские школы, устанавливая культурные связи с Москвой, воспитывали детей в духе борьбы против польских панов и иезуитов, угнетавших украинский и белорусский народы, сыграли значительную роль в борьбе за воссоединение Украины с Россией.

### 3.3. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА



XVI-XVII веках образование продолжало находиться в ведении духовенства. На юго-западе Руси вместе с церковью обычно строили и школу, где жил поп-дьяк со своими церковными чтецами и певцами. Дьяк занимал положение не по сословному происхождению из духовного звания, а по должности, которая была доступной для всех сословий. При одной церкви могло быть два и даже три священника, но полагался лишь один дьяк, избранный народом за хороший голос, знание церковных служб и умение вести их «благословно и благочинно». От дьяка требовался талант педагога, так как он обучал своих помощников, исполняющих церковные службы, учил как живущих в школе, так и приходящих за знаниями. Дьяка как учителя называли пан бакаляр, а как начальника училища – пан дирехтор. В церковной школе жили и «бесприютные» сироты, на занятия приходили дети украинских казаков, поляков, из семей богатых и бедных. Проживающие в школе находились на полуголодном существовании и жили надеждой на лучшее будущее – стать дьяком, а затем и священником. В приходской школе необходимо было познать букварь, освоить псалтырь, часослов и все церковные напевы. В «малорусской» школе XVI-XVII веков обучение иногда сопровождалось физическими наказаниями. По субботам ученики рассказывали бакалавру выученное за неделю. Не знавших материала наказывали розгами («субботниками»). Многие из учеников на всю жизнь оставались при церкви, исполняя низшие причетнические обязанности.

Приходские священники иногда содержали частные школы грамоты, где сами же исполняли учительские обязанности. Плата за обучение зависела от возможностей родителей и способностей учеников. Дети из бедных семей обучались за счет церкви. Занятия начинались с 1 ноября, в день Косьмы и Дамиана, считавшихся у греков ближайшими помощниками в обучении, или же с 1 декабря, в день пророка Наума. Перед началом учения совершался молебен.

Русская церковно-приходская школа была истинно народной, доступной для всех сословий, желающих получить элементарную грамотность.

В 1552 году было окончательно ликвидировано Казанское ханство, что создало предпосылки для распространения в Поволжье. На Московском соборе 1555 года решили учредить в Казани епархию и назначить первым ее епископом (по жребию) игумена Гурия. Его помощниками стали Варсанофий в Казани и Герман в Свяжске. В «наказной памяти» епископу Гурию поручалось кормить и поить у себя на дворе всех татар, приходящих к нему и «ударявших челом»; угощать квасом и медом в монастырях, «чтобы неверные видя таковых их береженье и жалованье их преосвященным, располагали праведному христианскому закону» [26]. Приведение «неверных» к православию, как отмечал патриарх Филарет (в миру Гумилевский Дмитрий Григорьевич), совершалось не насильем и принуждением, а свободно, в духе евангельской любви и кротости.

Жители, самые преданные язычеству, с любопытством наблюдали за обрядом христианского богослужения, восхищались красотой нового храма. Русский посланник пытался убедить местное население в бессмысленном поклонении идолам. Желая доказать свою правоту, Гурий сжег одну из знаменитейших кумирниц, языческую молельню с кумирами, превратив ее в пепел. Слова и поступки православного епископа действовали – началось массовое крещение, а вместе с ним сокрушение идолов в домах, на улицах, на дорогах. Бывшие язычники бросали в огонь драгоценные шкуры зверей, приносимые ранее в дар своим деревянным богам. Казанский епископ Гурий пастырским учением просвещал умы аборигенов, а святостью своей жизни, любовью к нищим и провинившимся «смягчал сердца, не знавшие христианской любви» [27].

В середине 1557 года Гурий активизировал свою миссионерскую деятельность, основав Зилантов, Спасо-Преображенский и Свияжский монастыри. При них открыли школы и рекомендовали монахам обучать местное население не только чтению, но и пониманию прочитанного. В монастырских школах учились новокрещенные татары (магометане) и другие инородцы: вотяки, мордва, черемисы, чуваша. Учениками были и дети из русских семей, поселившихся в Казанском крае после его завоевания. Большинство учившихся проживали в монастырях, заботившихся об их содержании. В 1564 году царь Иван IV одобрил открытие Гурием школ, написав об этом в письме: «Надобно чтобы дети не только умели читать и писать, но и разуметь, что читают, дабы в последствии могли наставлять других, еще не обратившихся к Господу».

В училищах, открытых Гурием, изучали азбуку, псалтырь, часослов, христианские законы и заповеди, русский язык. Окрыленный первыми успехами по распространению христианства среди инородцев миссионер поехал в Москву с целью добиться провозглашения Пермской епископии. По возвращении Гурий продолжил образовательную деятельность и дальнейшую христианизацию коренного населения. Он отстаивал в Новгороде, где находилось российское правительство, интересы населения Пермского края; добивался поставки хлеба из Вологды в неурожайные годы.

Достойным помощником Гурия был Варсанофий, бывший татарский пленник, хорошо знавший татарский язык и религиозные основы ислама. Он беседовал с татарами на их наречии, опровергал ложные взгляды, приводя примеры из Корана. Детей местного населения Варсанофий старался учить так, чтобы повзрослев они могли с успехом «поганных обращати и басурман научати». Для работы в новых школах он привлек иноков-старцев, получавших от монастырей полное содержание. По мере распространения христианства среди коренного населения, он сооружал для новокрещенных инородцев церкви, определяя в причт воспитанников своих школ, подобно тому, как это делал Стефан Пермский. Высшее духовенство заметило успешную деятельность Варсанофия и предложило возглавить Тверское епископство. Прослужив недолго в новом качестве, он вер-

нулся в Казань и до конца своих дней занимался миссионерством и просвещением инородцев. Царь поддерживал церкви, причты, школы Казанской епископии, выделяя деньги из казны и монастырей.

Продолжателем просветительской деятельности Гурия был Герман, служивший ранее в Свияжске. Это человек «многого и чистаго» разума, примерной жизни, знаток священных писаний, неутомимый труженик в духовных делах, готовый прийти на помощь убогим и страдальцам.

В 1557 году русскими было покорено Астраханское ханство и началась христианизация края. Туда был направлен игумен Кирилл, усердно взявшийся за распространение новой веры и просвещение магометан. Он крестил мужчин и женщин, молодых и старых, обучал детей грамоте и Закону Божию.

В XVI-XVII веках в монастырских и церковных школах обучали чтению, письму и церковному пению. Учебными пособиями были часослов, псалтырь, Апостол и другие божественные книги, монастырские училища были не только в городах, но и в обителях, удаленных от них. К таковым относился Кирилло-Белозерский монастырь. Чтению и письму обучали и в ряде деревень, где имелись церкви и мастера грамоты. Так, Александр Свирский и Зосима Соловецкий научились читать и писать в деревне Обонежье, Антоний Сийский – в селе около Белого моря. Мартиниан Белозерский учился в деревне близ Кириллова монастыря. В XVI веке, как полагают ученые, уровень грамотности среди землевладельцев дальнего Севера превышал 80%, среди помещиков Московской области – 65%, среди посадского населения грамотных было 25-40%.

В XVI-XVII веках начали активно развиваться письменность, литература, образование. Жития святых свидетельствует о существовании училищ даже в самых отдаленных краях Русского государства. Они требовали большого количества книг, которые стали издаваться Московским печатным двором. В середине XVII века трижды (1647-1651 гг.) была отпечатана азбука в количестве 9600 экземпляров; учебный часослов в течение семи лет (1645-1652 гг.) издавался восемь раз; учебная псалтырь в течение шести лет (1645-1651 гг.) издавалась девять раз. Кроме того, множество азбук, грамматик и псалтырей поступало из братских типографий западной Руси.

Книгохранилищами были библиотеки при монастырях, архиерейских кафедрах, при приходских церквях, в городах и селах. Количество книг в них постоянно росло. По описи 1551 года в бедном малоизвестном карельском Николаевском монастыре числилось 57 книг. При подготовке к собору 1654 года патриарх русской церкви Никон потребовал данные о количестве книг в обителях. Оказалось, что по описи только одних «степенных» монастырей в них насчитали 2673 книги. Богатейшими библиотеками обладали Соловецкий, Сергиевский и Кирилло-Белозерский монастыри. По описи 1752 года в Волоколамском монастыре числилось 1150 книг, из них печатных было только 15 экземпляров.

Сведения о церковно-приходских библиотеках сохранились в писцовых кни-

гах. Так Г. Боцановский установил, что в церквях г. Великий Устюг было до 700 томов 68 названий. Среди них имелись богослужебные книги, творения отцов церкви, жития святых и различные сборники. В устюжских церковных библиотеках имелись следующие издания: “Пролог”, “Маргарит”, “Торжественник”, “Книга новых Чудотворцев”; жития святых – Николая, Бориса и Глеба, Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких, Иоанна Златоуста и др.; жития святых отцов – “Измарагд”, “Богословие Златоуста”, “Жезл Правления”, “Скрижаль”, “Небеса Дамаскина” и др. Книги приходских церковных библиотек служили не только для использования клиром, но и детям, приходящим в церковь «говорить по книгам» под руководством членов клира. С особого разрешения книги могли брать на дом взрослые прихожане. В порядной записи, сделанной пономарём, отмечалось, что он обязался присматривать за детьми, чтобы они берегли книги, «не драли и воском слов не закапывали, и по домам без спросу и без ведома не брали».

Книгопечатание значительно облегчило пополнение библиотек. Кроме книг, изданных на Московском печатном дворе, были работы «литовской печати». Последние, к сожалению, стали преследоваться после признания неправославным учительного Евангелия Кирилла Транквиллиона. Царь и патриарх Филарет приказали собрать все учительные Евангелия литовского издания, а также другие подобные книги и сжечь, «чтобы та ересь и смута в мире не была». Однако указ исполнялся плохо, тем более, что книги стоили дорого, а сжечь их велели без всякого вознаграждения. Поэтому продукция литовской печати, особенно азбуки, продолжали храниться в церковных библиотеках.

Средствами для пополнения собранных книг служили разные источники. В именитые храмы полиграфическая продукция поступала по линии государства. Некоторые библиотеки создавались на средства прихода вместе с постройкой храмов. Другим источником являлись пожертвования частных лиц, которые делались деньгами или непосредственно книгами. В приходных церковных записях отмечалось о внесенных средствах. Так, по Успенскому собору Великого Устюга за 1644-1663 года отмечено о внесении спасским попом Петром 8 рублей на приобретение прологов, Михаилом Андреевым – 12 рублей, подьячим Иваном Ураковым – 6 рублей. Книги очень ценились и поэтому стоили дорого: “Пролог” со стихами – 4 руб. 50 коп., Библия – 4 руб., “Триод Постная” – 2 руб.

Первыми учителями в патриарший период были священники, иноки, дьяконы и дьячки. Высокие обязанности священников, излагаемые в апостольских посланиях и отеческих писаниях, в равной степени относились и к их учительской деятельности. Пастыри призваны, по выражению митрополита Алексия, учить всех “душеполезным вещам”, словом и делом, поучением о праведной жизни. Учение в школе не расходилось с учением в церкви. Первые учителя и воспитатели из духовенства служили живым образцом для наставников из светских сословий. Стоглав призывал избирать для школ добрых и благочестивых

учителей, имеющих "в сердцах страх Божий" и вменять им в обязанности учить "со всяким духовным наказанием" страху Божию, грамоте, письму и пению. Особенно ценились в учителях добрый нрав, кротость, скромность, поэтому и выбирали "учительских людей тихих и небражников". В допетровский период на труд учителя и воспитателя смотрели как на дело Божье.

Поступление ребенка в школу проходило по неписанным правилам, начинавшимся с молитвы. Заранее условившись с учителем, в определенный день родители и вся семья отправлялась в церковь, слушали там обедню, служили молебен святым Косме и Дамиану, пророку Науму и своему ангелу. Затем учитель шел в дом родителей, где его встречали с почетом, усаживали в передний угол. Держа сына за руку, отец передавал его учителю, что означало и передачу отцовских прав новому человеку. Мать, по обыкновению, в эту минуту плакала, жалея своего ребенка. Будущий ученик делал три земных поклона учителю, который при этом чисто символически трижды ударял ребенка и сажал его за стол, за азбуку. Мать вручала сыну узорчатую деревянную указку, а учитель, развернув азбуку, показывал букву "Азь" и произносил "азь - земля - ерь - азь", чем и оканчивалась первая встреча с наставником. Церемония посвящения заканчивалась угощением учителя, подношением ему подарков в виде одежды, полотенца, хлеба. На другой день ребенок с азбукой и указкой в руках являлся в школу и становился учеником.

Дети из отдаленных населенных пунктов жили при училищах и в домах учителей. Кроме традиционного обучения наставники должны были проводить внеклассное чтение во время "хлебоядения и полуденного от учения престагия". По данным азбуковников, в школе назначались три старосты, в общежитии - один. Он должен был наблюдать за порядком во время сна учителя и при его отсутствии; следить чтобы дети занимались делом, не тратили время на пустые разговоры и шалости.

Обучение в XV-XVII веках, по мнению А.И. Соболевского, было повсеместным, общераспространенным во всех слоях русского общества - от глухой деревни до "высоты престола царского". Содержание образования было одинаковым для всех сословий, обучались по одним и тем же книгам, зачастую у одних и тех же учителей приобретали умение читать и писать. "Точно так же и княжеский сын, и попович, и крестьянский сын, каждый отдельно, могли сами набираться учености, изучая книги". Белые священники Московского государства XVI-XVII веков были все грамотны, так как им приходилось проводить службу и вести различные церковные записи. Все белые дьяконы и дьячки, работавшие учителями церковно-приходских школ, естественно, владели грамотой. Информации о безграмотных учителях среди этой категории людей ученые не выявили. Большое количество грамотных было среди "черной братии" монастырей. В Кирилловой обители, например, 75% грамотных иеромонахов и 70% старшей братии умели читать и писать. Среди бояр и их детей, по данным Соболевского,

грамотные составляли 55%; среди придворных, умеющих читать и писать, численный показатель составил 78%. Грамотность среди купечества была обычным явлением. Ссылаясь на челобитную 1646 года, Соболевский отметил, что ее подписывали 163 купца из 168, обращавшихся с письменной просьбой. Среди посадских людей грамотных было не ниже 20%, а среди крестьян лишь около 15% умели читать и писать.

Таким образом, уровень грамотности русских людей был обусловлен активной образовательной деятельностью духовенства. Оно открывало монастырские и церковно-приходские школы, создавало библиотеки с христианской литературой, занималось индивидуальным обучением.

### **3.4. Зарождение высшего богословско-православного образования**

**Н**еобходимость в высшем богословско-православном образовании была обусловлена потребностью в высококвалифицированных слушателях церкви. Учреждение академий основывалось на уже имевшихся духовных и светских учебных заведениях. На Украине это были школы церковных братств, одну из которых, принадлежавшую к Киевскому Богоявленскому братству, в 1632 году, преобразовали в Киево-братскую коллегию, разместившуюся в одном из зданий братского монастыря. По управлению и содержанию образования она напоминала иностранные коллегии и академии. Начальствующими лицами являлись ректор, префект (инспектор и эконо́м) и суперинтендант (надзиратель за благочинием воспитанников). Люди, возглавлявшие коллегию, обладали солидным образованием, являлись авторами ряда литературных произведений. Одним из них был бывший ректор Львовской и братской школы Иов Борецкий, впоследствии Киевский митрополит. Из числа деятелей духовной коллегии наибольшей известностью пользовались Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Иннокентий и Гизель, Иоанникий Голятовский, Иннокентий Кульчинский, Иосаф Кротовский, Антоний Радзивилловский.

Ученики Киевской духовной коллегии делились на восемь классов, низшие из которых назывались фара, инфима, грамматика, синтаксима; средние – риторика и поэтика. Студенты, решившие принять духовный сан, продолжали образование в высших классах – философии (2 года обучения) и богословии (4 года). В высшем учебном заведении обучались дети духовенства, горожан, казаков и крестьян.

В 1701 году коллегию переименовали в духовную академию, значительно расширив круг наук. Были введены французский, немецкий и другие европейские языки, естественная история, география, математика. В разное время в Киево-Могилянской академии преподавались астрономия, славянская и латинская

словесность, экономика, греческий, латинский, древнееврейский и польский языки, катехизис, музыка и нотное пение. Кроме того, в разные периоды в учебный план включали высшее красноречие и русскую риторику, архитектуру и живопись, сельскую и домашнюю экономию, медицину. Число преподавателей к концу XVIII в. доходило до двадцати и более человек, которые являлись представителями монашесствующего духовенства.

С 1759 года богословие преподавалось по системе Ф. Прокоповича, риторика – по руководству и красноречию М. Ломоносова, остальные предметы изучались главным образом по иностранным руководствам. До 70-х годов XVIII века преподавание велось на латинском языке, а с 1874 – на русском. Латинский язык предлагалось изучать по известному учебнику для польских училищ автора Альвароса, философию – по Аристотелю, богословие – по Фоме Аквинскому. В академии проводились публичные диспуты, ставились спектакли религиозного и нравственного содержания. Особую активность в учебных спорах проявляли философы и богословы. Среди преподавателей заслуженным авторитетом пользовались Ф. Прокопович, С. Яворский.

Киевская академия не была сначала всецело духовным учебным заведением, так как принимались лица всех сословий и изучались светские науки. Число светских учеников нередко превышало количество духовных. Киево-Могилянская академия являлась оплотом русского национального движения против поляков, католицизма и униатов. Для того, чтобы противостоять польско-католическому угнетению в идеологической области, надо было встать на один уровень с католическими (иезуитскими) учебными заведениями, овладеть той западноевропейской наукой, которая была идеологическим оружием в руках угнетателей. Прежде всего, следовало в совершенстве овладеть латинским языком.

Обучение в академии было сопряжено с тяжелым материальным положением студентов. Обучающиеся, число которых иногда доходило до 500 человек, содержались на монастырские средства, но их не хватало. Студенты вынуждены были собирать по городу пожертвования деньгами, пищей, дровами. Они ходили по городам, селам и деревням Киевской и Черниговской губерний, пели под окнами домов священные стихи, зарабатывая тем самым подаяния. Перед праздником Рождества Христова и Пасхой студенты появлялись на улицах городов со звездой и вертепом (ящик для марионеток) как необходимыми атрибутами для устройства кукольных представлений на евангелические сюжеты. В летнее время ученики Киевской академии организовывались в странствующие группы и расходились по разным местностям. Они пели торжественные кантаты, разыгрывали драмы, трагедии и комедии, читали стихи и произносили речи, вели службы в приходских церквях, добывая тем самым средства на пропитание. Участие бедных студентов несколько смягчали пожертвования от царского двора, духовных особ, вельмож и гетманов. С конца XVIII века на содержание академии Правительство стало ассигновывать специальные средства.

Контингент учащихся в Киевской духовной академии почти постоянно превышал тысячу человек. Так, в 1715 году, в ней обучалось 1100 студентов, в 1744 году – 1160, а в середине XVIII века насчитывалось до 1120 человек. До 2/3 обучающихся получали светское образование, среди которых были дети шляхтичей, зажиточных мещан и казаков. До открытия в 1755 года

Московского университета академия готовила образованных людей не только для Украины, но и для России, Белоруссии, в ней обучались студенты из Болгарии, Валахии, Греции, Молдавии, Сербии.

Киево-Могилянская академия явилась крупнейшим образовательным центром Юго-Западной и Южной Руси XVII-XVIII веков. Под ее влиянием и по ее образцу возникли коллегииумы в Харькове и Чернигове. С усилением связей Московской Руси с Западом, когда стала ощущаться необходимость в западноевропейской науке, Киевская академия направила нескольких своих деятелей в Москву. В 1649 году Алексеем Михайловичем были вызваны ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Симеон Полоцкий.

В Киевской академии были воспитаны и работали многие крупные научные и культурные деятели XVII-XVIII веков: Ф. Прокопович, С. Яворский, медики Н. Амбодик-Максимович, И. Каминский-Гелита и Н. Квятковский, физиолог Д. Велланский (Кавунник), историк Н.Н. Бантыш-Каменский, украинский философ Г.С. Сковорода, гетман И. Самойлович и др.

Влияние Киевской академии сильно сказалось на возникновении в конце XVII века Греко-латинских школ в Московской Руси и особенно первого высшего учебного заведения – Славяно-греко-латинской академии в Москве. В своей борьбе со старорусским консервативным духовенством Петр I опирался на Киевскую академию. В XVIII веке ее выпускники назначались организаторами, ректорами и преподавателями в открываемые духовные семинарии по подготовке нового духовенства светских администраторов. В частности, они были организаторами Белгородской семинарии (1721 год), Рязанской (1722 год), Иркутской (1726 год), Псковской (1728 год), Воронежской (1731 год), Казанской (1732 год), Тверской греко-латинской школы (1732 год), семинарии в Великом Устюге (1738 год), Коломенской (1740 год), Ярославской (1747 год) и Владимирской (1750 год). Некоторые выпускники Киевской академии открывали народные школы, служили по административной и дипломатической части. Наиболее способные и любознательные поступали в Московский университет, где, кстати, работало несколько профессоров, направленных из Киевской академии; продолжали образование за границей; становились студентами других учебных заведений. Так, например, в 1754-1768 годах из Киевского вуза в медико-хирургические школы поступило более 300 человек.

После открытия Московского университета, учреждения гимназий и других учебных заведений значение Киевской духовной академии, с курсом ряда общеобразовательных дисциплин, стало падать. С 1787 года она все более превраща-

ется в духовное учебное заведение с большинством учащихся из духовного сословия. Количество студентов резко снизилось. В 1790 году числилось 419 человек из духовного сословия и только 232 студента относились к другим социальным группам населения. Постепенно контингент учебного заведения стал вновь увеличиваться, но уже за счет детей из семей духовенства. Опыт Киево-Могилянской академии бы воспринят Харьковским и Черниговским коллегиумами, а затем и учебными заведениями в петровской России первой половины XVIII века.

Вторым высшим учебным заведением по времени открытия была Московская духовная академия. Ее история корнями уходит в середину XVII века, когда в Московском государстве начали открываться первые Греко-латинские школы. Теория развития Москвы как «третьего Рима», распространенная в правящих кругах, требовала знания латинского и греческого языков. Эту концепцию и стремление поддерживали зависимые в материальном отношении от Московского государства восточные патриархии. Еще в 1585 году александрийский патриарх Сильвестр советовал царю Федору Ивановичу завести училища. В 1593 году Мелетий Пигас, преемник Сильвестра, обращаясь к государю, писал: «Устрой у себя, царь, греческое училище». В 40-х годах XVII столетия об открытии греческой школы в Москве хлопотал Петр Могила, киевский митрополит. В 1622 году прибывший в Москву Паисий Лихарид, газский митрополит, советовал бороться со старобрядцами путем организации школ: «Во-первых, училище, во-вторых, училище, в-третьих – училище присуждены быти». От отмечал, что учение придает силы и орлиные крылья; призывал русского царя подражать «Феодосию и Юстиниану в создании училищ для остроумных младенцев», где бы изучались греческий, славянский и латинский языки. В 1633 году патриарх Филарет Никитич учредил в Москве при Чудовом монастыре церковную школу, где кроме чтения и пения изучались греческий и славянский языки. В 30-х годах XVII века епархиальным архиереям рекомендуют устраивать училища при своих домах.

Развитие ремесел и торговли, усиление роли среднего дворянства и купцов, необходимость во внешних связях обусловили становление школьного дела в Московском государстве. Сначала обучение велось в частном порядке, но во второй половине XVII века стали делаться спорадические попытки организации единичных греко-латинских школ, инициаторами которых являлись выходцы из Византии и Украины.

В книге «Путешествия Олеария» (1653 год) имеется глава, посвященная русским училищам, где учат читать и писать по-русски. Но к немалому удивлению, как заметил автор, по распоряжению патриарха и великого князя русское юношество начинают обучать греческому и латинскому языкам. Для этого близ патриаршего дома была учреждена греко-латинская школа, которой заведовал грек Арсений, прибывший в Россию вместе с иерусалимским патриархом Паисием.

Зарождение школ в Московском государстве связано с именем боярина Фе-

дора Ртищева, любимца царя Алексея Михайловича. Свою службу при царском дворе Ртищев начал в качестве стряпчего, затем стал постельничим, царским дворецким. Обладая организаторскими способностями, он организовал Ртищевское братство, построил на Воробьевых горах Андреевский монастырь и открыл там в 1649 году школу, пригласив преподавателями украинских ученых монахов. Вскоре школу перевели в Чудов монастырь, и она стала называться Чудовским училищем. В греко-латинской школе числилось до 30 взрослых учеников, которых обучали латинскому и греческому языкам, риторике и философии, богословию и церковному пению. В 1664-1670 годах государственный деятель Ф.М. Ртищев был воспитателем («дядькой») царевича Алексея Алексеевича.

В 1649 году по вызову Алексея Михайловича из Киева в Москву прибыл Епифаний Славинецкий, воспитанник братской школы. В училище при Патриаршем дворе ученый монах преподавал греческий и латинский языки, риторiku. В 1653 году Славинецкий открыл греческую школу в Чудовом монастыре. Он был сторонником греческого учения и ревностным защитником православия. Все преподавание в Чудовской школе велось в «строго православном духе» на греческом и славянском языках. Школа, удовлетворяющая требованиям и духу русского народа, стала средоточием умственной и литературной деятельности того времени. Ее преподаватели переводили духовные книги, делали заметки в рукописях, составляли библиотеки, активно работали в типографии. Основатель школы Славинецкий написал педагогическое сочинение «Гражданство обычаев детских». В 164-х правилах о поведении детей автор в вопросно-ответной форме дал наставления о внешности, одежде, о поведении в церкви, училище и др. Сочинение Славинецкого было в свое время ценным пособием для учителей и родителей.

В середине 60-х годов XVII века Симеоном Полоцким в Спасском монастыре, в центре Москвы за иконным рядом, была организована греко-латинская Заиконоспасская школа. Видный деятель просвещения, писатель придавал большое значение воспитанию и отводил в нем главную роль примеру учителей и родителей. Он пытался определить характер обучения на различных возрастных ступенях и, в частности, после 14-ти лет внушать детям «страх божий», а также учить разумно и честно «гражданствовать в мире».

В школах, открываемых в церквях и монастырях, с каждым десятилетием увеличивалось количество светских дисциплин. Между сторонниками нового образования, поборниками западноевропейской науки и старорусским духовенством, поддерживаемым восточными патриархами (константинопольским, иерусалимским и др.), шла острая борьба за содержание образования во вновь открываемых школах. Консервативные церковники рьяно возражали против изучения латинского языка и элементов светской науки (грамматики, риторики, арифметики) и требовали, чтобы учащиеся не учились «сим хитростям», а ограничивались лишь чтением священного писания.

Просветитель С. Полоцкий вынашивал планы организации высшего образо-

вания в Москве. По поручению царя Федора Алексеевича он составил план учебного заведения, который стал реализовываться московским патриархом. В 1679 году он открыл в трех верхних платах своей типографии греческое училище с церковным характером обучения. Первые 30 учеников были набраны из семей различных сословий. Типографское училище пользовалось большим вниманием царя и патриарха, еженедельно посещавших его, «чтобы утешиться новым и неслыханным делом». Высокие посетители делали щедрые подарки для училища и учеников.

В конце 70-х годов XVII века Полоцкий, воспитывавший детей и царя Алексея Михайловича, предложил создать в Москве славяно-греко-латинскую академию по образцу киевской. В 1682 году он составил учредительную грамоту под названием «Привилея», отражающую основные положения нового учебного заведения. Цель академии – подготовка образованных людей для нужд управления государством и для церкви. Грамота объявляла учебное заведение общим для людей разных чинов, сана и возраста, исповедующих христианство. Они присягали на верность православию и защите его от других вероисповеданий и ереси. Выдвигая на первый план образовательные задачи, «Привилея» в то же время рассматривала академию как блюстительницу православия и оплот борьбы с ересями и отступничеством от христианства.

Проект Полоцкого намечал преподавание семи «свободных» наук (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка), богословия и «науки правосудия». Грамота объявляла академию бессловным учебным заведением общим для людей разных чинов, сана и возраста, исповедующих христианство. Блюстителями и учителями должны быть православные русские, присягнувшие на верность православию и защите его от других вероисповеданий и ереси. «Привилея» крайне подозрительно относилась к выходцам из Литвы и Юго-Западной Руси. Выходцы из этих регионов, желающие работать в академии, должны были представлять письменные свидетельства от «достоверных благочестивых» людей о порядочности и вероисповедании претендующих на учительские и «блюстительские» должности.

Патриарх и окружавшее его консервативное духовенство долго тормозили открытие академии из-за демократизма в формировании контингента и наличия семи «свободных» наук. По просьбе царя Федора Алексеевича в 1683 году константинопольский патриарх направил в Москву братьев Иоаникия и Софрония Лихудов, ученых монахов. Они открыли в Богоявленском, а затем в Заиконоспасском монастырях школы, где преподавались грамматика, пиитика, риторика, логика и физика на латинском и греческом языках. Это стало решающим шагом к открытию Московской академии. При Заиконоспасском монастыре выстроили специальное здание для высшего учебного заведения. В 1687 году царевна Софья подписала указ об открытии Московской эллино-греческой академии.

Организаторами нового учебного заведения стали братья Лихуды, доктора

Падуанского университета. Впитавшие западноевропейскую науку, они перенесли ее в Москву, ввели в академии преподавание латинского языка, господствовавший в высшей школе Запада, схоластический метод. В преподавании риторики, логики и физики Лихуды следовали Аристотелю, авторитет которого царил в западноевропейском высшем образовании того времени. В Московскую эллино-греческую академию принимались мальчики и юноши с 12 до 20-летнего возраста. Обучалось от 200 до 600 человек, большая часть из которых принадлежала к духовному сословию. Среди учеников были представители из знатных дворянских фамилий, разночинцы и даже новокрещенные инородцы.

Преподавание в академии сначала велось на греческом языке, но затем Лихудами был введен латинский язык. По образцу Киево-Могилянской академии обучение вели в восьми классах: фаре, где учили читать и писать на греческом и латинском языках; инфиме, в котором начинали изучать грамматику; грамматике, синтексиме, пиитике, риторике, философии, богословии. Этим восьми классам предшествовал приготовительный, где обучали азбуке, чтению часослова, псалтыря и письму. В начале XVIII века, кроме классических языков, философии и богословия в академии велось преподавание арифметики, французского, немецкого языков и медицины.

Большое значение в обучении придавалось диспутам, заменявшим экзамены в старших классах. Они проводились два раза в год – перед праздником Рождества Христова и накануне летних каникул. Последние диспуты были торжественнее и продолжались в течение трех дней в присутствии многочисленных посетителей. Первый день назначался для богословского диспута, второй – для философского, третий – для других предметов. Право возражать имели наставники и посторонние люди. В академии традиционными были религиозные представления.

Кроме подготовки образованных людей на Московскую академию возлагалась разрешительно-надзорная функция. Все приезжавшие в Россию для поступления на царскую службу иностранцы – ученые подвергались испытанию и только с аттестацией академии принимались на службу. Не получившие одобрительного отзыва уезжали обратно. Академия в лице своего блюстителя и учителей обязана следить, чтобы никто из лиц, не окончивших академии, «не держал у себя польских, латинских, лютеранских, кальвинистских сочинений, как еретических, а также волшебных, чародейных и гадательных». Тем, кто не прошел академии, запрещалось под страхом наказания рассуждать о вере, вступать в религиозные споры, даже частные. Надзор за выполнение этого предписания был возложен на академию. Ей же поручался надзор за иноверцами, перешедшими в православие. Списки таких лиц велись блюстителем академии, который наблюдал за образом мыслей и жизнью новообращенных. Если последние будут сомневаться в христианской вере, то их « в дальние наши грады, на Терек и в Сибирь ссылати», а кто возвращался к прежней вере, тех предписывалось сжигать. За переход из право-

славия в другую веру, за критику почитания икон, мощей и т.д. Академия, согласно «Привилее», являлась главной блюстительницей правосудия.

В конце XVII столетия братья Лихуды, организаторы славяно-греко-латинской академии, подверглись гонению. По настоянию иерусалимского патриарха Досифея, поддержанного реакционными церковными кругами России, они были отстранены от работы за преподавание физики и латинского языка. Кроме того в 1698 году Лихудов обвинили в политической неблагонадежности и заточили в Новоспасский монастырь. В 1706 году по просьбе новгородского митрополита их освободили и, переехав в Новгород, братья открыли две школы – эллино-славянскую и славянскую. Затем их перевели в Москву, где они руководили греческой школой. Братья Лихуды составили ряд учебников, участвовали в создании одного из первых русских словарей «Лексикон трехязычный», были авторами полемических сочинений против протестантизма и раскола. Они исправили славянский перевод Библии, ставший затем предметом изучения в церковных школах Российской империи.

После изгнания Лихудов из академии в ней произошли некоторые изменения – устранили латинский язык, сделали акцент на западный образец обучения, назначили руководителем академии П. Роговского. Он получил образование в Европе и некоторое время являлся униатом. По велению Петра I и советам образованных людей того времени и, в частности, Стефана Яворского, была заимствована система работы Киевской духовной академии. Во главе Московского вуза стояли ректор и префект, наблюдавшие за преподавателями, наставниками и учениками. Воспитателей и учеников зачастую приглашали из Киева. Наставники академии, кроме преподавания, проводили испытания лицам, назначаемым на священно- и церковно-служительские места; вели проповеди в церквях, отличающиеся живостью изложения и свободной мысли; принимали участие в исправлении славянского перевода Библии; рецензировали сочинения и переводы; увещевали иноверцев, раскольников и отступников от веры.

Контингент Московской славяно-латинской академии набирался из духовного сословия, дворян и разночинцев, иногда с принудительными мерами. В числе учеников бывали священники, дьяконы, церковнослужители и монахи. Сроки обучения в каждом классе зависели от способностей и прилежания студентов. Способные проходили академический курс за 12-13 лет, а иные за 15 лет едва достигали философского класса, многие не доходили до выпускных диспутов. Учились долго и не стеснялись пребывать в одном классе по нескольку лет. Так, ученик Константинов учился в фаре пять лет, другой просидел в синтаксисе (4-й класс) десять лет. Ученик Чепелев дошел до класса философии (7 класс) через четырнадцать лет пребывания в учебном заведении; Андрей Ушаков, окончивший курс обучения в 1760 году, учился в академии двадцать лет. Исключали редко и «более злонравных, чем непонятливых», но зато отчисляли сразу большое количество учеников. Отсев иногда составлял до одной трети контингента.

Исключенных зачастую по их просьбе принимали снова. Иногда это повторялось несколько раз. Некоторым оказывалась особая «почесть». Например, в одном из представлений было написано: «Даниловскаго, яко нерадиваго и лениваго ученика, выключить, выгнав его из академии в присутствии учеников метлами». Лучших учащихся академии для завершения образования посылали в специальные учебные заведения. Направляли в основном в медицинские школы, в Академический и Московский университеты. Некоторым студентам не удавалось закончить академию по причине срочного удовлетворения потребностей государства в образованных людях. Так, например, в 1735 году ректор Московской академии отметил, что ряд учеников был затребован в академию наук, других направили в Астрахань для «наставления» калмыков, в Оренбургскую экспедицию, Сибирскую губернию с действительным статским советником Василием Татищевым, в московскую типографию и монетный двор.

В первой половине XVIII века в Московской духовной академии получили образование многие из известных деятелей России того времени: митрополит Гавриил, князь А.Д. Кантемир, историк Бантыш-Каменский, ученые Горский и Костров и др. В 1731-1735 годах в ней обучался М.В. Ломоносов.

В 1775-1814 годах Московская академия находилась на творческом подъеме, названным историками «цветущим периодом». Учебное заведение возглавлял митрополит Платон, человек с прогрессивными взглядами. Он значительно расширил круг изучаемых наук, среди которых были церковная и гражданская история, русская церковная история и церковное право, церковный устав и церковное пение, а также история философии, физика (в новой интерпретации), новые языки и медицина. В академии появились новые учебные руководства, изживалась схоластика и формализм в обучении.

Митрополит Платон считал нужным ввести в науку великорусский элемент и отказаться от заимствования и иностранных особенностей. Воспитав много ученых-единомышленников, он отстранил от преподавания приглашенных из Киева богословов и философов; модернизировал академию, нацелив ее на распространение современных знаний. К содержанию учебного заведения были привлечены дополнительные средства, что позволило увеличить оплату труда наставников, значительно пополнить библиотеку, устроить бурсу для студентов. Учебный процесс стал более интересным, значительно сократился отсев, прекратились побег и укрыательства учеников.

В 1797 году начала работать Санкт-Петербургская Александро-Невская духовная академия. По проекту митрополита Гавриила, измененному и дополненному митрополитом Амвросием, были введены преподавание медицины, внеклассные музыкальные и поэтические упражнения; созданы физический и минералогический кабинеты; расширены и приведена в порядок библиотека.

Казанская духовная академия родилась также в 1797 году путем преобразования местной семинарии. Наряду с традиционными дисциплинами здесь изу-

чался татарский язык. Для пополнения образования студенты посещали университет, где слушали лекции по предметам, не преподававшимся в академии.

Наполняемость классов в академиях постоянно снижалась в зависимости от перехода студентов в более старшие учебные подразделения. В конце XVIII века в Московской академии из 1118 учеников в богословском и философском классах обучалось только 118 человек; в Киевской академии из 1146 студентов в философском классе учились 75, а в богословском – 56 человек; в Петербургской академии из 157 учеников, в философском классе было 24, а в богословском – 15 человек.

Таким образом, первые высшие учебные заведения в России готовили квалифицированных специалистов для церковной и гражданской службы. Академии выпускали образованных священнослужителей, способных впоследствии открывать низшие и средние духовные школы.

### 3.5. Генезис низших и средних духовных школ

**Н**ачало XVIII века в России характеризуется проведением ряда реформ, в том числе и касающихся православной церкви. Укрепляя абсолютную монархию, Петр I стремился полностью подчинить государству церковь и превратить ее в послушное орудие государства. Одним из путей реализации его замысла стало создание новых духовных школ. Вначале они открывались по инициативе отдельных епископов, поддерживающих правительственные преобразования. Эти начальные школы стали называться архиерейскими, так как устраивались под надзором архиереев и часто при их домах. Архиерейские школы – это низшие общеобразовательные учебные заведения по подготовке духовенства, где обучали основам религии, чтению, письму и арифметике. Первоначально все образование в них ограничивалось изучением «Начального учения отрокам», составленного Ф. Прокоповичем, и славянской грамматикой. По мере возможности разрешалось обучать риторике, логике и др.

Первые архиерейские школы были открыты в Чернигове (1700 год), Тобольске (1702), Ростове (1702), Новгороде (1706), Смоленске (около 1714). Самой большой по тому времени являлась Ростовская, где обучалось до 200 человек из семей самых различных званий и сословий. Здесь учили церковному чтению, письму, церковному пению, а в старших классах – греческому и латинскому языкам. Через весь курс красной нитью проходило религиозное образование. Основатель школы священник Дмитрий был очень привязан к своему детищу – содержал его за счет архиерейского дома, поощрял подарками учителей и учеников. Отношения с обучающимися отличались отеческой близостью. Священник сам вел занятия по толкованию Священного Писания, наблюдал за успехами учеников и их религиозным воспитанием. Окончившим курс обучения Дмитрий предоставлял лучшие места при церквях. После смерти основателя школы,

оставшись без попечительства, она в 1709 году прекратила свое существование.

Школа, открытая в Тобольске архиереем Филофеем Лещинским, имела целью «утверждение и расширение словес Божьих. Она предназначалась для поповских, дьяконовских и церковничьих детей». Курс обучения предусматривал усвоение грамоты, славянской грамматики, чтение христианской учебной литературы. В 1705 году по примеру южно-русских школяров тобольские ученики разыгрывали различные комедийные «акции». До 1728 года школа оставалась со славянскими курсом обучения, а затем ввели изучение латинского языка.

Наибольшую значимость имела деятельность Новгородской архиерейской школы, основанной митрополитом Иовом. Она делилась на два класса: славяно-эллинский и славянский общего диалекта. Обучалось до 100 человек разных чинов и возрастов, преимущественно из семей духовенства и из духовных лиц; были и архиерейские певчие, и подьяки, и дьяконы с дьячками. Все ученики содержались за счет архиерейского дома. В высшем славяно-эллинском классе изучали греческий язык и грамматику, составленную Лихудами, а некоторые проходили и риторику. В низшем славянском классе учились читать, писать, познавали славянскую грамматику по руководству Смотрицкого. Курс Новгородской архиерейской школы пользовался популярностью, и поэтому в 1715 году правительство обратило на нее свое внимание, решив направить учиться грамоте дворянских недорослей. Они составляли специальное отделение Новгородского училища, обучались грамоте у особых учителей. Недоросли снимали жилплощадь в частных домах, но пищей и учебными пособиями обеспечивались за счет архиерейского дома.

В Смоленске открыл школу митрополит Дорофей Короткевич, пригласив учителем Иосафа Маевского, монаха – студента Киевской академии. Обучение в Смоленской архиерейской школе проводилось с латинским акцентом. В 1718 году преемником Дорофея сал Сильвестр Холмский, человек невысокого образования и заурядных способностей. Школа постепенно стала хиреть, обучение в ней ограничивалось лишь чтением, письмом и церковным пением. В 1727 году в ней числилось лишь 19 учеников. В 1700-1721 годах, кроме вышеназванных школ при архиерейских домах, не было открыто ни одного учебного заведения для образования духовенства.

В начале XVIII века правительство Петра I приступило к реорганизации центрального аппарата. После образования Сената (1711 год) в России начали функционировать коллегии, центральные учреждения, ведающие отдельными отраслями государственного управления. Одной из них стала Духовная коллегия, реорганизованная в 1721 году в Правительствующий Синод, а в 1726 году – в Святейший Синод.

Управление церковью было передано новому органу, во главе которого поставили государственного чиновника – обер-прокурора, ликвидировав тем самым патриаршество. Это означало полное подчинение церкви державной влас-

ти, превращение ее в часть государственного аппарата.

Одним из важных дел Петр I считал формирование образованного духовенства. Еще в 1708 году он предписывал всем детям священнослужителей обязательно посещать школы. В противном случае такие юноши не имели права занимать вакантные места попов, дьяконов, подъячих и «иные чины, кроме служилого чина (солдатства)».

Одновременно с учреждением Правительствующего Синода был опубликован «Духовный Регламент», организационный акт духовного ведомства. В нем излагались все существенные стороны церковного управления и церковной жизни. Составитель Регламента Ф. Прокопович ясно и точно определил профессионально-сословное назначение духовных школ. Они становились доступными только для детей духовенства. С принятием этого документа духовенство стало отделяться от других сословий и тем самым было положено начало его сословной замкнутости. Высшее управление духовными школами возлагалось на Духовный Коллегиум, а ближайшее управление вверялось местным архиереям. Они должны были подбирать для школ учителей и других работников, открывать библиотеки, домовые церкви, особые больницы и аптеки для учеников. Часть обучающихся могла жить в школе за счет архиерейских домов, а другие могли быть «приходящими», живущими на своем коште.

В соответствии с «Регламентом» в России предусматривались духовные школы трех разрядов: академии, семинарии, архиерейские училища. Довольно подробно рассматривались семинарии, в которые следовало принимать подростков от 10 до 15-ти лет. Предлагался 8-летний курс обучения. На богословие, как главную дисциплину, выделялось два года, а на все остальные – по году. В предложенный учебный план входила логика или дидактика, риторика с пиитикой, физика с метафизикой, краткая политика, арифметика с геометрией, грамматика и языки. В последние рекомендовалось включать историю и географию. Такой подход объяснялся тем, что при переводе лучше использовать историческую и географическую информацию. В «Регламенте» говорилось об изучении латинского языка, получившего распространение в духовных школах. При наличии учителей допускалось преподавание греческого и еврейского языков. Весьма подробные рекомендации давались по обучению богословию. Учитель должен использовать первоисточники, а не учить «по чужим сказкам»; показывать детям фрагменты из книг в подтверждение сказанного. Большое внимание в Регламенте обращалось на изучение проповеднического искусства. Право проповедовать Слово Божие давалось людям ученым, освидетельствованным духовным коллегиумом. Проповедь должна удовлетворять потребности времени – обучать народ христианским обязанностям, повиновению государственной и церковной властям, искоренению всяких суеверий.

После вопросов, касающихся обучения, Регламент изложил правила воспитания духовных школьников в общежитиях. Для воспитания детей на новых нача-

лах, создания современного поколения пастырей церкви предлагалось полностью изолировать учащихся от общества, находящегося в неудовлетворительном состоянии; создать закрытые учебные заведения по типу монастырей. Жить там ученики должны «безвыходно», бедные на даровом казенном содержании, а более состоятельные вносить плату за питание и одежду. Допускалась жизнь воспитанников и вне стен семинарской бурсы, для чего предлагалось построить дома с общими квартирами. Ученики должны проживать в комнатах или избах по 8-9 человек одного возраста. Для каждого из них определялось место около стены, где бы стояли кровать, шкаф для книг, стул, располагались другие вещи. Вся жизнь учеников должна регламентироваться строгим распорядком. По звону колокольчика они обязаны вставать, молиться, учиться, ложиться спать и др. Для семинаристов прекращалась всякая связь с миром, даже с родными. Через три года обучения ученикам разрешалось повидаться с родственниками, но не более двух раз в год, отлучаясь на неделю. Доверенные лица следили за поведением отпускников. Родственников, пришедших на свидание, предписывалось принимать в саду, трапезной или в общей избе в присутствии ректора или других начальников.

Духовенство с большим нежеланием отдавало своих детей в школы, считая трудными мудреные науки и невыносимыми строгости школьной жизни. Ни угрозы, ни привилегии не могли повлиять на сердобольных отцов, и поэтому набор на учебу шел с чрезвычайными трудностями. Многие, поступившие в школу, бежали из нее к родным, где они укрывались отцами, несмотря на угрозы Синода о лишении таких отцов должности. Для поддержания требований обязательного школьного обучения правительство и высший церковный орган приняли более решительные меры. В 1722 году Синод издал Указ о переписи всех детей священнослужителей, подлежащих обучению в соответствии с их возрастом. Осенью 1723 года на духовные школы обратил внимание Петр I и при свидании с вице-президентом Синода объявил ему свою волю: «которые в ученики быть не хотят, тех имати в школы и неволею». Царский указ разослали по епархиям с предписанием вылавливать 7-18-летних мальчиков и юношей среди детей духовенства и направлять их на учебу. Ежегодно в епархиях, имеющих школы, перед началом занятий стали проводить смотры духовных недорослей. Их привозили в епархиальный город и комплектовали по возрасту и способностям.

Епископам вменялось в обязанность открывать архиерейские школы для подготовки священников при всех архиерейских домах. На каждую школу полагался один учитель, который бы учил не только «чисто и ясно читать», но и понимать прочитанное. На содержание учителей и учащихся епископам разрешалось проводить в своей епархии хлебный сбор с монастырских земель. В епархиальных школах предлагалось обучать чтению, письму, славянской грамматике, а в указе 1722 года рекомендовались арифметика и «нужнейшие части геометрии с тем, чтобы оканчивавшие школы в будущем служили на общую пользу церкви и

гражданству» [28].

В начале 20-х годов значительно повысилась роль и значение Новгородской архиерейской школы. Она стала образцом при организации подобных начальных учебных заведений в других епархиях и центром подготовки учителей для новых духовных школ. В 1723 году Ф. Максимов составил новый учебник по славянской грамматике для Новгородской школы, и затем царское правительство стало давать задания по созданию других книг и переводов учебников на русский язык. Новгородская архиерейская школа часто использовалась Петром I в государственных целях – он посылал в нее учиться дворянских детей с целью подготовки их к государственной службе. Только в течение двух лет таких «посланцев» набралось свыше 100 человек.

В 20-х годах XVIII века Новгородская школа стала центром по подготовке учителей, организатором открытия «меньших» учебных заведений. В 1723 году Синод приказал послать в Новгородскую школу из каждой епархии по три человека в возрасте от 15 до 20-ти лет для подготовки из них учителей грамматики. После окончания курса учебы им предписывалось вернуться в командировавшие их архиерейские дома. При активном участии образцовой школы в начале 20-х гг. в Новгородской епархии было организовано 15 «меньших» школ, открытых при церквях и монастырях с охватом более 500 учащихся. Подобные начальные учебные заведения учредили на Валдае, в Верхних Луках, Каргополе, Новом Торжке, Олонце, на Оштинском погосте, в Старой Руссе, Тихвине и в других местах. Учителями туда направлялись воспитанники Новгородской архиерейской школы. Многие учебные заведения были открыты для всех желающих (кроме крепостных крестьян), но учились в них главным образом дети духовенства. В 1726-1727 годах во всех новгородских школах числилось около 1000 учеников.

Архиерейские школы открывались и в других регионах Российской империи. Так, в 1721 года их учредили при Александро-Невском монастыре в Петербурге, в Нижнем Новгороде. Петербургская школа называлась словенской, в ней обучали азбуке, письму, арифметике, грамматике, псалтырю и толкованию Евангелия. В 1725 году здесь учились 82 мальчика, главным образом, дети канцелярских и монастырских служителей.

Другую школу в Петербурге открыл в своем доме Ф. Прокопович, куда принимали детей всех сословий. По оборудованию и организации обучения она считалась лучшей школой своего времени, где был представлен широкий спектр дисциплин. В школе Прокоповича преподавали славянский, русский, латинский и греческий языки, риторику, логику и «римские древности», арифметику и геометрию, историю и географию, рисование и музыку. Учащиеся устраивали концерты и сценические представления. Учебная работа проводилась по инструкции, специально составленной Ф. Прокоповичем, в которой был определен порядок учебных занятий и отдыха, устанавливались правила надзора за школьниками, давались наставления о поведении их в школе, общежитии, церкви, о

соблюдении правил гигиены. За 15 лет в школе Ф. Прокоповича обучилось около 160 человек. Многие из них пошли на гражданскую службу, стали учителями, продолжили образование в академической гимназии и у профессоров Академии наук, воспитанниками этой школы были известные деятели XVIII века А.П. Протасов, С.К. Котельников, Г.Н. Теплов и др.

В 1721-1725 годах было открыто 15 архиерейских школ (кроме Новгородской епархии), а всего к началу второй четверти XVIII века их насчитывалось около 45 с 3000 учеников. Они работали в Петербурге, Новгороде, Нижнем Новгороде, Белгороде, Вологде, Казани, Суздале, Твери, Холмогорах и в других городах. В 1724 году иркутский архимандрит Антоний Платковский известил Синод об открытии школы для детей духовенства, которые кроме всего прочего будут изучать монгольский и китайский языки. Школа разместилась в Вознесенском Иркутском монастыре и была поначалу монгольской, а затем ввели изучение русского языка.

Широкое развитие архиерейские школы получили в Черниговской епархии, где имелся черниговский коллегиум, находившийся под большим влиянием Киевской академии. Почти каждый губернский город имел по две школы - светскую и епархиальную, между которыми шла борьба за учеников. Синод потребовал, чтобы дети духовного сословия были возвращены в епархиальные школы. В результате в 14-ти цифирных школах совсем не осталось учеников и их закрыли. Духовные школы оказались устойчивее светских, вероятно потому, что необходимость подготовки кандидатов на священнический сан признавали люди всех направлений, в том числе и противники реформаторской деятельности Петра I.

Открытие епархиальных школ проходило с большими трудностями, обусловленными консервативностью духовенства и организационно-материальными факторами. Духовное учебное заведение испытывало трудности с набором учеников, причинами которых были бедность населения и неурожай. Количество обучаемых колебалось в пределах 30-90 человек. В 1724 году для обучения в Тобольской архиерейской школе из Далматовского заказа планировалось направить одиннадцать детей попов и дьячков, проживающих в Шадринске, Барневской, Куяровской и Ощепковской слободах, в селе Полевском. Отцы не выполнили указ и тогда архимандрит Исаак послал к нерадивым отцам дьячка села Николаевского Федора и пристава Григория Пономарева, сумевших под угрозой денежной пени заставить родителей послать детей в Тобольск [29].

С большим трудом исполнялись митрополичьи Указы об обучении в той части Далматовского заказа, которая в гражданском отношении состояла в ведении екатеринбургских заводов. С 1723 года взрослые дети уже работали при доменной печи, а младшие - обучались в Екатеринбургской заводской школе, готовясь к делу заводского письмоводства. Так, например, 20-летний сын попа Арамильской слободы Якова Никита после обучения в заводской школе стал работать копиистом в конторе уктусских заводов. В 1727 году от 42-х церквей

Далматовского заказа было направлено в Тобольскую архиерейскую школу только два 16-летних юноши, сын попа Парфена Кузьмина и сын дьячка Артамона Васильева. Последнее направление в Тобольск детей Далматовского и Рафаиловского заказов было в 1729 году в соответствии с указом от 1 марта на имя игумена Филиппа, управлявшего Далматовским монастырем после смерти Исаака.

При архиерейской школе дети учились азбуке, чтению по часослову, псалтыри и заповедям. В 1721 году в Москве Федором Поликарповым была издана славянская грамматика, 920 экземпляров которой и 300 букварей затем разослали по епархиям. Особой популярностью пользовался букварь Ф. Прокоповича «Первое учение отроков, в нем же буквы и слоги. Так же: краткое толкование Законного Десятисловия, Молитвы Господней, Символа Веры и девяти Блаженств». Эта книга только в одной Александрово-Невской типографии выдержала (до 1725 года) 12 изданий, а затем еще многократно переиздавалась. Наличие новой учебной литературы позволило Синоду расширить курс обучения и специальным указом утвердить изучение малого букваря, грамматики, десятиствия, ввели пение. Указ правительства от 1722 года отмечал, что «не излишне будет обучаться и арифметике и нужнейшей части геометрии».

В работе с детьми учителя сталкивались с рядом трудностей: неподготовленностью детей к школе, скудностью продуктов питания, малочисленным контингентом. В 1727 году они писали: «В епархии Тобольской дети ко учению вельми тупы; к тому же еще многие объявляют детей болезненных, которые по усмотрению в школу не приемлются» [30]. Митрополит Антоний в донесении Синоду отмечал, что вблизи Тобольска нет монастырей богатых хлебом, его хватает только на пропитание служителей монастырской общины. В ответном письме высшего церковного учреждения говорилось о необходимости содержать столько учеников, «сколько возможно удовлетворить, без излишества». Наибольшую заботу о детях своего заказа, обучающихся в архиерейской школе, проявлял Далматов монастырь, регулярно посылавший продукты питания. Так, «Пермские епархиальные ведомости» отмечали, что в 1730 году по весеннему половодью на барке по рекам Исети и Тоболу был послан от Далматова и Рафаилова монастырей солод в Тобольск на пропитание школьников.

После смерти Петра Великого просветительная деятельность правительства заметно ослабла и открытие новых духовных школ стало редкостью. Работающие училища в Вологде, Ростове, Ярославле и в других городах приходили в упадок. Однако наряду с этим имелись и позитивные факты, когда убежденные сторонники образования открывали элементарные духовные школы. В 1725 году в Псковской епархии учредил учебное заведение Рафаил Заборовский, собрав для обучения 58 человек. В 1726 году белгородский епископ Епифаний Тихорский основал в Харькове новое высшее училище, которое затем называли Харьковским коллегиумом. Через год после открытия школы в ней имелось восемь классов, где обучалось 420 учеников. В 1727 году иркутский просветитель Инно-

кентий Кульчицкий открыл при работающей миссионерской монгольской школе церковно-славянское отделение с 32-мя учениками. Учебное заведение приобрело статус обычной архиерейской школы. Ее основатель расширил помещение, увеличил жалованье учителям, усердно снабжал училище всем необходимым. Благодаря деятельности подобных архиереев, ревнителей духовного просвещения, получали оживление и прежние школы, а закрывающиеся – восстанавливались. Так, после Сильвестра Холмского, при всем желании не открывшего Рязанскую школу из-за недостатка учителей, в город приехал новый архиерей Гавриил Бужинский, который пригласил из Новгорода трех учителей и учредил учебное заведение.

Архиерейские школы развивались медленно и с большими трудностями. В 1727 году Верховный тайный совет потребовал от Синода сведения о наличии духовных учебных заведений в епархиях и содержании в них учеников в соответствии с Регламентом. Доставленная информация показала, что в ряде епархий нет ни одной архиерейской школы. Причины указывались самые разные: бедность епархий, отсутствие монастырей, нехватка учителей и др. Историк педагогики Е.Н. Медынский видел причины негативного отношения еще и в скупости епархий, не желавших выделять часть своих доходов на образование; в оппозиции местного духовенства к новому типу школы, где преподавались арифметика и геометрия.

Архиерейские школы в России были первыми государственными духовными начальными учебными заведениями с общежитиями при архиерейских домах. Первоначально в них могли обучаться дети из различных сословий. По мере развития светских профессиональных учебных заведений в архиерейские школы стали приниматься дети только духовного сословия. После окончания курса обучения они могли определяться как на церковные должности, так и на гражданскую службу.

Параллельно с архиерейскими школами работали монастырские училища, меняя иногда свои наименования. Рассмотрим положение на примере Западно-Сибирского региона. В 1735 году в Далматовском монастыре, относящемся к Тобольской консистории, учредили славяно-российскую школу. Она давала начальное образование, в содержание которого входило овладение грамотностью по букварю, чтение церковных книг, заучивание наизусть часослова с текстами молитв, пересказ псалмов, чтение псалтыри, церковное песнопение.

В 1740 году последовал указ Елизаветы Синоду о «размножении» школ и училищ по «Духовному Регламенту». В 1743 году она предписывала родителям обучать детей катехизису и наставлять их в чтении книг, угрожая за неисполнение штрафами. В 1744 году по указанию консистории состоялась проверка грамотности среди детей, по итогам которой последовал указ с констатацией результатов и строгим предписанием. В нем говорилось, что многие дети священнослужителей от 5 до 10-ти лет, а также от 9 до 15-ти лет ничему не научены и

поэтому «Его Превосходительство приказал: всех детей своих от 5 лет непременно обучать русской грамоте с таким прилежным смотрением дабы осмилетние были довольно выучены читать и писать совершенно» [31]. Дети церковнослужителей Далматовского заказа могли обучаться в Тобольской славяно-латинской школе.

В конце 50-х годов митрополит Павел II Конюсевич приказал открыть при монастырях и церковных заказах латинские школы. В 1759 году они начинали работать в Барнауле, Верхотурье, Красноярске и Троицке. В 1762 году приняли присягу Петру III, российскому императору, 32 ученика Далматовской славяно-латинской школы, обязуясь быть прилежными в учении. Для детей из бедных семей организовали общежитие – интернат по типу украинской бursы. Порядки такого общежития, по описанию Н.Г. Помяловского, характеризуются суровым регламентом, телесными наказаниями, грубым нравом. Дети церковнослужителей, обучающиеся в Далматовской славяно-латинской школе, находились на монастырском содержании, делая ежегодный взнос по 2 руб. 50 коп. в монастырскую казну.

В 60-х годах XVIII века Екатерина II пыталась поднять общий уровень культуры русского населения. В 1764 году императрица учредила особую комиссию по вопросам образования, предложившую открывать в городах и монастырях гимназии. Они должны были готовить к семинариям и служить народными школами грамоты. Кроме гимназий, планировалось открывать при благочинных (административно-судебное должностное лицо православного духовенства) особые училища для обучения русской грамматике, чистописанию и пению. Средства на работу учебных заведений правительство не планировало, и поэтому судьба духовных школ полностью зависела от епархиальных архиереев.

К 1767 году в Западной Сибири работало 15 латинских школ, осуществлявших начальную подготовку грамотных служителей церкви. В их функционировании были трудности, обусловленные отсутствием подготовленных учительских кадров, знающих латинский язык, и как следствие – слабая подготовка абитуриентов для продолжения обучения в Тобольской семинарии. В 1763-1767 годах только 7 латинских школ Западной Сибири, в том числе и Далматовская, направили 54 ученика для продолжения обучения в Тобольск, но и среди направленных были слабо подготовленные. Поэтому по указу Тобольской консистории все латинские школы в 1769-1770 годах были упразднены, а их учеников переправили в Тобольскую семинарию. Последующий учет кадров священнослужителей выявил снижение их общеобразовательного уровня. В 1779 году для исправления положения консистория приняла решение об учреждении в Западной Сибири славяно-русских школ.

Учителей – мастеров в Далматовом монастыре не хватало, и поэтому их приглашали из других обителей и городов. Так, двух детей из обслуги монастыря обучал кузнец и слесарь Зиновий Соловьев, крестьянин Кондинского Троицкого

монастыря, получивший за свой труд 5 рублей. Иконописному и гранильному делу учили Иван Медяков и Иван Патрушев, мастера, приглашенные из Екатеринбурга, заработавшие соответственно 6 руб. и 5 руб. 50 коп. [32].

В Кондинской монастырской заимке различным ремеслам обучали крестьянских детей, осваивавших столярное дело и резьбу по дереву, медное и кузнечное ремесло, сапожное, поварское и др. В 1763 году на заимке обучали 53 человека, из которых 21 стали каменщиками, а другие - специалистами массовых престижных ремесел. Уровень грамотности среди монастырских мастеровых и obsługi был крайне низким. В 1763 году из 59-ти человек этой категории людей, работающих в Далматовом монастыре, только Григорий Волосников, да сын портного Дмитрия Могильникова умели читать и писать. В Кондинской заимке чтением и письмом владели Евдоким Госьков и Василий Чернов. Грамотность среди монастырских крестьян была менее одного процента.

История духовных учебных заведений как специальных учреждений православного вероисповедания началась со времени издания «Духовного Регламента». Существовавшие при церквях, монастырях и архиерейских домах школы, имеющие богословский характер образования, считались, тем не менее, общеобразовательными и бессловными училищами, готовящими грамотных священнослужителей.

Первой духовной семинарией стало учебное заведение, открытое Ф. Прокоповичем в Петербурге в собственном доме сразу после опубликования «Регламента». Здесь преподавались богословие и общеобразовательные дисциплины. Среди учителей был известный датчанин Адам Селлий, ученик знаменитого богослова Фр. Буддея. Постепенно архиерейские школы модернизировались в духовные семинарии, первыми из которых стали черниговская, ростовская, новгородская и тобольская. Их работа строилась по упрощенному типу киевской и московской академии.

Открытие семинарий стало престижным явлением российской действительности. Архимандрит Александро-Невского монастыря Феодосий Яновский учредил в обители «славянскую или грамматическую школу», в которой преподавались грамматика и арифметика, латинский и греческий языки, живопись и музыка. В 1725 году эта школа получила наименование славяно-греко-латинской Александро-Невской семинарии, к которой в 1738 году присоединили духовную семинарию Ф. Прокоповича. В расширенном учебном заведении преподаватели известные ученые того времени Адам Селлий, Гавриил Кременецкий, Афанасий Скаляда, Амвросий Зертыс-Каменский (впоследствии архиепископ московский). В духовной семинарии при монастыре имелось восемь классов, где преподавались общеобразовательные и богословские курсы. Контингент учащихся состоял из детей, принадлежащих к разным сословиям, число которых доходило до сотни.

В 1730 году вышел манифест Анны Иоанновны, указавшей на необходи-

мость учреждения духовных школ во всех епархиях. Началась активная работа по реализации предписаний документа: изыскание средств, учителей, комплектование контингентов учащихся, расширение училищных курсов с введением предметов среднего образования. С начала 30-х годов архиерейские школы постепенно стали менять название, становясь духовными семинариями, средними специальными учебными заведениями. Во второй половине 30-х годов вышло несколько указов, касающихся новых учебных заведений. Они определили содержание образования, обеспечение педагогическими кадрами, декларировали права и обязанности выпускников. Обучение в духовных семинариях предписывалось вести на русском языке. Изучающие латинский, греческий диалекты и другие «высшие» науки обязаны были работать на духовной или гражданской службе. Выпускники из духовного сословия освобождались от военной службы.

Началось повсеместное преобразование архиерейских школ в духовные семинарии. В 1735 году этот процесс прошел в Вятской епархии, в 1738 году была преобразована Нижегородская архиерейская школа, открыта семинария в Устюге и Переяславле. В 1739 году по именному указу Анны Иоанновны учредили семинарию в Вязьме, а затем перевели ее в Москву на Крутицкий архиерейский двор, и она стала называться Крутицкой. В том же году преобразовали Тверскую школу, открыв в ней восемь классов. В 1740 году начали работать Рязанская и Новгородская духовные семинарии. В последней предписывалось изучать латинский, эллино-греческий, а по возможности и еврейский языки. Для малоспособных учеников был открыт ремесленный класс, где обучали иконописи. К концу 40-х годов XVIII века в Российской империи функционировало 17 духовных семинарий. Низшие духовные школы – славяно-российские и славяно-латинские с открытием семинарий потеряли свое прежнее значение, и многие из них были преобразованы в средние учебные заведения по подготовке духовенства.

В 40-х годах продолжалось открытие духовных семинарий, чему способствовала императрица Елизавета Петровна, страстная поклонница духовного образования. В 1742 году по ее указанию открыли Троицкую семинарию, получившую содержание от лавры. Это учебное заведение императрица посещала иногда по три раза в год, взяв под свое высочайшее покровительство. В 1743 году Елизавета Петровна посетила Невскую монастырскую семинарию и просила приглашать ее при проведении диспутов. Однажды она побывала при таком мероприятии вместе с наследником Петром Федоровичем. В 1744 году началось преобразование в семинарию Тобольской славяно-латинской школы. В 1745 году была учреждена Воронежская семинария. Первоначально в ней открыли лишь низшие классы: русский, латинский и певческий. В 1747 году Арсений Мациевич, управляющий Ростовской епархией, открыл духовную семинарию в Костроме, где благодаря прибывшим из Киева учителям в 60-х годах имелись все классы, включая философию и богословие. В 1753 году учредили семинарию в Переяславле Залесском, ставшую вскоре одним из наиболее устроенных духов-

ных училищ. В 1757 году Георгий Конисский основал Могилевскую семинарию, которой правительство назначило ежегодный оклад в 400 руб. в связи с нуждами православной церкви в Белоруссии и гонениями со стороны католиков. Сдерживающим фактором на пути модернизации учебных заведений являлись значительные материальные затраты, и поэтому в 50-х годах XVIII века лишь в восьми семинариях был введен полный курс обучения. В 1764 году в Российской империи функционировало 25 духовных семинарий с 6000 учеников, в том числе и обучавшихся в низших классах. К последним отчасти относились и инороднические школы Казанской епархии, учебный курс которых имел духовную направленность, а многие выпускники получали должности.

Духовные школы с первого года правления Екатерины II стали особым предметом ее внимания. В инструкции комиссии о церковных имениях она отметила, что многие священники «не токмо не ведают истинного пути к просвещению народному, но и будучи сами часто малограмотные являются для народа дурным примером». Прошло сорок лет со дня опубликования «Регламента», как отметила императрица, но архиерейских семинарий очень мало и они находятся на бедном содержании, «малое число достойных и надежных учеников». Для поднятия уровня образования императрица считала необходимым поднять благосостояние и расширить курсы духовных школ за счет части доходов с церковных имений. Правительство требовало проведения полной реформы духовных семинарий, в ходе которой в каждой епархии следует учредить по одному-два средних учебных заведения, по три училища; составить штаты с определением жалованья всех учителей и необходимой суммы на учебные пособия (библиотеки). При перестройке следовало расширить учебный план, включив в него математику, историю и географию; ученикам рекомендовалось больше заниматься чтением в семинарских библиотеках. Решая исключительно вопросы управления церковными вотчинами и штатами для архиерейских домов, монастырей, соборных и вотчинных церквей, комиссия не успела составить никаких планов, касающихся духовных школ. Императрица распустила комиссию и повторила свою волю относительно улучшения образования.

В 1764 году была сформирована новая творческая группа в составе наиболее талантливых духовных лиц: тверского епископа Гавриила, псковского епископа Иннокентия и московского иеромонаха Платона Левшина. Проект, составленный ими, остался неутвержденным и не был реализован в целом виде, однако его положения использовались в практике школьной жизни.

В 70-90-х годах XVIII века продолжалось преобразование учебных заведений и открытие новых семинарий. В 1775 году была утверждена Словенская епархия, во главе которой поставили архиепископа Евгения Булгаря. На следующий год он открыл семинарию в составе низших классов, а в 1779 году начали работать высшие классы и она стала именоваться Словенской духовной семинарией. Длинная история оказалась у Астраханского учебного заведения, открытого в 1729

году в составе низших классов для детей купечества и духовенства. Оно несколько раз закрывалось и открывалось вновь, то как общесословная школа, то как предназначенная только для детей духовенства. Окончательное открытие полной Астраханской семинарии состоялось в 1778 году. Для нее вызвали учителей из Киевской академии, Казанской, Рязанской, Харьковской и других семинарий. В этом же году учредили семинарию в Севской епархии. На ее обширной территории не было никаких школ, а духовенство отличалось крайним невежеством. В 1779 году начали работать духовные семинарии в Иркутской и Тамбовской епархиях. Последняя испытывала острую нужду в учебном заведении, так как этот край характеризовался «повальным» невежеством местного духовенства. По повелению Синода сюда направили учителя из Рязанской епархии. В том же 1779 году епископом Иоанникием была открыта Олонецкая семинария, проработавшая, к сожалению, недолгое время.

В 1765-1777 годах митрополит Гавриил предпринял попытку организации на базе его Петербургской духовной семинарии Московского духовного университета или хотя бы богословского факультета, но она оказалась тщетной. Тогда в 1786 году он обратился к Екатерине II с предложением сделать Петербургскую семинарию главным учебным заведением по подготовке учителей для России. Императрица одобрила идею, а Синод издал указ, по которому все епархиальные семинарии обязаны были через каждые два года присылать в главную семинарию своих учеников. Студенты находились на казенном содержании и по окончании курса обучения в течение двух лет обязаны были прослужить на учительской должности.

Некоторые выпускники главной Петербургской семинарии стали известными людьми: М. Сперанский, И. Мартынов, Ф. Рusanов и др.

В 80-х годах началось совершенствование развития губернских духовных средних учебных заведений. Так, в 1788 году Александрo-Невскую семинарию стали именовать «главной семинарией», в которую набирались лучшие ученики провинциальных духовных средних учебных заведений. Она размещалась в феодоровском корпусе Александрo-Невской лавры. В учебный план модернизированной семинарии дополнительно ввели изучение церковной и естественной истории, механики и опытной физики. Наиболее известными ректорами и преподавателями семинарии 30-80-х годов XVIII века были митрополит Гавриил Кременецкий, автор «Новой Скрижали» Вениамин Краснопевков, Амвросий Зертис-Каменский, Арсений Верещагин, Николай Музовский.

Значительный вклад в развитие духовной семинарии внес профессор Е.А. Болховитинов, русский историк, археограф и библиограф. В дореволюционной литературе он значится как «митрополит Евгений». Его перу принадлежат работы, посвященные всестороннему описанию Великого Новгорода, Воронежской губернии, Грузии, капитальный библиографический труд «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской

церкви» и др. В Киеве Болховитинов руководил археологическими раскопками, приведшим к открытию фундамента Десятинной церкви, Золотых ворот и других памятников старины. Среди наиболее известных «катехизаторов» 90-х годов были проповедники Анастасий Братановский и Феофилакт Русанов, а в числе учеников, ставших префектами, – М.М. Сперанский, русский государственный деятель первой четверти XIX века, директор департамента Министерства внутренних дел, статс-секретарь Александра I, член Комиссии по составлению законов, пензенский гражданский губернатор и генеральный губернатор Сибири.

Из воспитанников Санкт-Петербургской главной духовной семинарии набиралась члена академии наук, российской академии, академические институты. Выпускники работали в епархиальном ведомстве, комиссии по учреждению новых училищ, в коллегии иностранных дел, русских миссиях на территориях иностранных государств, в европейских университетах.

В 1797 году ведущую духовную семинарию переименовали в Александро-Невскую академию. Подобную историю имела архиерейская школа в Казани, учрежденная в 1723 году. В 1732 году ее преобразовали в семинарию, а в 1797 году – в академию по типу Киевской и Московской. Прогрессивное развитие главной семинарии было обусловлено ее размещением в столичном городе, сосредоточившем духовные и светские научные кадры.

В XVIII веке в целом по России развитие семинарий было сопряжено с большими трудностями. Они, как и архиерейские школы, развивались с большими трудностями. Императрица Екатерина II отмечала, что «архиерейские семинарии состоят в весьма малом числе учеников, в худшем учреждении наук и в скудном содержании». Негативными сторонами духовных средних учебных заведений были слабая материальная база, отсутствие единых требований в преподавании, нехватка подготовленных учителей, господство латыни, формализм и схоластика в обучении. Характерным примером является работа Тобольской семинарии, контингент которой в разные годы составлял от 50 до 80-ти человек. Обучение давалось с трудом, а некоторые семинаристы вообще не справлялись с учебными предметами и их переводили в низшие классы или отчисляли. Так, поповского сына из Красномыльской слободы как «неспособного к латинскому диалекту» перевели в славяно-российскую школу для усвоения славяно-российской грамоты и обучения нотному пению. Будущий священнослужитель успешно изучил псалтырь, часослов, церковный устав, нотную грамоту и написал прошение о назначении его на церковную службу в связи с исполнившимся 20-летием. Недостатки духовных семинарий замечали многие авторитетные люди России и, в частности, Платон и Гавриил, Московский и Санкт-Петербургский митрополиты, предлагавшие проекты преобразования духовных учебных заведений.

В 1793 году учредили Волынскую, Минскую и Подольскую духовные семинарии. Несколько учебных заведений за свое недолгое царствование успел от-

крыть Павел I, выделив на них значительные средства. После коронации он посетил Вифанию, любимую обитель митрополита Платона, и распорядился возвести ее по окладу во второй класс монастырей и учредить семинарию с контингентом в 100 учеников. На строительство нового училища Павел I выделил 30 тыс. руб., а на содержание семинаристов распорядился ассигновывать ежегодно по 4 тыс. рублей. Монастырская духовная семинария начала работать в 1800 году. В этом же году по распоряжению Павла I учредили армейскую семинарию в Петербурге, предназначенную для обучения детей военного, армейского и флотского духовенства. На ее содержание планировалось ежегодно отпускать из казны по 12 тыс. рублей. В 90-х годах произошли существенные изменения в работе Киевской главной семинарии. По проекту митрополита Гавриила, измененному и дополненному митрополитом, были введены преподавание медицины, внеклассные музыкальные и поэтические упражнения; созданы физический и минералогический кабинеты; расширена и приведена в порядок библиотека. С возникновением новых епархий – Калужской, Оренбургской, Пензенской и Пермской (1799 год) в них стали открываться новые учебные заведения. Так, в 1800 году на базе Лаврентьевского училища учредили Калужскую семинарию, набрав для нее учителей из московских духовных школ. В этом же году епископ Иоанн открыл Пермскую семинарию, а затем начали работать Пензенское и Оренбургское учебные заведения.

Таким образом, в последней четверти XVIII века было учреждено 15 новых духовных семинарий, но, в то же время, вследствие различных перемен в епархиальном делении России, одни учебные заведения переводились на новые места, а другие совсем закрывались, как это случилось с Крутицкой, Олонецкой, Слуцкой и другими семинариями.

В декабре 1779 года Павел I издал указ, в котором выразил свое особое внимание к духовному просвещению. Он предложил кроме имеющихся двух духовных академий в Петербурге и Казани открыть там еще две, вместо существовавших семинарий.

Учебно-воспитательный процесс в духовных учебных заведениях строился в основном по типу Киевской академии. Особенности в работе семинарии зависели, главным образом, от приверженности епархиальных архиереев к конкретным наукам, на изучение которых они отводили больше времени. Например, вместо двух лет, положенных на освоение основ христианской религии, учеников держали в богословском классе по три-четыре года. Общая продолжительность обучения составляла 10-13 лет.

Самым низшим классом, с которого начиналось училищное и семинарское образование, был класс «заправный», или приготовительный, называющийся также русской школой и информаторией. Курс обучения в нем был чисто элементарным, общеобразовательным, и состоял, главным образом, в научении мальчиков чтению и письму, а с 80-х годов XVIII века – чтению гражданской печати. Преобладающим в русском классе, да и в последующих, являлось чтение

по псалтыри и часослову, а кроме того, сообщались некоторые грамматические сведения и правила русского происхождения. По Закону Божию ученики информатории выучивали символ веры, главные молитвы, заповеди и блаженства с кратким толкованием по букварю и сокращенному катехизису, для чего назначались преимущественно воскресные и праздничные дни. Некоторые обучающиеся заканчивали свое образование «заправным» классом и уходили служить причетниками. Поэтому в русской школе в послеобеденные часы некоторых дней недели обучали пению по нотам и на слух. Продолжительность приготовительного курса составляла один год.

После информатории ученики переходили в латинские грамматические классы, оставляя русский язык до пиитики и риторики. Они делились на две категории – низшие и высшие. Низший класс соответствовал фаре и инфиме, и поэтому в некоторых семинариях их выделяли как самостоятельные ученические подразделения. Срок обучения в каждом из них проходил в течение года, а в соединенном низшем классе – два года. Латинскую грамматику преподавал один учитель, кратко объясняя синтаксические правила и обучая учеников переводам с латинского языка на русский и обратно. В фаре или аналогии учились читать и писать по латыни, элементарно, но эта работа давалась с трудом и нередко ученики оставались в этом классе на несколько лет. В инфиме начиналось грамматическое учение, продолжавшееся в классах грамматики и синтаксиса. Ученики принимались за толстую латинскую грамматику Альвара, чрезвычайно трудную для понимания. В нижнем классе, инфиме, преподавались начальные этимологические правила грамматики и делались небольшие переводные экзерциции; начиналось изучение катехизиса, уроки (задания) которого задавались на воскресные и праздничные дни. В высшем грамматическом классе, или синтаксисе изучали полный синтаксис и просодию, то есть часть учения о стихосложении (ударность, долгота, высота). Ежедневно проводились устные переводы с русского языка на латинский, а письменные упражнения делались по три раза в неделю. На каждый день ученикам давалось задание по заучиванию наизусть нескольких тирад и сентенций различных авторов; или по несколько десятков слов из лексикона Целлария; или заучивание нескольких выражений из латинской фразеологии. При такой методике обучения некоторые ученики доходили до "изумительной свободы" в употреблении латинского языка, но были и совсем не обладающие лингвистическими способностями. Основными причинами отставания в учебе были несовершенство педагогической технологии и отсутствие индивидуального подхода. Многие учились в синтаксисе по 6-8 лет и достигали 27-28-летнего возраста, а затем выбывали по собственной просьбе или исключались "за великовозрастие". Поэтому, начиная с инфимы и синтаксиса, количество обучающихся уменьшалось за "невзятием латинской науки". Уровень образования в русских школах давал возможность их воспитанникам работать лишь на причетнической должности при церкви.

Из синтаксима ученики переходили в первый, собственно уже семинарский класс. Он назывался пиитикой, но если его в учебном заведении не было, то обучающиеся шли в класс риторики. Пиитика (*ars versus pangendi*) как учебный предмет рассматривала основы литературы и поэзии, внешнюю красоту художественного слова. Познание стихосложения начиналось с изучения правил (регол), форм пиитической и риторической речи. Искусству "плести вирши" уделялось серьезное внимание киевлянами, считавшими эту дисциплину равной по значению риторике, философии и богословию. Много времени отводилось украшению пиитического стиля, тропам, фигурам и другим особенностям стихосложения. Киевская система обучения отличалась формализмом и излишними мелочными подробностями. Великорусские семинаристы не считали пиитику особенно необходимой в своем образовании, и поэтому данный класс во многих учебных заведениях отсутствовал, а преподавание стихосложения поручали учителям риторики, выделяя по одному часу в неделю.

Весьма важным для развития учеников считался риторический курс, так как в большей части учебных заведений риторика оставалась высшей наукой, завершающей семинарское образование. Она особенно высоко ценилась там, где не было философского и богословского классов. Риторическое обучение в сущности было продолжением игры в словесные формы в классе пиитики. Весь предлагаемый в риторике материал являлся сбором регул, имевших практическое значение для обучения письму и ораторству. В содержание курса входило множество различных готовых трафаретных приемов, высоких фраз, сравнений, подобий, сентенций и примеров из истории. Из них ученик мог составить речь на любую тему и произнести ее высокопарным языком. Кроме обучения формам речи в классе риторики начиналось первоначальное развитие у учащихся формального мышления, так как содержание правил относилось к логике или грамматике. Риторика и пиитика имели стабильные печатные руководства, значительно облегчавшие учебный процесс для учителей и учеников. Самостоятельные письменные упражнения, задаваемые каждую неделю, строго следовали порядку изучаемых в классе отделов риторики. Учитель ежедневно занимался с учениками чтением латинских и русских образцовых сочинений с их последующим риторическим разбором. Практиковались самостоятельные домашние чтения с отчетами о прочитанном. Главное внимание учителя уделяли составлению ораторских речей и, в частности, проповедей, как высших проявлений красноречия. Они постоянно заставляли учеников - риторов читать вслух с классной кафедры, приучая тем самым к правильному произношению слов, фраз и всего текста в целом. При таком педагогическом подходе повышались требования к знанию русского языка. Еще в 1766 году Платон в одном из распоряжений, касающихся преподавания наук в Троицкой семинарии, отмечал, что "нелепо учить к языку латинскому, а родную речь бросать". При Екатерине II изучение русской риторики и пиитики было введено во всех духовных семинариях. При изу-

чении богословия и философии обязательным стал их перевод на русский язык. Часть ученических упражнений в высших классах тоже писалась на русском языке. Преподавание экстраординарных светских наук велось на русском наречии. На обучение в классе риторики отводилось два года, но там, где отсутствовали философия и богословие, ученики задерживались до четырех и более лет. За этот период они должны были определиться с местом работы.

В философский класс переводились еще меньше учеников, чем в пиитический и риторический. Глубокомысленное мировоззренческое движение второй половины XVIII века заставило духовные власти обратить внимание на усовершенствование и обновление философского преподавания в семинариях.

Разрушительной силе модной французской философии старались противопоставить новые подходы солидной немецкой науки и наиболее общих законов развития природы, общества и мышления. Философия, как и богословие, читались на латинском языке. Изучение науки об общих законах включало пять разделов: диалектику или логику, физику, психологию, метафизику и ифику. Физика была единственной наукой, дававшей семинаристам элементарные реальные знания. В основе всей философии лежали начала Аристотеля с господствующим схоластическим методом ее изучения. Но с 50-х годов XVIII века учение греческого мыслителя в российских академиях не стало существенной теорией, а причиной этому явилось проникновение идей новой философии Бэкона, Декарта, но особенно Вольфа и Лейбница. Безусловно, новые знания не могли не отразиться на содержании диспутов как приема обучения в семинарии.

Подготовка квалифицированных священнослужителей заканчивалась классом богословия, считавшимся средоточием всего специального образования и требовавшим, в связи с этим, особенного внимания со стороны духовных властей и самих учеников. Преподавание было построено на теории Фомы Аквинского и его академических последователей. По своему характеру они представляли собой обыкновенные трактаты со всеми присущими недостатками схоластического богословствования. В начале XVIII века в Киеве зародилась система богословия Ф. Прокоповича, изложенная по образцу новых в то время протестантских теорий Германии. В 40-х годах система знаменитого русского просветителя стала проникать и в семинарии, первой из которых была Троицкая. Преподаватели богословия стали освобождаться от схоластики, чему способствовало постепенное введение в учебный курс русского языка и особенно издание на нем богословских систем. Эффективным образовательным методом, как считали богословы, являлись катехизические беседы, где звучало живое слово об истинах веры на родном языке. Посещение их семинаристами было «строго-обязательным». Разработка и ведение катехизических бесед поручалась ректору и префекту, а иногда и кому-нибудь из учителей духовного звания. В учебном процессе широко использовались два вида диспутов – приватные, проводимые каждую субботу, и публичные, проходившие перед каникулами, а также при

окончании учебного года. Итоговые диспуты совершались в торжественной обстановке с приглашением гостей. Кроме того, студенты богословского класса упражнялись в написании на русском и латинском языках ежемесячных научных рассуждений (диссертаций); в сочинении проповедей, проводимых несколько раз в год, а затем произносимых (по выбору преподавателя) в семинарской церкви. В богословских классах ученики обучались от двух до пяти лет, оставаясь в них для «приискания» места службы. До начала 60-х годов XVIII века два высших класса, философский и богословский, существовали только в восьми семинариях, а еще три – заканчивали свои курсы философией.

К специальным учебным предметам относились греческий и латинский языки. С введением в учебный курс новых языков, немецкого и французского, некоторые духовные школы начинали открывать французские классы. К концу XVIII столетия они имелись почти во всех семинариях. Уроки по иностранным языкам проводились ежедневно и наполовину состояли из разговорных упражнений. В западных семинариях и в Киевской академии изучался польский язык; в Поволжских духовных учебных заведениях осваивали инородческие диалекты (татарский, мордовский, чувашский) с целью подготовки проповедников для миссионерской деятельности.

До 80-х годов XVIII века математическое образование семинаристов ограничивалось изучением арифметики, да к тому же этот предмет считался почти необязательным. В 1785 году по требованию правительства и указу Синода математическое образование начали вводить в духовных школах как обязательную дисциплину. Ее изучали только в двух грамматических классах в послеобеденные часы по субботам, реже – по средам. Лишь при проведении общей реформы образования стали вводить геометрию и естественную историю.

Экстраординарными дисциплинами в духовных школах являлись география, изучаемая в грамматических классах, а также история, включенная в учебный план класса риторики и частично в расписание класса философии. Назначалось по два урока истории в неделю и по два – географии. До 1785 года учебные книги по этим предметам постоянно менялись в соответствии с распоряжениями местного начальства.

Кроме указанных второстепенных дисциплин в учебный курс духовных семинарий в разное время и в разных регионах организовывали классы живописи, архитектуры, музыки; изучались основы сельского хозяйства и медицины. С 1802 года уроки по медицине были назначены в философских и богословских классах, по два часа в неделю в послеобеденное время, но вскоре их отменили.

Условия жизни и обучения семинаристов были далеко не удовлетворительными. Характерными были теснота зданий, где учебные комнаты служили и спальнями. Рязанская семинария, например, размещалась в нескольких избах. Каждый класс имел свой дом, а также избы для столовой, кладовой, для учителей. Все это предоставляло своеобразную деревню. В учебных избах имелись

лавки вдоль стен для учебных занятий, а ночью они использовались для сна. Под ними ставили сундуки с вещами семинаристов. Историк П.И. Знаменский отмечал, что в классах была теснота, страшный холод, сквозняки, худые разбитые окна, изломанные двери, грязь. В Троицкой семинарии ученики зимой сидели в тулупах, так как руководство экономило на топливе. Наряду с этим почти при всех семинариях имелись специальные залы для проведения диспутов, экзаменов и других значимых актов. Это было парадное, и поэтому самое ухоженное место в семинарии. Здесь висели портреты высоких духовных особ, имелись зелень, цветы. Некоторые семинарии имели собственные церкви.

Содержание семинарии зависело полностью от местных средств каждой епархии, от умения и энергии епархиальных властей использовать их на благо духовного образования. С начала существования школ ученики почти везде обучались за счет самих училищ, но с ростом числа семинарий и увеличением их контингента содержание учеников стало обременительным для епархий. Семинаристов разделили на казеннокоштных бурсаков, и своекоштных, живущих за счет средств родителей. Существование последних было крайне бедственным по сравнению с жизнью бурсаков, обеспеченных пищей (хоть и скудной) и приютом. Для облегчения содержания своекоштных учеников за ними закреплялись церковные места, заключались договоры (кондиции) о материальной помощи с состоятельными городскими священнослужителями, дворянами и другими "достаточными" обывателями.

Число казеннокоштных и полукоштных учеников, живших в семинарских зданиях, зависело от экономических соображений училищного и епархиального начальства. Так, казенные ученики Псковской семинарии снабжались бельем и чулками, башмаками и сапогами, шапками и рукавицами, суконными кафтанами и овчинными тулупами. В питание семинаристов входили хлеб, в количестве 14 фунтов в неделю на человека, квас, щи без мяса; по праздникам щи с мясом (2 фунта на 3 человека) и каша с мелкой рыбой. В большие христианские праздники на столах появлялись холодная говядина и холодец (блюдо на семь человек). Вся посуда была деревянной.

Своекоштные студенты объединялись в артели по 6-13 человек и выбирали квартиры для проживания подальше от семинарии, так как они были дешевле, и, конечно же, с печью, чтобы самостоятельно готовить пищу. Это были в основном дома мещан, отставных солдат, людей бедных сословий. Каждый член артели вносил в "общий котел" свой пай продуктов, привезенных из дома.

Нужда заставляла бедных семинаристов и самих заботиться о средствах к существованию. Многие добывали кусок хлеба перепиской книг и рукописей, репетиторством, работой в качестве письмоводителей у различных начальственных лиц. Некоторые нанимались на обслуживающие или "черные" работы. У руководителей духовных школ и учителей прислуга всегда состояла из бедных учеников. Весьма распространенным способом добывания пропитания были

всякого рода поборы: выпрашивание подаяний, славенья на Рождество и Пасху и др. Владельцы садов и огородов хорошо знали ловкость семинаристов в преодолении высоких заборов, а торговки на рынке «усмотрев учеников духовных школ, спешили закрывать свои лотки» [33].

Ожнорусские семинаристы получали разрешение от начальства на проведение уроков в отъезде. Они по полгода не появлялись в семинариях, занимаясь учительством в помещичьих деревнях, работая «будильниками» и послушниками, огородниками и пахарями.

Всеобщее обучение детей духовенства проводилось с большими трудностями. Родители расставались с детьми, направляемыми в семинарию, с грустью и даже с прискорбием. Для сбора детей по епархиям зачастую направлялись рассыльщики, специальные люди. Действенными мерами привлечения детей духовенства в школы было недопущение неграмотных к священничеству, ограничение свободного доступа к причетническим должностям. В особых случаях при сопротивлении духовенства епархиальное начальство применяло и карательные меры, направленные как против детей, так и против их отцов. Для первых большим наказанием было лишение прав на духовное звание «через отдачу в подушный оклад или солдатство». Отцы, скрывавшие детей от ежегодных смотров недорослей, подвергались лишением должностей, телесным наказаниям, но чаще всего денежными штрафами.

Трудности с формированием контингента были обусловлены нежеланием родителей отрывать детей от дома и суровой закрытой жизнью в духовных семинариях. Первые каникулы (вакации) предоставлялись в августе, через 3-4 года обучения. Отпускаемым ученикам выдавались паспорта с указанием данных о их владельцах и месте учебы. Вся воспитательная работа в духовных школах была направлена на специальную подготовку к будущей профессии. Проступок ученика оценивался не как нарушение общепринятых норм мальчиком или юношей, а как преступление, совершенное гражданином. За многие из них ученик обсуждался не в учебном заведении, а судился в обыкновенных присутственных местах своего ведомства, духовных правлениях, в консисториях и т.п. Тупая канцелярщина и бездуховность российского общества проникли и в семинарскую жизнь. Педагогические меры в отношении к ученикам состояли исключительно в весьма суровых наказаниях, имевших не нравственно-исправительный и воспитательный характер, а карательный, соответствующий общим юридическим взглядам на школьную жизнь. Отношения между учениками, учителями и учениками были неискренними, ложными и странными.

Семинаристы, нарушавшие установленные порядки, подвергались различного рода наказаниям, в том числе и физическим. Просвещенный Парфений, узнав о большом количестве уклоняющихся от обучения в Смоленской семинарии, предписал: «ректору и префекты духовной школы всех праздношатающих учеников большого возраста плетью, а малого лозами высечь нещадно» [33,

с.595]. Во второй половине XVIII века физическое наказание семинаристов допускалось очень редко и не во всех учебных заведениях, но в приговорах они проходили не как школьники, а наравне с подсудимыми духовного ведомства. За пропуски учебных занятий после вакаций семинаристам грозили другие наказания. Во Владимирской консистории опоздавшие на два дня наказывались стоянием на коленях в течение двух часов, за пропуск четырех дней переводили в низший класс, прогулявшие неделю приглашались на прием к высокому начальству, решавшему их судьбу. По распоряжению епархиальной власти беглецы лишались закрепленных за ними мест, на доходы с которых они учились. За прогулы и просроченные отпуска казеннокоштные ученики повергались вычетам из их содержания или лишением казенного кошта на определенные сроки в зависимости от количества пропущенных дней. В некоторых епархиях бывшие ученики подвергались денежным штрафам по окончании семинарий, при определении места работы. За 30 пропущенных дней - двухрублевый штраф. За побег из семинарии исключали и передавали наказанного светскому начальству для приписки в податное состояние или зачисления на военную службу.

Звание учителя в духовной школе было в «низменном положении». Ректор, а тем более архиерей обращались с учителями так же, как учителя с учениками. Педагоги были бесправны, но имели много обязанностей. Каждый учитель, за исключением работавших в низших классах, последовательно преподавал один за другим несколько предметов, переходя из класса в класс. Учителя часто менялись, прослужив 4-5 лет они устраивались на другую работу, преимущественно на епархиальную службу. В новые семинарии с первоначальными низшими курсами на учительские места назначались люди из местного духовенства: дьяконы, священники (редко), дьячки, пономари, дети попов, певчих. Иногда архиереи принимали учительствовать и светских граждан. Расширение курса семинарий потребовало более образованных преподавателей, поисками которых занимались епархии. Наиболее желательными на учительские должности считались студенты Киевской академии, несмотря на то, что многие из них не заканчивали академический курс. Увеличение классов философии и богословия требовало много более подготовленных преподавателей, и поэтому специалистов стали поставлять Харьковский коллегиум, Московская академия, Казанская, Новгородская и Троицкая семинарии.

Таким образом, духовное образование в XVI-XVIII веках осуществлялось в учебных заведениях различных типов: в школах церковных братств, монастырских, приходских, архиерейских, в академиях. Наибольшее развитие получили духовные семинарии, где к концу столетия сформировались относительно стабильные учебные планы, система обучения и содержания учащихся.

### Вопросы и задания

1. Раскройте сущность образовательных проектов XVI-XVIII веков.
2. Какие прогрессивные идеи содержатся в педагогической мысли И. Т. Посош-

кова и В.Н. Татищева?

3. Что представляла собой система обучения и воспитания в школах церковных братств?
4. Чем характеризуется образовательная деятельность духовенства в патриарший период?
5. Осветите содержание образования в духовных академиях.
6. Сделайте анализ состояния архиерейских школ.
7. Какие типы школ работали при монастырях?
8. Раскройте содержание образования в духовных семинариях.

#### **Литература для самостоятельной работы**

1. Антология педагогической мысли в Древней Руси и Русского государства XVI-XVIII веков. – М., 1985.
2. Карамзин Н.М. И что тогда была Россия. – Харьков, 1990.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1993.
4. Ковригина В.А. Иноверческие школы Москвы XVII – первой четверти XVIII веков // Педагогика. – 2001. - № 2.
5. Мещеряков В.П. Братские школы Белоруссии. – Минск, 1977.
6. Смирнов В.И. Российские учителя и источники их педагогического познания в первой половине XVIII века // Педагогика. – 2002. - № 7.

## **Глава четвёртая. ПРАВОСЛАВИЕ В ШКОЛАХ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ СИНОДУ (XIX- НАЧАЛО XX ВЕКА)**

### **4.1. Открытие и работа церковно-приходских школ**



официальное зарождение церковно-приходского обучения началось в 1803 году после опубликования «Предварительных правил народного просвещения». В соответствии с правительственным документом все учебные заведения делили на четыре разряда: приходские училища, уездные, губернские (или гимназии), университеты. В городах и селениях каждый церковный приход или два прихода, в зависимости от числа прихожан, должны были иметь одно приходское училище. В казенных селениях они вверялись священникам и почетным жителям, в помещичьих – «просвещенной и благонамеренной попечительности» помещика. Целью приходских училищ являлась подготовка учеников к поступлению в уездные училища, а также физическое и нравственное воспитание. Народные школы должны были содержаться населением: в городах – за счет городского общества, в казенных селениях – крестьянами, в частных поместьях – помещиками. Учебный план приходских училищ предусматривал обучение чтению, письму, четырем действиям арифметики, Закону Божьему, правоучению, а также проведение объяснительного чтения книги «Краткое наставление о сельском домоводстве».

Благие образовательные намерения российского правительства реализовывались с большими трудностями. Причинами являлись отсутствие государственного финансирования, учительских кадров, незаинтересованность городских властей и помещиков в образовании простого народа. По данным «Статистического изображения городов и посадов Российской империи по 1825 год», из 533-х штатных городов, 102-х заштатных, 51-го местечка и посада не имели ни одного учебного заведения, 131 штатный город, 81 – заштатный и 47 посадов и местечек. По одному учебному заведению имели 232 штатных города, 15 – заштатных и 3 посада. Во всех городских поселениях с более чем 3,5 млн. человек имелось лишь 1095 учебных заведений, а число трактиров и питейных домов доходило до 12179 единиц.

В 30-х годах XVIII века правительство Николая I начинает обращаться к духовенству, официально обязывая и поощряя его к открытию училищ для народа. Священный Синод возложил на духовенство заботу о начальном образовании, утвердил церковно-приходскую школу как учебное заведение и провозгласил священнослужителей народными учителями. В 1832 году царь «повелел» упразднить приходские училища в Волынской, Киевской и Подольской губерниях, находившихся в руках римско-католического духовенства. Вместо них Николай I

приказал учредить училища при церквях греко-римского исповедания, где бы преподавались русская грамматика, арифметика, русский катехизис. С 1836 года учителями церковно-приходских школ стали назначаться священники и дьяконы, которым платили по 145 руб. в год при готовом помещении, отоплении и освещении. Деньги на содержание училищ взимались с удельных крестьян особым сбором.

Открытие церковно-приходских школ активизировалось после указа Синода о заведении училищ для крестьянских детей при церквях. Особенно отличилась Киевская епархия, возглавляемая митрополитом Исидором, а затем Арсением, принявшим деятельное участие в развитии народных школ. Примеру киевского духовенства последовали другие епархии и особенно на юго-западе России в губерниях Виленской, Волынской, Гродненской, Подольской и Черниговской. На великороссийских территориях учреждение церковно-приходских школ успешнее всего шло в Орловской, Рязанской, Тверской и Тульской епархиях. В 1839 году в Российской империи числилось около 2000 церковно-приходских школ, в которых обучалось 19000 учеников. Правительственные распоряжения и мероприятия 40-х годов были направлены и на привлечение духовенства к делу народного образования. Священникам и дьяконам, окончившим курс духовных семинарий, давалось право без всяких педагогических испытаний открывать школы и занимать места учителей в приходских казенных училищах различных ведомств (МНП, Государственных имуществ и др.). Церковно-приходские школы 40-50-х годов имели религиозно-нравственную направленность. В них осваивали церковно-славянскую грамоту, читали божественные и церковные книги (Псалтырь, Часослов, жития святых), учили церковному пению, изучали катехизис, занимались чтением и письмом гражданской печати, изучением основ арифметики. В 1851 году, по отчетам епархий, в России работало 4713 церковно-приходских школ, где обучалось 93350 учащихся. Однако некоторые авторы досоветских изданий по истории русской школы указывали, что многие училища числились только на бумаге. Так, в 1852 году директор училищ Томской губернии по поводу церковно-приходских школ отметил следующее: «... да и самые училища, кажется, существуют лишь на бумаге, как я имел случай убедиться в с. Богородское» [34].

Особое «благоклонное» внимание на открытие начальных училищ обратил Александр II, пожелавший дважды в год иметь донесения о состоянии церковно-приходских школ. Царская заинтересованность вызывала соревновательную активность духовенства, при которой число школ во всех епархиях стало быстро расти, а в некоторых из них училища стали учреждаться при всех приходских церквях. В результате число начальных народных училищ значительно возросло, и в 1861 году составило 18587 церковно-приходских школ, а в 1865 – 21420 с контингентом в 413524 ученика, но многие из них, как указывало МНП, «существовали только по имени». Зачастую духовенство завышало статистические данные, а иногда священники заставляли старост переводить учеников мини-

стерских училищ в церковно-приходские школы.

Церковные народные училища были поставлены в полную административную зависимость от духовенства, обязанного заботиться об их открытии и содержании, о приобретении книг и распределении учебного времени. Вся жизнь церковно-приходских школ лежала на ответственности священнослужителей, обязанных ежемесячно доносить епархиальному начальству о состоянии учебных заведений. Самой большой проблемой было отсутствие необходимых материальных средств. Поэтому сложно решались вопросы, связанные с помещениями, содержанием училищ, с классной мебелью, учебниками и учебными пособиями. Использовались обыкновенные крестьянские скамьи и столы, а из-за недостатка учебников их читали по очереди или разделяли на отдельные листы. В лучших условиях находились церковно-приходские школы у государственных крестьян и у помещиков. Под училище они приспособляли помещение близ церкви, состоящее из двух половин: в одной – классная комната, в другой – комната для пребывания детей, живших далеко от церкви. В 1865 году, по распоряжению графа Д.А. Толстого, обер-прокурора Синода, вышла книга «Народные училища и участие в них православного духовенства», в которой говорилось о печальном положении с обучением в 33 епархиях. В 1869 году известный педагог Н.Х. Вессель, редактор педагогических журналов, составил проект организации в России народного образования на основе церковно-приходских школ, но он не был осуществлен. Одна из причин – нерадивое отношение духовенства к народной школе.

Школьные реформы 60-х годов привели к упорядочению системы народного образования в стране, к сокращению числа школ, подведомственных Синоду. В 1864 году было принято «Положение о начальных народных училищах», ставившее целью утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных знаний. Учителями имели право быть священники, дьяконы и дьячки, а также светские лица. От церковников не требовали никаких документов, подтверждавших их подготовку к преподаванию, добрую нравственность и политическую благонадежность. В 1874 году вышло новое положение о начальных народных училищах, по которому начальные школы отдавались под опеку дворянства, усиливался надзор духовенства за образом мыслей, поведением народных учителей и духом преподавания в начальных школах. В 60-70-х годах активизировалось открытие одноклассных и двухклассных училищ Министерства народного просвещения (МНП), ассигнуемых из государственной казны. В связи с этим число церковно-приходских школ сократилось, причем многие из них были преобразованы в школы, подведомственные МНП. Если в 1866 году, по данным Синода, в Российской империи было 19436 начальных учебных заведений, то в 1878 году оставалась только 4681 церковно-приходская школа.

Крестьянское население, несколько веков воспитывавшееся в начальных духовных школах, поначалу трудно привыкало к светским училищам и неоднократно

но высказывало желание обучать своих детей по-прежнему на полнобвившихся божественных книгах у своих духовных пастырей. У многих землевладельцев идеалом образования продолжала оставаться церковно-приходская школа, неразрывно связанная с церковью. Крестьяне и другие податные сословия продолжали ценить грамотность лишь как средство, связанное с церковью и содействующее развитию и утверждению православной веры. Многие сторонники церковно-приходских школ считали, что училища вносят значительный вклад в просвещение русского народа, способствуют укреплению православной веры. Высшее церковное руководство решило принять меры по увеличению численности таких учебных заведений, четко определить цели, задачи и содержание образования. В 1882 году при Синоде учредили особую комиссию для устройства начальных народных школ, а в 1884 году император Александр III «Высочайше» утвердил правила о церковно-приходских школах.

В документе содержалось 23 параграфа, раскрывающих все важнейшие стороны функционирования учебных заведений. Цель церковно-приходских школ, открываемых духовенством – утверждение в народе православной веры, христианской нравственности и сообщение первоначальных полезных знаний. В соответствии с правилами 1884 года церковно-приходские школы должны открываться приходскими священниками или, с их согласия, другими членами причтов. Школы могут существовать на средства прихода, возможных пособий от сельских и городских обществ, приходских пожертвований и братств, от земских и других общественных и частных учреждений и лиц епархиального и высшего духовного начальства, а также от государственной казны. Церковно-приходские школы могут быть одноклассными с двухлетним курсом обучения и двухклассными с четырехлетними программами образования. В учебный план одноклассных школ входят Закон Божий (изучение молитв, катехизиса, священной истории, объяснение богослужения), церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных училищах кроме этих дисциплин преподаются начальные сведения по истории церкви и отечества. Правила разрешали открывать при церковно-приходских школах дополнительные общеобразовательные классы, проводить ежедневные уроки для взрослых, организовывать ремесленные отделения и рукодельные классы, открывать воскресные школы. В § 9 указывалось, что приходские школы вместе с церковью должны внушать детям любовь к божьему храму и богослужению, «дабы посещение церкви и участие в богослужении сделалось привычкой и потребностью сердца учащихся». В воскресные и праздничные дни учащимся предписывалось обязательно присутствовать на богослужении, а способным, к тому же, участвовать в церковном чтении и пении. Ежедневные учебные занятия, как гласили правила, начинаются и оканчиваются молитвами. Выпускники церковно-приходских школ получают свидетельства, дающие право на льготу IV разряда по отбыванию воинской службы.

В 1886 году при Синоде учредили особый совет для заведования церковно-приходскими школами. Окончательная организация церковно-школьного дела завершилась после принятия еще трех документов: «Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов» (1888 год), «Правила о школах грамоты» (1891 год), «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания» (1896 год). С каждым годом стали увеличиваться денежные отчисления на организацию и содержание начальных школ духовного ведомства: в 1886 году – 120000 руб., 1894 – 350000 руб., 1904 – 17500000 руб., 1914 – 18755118 руб. Источниками денежного потока являлись государственная казна, губернские земские сборы, местные средства (отчисления церкви и монастырей, деньги от волостных, сельских и городских обществ, благотворительных учреждений, приходских попечительств, от частных лиц, подушные и молебные денежные взносы, тарелочные сборы). Земские расходы на школы, подведомственные Синоду, составляли 4% от общих земских затрат. В частности, в 1900 году губернские земства выделили следующие суммы: Вятское – 7000 руб., Олонецкое – 3800 руб., Саратовское – 3200 руб., Полтавское – 3000 руб., Новгородское – 1000 руб., Орловское – 500 руб., Новгородское – 200 руб. Часть средств на церковно-приходские школы ассигновали уездные земства губерний, выделив в этом же году значительные средства: Вологодская губерния – 76900 руб., Вятская – 41100 руб., Саратовская – 31400 руб., Казанская – 27600 руб., Пермская – 25700 руб. и т.д. Ежегодные отчисления земств постоянно возрастали. Так, в 1881 году они составляли свыше 43 тыс. рублей, в 1891 году – 146 тыс., в 1895 – 294 тыс., в 1900 – 457 тыс. [35]. Ежегодный рост ассигнований способствовал увеличению количества начальных школ духовного ведомства: в 1896 году было 13000 церковно-приходских школ, 1897 – 14820, в 1904 – 25155, в 1914 – 35367 церковно-приходских школ [36]. Количество школ на конкретной территории Российской империи зависело от ряда факторов: плотности населения, инициативы духовенства, поддержки земства, материального положения крестьянства, наличия министерских школ.

Таблица 1

*Статистические показатели церковно-приходских школ за 1895 год*

Губернии и регионы	Всего школ	Всего учащихся	Из них:	
			мальчиков	девочек
Земские губернии	6919	291930	234154	57776
Нечерноземные губернии	455	20385	15709	4676
Северно-Западный край	751	26489	22603	3886
Юго-Западный край	2102	106021	92978	13043
Прибалтийский край	181	9779	7217	2562
Итого:	10408	454604	372661	81943

Материальная база школ духовного ведомства была на очень низком уровне, особенно в азиатской части империи: не хватало школьных помещений, оборуд-

дования, учебников и учебных пособий. Так, в 1891/92 учебном году из 40 церковно-приходских школ Курганского округа только 20 имели собственные дома, 28 занимали частные и наемные квартиры, а одна школа располагалась в церковной сторожке. Лишь при трех школах имелись небольшие земельные участки для собственных огородов. В целом же удобных помещений для обучения детей было менее 50%. Наблюдатель церковно-приходских школ Тобольской епархии, делая пометки в путевом журнале, отметил, что Щучинское училище находилось в самом жалком положении. Это было тесное, грязное и холодное помещение с развалившейся печью. Ученики и учителя сидели в шубах, а от низкой температуры замерзли чернила в чернильницах. Церковно-приходские школы испытывали нужду в букварях и подвижных азбуках, руководствах по славянскому и русскому языкам, по математике. Не хватало и церковных книг, которые были своего рода учебниками. К ним относились псалтыри, часословы, евангелия, молитвенники, священная история.

И без того тяжелое материальное положение школ духовного ведомства усугублялось в неурожайные годы. В одном из отчетов указывалось: «Хотя сельское население относится к школам сочувственно, но существенной материальной поддержки оно оказать не может вследствие почти повсеместного обеднения крестьян по случаю бывшего в округе двухлетнего неурожая хлеба и травы» [37]. Чтобы выйти из затруднительного положения, проводились подушные и молебные денежные взносы. В большие праздники духовные лица все чаще практиковали тарелочные сборы в пользу церковных школ. В 1901 году священник Алексей сдал в уездное отделение 25 руб. мирских денег. Для нужд школ сдавали пшеницу и рожь. За счет общества Красного Креста почти во всех церковно-приходских школах в 1892 году учащимся выдавалась горячая пища. Из пособий Епархиального училищного Совета в некоторых учебных заведениях к завтраку подавали белый хлеб.

Царское правительство и церковь усиленно насаждали церковно-приходские школы. Ассигнования на них с каждым годом увеличивались. Но значительную часть расходов по содержанию этих учебных заведений по-прежнему несли родители учащихся. Так называемые «доброхотные пожертвования» стали одним из источников существования школ.

В ряде губерний население с энтузиазмом относилось к возведению и работе церковно-приходских школ, не жалея сил и средств. В начале XX века в Томском уезде Самарской губернии по инициативе крестьян была построена церковная школа. По особому «приговору» они ежемесячно вносили по 75 коп. с души на возведение сооружения. Для увеличения отчислений на строительство крестьяне отказывались от проведения деревенских праздников, жертвуя эти деньги на храм-школу. Только в один Николин день они собрали пшеницы и денег на сумму в 328 руб. 48 коп. Всего за два года строительства от крестьян поступило 2403 рубля. В селе Гермаки Подольской губернии для церковно-приходской шко-

лы построили красивое здание с крышей из оцинкованного железа. В нем имелись две классные комнаты, две квартиры для учителей, комната для библиотеки, просторная прихожая. В случае пожара все могли покинуть здание через два выхода. Двухэтажное, просторное и светлое помещение занимала Садовская двухклассная церковно-приходская школа Вольского уезда, Саратовской епархии. Ее классные комнаты делились на три отделения легкими разбирающимися перегородками. При необходимости их можно было убрать и получить вместительный зал. В просторном коридоре совершались молитвы, а на переменах проводились игры. Специальная комната предназначалась для учительской библиотеки. Здание могло вмещать до 300 учеников. Весь второй этаж занимали квартиры учителей, считавшиеся гордостью школы, так как подобных не было во всей Саратовской епархии. При учебном заведении имелся фруктовый сад. Просторное и светлое здание для церковно-приходской школы было построено на средства земства в селе Черновском, Ирбитского уезда. В 1903 году в училище обучалось 70 мальчиков и 41 девочка, что для подобного типа школ считалось большой наполняемостью. В селе Балаково, Самарской епархии на пожертвования купцов Поликарповых было построено большое каменное двухэтажное здание для женской церковно-приходской школы. В нем оборудовали два класса со школьной мебелью, учебными пособиями, отвели место для библиотеки, закупив на 12 тыс. рублей художественной и учебной литературы. Для учительниц оборудовали две квартиры. Купцы обеспечили школу капиталом в 10 тыс. рублей. Подобные примеры имели место во всех губерниях Российской империи, о чем регулярно сообщал журнал «Народное образование», издаваемый Синодом.

В неплохих условиях функционировали церковно-приходские школы при монастырях. В 1891 году архимандрит Прокопий открыл мужскую одноклассную церковно-приходскую школу при Богородицком монастыре г. Задонска. Она расположилась в отдельном монастырском доме, имевшем шесть комнат, две из них отвели для занятий, три – для учителей, одну – для библиотеки. Школа содержалась на средства обители, выделявшей ежегодно от 900 до 1000 рублей. Обучалось до 90 человек, из которых  $2/3$  составляли дети крестьян пригородных слобод. Ученики снабжались учебниками и учебными принадлежностями за счет монастыря. С разрешения Воронежского епархиального училищного совета в этом же году при Свято-Троицкой обители г. Задонска учредили женскую одноклассную церковно-приходскую школу. Для учениц ввели дополнительные классы рукоделия, в которых преподавала монахиня. Женская школа при монастыре была востребована населением, и поэтому ее контингент постоянно увеличивался. В 1892 году в ней обучалось 15 учениц, в 1893 – 50, в 1901 – 78 учениц [38].

К концу XIX века в Российской империи работало 750 мужских и женских обителей, но не при всех имелись начальные училища. Так, в Москве из 26 монастырей только при 7 существовали церковно-приходские школы, в Ярославской епархии из 21 обители лишь в 6 работали начальные училища. Монастыри пре-

доставляли под школы особые помещения, квартиры для учителей, организовывали приюты и лечебницы для учащихся; наделяли училища землей, огородами и садами. При монастырских церковно-приходских школах детей обучали, кроме обязательной программы, живописи, шитью, столярному, малярному и кровельному ремеслам. Учителя, проживающие на территории обители, имели бесплатную жилплощадь и питание, получали установленную правительством зарплату. Монастыри ежегодно отчисляли на церковно-приходские школы часть своих доходов. В 1896 году, например, на нужды училищ поступило от Кишиневской епархии 15563 руб., Московской – 10500, от Калужской - 1263 руб. и т.д. [39].

Учебно-материальная база начальных народных школ пополнялось и за счет церковно-приходских попечительств, учрежденных при отдельных церквях на основании особого Положения от 2 августа 1864 года. На них возлагалось решение хозяйственных вопросов приходских церквей, организация первоначального обучения детей, благотворительность на территории прихода. Работа попечительств в 60-80-х годах не отличалась особым усердием и активизировалась лишь в 90-х годах, да и то не на всей территории империи. Училищный совет при Синоде ставил в пример деятельность попечительств в Пермской, Рязанской и Казанской епархиях, раскрывая их опыт на страницах собственного органа «Народное образование». К началу 1896 года в Пермской епархии при 319 приходах работало 156 попечительств, из них 116 были открыты в 1894 году. Средства этих общественных организаций поступали из различных источников: от членских взносов, кружечных сборов в храмах во время богослужения и в приходах в базарные и торговые дни; сбор по подписным листам; проценты с имеющихся капиталов; доход от аренд, продажи книг и брошюр религиозно-нравственного содержания, от существующих при некоторых попечительствах чайных и др.; частные пожертвования деньгами, хлебом, холстом, платьем, дровами и пр. Многие общественные организации имели значительные запасы и склады одежды, обуви, топлива и других необходимых товаров. Рождественско-Богородицкое попечительство создало специальный фонд в размере 13 тыс. руб. на строительство церковно-приходских школ, а Мотовилихинское – скопило до 35 тыс. руб. на возведение храма.

Одна из первых задач попечительств – распространение грамотности среди населения. В г. Перми при Рождественско-Богородицкой церкви на средства общественной организации содержалась женская церковно-приходская школа с контингентом в 80 человек; в деревне Половинной церковно-приходское попечительство участвовало в строительстве часовни – школы для мальчиков и девочек; Веретейское попечительство оборудовало хорошее помещение для церковно-приходской школы; Нытвинское – открыло две народные часовни. На учебно-просветительскую деятельность (устройство школ, библиотек, читален, раздача книг и брошюр, проведение народных чтений и т.п.) пермские церковно-приходские попечительства к 1896 году израсходовали 5334 руб. 94 коп. В конце

90-х годов в Рязанской епархии функционировало свыше 400 церковных благотворительных организаций; в Казанской – 433 попечительства, затративших на содержание церковно-приходских школ 3218 руб. [40].

Одним из источников существования церковно-приходских школ были частные пожертвования, вносимые людьми разных сословий и званий. Информация об этом регулярно давалась училищным советом Синода на страницах своего журнала. Отмечалось, в частности, что потомственный почетный гражданин Ю.И. Баранов, являясь попечителем Ялтинской церковно-приходской школы, пожертвовал ей 7000 руб.; верхнеудинский купец второй гильдии Б.И. Золотарев построил в селе Хонколайском (Забайкальская епархия) добротное здание церковно-приходской школы, положил в государственный банк 4000 руб. для приращения процентов в пользу школы, обязался в течение пяти лет на свои средства отапливать здание и содержать сторожа. В 1889 году попечительница двух церковно-приходских школ Екатеринославской епархии графиня Елизавета Воронцова – Дашкова пожертвовала для Игрнской школы 900 руб., а с 1893 года стала платить жалованье второму учителю по 200 руб. в год; построила здание для Чаплинской церковно-приходской школы стоимостью в 3000 руб. и снабдила ее учебниками и учебными пособиями на сумму в 280 руб. Попечитель Перешорской церковно-приходской школы Херсонской епархии землевладелец дворянин Чикаленко выделил усадьбную землю под церковно-приходскую школу, в течение трех лет помогал своими средствами в ее строительстве, пожертвовал в пользу училища закладной лист земского банка в 1000 руб., проценты с которого будут расходоваться на жалованье учителя или на содержание школы. В Пензенской епархии купец Е.П. Бочкарев передал во владение Архангельской церкви г. Мокшана каменный дом 17х16 аршин под помещение церковно-приходской школы; в селе Вероне, этой же епархии, землевладелец пожертвовал новый дом для приходского училища и обязался ежегодно выдавать по 300 руб. на его содержание. Среди благотворителей церковно-приходских школ были дворяне, землевладельцы, потомственные почетные граждане, купцы и мещане. В Полтавской епархии кроме них, как отметил Синод, пожертвования сделали гвардии полковник, шталмейстер, статский советник и уездный врач. В 1913 году ставропольский мещанин Н.С. Лобанов в память 300-летия царствования Дома Романовых пожертвовал 5000 руб. на строительство Троицкой церковно-приходской школы. В январе 1914 года здание было освящено и начались занятия [41].

За 27 лет, т.е. с 1885 года по 1912, материальная база церковно-приходских школ значительно укрепилась. К 1912 году 26816 училищ (76%) имели собственные здания, стоимость которых с обстановкой и учебными пособиями составляла 50 млн. руб., располагали земельными участками в 19500 десятин, имели 5120500 руб. пожертвованных неприкосновенных капиталов [42].

Открытие церковно-приходских школ всегда было неординарным событием для населения, проходившим по традиционному сценарию. Сначала проводи-

лась торжественная литургия в храме с присутствием знатных гостей, учителей и родителей. Затем все крестным ходом отправлялись к школе. Впереди шли старики с иконами и Евангелием, за ними следовали местный хор певчих, исполняющий тропарь «Заступнице усердная», потом шли священнослужители в светлых праздничных облачениях. Школьное помещение освящалось святой водой, и только после этого начинались занятия.

Обучение в церковно-приходских школах велось по учебникам и учебным пособиям, утвержденным высшим православным учреждением. Училищный совет Синода издавал свои учебные пособия по русской истории, географии и другим предметам. При изучении русского языка использовались учебники, написанные Кирпичниковым, Некрасовым, Смирновским. Овладение славянским чтением велось по азбуке Ильминского, который был сторонником воспитания в духе православного вероисповедания и монархических верноподданических чувств. При изучении истории использовались учебники Рождественского и Попова.

Значительное время в учебном процессе церковно-приходской школы уделялось чтению молитв. Учебный день начинался с утренних обращений учащихся к Богу и святым, последовательность которых была указана в учебном часослове, изданном училищным советом при Синоде. Методисты духовных учебных заведений рекомендовали не читать молитвы, а петь их хором, считая такое воспроизведение более эффективным. К таким обращениям относились «Царю Небесный», «Святыи Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш». На утренней молитве обязательно должен был присутствовать наставник школы, а желательно и священник. Они делали начальные и завершающие возгласы, следуя за «духом церковного чиноположения».

Первый урок после утренней молитвы посвящался изучению Закона Божия, в ходе которого перед классной иконой горела лампада или восковая свеча. Ученикам преподавалась священная история Ветхого и Нового Заветов. Они должны были знать историю Иудейского царства, жизнь пророков, читать и объяснять символы веры и другой религиозный материал. Изучение Закона Божьего представляло для детей определенную трудность. Их заставляли заучивать большие фрагменты из церковных книг, которые дети иногда не понимали. Например, восьмилетний ребенок должен был прочитать отрывок из «Слова по освящении храма явления Божьей матери преподобному Сергию», а затем пересказать его. Если при пересказе ученик забывал последовательность или что-либо пропускал из заученного, его наказывали: могли сделать выговор, заставить долго стоять, драть за уши и волосы, наградить подзатыльником. Изучение церковной литературы осуществлялось не только на специальных занятиях, но и в процессе всего учебного дня. Перед началом уроков читались с объяснением и переводом евангелие, заучивались фрагменты из него, давались наставления о правилах богослужения. Обучение церковному пению, там, где оно велось, пре-

дусматривало изучение нотной грамоты, исполнение литургии, всенощной и других церковных песнопений.

Все последующие уроки предварялись и заканчивались пением молитв «Царю Небесный» и «Достойно есть». Кроме этого, учитывались религиозные праздники с их канунами, проведением и окончанием, во время которых исполнялись разные молитвы. Так, до праздника Вознесения Господня в начале урока исполняли «Христос Воскресе», а в конце занятий – «Светися, светися». Во время праздника в начале урока пели «Вознеслся еси во славе», а в конце – «Тя паче ума и словесе Матерь Божию».

*«Премилосердный Господь! Пошли нам благодать Духа Твоего Святого, дающего понятливость и укрепляющего душевные наши силы, чтобы, слушая со вниманием преподаваемое нам учение, мы выросли Тебе, нашему Созидателю, во славу, родителям же нашим на утешение, Церкви и отечеству на пользу». (Молитва перед учением).*

Содержание обучения по русскому языку в 1-м и 2-м классах складывалось из письменных работ, краткого курса правописания, изучения синтаксиса простого предложения и этимологии слов, письменных работ по орфографии и изложению мыслей, объяснительного чтения, заучивания стихотворений. Для этого использовались разрезные буквы, славяно-русские азбуки, руководства для учителей и другая литература. Методика обучения в церковно-приходских школах не отличалась разнообразием средств и приемов. Овладение грамотой шло с помощью буквослагательного метода. При этом буква однозначно связывалась со звуком и считалось, что букв столько же, сколько звуков. Главным было заучивание букв (аз, буки, веди, ...), затем составление из них слогов (буки+аз=ба, буки+люди+аз=бла и т.п.). После усвоения букв и слогов переходили к чтению слов. Обучение грамоте и чтению было трудным и поэтому могло длиться годами. Прогрессивная методика Ушинского, Корфа, Бунакова не допускалась в школы, подведомственные Синоду.

Программа по арифметике в 1-м классе предусматривала знакомство с числами и решение простейших примеров и задач. За весь учебный год дети должны были освоить счет, решение примеров и задач в пределах трех десятков. В 90-х годах во 2-м классе программа по арифметике предусматривала изучение четырех действий с простыми и «именованными числами», таблицы линейных мер, квадратных и кубических мер, признаков делимости чисел. В начале XX столетия производили сложение и вычитание на торговых счетах. Изучение квадратных и кубических мер было затруднено, так как отсутствовали какие-либо учебные пособия.

При изучении истории учеников знакомили с правлением князей и царей, становлением русского государства, с важнейшими событиями, происходившими в Киевской Руси и в России. На уроках географии изучалось географическое

описание Российского государства, давались общие сведения и краткий обзор государств Европы и других частей света. Подобный объем знаний по арифметике, истории и географии давался не во всех школах духовного ведомства, а лишь там, где была соответствующая учебно-материальная база и подготовленные педагогические кадры.

На рубеже XIX и XX столетий Синод и творчески работающие учителя церковно-приходских школ значительное внимание стали уделять наглядности обучения. В училищах, имеющих свободные площади, отрывались комнаты – музеи наглядных пособий, где сосредоточивались материалы, необходимые при изучении учебных предметов. В сборе и изготовлении экспонатов участвовали учителя и школьники, которые обращались с письмами о помощи к заводам, рудникам, фермам, в редакции, к знакомым. Одним из лучших среди начальных народных училищ был музей наглядных пособий при Вологодской Свято-Стефановской церковно-приходской школе. В 1905 году в нем имелось более 500 экспонатов, необходимых для учебного процесса. На уроках использовались глобус, компас, магнит, термометры, часовой циферблат со стрелками, меры веса, длины, куб, пирамида, конус и другие геометрические фигуры. При изучении Закона Божия применялись 22 рисунка с изображениями иконостаса, богослужебных сосудов, облачений, монастырей (Афонского, Саровского, Почаевской и Сергиевской лавр и др.); использовалась модель храма с полным внутренним устройством. Для усвоения основ сельского хозяйства в пробирках имелись образцы почв: дерна, чернозема, супеси, глины, суглинка, известняка, мергеля и торфа. Ученикам показывали таблицы – рисунки хлебных злаков, где изображались пшеница, рожь, овес, ячмень, рис, греча, кукуруза, конопля, чечевица. Деревенский подросток изготовил модели сохи, бороны, саней, простейшего ткацкого станка; имелись образцы крестьянского дома, пчелиного улья с сотами; располагались рыболовные принадлежности, среди которых были невод, верша, намет и др.

Школьный музей располагал 43-мя образцами металлов, минералов и горных пород: меди, свинца, олова, цинка, граната, яшмы, опала, мрамора, гранита, каменного угля и др. Имелась отдельная коллекция с 60-ю образцами уральских камней. Значительную познавательную информацию имели специальные таблицы, посвященные льну и его обработке, бумажному, кожевенному, шерстяному и шелковому производствам; обработке шкур и видам мехов (овцы, оленя, волка, медведя, лисы, зайца и др.). В школьном музее была широко представлена флора разных регионов Земли. Имелось до 30-ти образцов северных деревьев, около 10-ти – южных (груша, слива, кизил, туя и др.), около 15-ти живых растений (алоэ – сабур, кактус, смоковница и др.). Летом 1903 года на пришкольном участке Свято-Стефановской церковно-приходской школы заложили сад с ягодными культурами и неприхотливыми деревьями, среди которых были березы, простые и берлинские тополя, осины и др.

Церковные школы Российской империи принимали участие в Международной научно-промышленной выставке «Детский мир», итоги которой были объявлены в январе 1904 года. Экспертная комиссия особо отметила церковно-школьный отдел, за что училищный совет при Синоде был отмечен высшей наградой – почетным дипломом «За прекрасную постановку школьного дела». Золотыми медалями за коллекцию физических приборов, изготовленных учениками, умелую организацию учебного процесса были отмечены Свято-Владимирская (Санкт-Петербург) и Рождественская (Калужская губерния) школы; попечительница Е.Г. Егорова за многолетнее содержание за свой счет Язвицевской церковно-приходской школы и организацию при ней преподавания рукоделия, столярного и слесарного ремесла, устройство при школе яслей.

Развитие капитализма в России наложило отпечаток и на содержание работы школ, подведомственных Синоду. В начале XX века в них ввели дополнительные предметы: естествознание, геометрию, рисование по клеткам, стали обучать рукоделию и различным ремеслам – вязанию и вышиванию, шитью одежды и обуви, изготовлению столярных и слесарных изделий, переплетному делу и др. В ряде школ, по инициативе уездных наблюдателей, вводились занятия гимнастикой и военным строем. Так, в Бугульминском уезде Самарской губернии эти нововведения были сделаны по ходатайству уездного наблюдателя священника А. Иванова. Он обратился в уездное земское собрание с просьбой об оказании содействия и денежной помощи по введению в земских и церковно-приходских школах обучения гимнастике и военному строю. Прошение Иванова удовлетворили, выделив 300 руб. на оплату преподавателей. Для обучения гимнастике и военному строю наблюдатель пригласил отставных унтер-офицеров. Занятия в Бугульминском уезде стали проводиться в школах МНП и в 11-ти церковно-приходских училищах, где наряду с отставниками обучали штатные учителя школ. Обучение гимнастике и военному строю, как отмечал журнал «Народное образование», способствует воспитанию детей в духе преданности православию и самодержавию. Защита царя и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, и поэтому в начальных школах детям внушали один из основных государственных законов.

Обучение различным ремеслам в церковно-приходских школах развивалось медленно, хотя они были востребованы, особенно сельскими жителями. Еще В.Н. Татищев писал о необходимости обучать детей «всему тому надобному, что крестьянину необходимо иметь надлежит, дабы ни один без рукоделия не был». Однако, несмотря на потребности, через девять лет после издания правил ремесленные занятия проводились лишь в 44-х церковно-приходских школах. Училищный совет Синода признавал острую необходимость в преподавании ремесел и рукоделия в церковных школах. Все родители выражали желание обучать своих детей каким-либо ремеслам, так как сельские жители нуждались в хороших плотниках, столярах, сапожниках и других специалистах. Во втором

десятилетия XX века при учреждении церковно-приходских школ население все чаще требовало открытия при них ремесленных классов.

Наибольшее распространение получили классы рукоделия, требующие меньших затрат на их содержание. Введение вязания, вышивания и шитья способствовало притоку в церковно-приходские школы девочек, что раньше было особенно проблематично для сельской местности. Обучение рукоделию стало дополнительной нагрузкой на учительниц. Специальные педагогические кадры никто не готовил, наставницы учили тому, что умели сами. Занятия рукоделием проводились дважды в неделю на дополнительных уроках, но в некоторых школах было 5 еженедельных занятий. Это зависело от обоюдного желания учителей и учащихся. Рукоделием занимались и во время больших перемен, и в вечернее время. Самым серьезным образом было поставлено обучение рукоделию во Введенской женской образцовой школе Тобольской епархии. Начиная с первого класса, девочек учили вязать на спицах и крючком, вышивать гладью, елочкой, узелком, по канве и другими способами. Юные мастерицы плели чудесные кружева на коклюшках. Их обучали также изготовлению выкроек для пошива белья и платьев. Ученицы школы обеспечивали себя всем необходимым: теплыми чулками, шарфами, платками, фартуками для кухонных дежурных, шили наволочки на подушки и матрацы для живущих в интернате. Часть изделий в конце года продавалась, а вырученные деньги шли на покупку для школы новых материалов. В 1902 году рукоделие культивировалось в 56-ти церковно-приходских школах из 65-ти действующих в Курганском учебном округе Тобольской епархии.

Учитывая запросы крестьян, руководители церковно-приходских школ начали вводить уроки ткачества. В училищах устанавливали самодельные «станы-самолеты», на которых девочки осваивали нужное для них ремесло: ткали половики, полотенца, салфетки и даже материал для платьев. Местное население с большим интересом относилось к ткачеству. Из разных мест в школы поступали запросы взрослых о разрешении присутствовать на занятиях. С развитием легкой промышленности не только в городе, но и на селе стало появляться больше высококачественных тканей. Престиж кустарного ткачества начал падать. Газета «Курганский вестник» отмечала, что в школы разосланы типовые ткацкие станки, но несмотря на улучшение материальной базы, ремесло прививалось с трудом, так как изготовленный домашним способом материал ни по качеству, ни по цене не мог соперничать с фабричным. Накануне революции в некоторых школах стали появляться ручные швейные машины, работа на которых вызывала повышенный интерес учениц.

Обучение ремеслам при церковно-приходских школах развивалось весьма медленно, что было обусловлено необязательностью, отсутствием финансирования, теснотой помещений и недостатком инструментов, привлечением детей к домашней работе. В 1898 году, по данным епархиальных училищных советов, было 178 одноклассных и двухклассных церковно-приходских школ с ремеслен-

ными занятиями, в 1900 – 254, в 1901 – 289, что составляло 1,5%. Во Владимирской, Псковской и Туркестанской епархиях ремесленное обучение вообще отсутствовало.

Правительство и Синод рекомендовали развивать в первую очередь столярное, слесарно-кузнечное, портняжное и сапожно-башмачное ремесла. Однако в зависимости от потребностей населения и материальной базы школы организовывали обучение и по другим видам работ, среди которых были бондарное производство и изготовление деревянной посуды, малярное и штукатурное, плетение корзин и производство щеток, а также иконописание, паяние, мыловарение, пчеловодство. В Мало-Даниловской церковно-приходской школе Московской епархии учеников знакомили с разведением пчел, а прилежным выпускникам в награду давали улей. Благодаря этому юноши начинали самостоятельно заниматься производством меда. Другая традиция этой школы – дарить при окончании курса лучшей ученице (будущей хозяйке) телку, приобретенную на собранные детьми деньги. Для этого они еженедельно вносили по 1 копейке в специальную копилку.

В церковных школах некоторых губерний вели обучение приемам оказания первой доврачебной помощи при несчастных случаях. Так, в Лапотковском начальном училище Тульской губернии для этого имелся набор картин с изображением приемов воздействия на пострадавшего при переломах, вывихах, ранениях, угаре, обмороках, при «оживлении и приведении в чувства утопленников» и др. Занятия вел приглашенный фельдшер. При школе имелась аптечка. Подобные медицинские наборы имелись и в ряде других церковно-приходских школ, как например, в Пензенской епархии, где в 1901 году ими обладали 40 одноклассных училищ. Аптечки формировали за счет попечителей по указаниям врачей. Ими пользовались при оказании первой помощи не только ученики, но иногда и крестьяне.

Усиленная работа школ по приобщению детей к конкретным профессиям была представлена на международной выставке «Детский мир». Серебряными медалями отметили столярные и слесарные экспонаты, программные коллекции по рукодельному классу и ручному труду; организацию обучения рисованию, иконописи, фотографированию и переплетному делу; приобщение учеников к огородничеству, садоводству, пчеловодству и др. Больше всех медалей разных достоинств получили школы Московской епархии – 20 наград, Калужской – 18, Астраханской и Ярославской – по 12, Воронежской – 10, в Рязанской епархии заслуги церковных школ отметили 9-ю медалями [43].

В конце XIX- начале XX века церковно-приходские школы сыграли значительную роль в пропаганде знаний среди населения путем, так называемых народных чтений. Они зародились в Петербурге и прошли впервые в декабре 1871 года на окраине города. Присутствовало до 200 человек из высшего и среднего сословий. По идее градоначальника Ф. Трепова, была учреждена с «Высочай-

шего соизволения» постоянная комиссия по устройству народных чтений в Петербурге и его окрестностях. При ней существовал особый издательский комитет, цель которого – издание брошюр и книг для населения. Всего в Петербурге было выпущено 215 наименований общим тиражом в 3413700 экземпляров. В течение десяти лет в городе на Неве и его окрестностях было проведено свыше 640 народных чтений, на которых присутствовало около 530 тыс. человек.

Особую популярность и распространение такая форма просвещения в Российской империи получила в 90-х годах XIX столетия. Народные чтения посещали грамотные и неграмотные, взрослые и дети. Наиболее привлекательным был материал, посвященный религиозно-нравственной и исторической тематике. Слушатели желали знать то, во что они веровали, что служило предметом их религиозного чествования. На народных чтениях люди узнавали об евангельских событиях, истории святых икон и праздников, о святых местах, правильном богослужении. С особым интересом воспринимался материал, сопровождавшийся световыми картинками проекционного фонаря. Это техническое средство, названное в народе волшебным фонарем, приобреталось на средства епархиальных училищных советов и пожертвования прихожан. Чтения в церковно-приходских школах проводилось в воскресные и праздничные дни, в великий пост. Материалом для них служили статьи из религиозной литературы: «Духовная нива», «Душеполезное чтение», «Странник», «Сельский вестник», «Отдых христианина», Евангелие, жития святых. Кроме статей религиозно-нравственного направления, читались публицистические сочинения с бытовым содержанием, а также о кормлении грудных детей и начальном воспитании в семье. Народные чтения проводили учителя, священники, дьяконы и псаломщики. В перерывах во время чтений проводилась продажа дешевых народных изданий. В ряде церковно-приходских школ сельские хоры исполняли церковные песнопения, светские гимны и патриотические песни, а в Ярославле даже играл военный духовой оркестр. Народные чтения были платными в размере 5 копеек с человека и бесплатными. В отчете Воронежской комиссии, например, отмечалось, что в 1896 году в народных чтениях участвовало 24400 «обеспеченных» слушателей и 9680 – со свободным входом. К последним относились ученики городских и сельских училищ, рабочие мастерских.

Царское правительство и духовенство возлагали большие надежды на церковно-приходские школы в деле воспитания местного населения. Курганское отделение Тобольского епархиального училищного совета в 1891 году предложило провести следующие меры: «1. Для отвлечения праздного люда от кабаков – этих сельско-деревенских клубов и для занятия его в нерабочее время чем-либо полезным, устраивать по воскресным и праздничным дням народные чтения при церковных школах...». 2. Открыть общество трезвости, или, по крайней мере, пропагандировать «воздержание от неумеренного винопития», убеждать прихожан в необходимости закрытия кабаков и в организации вместо них деше-

вых чайных с читальнями. 3. Воспитывать народ путем школьного обучения. 4. Посещать школы лицам с университетским образованием, знающим общую педагогику и дидактику. Подобные меры начали проводиться по всей стране.

С начала XX столетия церковно-приходские школы все чаще стали пропагандировать не только религиозные, но и научные знания среди населения. Просветительные беседы и чтения проводились, в основном, в школьных зданиях, но иногда и в волостных правлениях. В селах число слушателей составляло от 10 до 200 человек, в городах – 500-800 человек. Желающих иногда было так много, что они не вмещались в помещение. В таких случаях их впускали по выбору или делили на две смены.

Конкретных программ проведения народных чтений не существовало. Обычно первая часть посвящалась объяснению празднуемого события или религиозно-нравственному назиданию, вторая – историческим свершениям, географической, сельскохозяйственной, медицинской, бытовой и другой тематике. В содержании народных чтений прослеживалось несколько направлений: религиозно-нравственное, историческое, географическое, естественное, литературно-художественное. Использовались книги церковных и школьных библиотек. Для проведения бесед по истории и географии использовали статьи из журналов «Читальня народной школы», «Кормчий», «Воскресный день», «Русский паломник», «Детское чтение»; приложения к журналу «Народное образование», книги и сочинения о Китае и Японии, другие произведения по географии, мироведению, естествознанию и сельскому хозяйству. Присутствующих знакомили с основами огородничества, садоводства, пчеловодства. Они слушали отрывки из сочинений выдающихся представителей русской литературы – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Григоровича, Ершова и других писателей и поэтов. Иногда декламировали басни и стихи, сочиненные учащимися. На народных чтениях использовали проекционный фонарь, с помощью которого показывали картины на религиозно-исторические сюжеты, изображения животного и растительного мира. Наблюдатель церковно-приходских школ отмечал, что в Боровлянской школе Курганского уезда при описании Палестины демонстрировали картины и виды при помощи проекционного фонаря. На световых картинах изображались и физические приборы: насосы, компасы и другие устройства. В перерывах между чтениями пели молитвы из литургии, всенощного бдения, гимны.

Таким образом, церковно-приходская школа Российской империи давала первоначальные знания городским и сельским детям; по мере возможности, готовила молодежь к жизни и выбору профессии; проводила культурно-просветительскую работу среди населения путем организации народных чтений и продажи дешевой познавательной литературы.

## 4.2. Учреждение школ грамоты

**Ш**ирокое общественно-педагогическое движение конца 50-х годов XIX столетия, обусловленное растущими противоречиями между развитием производительных сил и крепостническими отношениями, привело к необходимости проведения реформы в области образования. Ей предшествовала основательная подготовительная работа специально созданного ученого комитета, начавшего свою конструктивную деятельность с критического пересмотра школьного устава 1828 года.

Временный орган определил исходные положения, которыми следовало руководствоваться при составлении нового основополагающего документа. В области начального образования ими стали максимальная доступность школы для широких кругов населения, бессловность, привлечение (по возможности) к обучению всех детей, свобода частной и общественной инициативы в организации школ, обеспечение более тесной связи школы с населением, устранение бюрократизма и административного произвола в управлении учебными заведениями.

Подготовленный ученым комитетом первый проект школьной реформы под названием «Проект устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения» был опубликован в 1860 году. Это была первая попытка ученого комитета определить черты новой школы, которые в какой-то мере соответствовали бы намерениям правительства, с одной стороны, и требованиям педагогической общественности, главным образом, либеральных кругов, - с другой, а также наметить пути и средства дальнейшего ее развития. Значительное место в проекте устава отводилось начальному образованию, которое в связи с готовящейся крестьянской реформой привлекало большое внимание широких кругов общества, особенно наиболее прогрессивной его части.

Система начального образования, согласно документу, включала три типа учебных заведений: школы грамоты, низшие народные училища, высшие народные училища. Все они должны подчиняться директору училищ, являющемуся одновременно и директором губернской гимназии. Школы грамоты предназначались для обучения детей первоначальному чтению и письму, четырем действиям арифметики над целыми числами и для наставления детей в истинах православной веры. На все это отводился один год занятий. Школы грамоты, как и низшие народные училища, согласно проекту устава являлись общественными и частными учреждениями. Они открывались и упразднялись по инициативе общества и частных лиц, которые их содержали. Об учреждении и открытии школ грамоты требовалось лишь поставить в известность директора училищ. Правительство таким образом освобождалось от материальной ответственности за школы грамоты, возлагая ее на общества и благотворителей. Общий надзор за начальными школами возлагался на школьное начальство. Кроме того, проект

устава предусматривал установление дополнительного контроля с целью усиления предупреждения проникновения в учебную работу школ грамоты всяких вредных, с точки зрения государственной политики, идей и педагогически нецелесообразных средств обучения и обеспечения единой религиозно-нравственной направленности образования. В проекте ученого комитета отмечено: «Сельские и городские обыватели, не предъявившие свидетельства, что они знают важнейшие молитвы и умеют читать и писать, лишаются права поступать в гильдии и брать торговые свидетельства». Считалось, что такая запретительная мера будет побуждать население к открытию школ грамоты.

Народные школы низшего уровня находились в ведении различных ведомств. Сначала это было Министерство государственных имуществ, затем в 80-х годах на них обратило внимание Министерство народного просвещения, а с марта 1890 года по предписанию МНП школы грамоты передали Святейшему Синоду. В мае 1891 году были опубликованы «Правила о школах грамотности», согласно которым 18 тыс. существовавших школ грамоты были подчинены духовно-училищному совету при Синоде. Открытие народных учебных заведений предусматривалось в городских и сельских приходах, а также в монастырях. В соответствии с «Правилами», школы грамоты могут учреждаться членами причтов, монастырями, благотворительными учреждениями, одним или несколькими прихожанами, сельскими и городскими обществами, земствами. Попечение об учебных заведениях и руководство ими возлагалось на местных священников или на лиц, назначаемых епархиальным архиереем. Обучением в школах грамоты разрешалось заниматься священникам, дьяконам и другим членам причта, а также светским учителям, избираемым из лиц «православного исповедания, благочестивой жизни» и знакомых с приемами начального обучения. Избрание на должность учителя проводят учредители школ грамоты по согласованию с приходским священником. Лица, имеющие свидетельства на звание учителя, допускаются к работе при наличии документов о их нравственной благонадежности с извещением об этом уездного отделения епархиального училищного совета. Если кандидат на должность учителя не имел квалификационного свидетельства, то его знания выяснял сам священник. Он проверял знание молитв, священной истории, краткого катехизиса и прочих предметов обучения в школе грамоты. При положительной оценке знаний претендента и его нравственной благонадежности приходской священник давал письменное разрешение на вступление в должность учителя.

В четырех параграфах «Правил» (10-13) говорилось о попечителях школ грамоты, утверждаемых епархиальными архиереями по представлении уездных отделений епархиального училищного совета. Попечители вместе с приходскими священниками должны заботиться об устройстве удобного школьного помещения и о классных принадлежностях; о своевременном начале обучения и посещения школы детьми; своевременной выдаче учителю положенного вознаграждения.

раждения, о «возможно-исправном» посещении учениками церкви. Попечители школ грамоты, оказавшие особое материальное и нравственное содействие учебным заведениями, могли быть представлены к почетным наградам.

Значительная часть «Правил» посвящалась содержанию работы школ грамоты и испытаниям учащихся. Отмечалось, что учебными предметами являются Закон Божий (краткая священная история Ветхого и Нового Заветов, краткий Катехизис), церковное пение с голоса, чтение церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисление. Преподавание в школах грамоты производится по руководствам, учебным пособиям и книгам, указанным Синодом и училищным советом при Синоде. При наличии дополнительных средств могут создаваться учительские и ученические библиотеки из книг, одобренных и допущенных училищным советом. В каждой школе грамоты должна быть классная книга, в которую учитель вносит фамилии и имена учеников, отмечает пропущенные ими уроки (с объяснением причин), ведет запись содержания проводимых уроков. В нее же, время от времени, вносят свои замечания священник, попечитель и наблюдатель об успехах учеников и о ходе школьного обучения. При посещении школы грамоты священник проверяет знания учеников, наблюдает за преподаванием учителя, ведет беседы по предметам Закона Божия. Особенное внимание, как указано в «Правилах», он должен обращать на церковно-воспитательную сторону: благоговейное чтение молитв в школе, посещение учащимися храма Божия в воскресные и праздничные дни, внеклассное чтение книг и брошюр назидательного содержания. Учителям разрешалось в праздничные и воскресные дни проводить вечерние чтения для учеников и их родителей с сопровождением пением молитв и церковными песнопениями. Такие мероприятия проводятся по указаниям и под руководством приходского священника. Он же, по окончании учебного года, совместно с учителем и попечителем школы, а по возможности, и в присутствии сельских властей и родителей, производит испытания всем ученикам школы грамоты. В соответствии с «Правилами», выдержавшие экзамены получают удостоверение в знании пройденного курса за подписью приходского священника, попечителя и учителя школы, с приложением церковной печати.

С принятием «Правил» 1891 года количество школ грамоты, подведомственных Синоду, резко увеличилось. Если в 1888/89 учебном году их числилось 9215, то в 1892/93 учебном году стало 15143 школы грамоты с 365464 учениками, из которых 61723 были девочками. В 1897 году, по данным Синода, работало 20554 школы, где обучалось 501883 человека, из них 84871 составляли девочки. Школы грамоты не были стабильными учебными заведениями. Они открывались и закрывались, совсем упразднялись, учреждались новые. В 1895/96 учебном году, например, в Костромской епархии закрылось 70 школ грамоты, а вновь открылось 90; в следующем учебном году прекратили существование 47, но учредили 54 школы грамоты. Недолговечность этого типа учебных заведений объясняется

скудным и неопределенным вознаграждением за учительский труд, отсутствием централизованного ассигнования, бедностью крестьянства.

Открытие и содержание школ грамоты полностью ложилось на плечи попечителей и крестьян. Решение об учреждении школы обычно принималось на общем сходе, где оговаривались все условия. Помещениями зачастую служили крестьянские избы, взятые в аренду, и комнаты в жилых домах. Так, в 1895/96 году в Казанской епархии функционировало 259 школ грамоты, из которых 199 занимались в наемных квартирах, 22 – в собственных домах, 20 – в частных, 9 школ размещались в церковных сторожках, 4 – в общественных домах, 4 – в церковных домах и квартирах причта, 1 – в монастырском здании. В 1904/05 учебном году в Шадринском уезде Тобольской епархии работала 51 школа грамоты, из них в собственных помещениях занимались лишь 16, а остальные располагались в церковных зданиях и в избах, где проживали хозяева. За Уралом дела обстояли еще хуже. Большинство народных учебных заведений остро нуждались в дотациях, учебных пособиях и письменных принадлежностях. Журнал «Сибирь» (1897. - № 105) отмечал, что в школах грамоты Барнаульского округа почти нет никаких учебных пособий и лишь некоторые ученики по своей инициативе приобретают какую-нибудь книжку, бумагу и пр. В Забайкальской области 98 школ грамоты «частию влачат почти фиктивное существование, частию же находятся в совершенно неудовлетворительном положении». Школы Якутской епархии не имели ни каких-либо средств, ни школьных зданий и почти никакой школьной обстановки.

Открытие школ грамоты иногда приурочивалось к каким-либо событиям, как это было, например, в Новгородской епархии. Здесь крестьяне Черновицкого уезда, желая ознаменовать коронавание Александра III, на общем волостном сходе решили ввести в Починковской волости обязательное обучение всех детей школьного возраста. Для реализации идеи постановили учредить на средства волости 12 школ грамоты, выделяя по 20 копеек с души, что составит 545 рублей ежегодных вложений. На первоначальные нужды школ сделали частные пожертвования крестьянин Иван Лобачев и Софрон Иванов, соответственно по 50 и 75 рублей. Не имея никакого имущества кроме избы, К.Ф. Орлова, жительница Ирбитского уезда Екатеринбургской епархии, отдала ее в распоряжение церкви для школы грамоты. «Богобоязненная и усердная к церкви Божьей» старушка сама соорудила дополнительный очаг и стала бесплатной сторожкой при школе.

Попечители школ грамоты оказывали посильную помощь деньгами, оплачивая содержание помещения и работу учителя. В Полтавской епархии есаул войска Донского Александр Войцехович содержал школу грамоты на свои средства, выделяя ежегодно по 150 рублей учителю и законоучителю, оплачивая квартиру и питание учителя-псаломщика, выделяя деньги на пополнение библиотеки для внеклассного чтения. Почетный гражданин купец П. Смолин полностью содержал школу грамоты в деревне Тихоновка, близ Кургана. Он предоставил

удобное помещение с отоплением, купил мебель и школьные принадлежности, приобрел учебники, учебные пособия и руководства, материалы для рукоделия. Дважды в год всем учащимся Смолин дарил одинаковые костюмы, выдавал обувь и верхнюю одежду детям из беднейших семей. Приход каждого Нового года отмечался роскошной елкой, где были гостинцы, подарки для учащихся. Купец оплачивал труд учителей, выделяя им ежегодно в течение восьми месяцев по 30 руб. Его брат Л. Смолин подарил женской гимназии многотомный словарь Брокгауза и Ефрона.

Школу грамоты в деревне Старо-Сидоровка открыл купец Балакшин. Она разместилась в специально построенном из саманного кирпича светлом и удобном здании на 100 учащихся. Учительнице была предоставлена квартира и ежегодное жалование в размере 200 руб. Денежные пожертвования делали купцы Пчеляков и Ушаков. Они каждый год вносили определенные суммы в пользу школ, выделяли средства на организацию новогодних елок, на подарки ученикам. Активное участие в благотворительности принимал другой курганский купец И.И. Меньшиков. Он содержал школу грамоты на своем стеклозаводе около села Боровлянского и оплачивал труд учительницы, выделяя по 180 руб. в год.

В земских губерниях проблема школьного строительства решалась успешней, так как местные органы самоуправления имели собственные средства. В конце XIX века в Костромской губернии для школ грамоты были выстроены просторные и светлые здания, рассчитанные на 50-80 учеников. Заветлужская, Заболотская и Шуленерская школы грамоты Ветлужского уезда на свое содержание получали ежегодные субсидии от уездного земства. В 1905 году на местные средства был построен большой дом для Нижне-Озернинской школы грамоты Тамбовской епархии. В своем отчете епархиальный наблюдатель отметил особо просторную классную комнату, обширную раздевалку и просторное помещение для учителя. Епархиальный совет не выделил на возведение школы ни копейки. Священник К. Серебренский писал: «Строительство на местные средства – дело мудреное, но я не тужу и в скором времени со всеми долгами рассчитаюсь». В этом же году новое здание для женской школы грамоты было построено в селе Ярославском, Ирбитского уезда, Екатеринбургской епархии. Большая изба, крытая кровельным железом, имела две классные комнаты и квартиру для учительницы. Подобные факты, касающиеся школ грамоты, были крайне редкими, и поэтому синодальный журнал «Народное образование» пытался пропагандировать инициативу земства и населения в области образования. Возведение добротных домов, создание нормальных условий для школ грамоты создавало предпосылки для организации одноклассных церковно-приходских школ. При этом заинтересованные лица добивались согласия епархиального училищного совета на преобразование учебных заведений с ежегодным ассигнованием определенной суммы на жалованье учителю. Такой подход к обучению освобождал население от содержания элементарных начальных школ.

Материальная поддержка школ органами самоуправления отражалась на общем количестве учебных заведений. Согласно статистическим данным «Энциклопедического словаря» (Изд. Брокгауз и Ефрон, 1897. – Т. XXа. – С. 769), в земских губерниях имелось 8649 школ грамоты с 214365 учениками, среди которых 40592 было девочек. В Северо-Западном крае работало 3619 школ, в Юго-Западном - 1904. В неземских губерниях функционировало 637 школ грамоты, а Прибалтийском крае – 284 элементарных учебных заведения.

В 1904/05 учебном году количество школ грамоты значительно уменьшилось. Причинами были русско-японская война и неурожаи. Две мобилизации мужского населения оставили многие школы грамоты без учителей. Журнал «Народное образование» (1906. - № 7-8) отмечал, что неурожаем хлебов и трав заставил крестьян сократить свои расходы на школьное образование. «Некоторые из школ навсегда или до более благоприятного времени прекратили существование». Общая тенденция к снижению числа школ грамоты отмечалась с начала XX столетия, что было обусловлено ростом общеобразовательных начальных учебных заведений МНП. В 1915 году работала только 2171 школа грамоты с 62159 учениками, из которых 20302 было девочек. По сравнению с 1897 годом число школ уменьшилось почти в десять раз, а количество учеников - в восемь.

Важной составляющей элементарного образования являлись учителя школ грамоты. По социальному положению и образовательному цензу их можно классифицировать по четырем категориям. К первой относится многочисленная группа, включающая членов клира, священников, дьяконов и псаломщиков. Школы грамоты с таким учительским персоналом составляли в некоторых епархиях до 40% от общего числа данного типа учебных заведений. Духовные лица учительствовали в основном в селах, имеющих церкви, то есть там, где они служили. За свои труды в школах грамоты члены клира иногда получали вознаграждение в виде платы за учение, а в основном обучали бесплатно.

Представителями условной второй группы являлись крестьяне с домашним образованием. В разных регионах Российской империи они составляли от 30 до 40% от общего числа обучающихся в школах грамоты. Уровень грамотности у таких учителей был крайне низким. После двух зим обучения дети очень плохо знали Закон Божий, зазубрив лишь молитвы и заповеди. Тексты молитвословий зачастую произносили с искажениями; содержание прочитанного ученики не могли связно пересказать; затруднялись отвечать на вопросы; не владели правописанием. Учителя – крестьяне с домашним образованием могли научить детей считать по порядку в пределах сотни, а также сложению и вычитанию на торговых счетах. Все подобные школы, как правило, имели общую технологию обучения и содержания образования: буквослагательный метод, строгое разделение чтения от письма, постоянное чтение псалтыри, заучивание наизусть текста молитв без объяснений, исключение правописания и почти полное отсутствие арифметики. Считалось, что крестьяне-учителя гораздо хуже в нравствен-

ном отношении женщин-учительниц. В школах, в основном, работали «старые девицы», богомолки, начетницы и келейницы. Невысокий нравственный уровень учителей школ грамоты из крестьян домашнего образования объяснялся отсутствием квалифицированных педагогических кадров, оплачиваемой работы в деревне, низким жалованием, которое было меньше рабочего. Поэтому за учительство брались не хорошие крестьяне-хозяева, а бесхозные бобыли, не владеющие никаким ремеслом, или люди с физическими недостатками. В Сибири из-за нехватки грамотных людей в школах работали псаломщики и дьячки, отставные солдаты и бывшие полицейские надзиратели, ссыльные дворяне и мещане. В середине 80-х годов XIX века в Енисейской губернии учительствовало 69 поселенцев из числа всех 84-х учителей школ грамоты. Журнал «Русское богатство» (1900. - № 4) отмечал, что за учительскую указку взялись отставные солдаты, полуграмотные подростки, ссыльнопоселенцы, пропойцы и подпольные адвокаты. Педагоги из поселенцев и бродяг совершали иногда самые аморальные поступки и с учительской кафедры иногда попадали на скамью подсудимых. В Кузнецком округе Томской епархии учитель школы грамоты был арестован за сбыт фальшивых пятирублевков; в Киренском округе учитель пропил стекла из окон школы; витимский и петропавловский наставники применяли физические наказания.

Меньшую по численности группу учителей школ грамоты составляли окончившие курс церковно-приходской одноклассной или земской школы. Их было от 10 до 15% в разных епархиях. Успехи учеников в таких школах были значительно выше, чем у крестьян домашнего образования. Учителя, отнесенные к третьей категории, умели поддерживать дисциплину, применяли звуковой метод обучения, занимались правописанием и учили четырем действиям арифметики. Одним из важнейших недостатков, как отмечал журнал «Народное образование» (1898. Кн. 10), была их «крайняя молодость». Учителями они становились уже в 14-15 лет. В Кривинской школе грамоты Курганского уезда Тобольской епархии уроки вела 14-летняя девушка, а в селе Ново-Иковском этой же епархии учительницей была 12-летняя Лидия Зяблова. Директор народных училищ Тобольской губернии Г.А. Маляревский отметил, что она очень способная, развитая и бойкая, начавшая работать по собственному желанию.

Немногочисленную группу учителей школ грамоты составляли люди, получившие общее систематическое образование. Они составляли 5-7% от общего числа наставников. Среди этой категории были бывшие ученики классических гимназий, воспитанники духовных училищ, выпускники городских, уездных и двухклассных сельских училищ. Лучшими среди них являлись окончившие полный курс двухклассных городских и сельских школ. В 1914 году качественный и количественный состав учителей школ грамоты имел следующие характеристики, отраженные нами в обобщающих таблицах.

Таблица 2

*Состояние учительских кадров школ грамоты в 1914 году*

Категория учителей	Кол-во	Категория учителей	Кол-во	Категория учителей	Кол-во
Законоучители,	2164	Учителя и учительницы	1193	Особые учителя	44
из них:		из них:		из них:	
священники	1372	священники	15	пения	36
дьяконы	47	дьяконы	38	ремесел	6
псаломщики	8	псаломщики	112	гимнастики и	2
светские лица	737	светские лица	1405	военного строя	

Таблица 3

*Квалификация светских учителей школ грамоты в 1914 году*

Образовательный уровень	Кол-во учителей	В % отношении
Высшее и среднее образование	79	3,8
Специальное педагогическое	7	0,3
Звание учителя или учительницы одноклассной начальной школы	315	16,0
Звание учителя или учительницы школы грамоты	332	16,2
Не имеющие учительских свидетельств	1295	63,7
<b>Итого:</b>	<b>2028</b>	<b>100</b>

Квалифицированные учителя-энтузиасты школ грамоты пытались подготовить детей к вступлению в самостоятельную жизнь, научить их какому-либо ремеслу. По неполным данным учебного музея церковных школ, наставники организовывали занятия переплетным делом, обучали сапожному и башмачному мастерству. В Заилетской школе грамоты Вятской губернии была создана артельная детская пасека. Инициаторами и руководителями ее были заведующий школой, священник Иоанн Домрачьев, жена местного земского начальника и крестьянин-пчеловод. Цель пасеки – научить подрастающее поколение на практике усовершенствованным приемам пчеловодства. Вступающие в артель вносили 25-копеечный пай. По окончании школы они считались обязательными пайщиками не менее 5 лет. Некоторые приобрели 3,4 и более паев. Обучение и беседы по пчеловодству велись по одному уроку в неделю с использованием учебника Бутлерова. В первый год работы артельная детская пасека с пяти семей дала 2 пуда 38 фунтов меда. К сожалению, обучение ремеслам в школах грамоты было представлено единичными фактами.

Наибольшее распространение имело обучение рукоделию, не считавшемуся достойным ремеслом у руководителей начального образования. Во многих школах грамоты девочек обучали тому, что умели сами учительницы. Занятия

проводили от одного до трех раз в неделю после уроков. Младшие девочки вязали на спицах чулки, учились шить в строчку, средние – вязали крючком кружева и прошивки, старшие – вышивали по канве и крючком, расшивали полотенца.

Целенаправленная воспитательная работа с учениками церковно-приходских школ и школ грамоты не велась. Правительство и Синод считали, что при изучении Закона Божия и овладении церковным пением ученики уже воспитываются в христианском духе, у них вырабатывается потребность в богослужении. Все остальные предметы считались безнравственными, отвлекающими от церкви и морали, а потому отрицательно влияли на воспитание. Однако в начале XX столетия училищный совет Синода обратил особое внимание на религиозно-нравственное воспитание в начальной школе. В ряде статей давались рекомендации учителям по приучению детей к исполнению церковных установлений, провозглашалось единство требований учителей к правилам воспитания, раскрывалась сущность школьной дисциплины, указывалось на любовь как основу христианского воспитания. Обращаясь к учительству, журнал «Народное образование» советовал наставникам при начале всякого дела брать с собой любовь и воспитывать ее в людях, «вносить ее свет и радость в своё сознание и настроение». Рекомендовалось вносить любовь в работу и призвание, в избранную профессию. При таком подходе «дело ваше пойдет успешно, свышний мир, превосходящий всякое разумение, наполнит вашу душу, и вы будете счастливы» [44].

Элементарные школы грамоты в Российской империи являлись самым низким типом учебных заведений. При всех трудностях материального характера и некоторых негативных сторонах, они были единственной коллективной формой обучения там, где отсутствовали министерские училища и церковно-приходские школы, давали возможность тысячам крестьянских детей овладеть грамотой и познакомиться с истинами православной веры.

### **4.3. Миссионерство – способ внедрения православия среди нерусского населения**

**И**стория формирования русского государства и его колонизаторская политика тесно связаны с внедрением христианства. Этот процесс именуется миссионерством (от лат. Mission – посылка, поручение), цель которого заключалась в обращении инаковерующих и возвращении в лоно церкви отошедших от неё. Фактически миссионерство ставит более широкие задачи, содействуя осуществлению политических целей социальных групп и правительств, на службе у которых состоят миссионеры.

Христианское миссионерство возникло в IV веке, а в XIII – XVII вв. пришло в Индию, Китай, Японию. В России посылка с поручениями была тесно связана с насильственной христианизацией нерусских народностей, монастырской колонизацией, борьбой с расколом и сектантством. «Нарочитые» миссии, то есть отправки особых лиц из состава церкви в разные окраинные местности России,

населёнными финскими и тюркскими инородцами, были плодом деятельности церкви или махровых адептов православия. Одной из форм, внедряемых миссионерами, были так называемые новокрещенские школы. Они возникли в конце XIV века и связаны с просветительной деятельностью Стефана Пермского, проповедовавшего христианство среди пермяков-зырян и составившего для них азбуку.

Значительное количество миссионерских школ возникло во второй половине XVI века, в связи с присоединением к Русскому государству Поволжья и начавшейся христианизацией татар, чувашей и других народов этой территории. В 1725 года новокрещенное училище было учреждено в Бурят - Монголии при Воздвиженском монастыре. Это была школа монгольского языка «для распространения православной веры в Сибири и для сношения с соседями». В 1822 году с этими же миссионерскими целями при иркутской духовной семинарии был открыт класс монгольского языка, куда принимали и детей бурят. С начала XVIII века миссионерские школы стали учреждаться среди коренных народов Севера. Их цель – подготовка псаломщиков, священников и помощников миссионеров. Обучение носило религиозную направленность и по своей сущности напоминало содержание образования в церковно-приходских школах.

В 1794 – 1837 гг. особенно примечательной была «нарочитая» кадыкская миссия, введенная иноками Валаамского монастыря в бывших русских североамериканских владениях. Миссионерский труд монахов продолжил «апостол русской Америки» Иннокентий (в миру Вениаминов), митрополит Московский. В 1870 году царское правительство, встревоженное значительным отходом от православия крещеных татар, приняло новые «Правила о мерах по образованию инородцев», в основу которых лег проект реформы миссионерской школы, предложенной Н.И. Ильминским. Сущность его нововведений заключалась в использовании родного языка как орудия христианизации. Родной детям диалект воспроизводился русскими буквами. Такая технология обучения использовалась в течении первых двух лет учебы, а в последующие годы все преподавание велось только на русском языке. Орудием обрусения Ильминский считал не столько русский язык, сколько христианскую религию. В ней он видел основу мировоззрения и считал, что православие следует внедрять в инородцев наиболее успешными и быстрыми способами, а одним из средств является родной язык. С этой целью книги религиозного, религиозно-нравственного, миссионерско-патриотического содержания преподносились народам нерусской национальности на их родном языке, но русским алфавитом. «Родной язык, - говорил Ильминский, - сильно и глубоко проникает в душу; особенно живое и сильное действие имеет он на инородцев в церковном богослужении и в церковной проповеди». Первоначальное образование инородцев на их родном языке, по теории педагога-миссионера, есть самый надежный путь к усвоению ими и русского языка, и русского образования.

В соответствии с «Правилами» все национальности нерусского языка делились на три категории: 1) весьма мало обруселых, 2) живущих в местностях где много русских, 3) достаточно обруселых. Для первой категории предписывалось устраивать школы, где первоначальное преподавание совершается на их родном языке, но по учебникам, напечатанным русскими буквами. Обучение выдерживается в православном духе. Постепенно дети осваивают русский язык и повторяют на нём Закон Божий. Для второй категории открываются русские школы куда принимают и детей другой национальности. Учитель должен владеть не только русским языком, но и другими, исходя из обстоятельств. Для детей третьей категории (украинцы, белорусы) предусматривалось обучение только на русском языке. Такая технология обучения использовалась в течении первых двух лет учёбы, а в последующие годы всё преподавание велось только на русском языке со всеми категориями населения.

До опубликования «Правил» миссионерские школы обычно представляли собой интернаты, где находились только мальчики. Обучение продолжалось 5 – 9 лет, в ходе которого давалось начальное и повышенное начальное образование. Набор в миссионерские школы, как и сама христианизация, проводился в большинстве случаев насильственно. Преподавание велось исключительно на русском языке и носило схоластический характер, при котором всё сводилось к механическому зазубриванию фрагментов из книг, элементарному письму и счёту.

Реализацию своей теории Ильминский начал с перевода богослужебных книг, Ветхого Завета, Евангелия и других на языки восточных национальностей России. Он создал в Казани крещено-татарскую центральную школу, ставшую форпостом миссионерства, а затем открыл Казанскую «русско-инородческую» учительскую семинарию, директором которой Ильминский был в течение 19 лет (до конца своей жизни). В этих учебных заведениях подготовили десятки учителей и священников из среды национальных меньшинств. За 50 лет (1863-1913 гг.) в Казанской крещено-татарской школе обучалось 6336 учащихся, в том числе 4449 мальчиков и 1887 девочек. Из них звание учителя сельского начального инородческого училища получили 896 человек (636 мужчин и 260 женщин); получили первоначальное образование 163 священника, 29 дьяконов и 45 псаломщиков. Последние стали служить в приходах многих губерний: Вятской, Иркутской, Казанской, Орловской, Самарской, Уфимской и др. Многие из выпускников казанских опорных школ, созданных Ильминским, стали активными учредителями миссионерских училищ, а крещеный татарин Тимофеев был «обласкан царем и сделан попом».

После посещения Казанской губернии обер-прокурор Синода Победоносцев дал высокую оценку миссионерской деятельности Ильминского. В письме к Александру III он писал:

*«Дети все отлично обучаются чтению и пению...»*

*Потом из них образуются учителя для сельских школ чувашских и татарских, и они у себя образуют службу и пение по тому же примеру, и из них же становятся по мере возможности священники и дьяконы в инородческих приходах». [45].*

Система Ильминского широко применялась к обрусению не только татар, но и башкир, чувашей, марийцев, казахов, туркмен, узбеков и других. Работа лучших миссионерских школ освещалась в педагогической печати и ставилась в пример другим подобным училищам. В Рязанской губернии, например, функционировала Касимовская противомухаммеданская миссия, заботящаяся о религиозно-нравственном просвещении христианских детей и татар. В миссионерской Свято-Владимирской двухклассной церковно-приходской школе обучалось от 75 до 100 человек. Учеников могло быть гораздо больше, но из-за недостатка помещений некоторым детям отказывали в приеме. В каменном двухэтажном здании к тому же проводились учительские курсы, преподавались профессиональные знания, работал сиротский приют для бедных учеников. Планировалось построить еще одно двухэтажное здание и собственный храм. Касимовская школа существовала на средства от разных источников. Они поступали из православной миссии Общества, Рязанского епархиального училищного совета, от Братства св.Василия, от епископа Рязанского, из Касимовского отделения епархиального училища совета.

Обучение в миссионерской школе вели пять педагогов. Законоучитель, он же преподаватель истории и обличения ислама, на уроках Закона Божия сравнивал христианское и мухаммеданское учения и доказывал превосходство христианской веры над мусульманским учением. Для расширения пропаганды христианства в Касимовской школе по праздникам проводились народные чтения и миссионерские собеседования. На них с помощью проекционного фонаря показывали туманные световые картины, проводили общенародные чтения, где всегда присутствовало много слушателей, в числе которых были все преподаватели и ученики второго класса. Для развития миссионерского дела при школе работала бесплатная библиотека, доступная для населения.

С целью насаждения миссионерских инородческих школ Ильминским было организовано братство святого Гурия, распространявшее свою деятельность на всё Поволжье. Учебный план школ, работавших по системе казанского учёного, был следующим, (число часов в неделю)(табл.4).

В соответствии с учебным планом более 5! всех предметов (Закон Божий, славянское чтение, церковное пение) было заполнено религией, к тому же большая часть уроков русского и национального языка посвящалась чтению православных статей и рассказов.

Особое внимание царское правительство обратило на русификацию чувашей, воспитанию их в православном духе. Процессом руководили учителя и

священники из инородцев. Они обучали чтению евангелий на родном языке, вели богослужения. По примеру братства св. Гурия было организовано свято-духовное братство чувашей. Цель его заключалась в распространении среди чувашского населения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, а также издание и распространение на чувашском языке книг Священного Писания. В большинстве населённых пунктов приобщение к православию проводилось довольно успешно. Так, в одном из донесений попа-наблюдателя Чутеевской школы (1901 г.) говорилось: «В старшем отделении прекрасно рассказывают из священной истории Ветхого и Нового Завета по-русски, объясняют заповеди, символ веры по членам и довольно основательно ознакомлены с таинствами. Поют весьма хорошо и все без исключения, участвуют в богослужении».

Таблица 4

Учебные предметы	Отделения:	
	младшее	старшее
Закон Божий	6	6
Русский язык	6	10
Славянское чтение	3	4
«Инородческое» чтение	4	2
Счёт	3	3
Письмо	6	4
Пение (церковное)	3	3
Гимнастика	½	½
	31 ½	31 ½

В XIX–XX веках в России существовало девять духовных миссий: алтайская, енисейская, забайкальская, иркутская, камчатская, киргизская, обдорская, сургутская, якутская. Для их материальной поддержки в 1865 году было основано «Московское общество для содействия распространению христианства среди язычников». В 1870 года его переименовали в «Православное миссионерское общество» и учредили ему в помощь епархиальные комитеты. В 1896 году работало 44 таких структурных подразделения. Комитеты занимались денежными сборами и распределением их по миссионерским школам в своих епархиях. С 1870 по 1893 год кружечные сборы составили 675244 рубля, тарелочные – 493823 рубля, от Варваринной часовни в Москве приход составил 120351 рубль. Из этих средств было сформировано три капитала общества: неприкосновенный, запасной, расходный (общий и целевой).

В начале XX столетия в Северном Приобье активную образовательную деятельность развернули при Кондинской, Обдорской и Сургутской миссиях, в Аба-

лакском и Кондинском монастырях. В инородческих школах, открытых ими, обучались дети русских, вогулов, зырян, остяков и самоедов. Самой крупной была Обдорская церковно-приходская школа, имевшая в 1904 году младшее, среднее и старшее отделения. Полный курс обучения продолжался три года. Учебный план миссионерской школы включал Закон Божий, священную историю, церковную и гражданскую печать, письмо и арифметику. Малолетние дети из остяцких семей проживали в специально созданном приюте, а ученики-подростки располагались в инородческом пансионе.

Успешная образовательная деятельность велась Абалакским и Кондинским монастырями, имевшими миссионерские школы. Они содержались полностью на средства обитателей. Детей обучали чтению и письму, русскому языку и арифметике; преподавали священную историю, историю Ветхого и Нового Завета, краткий катехизис. В Абалакской миссионерской школе было хорошо организовано обучение столярному, слесарному и токарному делу, а также портняжному, сапожному и мережному ремеслам. При Абалакском монастыре работал причетнический класс, выпускавший псаломщиков, овладевших основами христианства.

Систему Ильминского высоко ценили Александр II, Александр III, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев, В.К. Саблер и другие видные деятели Российской империи. Обер-прокурор Синода назвал Ильминского «единственным и неоценимым», а его теорию и практику «великим делом». Советский историк педагогики Е.Н. Медынский представил русского миссионера как монархиста, обрусителя, «вреднейшего реакционера с любовью во взоре и елейным приветом на устах, ласковой рукой подносившего подслащенный яд широким массам трудящихся».

Миссионерские школы сыграли значительную роль в приобщении к грамотности нерусского населения Российской империи. При отсутствии национальных учительских кадров миссионерский подход был единственным путем образования коренных народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Урала, Севера и Сибири. При обучении элементарной грамотности велось приобщение инородцев к православию, включающее изучение Закона Божьего, богослужение, церковное пение.

#### 4.4. Православие в истории народного образования Южного Зауралья

**Ф**ормирование России в обширное многонациональное феодально-абсолютистское государство сопровождалось колонизацией новых земель за Уралом, заселением Западно-Сибирского региона, продолжавшимся вплоть до XIX века включительно. Априори этот объективный фактор наложил отпечаток на зарождение народного образования, начавшего-

ся, естественно, на сто с лишним лет позже, чем в европейской части государства; обусловил появление особенностей в становлении и развитии образовательных учреждений. Зарождение образования в южно-зауральской провинции связано с основанием монастырей и миграцией грамотных людей за Урал. Первым русским грамотным человеком на территории Южного Зауралья был Дмитрий Иванович Мокринский, происходивший из рода тобольских казаков.

Средоточием грамотных людей были монастыри, которые вели деловые бумаги, осуществляли переписку. Характерным примером являлся Далматов монастырь, в архиве которого хранились документы с 1659 года. Его настоятель

Исаак, сын Далмата сменивший отца, вел деловые бумаги и переписку. Так, в конце XVII в. он и келарь Никон написали челобитную Петру I, упомянув в ней о пожалованных в 1685 г. 100 рублями на строительство церкви в женском монастыре и на книги, и на «разную церковную утварь, и на колокол». В 1711 г. Исаак просил Петра I «пожаловать» монастырю сотню с небольшим крестьянских семей. Царь удовлетворил просьбу настоятеля, так как считал Далматов монастырь опорной колонизационной базой православной церкви Южного Зауралья.

Предпосылкой зарождения образования в южно-зауральской провинции являлись книги, завезенные переселенцами и ссыльными, собранные служителями монастырей. Исследователь А. А. Пашков, на основании описания в 1905 г. монастырского книгохранилища, констатирует о наличии в нем рукописной книги «Толковая псалтырь». Она была написана в 1666 г. 19-летним монастырским постриженником Афанасием, в миру Алексеем Артемьевичем Любимовым, учеником старца Далмата и сподвижником игумена Исаака. Автор книги, обладавая незаурядными писательскими способностями, стал писателем, полемистом, общественным деятелем, видным церковным иерархом. Бывший монах Афанасий написал немало сочинений весьма разнообразных по жанровому составу и содержанию: «Шестодиев», «Описание трех путей из России в Швецию», «Рестр из докторских наук», «Цвет духовный», «Щит веры» и др. В конце XVII в. Любимов, являясь архиепископом Холмогорской епархии на севере России, поддерживал связь с Далматовским монастырем, о чем свидетельствует надпись на присланной им книге: «Послал сию книгу Историю царевича Иосафа Индийского с Москвы в Сибирь в пустыню Успенскую, на Исеть, святейшего Патриарха крестовый иеромонах Афанасий учителю своему старцу Далмату со ученики» [46].

По решению Далмата 22 августа 1679 г. в Москву были направлены «черный поп Афанасий с братию» с наказом привезти в монастырь различную церковную утварь и книги. Задание настоятеля было выполнено и «от царя и Великого Князя Федора Алексеевича, всея Великая и Малая и Белья Российского Самодержца... в Далматову пустынь нашего государства пожалования: 12 книг, 2 ризы, 4 стихаря, колокол 12 пудов, посуды церковные, 3 ведра церковного вина, 2 пуда ладану, 2 пуда пороху, 2 пищали, железо, гвозди, перец, сукно, стопа бумаги писчей».

В конце XVII - начале XVIII в. книгохранилище Далматова монастыря пополнялось книгами от частных лиц. Начало благотворительности положил сам Далмат, приславший в 1679 г. в церковь монастырской заимки книгу «Беседы Св. Иоанна Златоустага». В 1687 г. скончался странник Иван Казанец Черепан от которого в монастыре остались Псалтырь учебный Литовской печати, Часовник Московской печати, Канонник Киевской печати. Вероятнее всего книги появились в Южном Зауралье при переселении «гуляющего человека» из Европейской части России. В 1702 г. черный поп Израиль, служивший у митрополита Тобольского и Сибирского Игнатия, подарил Далматовскому монастырю напрестольное Евангелие, Псалтырь, Апостол, Маргарит «новому выходу», Часослов. В этом же году начальник Сибирского приказа А.А. Винуус, посетив обитель, подарил две книги под названием «Вечера да Обед в десть, изданные в Москве». Русская десть была единицей счета бумаги, включающая 24 листа. Кунгурец Никифор Дементьев подарил псалтырь и Святцы; боярский сын из Тобольска Тимофей Григорьев «приложил» Псалтырь и Часослов.

Значительный вклад в пополнение монастырского книгохранилища сделал архимандрит Исаак, передавший около десятка книг, в числе которых были собрание сочинений Св. Григория Назианзина (издана в 1665 г. в Москве), Толкове Евангелие Св. Фаофилакта, архиепископа Болгарского (издана в 1703 г. в Москве), Богородице Дево (издана в 1707 г. в Чернигове). Вклад в монастырскую библиотеку сделал картограф С.У. Ремезов, первый историк Сибири, один из образованнейших людей, занимавшийся составлением планов и описаний Тобольска и уезда. Он «приложил» в обитель «Ермолог старонаречной знаменной».

В 1709 г. по указу Петра I в Далматов монастырь доставили церковную утварь и книги, в распространении которых (книг) царь видел начало просвещения в Южном Зауралье. Свято-Успенская мужская обитель находилась в выгодном географическом положении, так как располагалась вблизи Урала, будущей производительной базы страны. Горнодобывающая и металлургическая промышленность нуждались в работных людях, умеющих читать, писать и считать. На обширной территории Южного Зауралья Далматов и Рафаилов монастыри были единственными компактными поселениями, где имелись грамотные монахи, которых в перспективе можно использовать в качестве учителей.

Сибирские монастыри пытались распространять излишки церковной литературы среди населения, с целью упрочения христианской веры в народе. Так, в 60-х гг. XVII в. в Кодскую заимку Южного Зауралья из Кодского монастыря на Оби привезли в сопровождении драгун новые печатные книги для раздачи населению. Однако крестьяне-переселенцы, большинство из которых были старовеками, отказались от книг, желая тем самым сохранить прежние религиозные убеждения.

Книгохранилище Далматова монастыря постоянно пополнялось и к 1730 г. его фонд насчитывал 210 печатных и рукописных книг, которые классифициру-

ются по четырем категориям: церковно-служебные, богословские, житейные сочинения, учебные. Последние были в малом количестве и состояли из следующих книг: Азбука, Арифметика (Магницкого), Лексикон на трех диалектах, Псалтыри учебные, Часословы. Кроме того, имелась светская книга «Звезда Пресветлая» с нравоучительным содержанием. В 1735 г. общее количество печатной продукции увеличилось в связи с прибытием во Введенскую обитель княгини Прасковьи Юсуповой, насильно постриженной в монахини и привезшей с собой «в мешочке книг без счету».

Таким образом, в конце XVII - начале XVIII в. в южно-зауральской провинции созрели объективные предпосылки зарождения народного образования на официальной основе, включающие материальную базу (монастыри, книги); имелись субъективные предпосылки, отражающие личностный фактор (царская заинтересованность, грамотные священнослужители и монахи, члены слободских администраций, грамотные крестьяне и казаки).

В первой четверти XVIII в. российском правительстве начали предпринимать усиленные попытки насаждения образования в стране и, в первую очередь, среди духовенства. По инициативе отдельных епископов, поддерживающих правительственные преобразования, стали открываться начальные духовные школы, получившие названия архиерейских, так как устраивались под надзором архиереев и часто при их домах. Первая такая школа за Уралом была учреждена в 1702 г. в г. Тобольске воеводой М.Я. Черкасским и митрополитом Сибирским и Тобольским Филофеем (Лещинский). Она была не только первой официальной школой в Сибири, но и одной из первых в России, а по составу учащихся, кругу изучаемых предметов и юридическим нормам содержания учеников предвосхищала цифирные и горнозаводские училища. Царские указы следовали один за другим, провозглашая обязательность обучения в греческих и латинских школах «поповых и дьяконовых, а с 1710 г. и детей церковнослужителей, церковных сторожей и просвирен».

Жизнь и деятельность в монастырях Российского государства регламентировалась внутренними уставами. В документе Свято-Успенской обители, разработанном Далматом, 4-й пункт указывал, что религиозная община «имеет училище для младенцев и обучает грамоте всех приходящих младенцев с пропитанием монастырским без мзды». К сожалению, конкретных архивных документов и другой информации об обучении детей южно-зауральской провинции в XVII в. мы не выявили. Однако, допускаем версию об обучении детей грамоте Далматом и Исааком задолго до официального открытия школы при Далматовом монастыре. Предположение детерминируется рядом факторов: во-первых, уставом монастыря; во-вторых, примером обучения грамоте попа Афонасия, создавшего уже в 1666 г. книгу; в-третьих, наличием книг и, в частности, учебной литературы. Мы допускаем, что в числе книг, посланных царями Федором Алексеевичем и Петром I, были и азбуки-буквари В. Бурцева и К. Истомина, тираж которых, отпечатанный в Мос-

кве во второй половине XVII в., составлял около 300 тыс. экземпляров.

Для реализации указа из Московской и Петербургской морских академий было направлено 47 учителей, основавших цифирные школы в Вологде, Рязани, Новгороде и других городах Европейской части России. Цифирные школы, как отметил известный русский педагог Д. Д. Семенов, «более других послужили делу распространения в России элементарного образования и более походили на начальные школы».

До Западной Сибири учителя светского образования не доехали и поэтому здесь стали открывать школы, подведомственные Синоду. Сначала организовали обучение при Тобольском архиерейском доме, а затем и при Далматовом монастыре. Дата открытия школы при Свято-Успенской мужской обители требовала уточнения, так как исследователи указывали разную хронологию. Так, А. А. Пашков в одном издании называет 1714 год (Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь.-Шадринск, 2000.-С.69), в другом — 1719 г. (История Курганской области.Т.3.-Курган, 1997.-С.40); по «Шадринской летописи» (Шадринск, 1997) Далматовская школа открыта в 1718 г.; в «Очерках истории Курганской области» (Челябинск, 1968.-С.90) обозначен 1719 год; в «Пермских епархиальных ведомостях» указано, что «школа при Далматовском монастыре начала функционировать с 1718-1719 года» (Пермские епархиальные ведомости за 1868 г. – Пермь, 1869.№1.-С.25).

В октябре 1722 г. митрополит Антоний Стаховский послал указ архимандриту Далматовского монастыря Исааку, в котором на основании второй части Духовного Регламента, требовал посылать с территории Далматовского заказа, включающего 42 церкви, в Тобольск поповских детей в возрасте от 10 до 15 лет для обучения. Рекомендовалось доставлять их в архиерейскую школу отцам, попутчикам, купцам, нарочным, добрым людям. В Тобольске приезжие ученики проживали за счет «кошты с отцов», то есть родители вносили продукты для существования своих детей. Таким образом, дети южно-зауральской провинции могли овладевать грамотностью в школе при Далматовом монастыре и на выезде в Тобольской архиерейской школе. Последняя испытывала трудности с набором учеников, обусловленные неурожаем и бедностью населения, и поэтому количество обучаемых колебалось от 90 до 30 человек. Комплектование контингента проходило с большими трудностями по особым архиерейским указам, призывавшим использовать принудит

В 1735 г. в Далматовом монастыре учредили славяно-российскую школу, назначив учителем Петро Кирьянова. Школа давала начальное образование в содержание которого входило овладение грамотностью по букварю, чтение церковных книг, заучивание наизусть часослова с текстами молитв, пересказ псалмов, чтение псалтыря, церковное песнопение. В 1738 г. в славяно-российской школе Далматова монастыря обучалось 15 мальчиков в возрасте от 10 до 15 лет, направленных из Барневской, Буткинской, Красномыльской, Ольховской и Пес-

чанской слобод, а также из села Соровского и острога Маслянскогою

Открытие славяно-российской школы явилось шагом вперед в деле образования в южно-зауральской провинции, так как она была более демократичной по сравнению с прежней и в ней могли обучаться не только дети, проживающие на территории обители, но и из других населенных пунктов. Среди христианских церковнослужебных книг, используемых в качестве учебников, появился светский букварь, значительно облегчавший освоение грамоты.

Тобольская и Далматовская школы продолжали испытывать трудности в комплектовании контингента, обусловленные нежеланием церковнослужителей посылать своих детей на обучение. Поэтому Тобольская консистория посылала строгие указы, касающиеся набора учеников. В частности, в документе от 1743 г. предписывалось обучать детей дворян и других сословий чтению российских книг - букваря и катехизиса, так как в них имелось христианское учение. В соответствии с указом Тобольской консистории, родителей, не посылающих детей в школу, следует наказывать штрафом. Особое внимание уделялось церковнослужителям, которые заставляли не только обучать всех детей без исключения, но и самим постигать грамоту и учить других. Указ 1743 г. предусматривал проверку образованности детей и церковнослужителей и при плохих результатах «оным учинено будет жестокое на теле наказание и чинов будут лишены».

Для детей, обучающихся в семьях, проводились смотры в г. Тобольске, по результатам которых одних снова отправляли отцам или родственникам «для совершенного обучения», а других – в школу. Родители и родственники, взявшиеся за обучение детей, должны были представить их через определенный срок на новый смотр. Если же дети не придут на смотр или их умение в чтении, письме или пении, в знании катехизиса окажутся несовершенновыми, то родителям либо родственникам, взявшим их обучать, грозил штраф. Размер его за каждый месяц учебы зависел от церковной должности: протопопы платили по 2 руб., попы – по 1 руб. 50 коп., дьяконы - по 1 руб., дьячки и пономари платили по 50 коп. с человека. Деньги шли в казну семинарии.

В 1780 г. в славяно-русской школе при Далматовом монастыре на платной основе обучалось 200 человек. Весь курс оценивался в 6 руб. 5 коп., из которых за обучение азбуке следовало заплатить 30 коп., прохождение букваря – 25 коп., за освоение часослова – 50 коп., псалтыря – 1 руб., обучение письму стоило 2 руб., пению – 2 рубля. Такой тариф был дорогой платой за обучение, так как денежная единица во второй половине XVII в. ценилась высоко и за 1 руб., например, можно было приобрести дойную корову.

Важной заботой руководства обители являлось обеспечение школы учебной литературой, закупаемой в Тобольске. В 1782 г. Далматов монастырь закупил там из средств «собственноцерковнослужительского кошту» 22 псалтыря и 13 часословов на сумму в 28 руб., которые передали на хранение монаху Феофану. В соответствии с распоряжением от 5 марта 1783 г. он должен был выдавать

книги ученикам, а затем «от оных отбирать и отдавать другим для обучения». В апреле игумен Маргарит, управляющий Далматовским монастырем, послал в Тобольскую консисторию рапорт–отчет об израсходованных деньгах и уведомил, что купленные книги отданы под расписку канцеляристу Ивану Старцеву для хранения в духовном правлении. По мере надобности он будет выдавать книги учителю русской школы. Это явление по праву можно считать рождением школьной библиотеки в южно-зауральской провинции.

Среди монахов и сыновей священнослужителей Далматовского заказа были люди с певческими способностями и музыкальным слухом. Так, в реестре 1722 г. напротив фамилии крылошанина Филалея Булыгина помечено – «композитор пения». Наличие музыкально одаренной молодежи побудило руководство Свято-Успенской обители открыть певческую школу, направлявшей лучших учеников в Тобольскую духовную семинарию. Один из них, Алексей Варлаков, сын священника Мехонской слободы был отправлен к митрополиту Тобольскому и Сибирскому с сопроводительным письмом, в котором написано: «...редко таких сыскаться может». Для обучения церковному пению в Далматовском книгохранилище имелась специальная учебная литература: «Азбука нотная», «Святой праздник на ноте», «Четыре тетрадки четвероголосного распева, четвертной одной ноте» и др.

Обязательное обучение элементарной и нотной грамотности касалось только детей служителей культа, а для крестьян и других людей предлагалось овладение различными ремеслами. В 1762 г. в Далматовом монастыре 18 подростков и юношей от 10 до 20-летнего возраста обучались различным ремеслам: кузнечному и столярному, кожевенному и чеботарному, мельничному производству, иконописи, «часы водить». Длительность овладения профессией зависела от способностей обучающихся и поэтому на приобретение специальности иногда затрачивались годы, как это случилось, например, с Федором Барматовым, обучавшимся иконописи в течение восьми лет.

Обучение грамоте и ремеслам касалось только мальчиков и юношей, становящихся продолжателями отцов на духовной службе, в мирских делах или в крестьянском хозяйстве. Первое упоминание об обучении девочек в южно-зауральской провинции сделал В.Н. Татищев после посещения им Введенского монастыря. В 1721 г. губернатору Черкасскому и управляющему казенными заводами Татищеву с трудом удалось получить разрешение на посещение женской обители. Они отметили, что в монастыре проживают «40 стариц, да 33 молодых и больных, всего 73 человека; все должны прясть, ткать и шить, а притом сирот девочек обучать». Лапидарность татищевской информации не дает точного ответа на то, чему обязаны были обучать девочек в монастыре – грамоте или рукоделию. Другой источник (60-х гг.) констатирует о наличии во Введенском монастыре 11 монахинь, умеющих читать и писать.

Дальнейшее становление религиозного образования в Южном Зауралье связано с открытием в 1816 г. уездного духовного двухгодичного училища, учреж-

денного при Далматовом монастыре по решению высших епархиальных властей Урала и Зауралья. К этому времени в Урало-Зауральском регионе уже работали Пермское, Соликамское и Екатеринбургское училища. Архиепископ Пермский и Верхотурский предписывал священникам Екатеринбургского, Верхотурского, Камышловского, Ирбитского и Шадринского уездов направлять своих детей на учебу в Далматов монастырь. Перед поступлением в духовное училище у всех детей свыше 10-летнего возраста протоирей Алексей проверял умение читать и петь. По результатам смотра одних зачисляли в семинаристы, других – «исправлять сторожевую должность» (быть вольнослушателями). Последним разрешалось заниматься в классах для повышения уровня знаний и умений, а после этого они становились полноправными учениками духовного училища, имеющего два класса – грамматический и информаторический. Изучались общеобразовательные предметы и богословские дисциплины: Закон Божий, священное писание, катехизис, учение о богослужении, церковный устав и церковное пение.

Так, в регистре Камышловского духовного правления для обучения в Далматовском училище было записано 29 человек в возрасте 11-17 лет, а 8 человек в возрасте 14-18 лет назначались «сторожами». Слабо успевающие ученики исключались с выдачей им особых свидетельств, указывающих способности и прилежание, оценки по греческому и латинскому языкам, российской и славянской грамматикам, катехизису, церковному уставу и церковному пению. Документы подписывали смотритель Далматовского духовного училища, инспектор, учителя. В соответствии с § 26 Устава уездных училищ, отчисленные могли быть направлены в низший разряд церковнослужителей. Одним из них стал исключенный в июле 1848 г.

Александр Загуменный, сын пономаря Введенской церкви в селе Теченском, назначенный послушником Далматовского мужского монастыря.

В 1830-1831 уч. году в Далматовском духовном училище обучалось свыше ста человек, проживающих в училищных покоях по двадцать и более человек. Жизнь их организовывалась по типу бursы и ученики находились на казенном содержании. Учебно-материальная база училища была предметом особой заботы настоятеля монастыря и смотрителя учебного заведения. Училище размещалось в особом каменном одноэтажном корпусе, однако помещений для нужд учителей и учеников не хватало. Активную деятельность по исправлению положения вел протоирей Григорий Плотников, назначенный смотрителем училища. Он добился выделения жилплощади (кельи) для Сильвестра Машакова, инспектора, живущего в городе, которому необходимо было осуществлять надзор за детьми в дневное и вечернее время. Бурса требовала постоянного внимания и контроля, а проживая в Далматово их осуществлять не было возможности, к тому же в вечернее время монастырские ворота закрывались. Протоирей добился выделения помещения на территории монастыря для устройства ученической больнички. Человек неординарный, деятельный и образованный Плотников стал первым автором книги о

Далматовском Свято-Успенском мужском монастыре.

С открытием светской школы Далматов монастырь утратил свою монополию в обучении не только детей священнослужителей, но и мирского населения, сыграв значительную роль в зарождении образования в южно-зауральской провинции. Ряд выпускников школ Далматова монастыря стали впоследствии первыми учителями Шадринского уезда, известными людьми Российского государства. Духовное училище окончил А.Ф. Мерзляков, поэт и переводчик, профессор кафедры русской словесности Московского университета, у которого учились Белинский, Грибоедов, Лермонтов, многие будущие декабристы, а один из них – И.Д. Якушкин, даже жил у уважаемого преподавателя; обучался А.Н. Зырянов, ставший известным краеведом-просветителем, членом-корреспондентом Российского географического общества и членом-корреспондентом Вольного экономического общества, основателем двух школ в Шадринском уезде.

### Вопросы и задания

1. Назовите типы церковно-приходских школ и их различие.
2. Какими были учебные планы и программы церковно-приходских школ?
3. Дайте характеристику попечительства о приходских училищах.
4. Сделайте анализ «Правил о школах грамотности».
5. Чем обусловлена необходимость открытия школ грамотности?
6. Кто обучал крестьянских детей?
7. Что такое миссионерство?
8. В чём сущность системы Ильминского?
9. Дайте характеристику церковно-приходских школ Южного Зауралья.
10. Отразилось ли развитие капитализма в Зауралье на содержании образования в церковно-приходских школах?

### Литература для самостоятельной работы

1. Володина Л. О. Духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье // Педагогика. – 2011. - № 4.
2. Воробьев В. Н. Православное просвещение на Руси // Педагогика. – 2005. - № 2.
3. Ислаев Ф.Г. Новокрещенские школы Поволжья // Педагогика. – 2005. - № 3.
4. Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы: от её возникновения на Руси до настоящего времени. – М., 2006.
5. Михашенко А. Л. Становление и развитие образования в Российской провинции в 1710 – 1917 гг. Монография. – Курган, 2004.
6. Михашенко А. Л. Духовное образование в Российской империи. – Курган, 2005.
7. Михашенко А. Л. Православная учебная литература в школах Южного Зауралья досоветского периода // IX Зыряновские чтения... - Курган, 2011. - С.52-53.
8. Пашков А. А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. – Шадринск, 2000.

## **Глава пятая. ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

### **5.1. Сотрудничество Церкви и государства в вопросах познания православной культуры**

**С**троительство социализма привело к коренным изменениям в структуре образования. Новое правительство передало дело воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению. Были упразднены церковно-приходские школы, гимназии, запрещалось преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы. Воспитание подрастающего поколения велось в комсомольской и пионерской организациях, основанных партией большевиков. Переход России на рыночные отношения с ликвидацией ведущей роли коммунистической партии, с забвением комсомола и пионерии обусловили резкое падение уровня культурно-нравственного воспитания. В деятельности образовательных учреждений был сделан акцент на обучение. Такое обстоятельство, да к тому же обнищание населения, породили увеличение детских правонарушений, наркоманию, суицид, ранние половые связи и другие негативные явления.

Правительство решило исправить ситуацию путём воцерковления подрастающего поколения и возрождения духовно-нравственного воспитания. После периода государственного атеизма начался естественный процесс возвращения народа к вере своих отцов. Православное сообщество России вполне закономерно заявило о правах детей своим традициям, обычаям, культуре в общедоступной российской школе, так как обучение детей выполняет образовательный заказ родителей. Формирование нравственных и духовных ценностей обучающихся в системе общего образования является значимой социально-педагогической задачей. От её решения во многом зависят состояние общественной морали, социальных, межличностных и межконфессиональных отношений в стране, будущее российского общества и государства.

Совершенствование системы образования и воспитания невозможно без усилий по сохранению и укреплению нравственности и физического здоровья российского народа по созиданию атмосферы мира и согласия. **Одним из путей прогрессирования является сотрудничество Церкви и государства, предполагающее их обоюдное содействие в вопросах духовно-нравственного воспитания детей и подростков.**

Феномен сотрудничества Церкви и государства вызревал в течение двадцати лет. У нововведения были сторонники, противники и равнодушные. Однако с годами увеличивалось число сторонников познания православной культуры и содействия Русской Православной Церкви (РПЦ) в духовно-нравственном вос-

питании россиян. Знаковым событием по сближению светских и религиозных интересов стал договор 1999 г. о сотрудничестве Министерства образования и РПЦ. Минобразнауки одобрил изучение в средней школе курса «Основы православной культуры».

В 2000 г. Архиерейским Собором был принят документ «Основы Русской Православной Церкви», изложивший базовые положения её учения по вопросам церковно-государственных отношений. В разделе «Светские науки, культура, образование» отмечалось, что христианская традиция неизменно уважает светское образование. С православной точки зрения желательно, чтобы вся система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях. Церковь, как указывалось в основах, полагает полезным и необходимым проведение уроков христианского вероучения в светских школах по желанию детей или их родителей, а также в высших учебных заведениях. Священноначалие должно вести с государственной властью диалог, направленный на законодательное и практическое закрепление реализации международного признанного права верующих семей на получение детьми религиозного образования и воспитания. Школа есть посредник, который передаёт новым поколениям нравственные ценности, накопленные прежними веками. В этом деле школа и Церковь призваны к сотрудничеству.

*«Вызревание в юных сердцах устремлённости к Истине, подлинного нравственного чувства, любви к ближним, к своему отечеству, его истории и культуре должно стать задачей школы не в меньшей, а может быть и в большей мере, чем преподавание знаний» [47].*

В 2007 году вступили в силу поправки в Закон РФ «Об образовании, что актуализировало задачу сохранения и развития практики духовно-нравственного воспитания школьников в процессе преподавания учебных курсов духовно-нравственного содержания.

В этом контексте РПЦ предложило Министерству образования следующую концепцию решения проблемы: включение в школьный учебный план предмета «Православная культура» наряду с предметами по истории и культуре других российских религий. Эти предметы составят новую область, раздел в учебном плане с рабочим названием «Духовно-нравственная культура». Такая модель, по идее РПЦ, вполне ясная, понятная, открытая, учитывающая интересы всех. Она полностью соответствует демократическим ценностям и нормам, исключает конфликты и взаимные подозрения; может быть реализована на единой основе во всех субъектах Российской Федерации. В конце 2007 г. Президент РФ В.В.Путин отметил:

*«Сегодня в средней общеобразовательной школе востребованы различные формы преподавания знаний о религии. В муниципальных школах уже сложилась практика преподавания основ конфессиональных*

*культур – православной, мусульманской и др. Следовало бы обобщить накопленный опыт и учесть необходимость духовно-нравственного воспитания при разработке образовательных стандартов» [48].*

Актуальность соработничества Церкви и государства в области воспитания неоднократно подчёркивал в своих социально-философских выступлениях Кирилл, Патриарх всея Руси. Он отмечал разрушающую тенденцию семьи, теряющую свою воспитательную функцию. Церковь всеми силами старается восстановить её воспитательное служение общественной жизни. Семья, школа и Церковь, по мысли Патриарха, должны работать сообща с высоким уровнем координации действий. Духовно-нравственная воспитанность человека, выбор им жизненного пути напрямую связаны с мудростью и расстановкой значимых приоритетов. От них зависит социально-нравственное благополучие и счастье людей. Мудрость, как указал Кирилл, - это способность человека к системному мышлению. Есть значение частных, деталей, но нет знания общего. Очень многие беды, в том числе социальные и политические трагедии, революции, гражданские войны, неудачные реформы – это постоянное повторение одних и тех же ошибок. «Наступаем на одни и те же грабли». Люди оценивают мир фрагментарно и воспринимают его как кадр величинной во всю жизнь. Системное восприятие истории и бытия должно опираться на некую колонну, которая поможет ощутить и понять целостность мироздания. Такой опорой и «скрепой», по мысли патриарха, может быть только фундаментальная ценность внутри человека. Единственной скрепляющей силой, формирующей целостное сознание человека, целостное восприятие мира, истории, бытия, является нравственность. Без формирования нравственного начала в современном человеке не может существовать никакого образовательного процесса. Важное значение в воспитании может принадлежать изучению в школах основ религиозной культуры и светской этики. По этому вопросу велась пятнадцатилетняя дискуссия, отличавшаяся конфликтностью и конфронтационностью. Подобный подход, в определенной степени, был обусловлен сложными реформационными процессами, условиями социальной, экономической и политической борьбы. Период бурных обсуждений, как заметил Кирилл, завершился и россияне приступают к важному этапу внедрения в образовательный процесс основ религиозной культуры и светской этики. Нововведение должно послужить консолидации общества, повышению роли нравственного воспитания в учебных заведениях, формированию целостного мировоззрения и системного подхода к жизни.

Успешная реализация проекта возможна при развитии церковно-государственного и церковно-общественного взаимодействия. Патриарх всея Руси отметил, что введение в школьную программу курса «Основы православной культуры и светской этики» значительно важнее, чем простое религиозоведческое и культурное просвещение. Для того, чтобы юношество научилось ценить и любить прошлое своей страны, интересоваться историей и традициями, необходимо объединять усилия государственных институтов, Православной Церкви и

других религиозных общин.

Одним из примеров успешного церковно-государственного сотрудничества является Всероссийский конкурс «За нравственный подвиг учителя», ежегодно проводимый Министерством образования и науки РФ совместно с Отделом религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, при поддержке аппарата Полномочного представителя Президента в Центральном федеральном округе. Участниками конкурса являются представители всех типов учебных заведений России: педагоги общеобразовательных, православных и музыкальных школ, домов детского творчества, гимназий и лицеев, школ с этнокультурным компонентом, а также преподаватели институтов повышения квалификации учителей и педагоги высшей школы. В 2010 году конкурс проводился уже в пятый раз. Соревновательные работы содержат богатый опыт педагогической практики в области духовно-просветительского и гражданско-патриотического воспитания детей и молодёжи, приобщения подрастающего поколения к наследию художественной культуры, отечественной истории.

Другим примером соработничества, по заключению Кирилла, стало слаженное сотрудничество Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ и епархиальных отделов с государственными образовательными структурами в условиях проводимого в настоящее время Министерством образования РФ эксперимента по введению новой предметной области «Основы религиозных культур и светской этики». В реализации проекта крайне важны добрая воля к взаимопользному сотрудничеству. Другое условие – рабочее взаимопонимание, основанное на сознании того, что школа и Церковь в сфере воспитания детей и юношества выступают в качестве союзников, каждый из которых располагает собственными уникальными педагогическими возможностями и ресурсами. По мысли Патриарха, православное образование должно осуществляться на протяжении всей жизни человека. Детские сады, воскресные школы, православные гимназии, курсы духовно-нравственного содержания, преподающиеся в общеобразовательных школах, богословские факультеты и вузы должны стать единой, непрерывной системой православного образования, адекватно отвечающей на актуальные вопросы жизни.

Рыночные отношения, как заметил президент Российской академии Н. Д. Никандров, никогда не заменят человеческие, им место только в экономике. Жизнь показала, что духовность и нравственность немыслимы друг без друга. Стремясь воспитать гражданина, государство и Церковь не могут не сотрудничать. О необходимости соработничества постоянно указывал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, настаивает на сотрудничестве и патриарх Кирилл. Духовно-нравственные христианские ценности, по словам Никандрова, должны объединять усилия государства и Церкви, светского образования и духовного просвещения. Президент РАО подчеркнул ценности патриотизма, любви к своей стране, её истории, к обычаям. В истории христианства, и в совре-

менной церковной практике, любовь к Родине, уважение к ней и её власти, уважение к её защитникам, считаются естественными качествами гражданина и христианина, о них говорится в богослужениях и церковных проповедях. В светской науке это называется российской идентичностью. Кроме определённой идейной общности, указал Никандров, для сотрудничества светского образования и духовного просвещения необходима организационная поддержка. В этом контексте первостепенна роль светской власти, государства и институтов гражданского общества. «Только власть различных уровней может обеспечить мирное и спокойное проведение эксперимента по введению в школах курса основ религиозных культур и светской этики».

Сотрудничество государственных, муниципальных, общественных структур, религиозных объединений крайне необходимо для решения ряда вопросов духовно-нравственного воспитания. Своеобразный гуманистический альянс, на наш взгляд, будет способствовать успешному проведению эксперимента с решением следующих задач:

- выстраивание концепции преподавания основ любой религиозной традиции или светской этики;
- акцентирование идентичности взглядов на общественные ценности;
- формирование толерантности во взаимоотношениях светских и воцерковленных граждан;
- разработка учебников и учебных пособий по курсу «Основы православной культуры и светской этики»;
- создание условий по использованию оптимальных форм, методов и приёмов трансляции православной культуры.

## **5.2. Теория и практика православного духовно-нравственного воспитания**

**В** конце 2009 / 10 уч. года в школах России начался эксперимент – апробация комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». (ОРК и СЭ). Он содержит шесть модулей: основы православной, исламской, буддийской, иудейской культур, основы мировых религиозных культур, основы светской этики. Родители учеников вправе выбирать любой из модулей.

Эксперименту предшествовала большая организационно-методическая работа. Особую активность в этом направлении развернул миссионер А. Кураев, протодиакон, профессор Московской духовной академии, посетивший города, участвовавшие в эксперименте. Он выступал перед учителями с лекциями, рассказывал о сути педагогического опыта, о своём учебнике по основам православной культуры. Профессор отметил актуальность духовно-нравственного воспитания детей и подростков, осветил ряд проблем в связи с началом реализации проекта.

Наш эксперимент, как отметил Кураев, это судорожная попытка России спасти саму себя. Цель опыта технична и конкретна – «обкатать» модель выбора предмета родителями, дать право каждой семье на заказ школе; доказать, что в общеобразовательном учреждении можно говорить об основах разных конфессий, не порождая социальные конфликты. В ходе эксперимента, по мысли профессора, надо ответить на три серьёзных вызова, обращённых к россиянам. Первый – это глобализация. В нашем мире стараются выращивать людей «перекати поле», чтобы у человека не было Родины. Отсюда и навязчивое воспитание в духе равнодушия. «Родина там, где лучше платят». В этих условиях единственный возможный выход – попробовать научиться понимать и любить своё. Вторым вызовом, обращённым к России – ислам. Мусульманство в нашей стране, по словам Кураева, есть уникальная жемчужина мировой культуры и истории, потому что это опыт многовекового сосуществования в одной стране. Только в России мусульмане живут в христианском или светском окружении. К сожалению, над этой «жемчужиной» нависла угроза со стороны мощных зарубежных спонсоров и союзников, пропагандирующих арабский ислам. Они пытаются внедрять свою модель вероучения в российский менталитет. Поэтому одна из задач эксперимента – взять под контроль поток информации об исламе. Третий вызов, обращённый к стране, – демографическая пропасть. Рождение ребёнка, как сказал миссионер, влечёт за собой падение уровня жизни в семье, всегда срабатывает стоп-кран в карьерном росте работающей женщины. Это вопрос о жертве, о том, что важнее в системе приоритетов. Поэтому, подчеркнул Кураев, возникает вопрос: способно ли светское мировоззрение воспитать людей в жертвенном духе? Современные многодетные семьи придерживаются в основном религиозных убеждений. Для выживания России необходимо утвердить в сознании людей такую систему ценностей, которая привила бы вкус к жизни в России в многодетной семье.

Экспериментальный курс ОРКиСЭ носит морально-экуменический характер. Суть его в том, что те ценности, которые будут обозначены на страницах всех шести учебников, одинаковые: чти отца и мать, уважай стариков, заботься о младших, защищай Родину, не порти природу. Но эти ценности должны разъясняться и аргументироваться с учётом канонов религиозных культур и светских принципов.

В ходе реализации проекта, по предложениям профессора, могут возникнуть различные трудности и конфликты. Первая возможная ошибка учителя – нападки на убеждения и святыни другого человека, критика в адрес какой бы то ни было религиозной системы, в том числе религий не участвующих в данном эксперименте. Учителю надо научиться говорить о своём, не ругая чужую святыню. Такое будет трудно делать преподавателям светской этики и атеистам, а также православным педагогам со взглядами неопифита [49], признающим только свою религию. Вторая ошибка педагога может проявиться при профессиональ-

ной идентификации, то есть отождествлении, приравнивании и уподоблении. Речь учителя должна быть сдержанной, понятной для всех, не позволяющей эксклюзивной лексики. Он должен всегда помнить, что перед ним все дети: и мусльмане, и иудеи, и баптисты, и атеисты.

В работе с детьми, как заметил Кураев, важно знать источники конфликтов для их упреждения. Первая причина – конфессиональный императив, то есть повеления, наставления, требования и призывы к молитве, посту и т. д. Вторым источником могут быть сами дети, принимающие участие в классной дискуссии. Их поведение во многом зависит от речи учителя, которая должна быть грамотной, корректной, толерантной. Педагог отвечает за то, чтобы по ходу дискуссии дети никого не обидели, не оскорбили. Третий источник конфликтов – дискуссии детей вне классов, порожденные их эмоциональностью, несдержанностью, неверной интерпретацией религиозных культур.

В ходе эксперимента учащимся следует прививать навыки нравственного самоанализа.

«Ребёнок должен открыть в себе свой собственный мир, приучить себя обращать внимание на голос совести, на боль своей души, научиться элементарному нравственному самоанализу своих мыслей, желаний, мотивов» (А. Кураев).

Что касается непосредственно модуля основ православной культуры, то профессор-миссионер отметил его особенности. Одна из них – это воспитательная, но не информирующая направленность. Учитель обязан помочь ребёнку усвоить правильную систему ценностей. В детском кругозоре должны быть разные идеи и альтернативы, разные системы ценностных мотиваций, в том числе и традиционная духовная культура. Другая особенность, заложенная Кураевым в его учебник – «парашют спасения» для неверующих преподавателей ОПК. В разработке каждого урока можно увидеть допустимость ухода на чисто светскую тематику: этическую, историческую, детскую. Например, на вопрос, что вы должны знать как «Отче наш?» могут звучать ответы: домашний адрес, таблицу умножения, правила поведения в дорожно-транспортной среде и др. Особенность курса и учебника является этикоцентричность, не предусматривающая пересказ библейской истории ребёнку 9 лет, но приучающая его к некоторой интроспекции (самонаблюдению).

Особого внимания учёных, преподавателей и служителей РПЦ заслуживает опыт работы Смоленской области по духовно-нравственному воспитанию детей и подростков. Благодаря подвижнического просветительского труда митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла была создана эффективная система по внедрению в школы православной культуры. С 1998 г. начала создаваться нормативно-правовая база, начало которой положил Договор о сотрудничестве в сфере образовательной, социальной и культурно-просветительской деятельности между Администрацией Смоленской области и Смоленско-Калининградской епархией Русской Православной Церкви. В декабре 2009 г. подписа-

ли новый Договор о сотрудничестве, учитывающий изменения в законодательстве Российской Федерации в сфере образования. Епископ Т. П. Довгий отметил, что оправдала себя практика заключения договоров о сотрудничестве благочиний с муниципальными органами власти. Подписываются соглашения о сотрудничестве приходом с образовательными учреждениями. В г. Смоленске на протяжении нескольких лет действуют договора храма Новомучеников и исповедников с эстетической гимназией, прогимназией «Полянка», со средней школой № 33, кадетским корпусом имени фельдмаршала Кутузова. Кроме соглашений в регионе действует ряд других органов при Администрации Смоленской области. К ним относятся Координационный совет по развитию системы духовно-нравственного воспитания, Комиссия по взаимодействию с религиозными организациями и объединениями, Положение об экспертном совете по государственной религиоведческой экспертизе.

Смоленская область успешно решила вопрос о подготовке педагогических кадров по преподаванию основ православной культуры. Департамент по образованию и науке совместно с епархией создали трёхуровневую систему обучения учительства. Первый рассчитан на обучение воспитателей детских дошкольных учреждений и учителей общеобразовательных школ. Второй уровень – это двухгодичная школа подготовки учителей по специальности «Культурология. Православная культура». Третья ступень предполагает специализацию «учитель православной культуры», осуществляемой в Смоленском педагогическом институте на отделении начального образования.

В обзорно-аналитической статье епископа Т. П. Довгия (Педагогика – 2011. - № 1) отмечено совершенствование содержания образовательного курса «Православная культура» и учебных программ. Они реализуются в форме предметов регионального компонента, факультативов и через внеурочную деятельность. Тематику факультативов составляют 32 наименования, в том числе «История Русской Православной Церкви», «История религий», «Православная этика», «Подвижники благочестия», «Святые земли Русской», «Азбука нравственности», «Православие и современная жизнь».

Начиная с 2010 г. основы русской православной культуры стали апробироваться в качестве предмета в 80 общеобразовательных школах Смоленщины, а в 25 учреждениях профессионального образования введены спецкурсы по православной культуре, которые посещают 1820 студентов и курсантов. Православная культура изучается в Военной академии противовоздушной обороны, Смоленских филиалах Московского института железнодорожного транспорта и Московского энергетического института; преподаётся в медицинской академии, строительном колледже и в других учреждениях профессионального образования.

В Смоленской области имеется разветвлённая сеть православных образовательных учреждений: духовная семинария, межпархиальное духовное училище, две православные гимназии, три православных детских сада, 60 воскресных

школ для детей и 28-для взрослых. По оценке Довгия, успешно работают пять приходских учебно-просветительских Центров, среди которых Десногорский православный клуб «Сокол», Ельнинский приходской поисковый отряд «Гвардеец». Позитивный опыт Смоленщины по возрождению духовно-нравственного воспитания является примером креативного, плодотворного сотрудничества Церкви, государственных и муниципальных органов.

Успешная деятельность Смоленской области в сфере изучения православной культуры оказала влияние на её введение в других регионах. В 1996 г. основы православия стали изучаться в Курской области, в 2000 – в Московской, в 2002 – Белгородской, а с 2006 г. преподавание ОПК начали вести в 15 регионах Российской Федерации. Исследователь С.Ю. Дивногорцева отметила, что новый предмет стали изучать в рамках регионального компонента образования без общей программы и учебников. В четырёх областях «Основы православной культуры» утвердили в качестве обязательного компонента школьной программы, а в одиннадцати регионах они преподавались на факультативной основе. В декабре 2006 г. новый предмет был введён в 35 регионах и изучался в 11184 общеобразовательных учреждениях Российской Федерации.

Немаловажное значение в духовно-нравственном воспитании детей и подростков имеет внеклассная и внеурочная деятельность. Одной из масштабных форм сотрудничества РПЦ и государства стало проведение всероссийской Олимпиады школьников по основам Православной культуры. Мероприятие благословил Святейший Патриарх Алексий II, поддержало Министерство образования и науки РФ, одобрил Российский Союз ректоров. Для проведения олимпиады в регионах создали группы церковных и светских специалистов в области образования и педагогики. В масштабном мероприятии соревновались учащиеся государственных и муниципальных общеобразовательных школ, православных негосударственных средних школ, гимназий и лицеев. В 2009 г. в Олимпиаде участвовало 11 тыс. 148 учащихся, в 2010 г. – более 40 тыс. человек из 52 регионов [50]. В 2011 г. был предложен эксперимент по преподаванию «религиозно ориентировочного» курса истории культуры в общеобразовательной школе. В него включились Ярославская область и республика Марий Эл. В среднем около 30 % родителей выбрали для своих детей Основы православной культуры. Эксперимент охватил свыше 13 тыс. школ в 20 регионах Российской Федерации.

Возрождение духовно-нравственного воспитания невозможно без учебных и методических пособий, раскрывающих содержание материала и технологию его изучения. Протоиерей А. Кураев разработал учебное пособие «Основы православной культуры», адресованное учащимся 4-5 классов общеобразовательной школы. Книга не имела аналогов в дореволюционной России и написана в миссионерском стиле языком проповеди. Материал о православии изложен с акцентированием основополагающих нравственных ценностей, с учётом современных реалий жизни. В помощь учителям группа социальных педагогов

Москвы и С-Петербурга разработала к учебнику методическое электронное пособие. Оно представляет собой открытый, развивающийся методический комплекс, включающий разработки учебного планирования по каждому уроку, вспомогательные текстовые, аудио, видео материалы, задания для учащихся и др. По курсу «Основы православной культуры» изданы десятки учебных пособий, среди которых книги Т.И.Ерохиной, Е.Шестун, Г.В.Янович и других; опубликованы сотни методических пособий и программ авторов Е.Ф.Крутых, Л. А. Личагиной, Е. Ю. Метачкиной, В. К. Невярович, Т. Г. Человеченко и др.

Возрождение духовно-нравственного воспитания процесс длительный, так как во многом зависит от инициативы государства и церковных органов в субъектах РФ, от отголосков бывшей атеистической идеологии.

### **5.3. Преподавание основ православной культуры в образовательных учреждениях Южного Зауралья**

**В**озрождении духовно-нравственного воспитания в зауральском регионе явно прослеживаются три этапа: исходный, поисковый, эволюционный. Первый (1994 – 1998) характеризуется осмыслением неоднозначности суждений сторонников и противников нововведения, необоснованностью содержания религиозного просвещения, стихийностью и самодеятельностью. Началом периода считается открытие воскресной школы при храме Александра Невского в г. Кургане. Кроме знакомства детей с Законом Божиим их приучали к прикладному искусству, рукоделию, приобщали к активному участию в восстановлении храма. В конце мая 1994 г. всем выпускникам воскресной школы вручили дипломы «Мастер золотые руки», подтверждающие приобретённые умения. Епископ Курганский и Шадринский Михаил, вручавший свидетельства, выразил пожелание на дальнейшую совместную работу. В 1995 г. в Кургане начала работать Свято-Георгиевская воскресная казачья школа. Её учредителями являлись Георгиевский приход епархии Русской Православной Церкви, Курганский округ Оренбургского казачьего войска, Курганская станица. В воскресной школе на бесплатное обучение принимали детей казаков и всех желающих в возрасте от 8 до 15 лет. Они изучали русскую историю, историю казачества, православный катехизис, военное дело, занимались спортивной подготовкой («Русский стиль»). Казачат воспитывали в духе православия, преданности Отечеству, соблюдения здорового образа жизни. В этом же году начала работать Макушинская детская воскресная школа, для которой предоставили место в Доме культуры. На первых занятиях присутствовало 30 детей. Цель православной школы – познакомить учеников со Священным Писанием и, в частности, с заповедями Христа. Осенью 1998 г. в курганском Центре социальной защиты семьи открыли воскресную детскую духовную школу. При первом занятии присутствовали подростки из областного реабилитационного Центра несовершеннолетних. Служители храма Александра Невского отец Михаил и дьякон Алексей

благословили школу на свершение добрых дел. Второй период возрождения духовно-нравственного воспитания детей и подростков именуемый поисковым охватывает время с 1999 по 2006 годы. Начало ему положил договор 1999 г. между Министерством образования и РПЦ. В течении семи лет вёлся отбор содержания православного материала и поиск оптимальных форм, методов и приёмов его трансляции ученикам воскресных школ. В деятельности воскресной школы при храме Александра Невского стали традиционными поездки детей с родителями по святым местам, завершающие каждый учебный год. Благодаря спонсорам совершали паломничество в Тюменский Кресто-Воздвиженский храм, в Свято-Троицкий мужской монастырь, в Тобольский Софийский-Успенский собор, духовную семинарию (основана в 1743 году); побывали на могилах Д.И. Менделеева и П.П. Ершова; посетили Чимеевский храм и Далматовский монастырь. Педагоги воскресной школы Курганского Богоявленского храма отмечали, что они не заставляют учеников зазубривать выдержки из Закона Божьего, а стремятся дать не столько сумму духовных знаний, сколько воспитать человека, живущего в гармонии с Богом, миром и самим собой.

В поисковом периоде особенно активно занимались организационными вопросами, а также кадровым обеспечением. В Москву в Академию повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования было направлено 40 преподавателей из Курганской области. После специальной подготовки они получили сертификаты тренеров-преподавателей, по возвращении стали читать лекции по учебному проектированию основ православной культуры.

При институте повышения квалификации работников образования провели курсы по преподаванию основ православной культуры. Затем в 2003 г. ГлавУО составило договор с епархией, содержащий приложение календарного плана работы. Как учебный предмет ОПК стал преподаваться только в 3 – х школах Курганской области. Его внедрение было сопряжено с рядом трудностей, обусловленных ещё сохранившимися атеистическими взглядами, непониманием и осторожностью, отсутствием учебников и методической пособий. Учителям приходилось самим разрабатывать программу по ОПК, добывать материал из различных источников. Министерство образования и РПЦ ещё решали принципиальный вопрос о нововведении. В частности, предлагалось на выбор либо основы православной культуры, либо другой религиозный предмет (например, основанный на мусульманской культуре и этике), или нейтральный курс, такой как «История религий», либо светский курс, например, «История философской мысли». Обоюдное согласие сторон было принято только о добровольности введения ОПК. Решили, что вопрос об изучении религиозного курса принимает совет образовательного учреждения, в котором представлены учителя, родители и учащиеся. Первое и главное условие – желание родителей и учащихся.

В 2006 г. в Кургане, благодаря обоюдному волеизъявлению служителей цер-

кви, детей и родителей, открылось негосударственное образовательное учреждение «Православная школа во имя Александра Невского». Её учредителем является благотворительный «Курганский фонд Великого Благоверного князя Александра Невского», созданный Курганской епархией РПЦ и ЗАО «Курган прибор – А». Цель школы – получение учащимися общего образования в соответствии с государственным стандартом, а также религиозно-нравственное воспитание в духе традиций Русской Православной Церкви. Выпускники школы получают аттестаты государственного образца и продолжают образование в любом светском среднем или высшем профессиональном учебном заведении, а также могут поступить в духовные учебные заведения РПЦ. На 2006/07 учебный год был произведён набор в 1-й и 2-й классы. Образовательные предметы стали преподаваться по программе «Школа России». Кроме них дети изучали «Основы православной культуры» (1, 2 кл.) и церковно-славянский язык (2 кл.). Занятия в школе вели учителя, имеющие большой опыт работы в начальных школах, воцерковленные, регулярно участвующие в таинствах Церкви [51].

Настоятель храма Святой Троицы отец Михаил создал воскресную школу в посёлке Энергетиков г. Кургана. Основой для занятий стала специальная программа «Школа в XXI веке: перспективы качественного православного образования», разработанная в Екатеринбургской епархии. С детьми, как отметила М. Танаева, начали работать преподаватели колледжа культуры и центра детского творчества «Гармония». Занятия строились на кружковой основе. Наряду с православными дисциплинами были хореография, художественное слово, пение, планировалось введение оздоровительной гимнастики. Воскресные школы работали в Шадринске, Куртамыше, в Притобольном районе.

В июне 2007 г. для детей этих школ была организована православная смена отдыха на базе оздоровительного лагеря имени Островского. Администрация области и отдел социального страхования выделили бесплатные путёвки. Духовным наставником и энергичным организатором всех дел в лагере был батюшка Михаил. Он разработал форму для отдыхающих, состоящей из зелёной футболки с эмблемой и бейсболки, которые затем дарились прожившим всю православную смену. Отряд «Островской земли» был разновозрастным, состоящим из детей от 7 до 14 лет. Основной контингент составляли мальчики и девочки из малообеспеченных, многодетных и неполных семей. В православном лагере соблюдались основные требования: взаимопомощь, послушание, посещение общей молитвы. Жизнь отдыхающих была наполнена интересными делами, среди которых подвижные и спортивные игры, трудовой десант во Славу Божию, открытие живописной «Поляны именинника», беседы у костра и др. Особенно нравились детям ежедневные встречи после ужина («Вечерняя свеча»), где звучали песни, проводились викторины, шарады, беседы о родословной и таинстве имени, о святых и счастье. Ярким незабываемым событием в жизни лагеря, по описанию старшего воспитателя Н. Грязиной, стал Крестный ход в село Утятское

с соблюдением всех христианских канонов.

Преподавание основ православной культуры требовало творческого подхода педагогов. Так, в курганской гимназии №47 одним из способов организации деятельности учащихся стала работа с учебным текстом и, в частности, с широким использованием притчей и лексическим уклоном. Изучение ОПК предполагает обращение детей к родителям в оказании им помощи при выполнении домашних заданий. Это могут быть интервью о семейных традициях, о проведении христианских праздников, написание творческих работ, помощь в подборе иллюстративного материала к урокам, семейные фотографии о посещении святых мест и др. Несомненная польза в духовно-нравственном воспитании принадлежит семейному чтению и созданию домашней библиотеки. Педагоги гимназии отметили, что дети, изучающие основы православной культуры, становятся нравственно богаче, другими глазами смотрят на старших, помогают, заботятся о них. На вопрос педагога о значении курса ученики ответили: «Мы стали лучше относиться к людям, больше задумываться о родителях, о том, чтобы не причинять им боль, больше помогать» [52].

Особый интерес представляет возрождение духовно-нравственного воспитания в г. Куртамыше. Воскресная школа при храме апостолов Петра и Павла была открыта в 2000 году. Поначалу ей выделили складское помещение детсада площадью 30 квадратных метров. Затем инициативные организаторы нашли сочувствующих предпринимателей из Екатеринбурга, Челябинска и Кургана, выделявших спонсорские деньги на функционирование школы. Дети стали заниматься в помещении бывшего общеобразовательного учреждения. В распоряжении воскресной школы появились просторные кабинеты, актовый зал, трапезная, рекреации, оформленные рисунками и поделками ребят. Создана православная психологическая библиотека. Кругом благоухают зелень и цветы.

В программе школы изучение основ православной культуры, истории христианства, церковно-славянского языка, музыкальные занятия, рукоделие, экскурсии по святым местам. Воспитанники побывали в Троице-Сергиевой лавре, Дивеево, на Валааме и в других святых местах. В воскресной школе серьёзное внимание уделялось рукоделию девочек. Они осваивали швейную машинку, шили фартуки и юбки, выжигали по шёлку, изготавливали мягкие игрушки. Изделия юных мастериц Куртамышской воскресной школы были представлены на Международной православной выставке в Кургане; поделки можно увидеть во многих монастырях России и даже в Иерусалиме. Большое значение в духовно-нравственном воспитании уделяется проведению празднования Рождества Христова. Так, в 2007 г в нём участвовало свыше 100 детей. Старшие ребята показали театрализованные фрагменты спектакля «Крещение Руси», где был представлен князь Владимир со дружиной. Вокальная группа девочек исполнила молитвы «Отче наш», «Богородице Дево радуйся». Пронзительно и с чувством прозвучала песня «Вся Россия – поле Куликово» (С. Черных).

Первые шаги по возрождению духовно-нравственного воспитания были сделаны в Каргапольском районе. В селе Житниково в воскресной школе при церкви обучалось 32 ученика, которых знакомили с основами православной культуры. В селе Глубоком, почти одновременно с началом восстановления православного храма организовали воскресную школу. Кроме знакомства с Законом Божиим и изучения курса «Основы православной культуры» с детьми учили стихи и песни к христианским праздникам, рассказывали им эпизоды из житий святых, учили изготавливать поделки, печь блины на масленицу, мальчики помогали выполнять столярные работы. В выходные дни ученики воскресной школы посещали храмы в Шадринске, Каргаполье, в Чимеево, побывали в Далматовом монастыре. Дети старательно готовились к празднику Крещения Господня. На нём присутствовали родители, дедушки и бабушки, гости из других городов. Благотетели Церкви делали подарки и удивляли сюрпризами. Воскресная Глубоковская школа дисциплинировала «неблагополучных» учеников, помогала им открыть душу, рассказать о своих радостях и печалях, зная, что их поймут и не оставят без внимания [53].

Эволюционный этап развития православия в образовательных учреждениях Южного Зауралья, условно начавшийся в 2007/08 уч. году, характеризуется увеличением количества школ занимающихся духовно-нравственным воспитанием; социально-педагогическим подходом с учётом желаний родителей и природосообразности детей; совершенствованием форм и методов преподавания православной культуры; фундаментальной подготовкой учителей-специалистов в области духовного воспитания и образования; укреплением сотрудничества работников образования с представителями православного духовенства.

В 2007/08 уч. году ОПК стали вести в 21 школе Курганской области в форме внеклассной работы, то есть в специальных кружках. Кроме основ стали вводиться другие предметы духовно-нравственного содержания: «История религий и культуры России», «Духовное возрождение», «Мировые религии», «Уроки добра», «Беседы о духовности и нравственности» и др. Иногда учителя разрабатывали собственные программы. Наиболее востребованным стал социокультурный курс «Истоки», введённый в 2007 г., который осваивали ученики 51 школы. Религия в нём давалась лапидарно, но при этом подробней изучались традиции православия. Дети с удовольствием ходили на уроки социокультурной направленности. По мнению экспертов, курс «Истоки» более приемлем для школ, так как дидактическая, педагогическая и содержательная позиции соответствуют возрастным особенностям учащихся. Предлагалось ввести «Истоки» как обязательный предмет изучения в школах Зауралья. Что касается ОПК, как отметил заместитель начальника ГлавУО А.П. Додонов, ситуация сложнее. Это предмет для воцерковленных людей, которые регулярно посещают храм, соблюдают все обряды. «Невоцерковленным детям «переломить себя и пойти на этот урок сложнее, сложно и вести этот предмет преподаватель должен быть очень серьёзно подготовлен».

Подготовка педагогических кадров несколько лет велась на базе института

повышения квалификации работников образования. Это были двухнедельные 72-часовые проповедческие курсы, где давались основы православия. Будущих учителей православной культуры готовил вузовский центр духовно-нравственного воспитания при Шадринском пединституте. В его работе активно участвовали преподаватели и студенты. Целенаправленная и плодотворная деятельность по подготовке будущих учителей к преподаванию православной культуры велась в Курганском педагогическом колледже. «Это очень важно, - подчеркнул А. П. Додонов, поскольку именно здесь готовятся учителя начальных классов, которым предстоит вместе с ребятами делать первые шаги по изучению основ православной культуры». В идеале, по его словам, система духовно-нравственного воспитания и образования должна охватить все уровни – от детского сада до вуза.

Служители РПЦ активно выступали за возрождение христианской культуры во всех регионах Российской Федерации. Инициатива лидеров традиционных российских конфессий о введении в школах преподавания основ религиозных культур была поддержана Д. А. Медведевым, Президентом России. В эксперименте участвовало 19 регионов страны. Уральский регион был представлен Свердловской и Курганской областями. Нововведение предусматривало апробацию курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Приказом ГлавУО в Курганской области создали межведомственный координационный совет по духовно-нравственному воспитанию и по апробации курса ОРК и СЭ. В институте повышения квалификации работников образования ввели должность методиста по духовно-нравственному воспитанию. С целью создания условий для успешной реализации проекта Курганская областная Дума приняла закон предусматривающий включение составляющих учебного курса ОРК и СЭ в национально-региональный компонент государственных образовательных стандартов общего образования на территории Курганской области. Светские и духовные представители разработали специальный медиа-план по освещению в средствах массовой информации хода апробации нововведения. На краткосрочных курсах повышения квалификации прошли подготовку свыше 200 педагогов. В образовательных учреждениях были проведены педагогические советы и собрания родителей; состоялись советы школ, на которых приняли решение о выборе конкретных модулей учебного курса и определили кандидатуры учителей.

К сожалению, намеченные предметы не удовлетворили запросы епархии. Модуль «Основы православной культуры» выбрали лишь 20,3% родителей. Проанализировав создавшуюся ситуацию, иерей М. Ширяев выявил несколько причин негативного результата:

- заблуждение родителей администрациями школ по поводу выбора предметов;
- игнорирование присутствия священнослужителей на собраниях;
- недопущение на совещание-инструктаж при РОНО представителей основ религиозного образования и культуры;
- слабость и малое количество приходов в районах и доверчивость нашего

священства;

- отсутствие отлаженной оперативной связи с приходами;
- запоздалое оснащение учебниками, пособиями, программами, которых не видели перед началом эксперимента ни учителя, ни родители.

Отмеченные М.Ширяевым недостатки в организации духовно-нравственно-го воспитания устранялись совместными усилиями светских и епархиальных органов. Курганская православная школа получила статус негосударственного образовательного учреждения «Православная школа во имя святого Александра Невского». Ей был присвоен регистрационный номер записи о создании юридического лица и сведения занесены в Единый государственный реестр. НОУ «Православная школа» реализует государственные стандарты начального и основного общего образования. Кроме общеобразовательных предметов в школе ведутся вероучительные дисциплины: основы православной культуры, основы Богословия (с 5 класса), церковно-славянский язык (со 2 кл.), церковное песнопение. Повышение успеваемости обеспечивается успешной реализацией индивидуального подхода к учащимся. Он заключается в работе со слабоуспевающими, в выявлении уровня развития детей, пробелов в их знаниях, в проведении индивидуальных коррекционных занятий. Учителя воспитывают ответственность и трудолюбие у детей, готовя их к участию в интеллектуальных конкурсах и олимпиадах. Православная школа имеет социальную значимость потому, что 82% учащихся из малообеспеченных, неполных семей или опекаемые. Педагогический коллектив реализует программу «Семья – школа любви», предусматривающую совместные занятия детей и родителей. Основная цель – это духовно-нравственное воспитание на основе традиций православной семьи.

В работе с детьми значительное место занимают внеклассные занятия и организованный досуг. Ученики посещают хор православной песни «Славяне», изостудию, шахматно-шашечный кружок, играют в театре кукол. Воспитанники школы ежегодно принимают участие в международных конкурсах: «Красота Божьего мира», «Русский медвежонок» - языкознание для всех, «Кенгуренок» - математический конкурс. Ученики участвовали во Всероссийском конкурсе «Основы православной культуры»; в областных мероприятиях: Рождественские чтения, Месячник православной книги, Православный слёт молодёжи; в христианских двенадесятых и престольных праздниках, паломнических поездках по святым местам Зауралья, в крестных ходах. Традиционными стали школьные праздники: Рождество Христово, Пасха, День Знаний и др. Ученики НОУ «Православная школа» посещают городские внешкольные учреждения дополнительного образования: музыкальные, художественные и спортивные. Летом 2010 г. школа стала организатором православной смены «Русь Святая» при загородном санаторно-оздоровительном лагере. Бесплатный отдых предоставили 40 детям из православной и воскресных школ. Средства были предусмотрены специальной губернаторской программой области. Отдыхающие играли в баскетбол, волей-

бол, футбол, народные игры; занимались в кружках основ православной культуры, рукоделия, бумагопластики, лепки. Дети жили по православному укладу: утреннее и вечернее правило, совместная молитва перед и после трапезы, духовно-нравственные беседы иерея-наставника, помазание, окропление святой водой, посещение божественной литургии в храме преподобного Сергия Радонежского на территории Курганской сельхозакадемии, исповедь и причастие.

Эволюционный этап развития НОУ «Православная школа» в Южном Зауралье стал возможным благодаря сотрудничеству с различными органами и организациями. Среди них администрация г. Кургана, Курганская и Шадринская епархия, Фонд Великого Благоверного князя Александра Невского, Союз промышленников и предпринимателей Курганского регионального объединения благотворительный фонд «Мама», попечительский совет торгового Центра «Домострой», Курганский педагогический колледж, Курганский госуниверситет.

В феврале 2011 г. в Кургане состоялись VI Областные Рождественские общеобразовательные чтения «Церковь и государство: соработничество в решении духовно-нравственных задач». Участники форума отметили особую роль православия в истории России, в становлении её культуры, духовного возрождения общества и углубления сотрудничества всех людей доброй воли в сфере образования, культуры. В принятой резолюции посчитали целесообразным обратить внимание на следующие положения:

1. Отметить положительные итоги и приобретённый опыт сотрудничества при содействии Курганской и Шадринской епархии РПЦ, Правительства Курганской области, Главного управления образования Курганской области, образовательных учреждений, педагогической, научной и церковной общественности в ходе апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики».

2. Развивать на основе договоров о сотрудничестве взаимодействие светских и православных организаций по вопросам духовно-нравственного воспитания детского и взрослого населения, профилактики асоциальных явлений в подростковой и молодёжной среде, защиты семьи, материнства и детства.

3. Создать условия для системного преподавания курса духовно-нравственной направленности в образовательных учреждениях Курганской области, включая курсы «Истоки», «Основы православной культуры» и др.

4. Инициировать ежегодное проведение в Курганской области зональных и муниципальных Рождественских образовательных чтений.

5. Содействовать включению в вариативную часть учебных планов высших учебных заведений курса «религиоведение» как предмета по выбору.

Зауралье, как и вся страна, находится только в начале архиважного явления – возрождения православного духовно-нравственного воспитания граждан России, крайне необходимого в условиях рыночных отношений.

### **Вопросы и задания**

1. Что такое соработничество?

2. Укажите задачи эксперимента по введению религиозных основ воспитания.
3. Раскройте теоретические основы эксперимента во взглядах А. Кураева.
4. Какие практические действия по введению ОПК предпринимались в регионах?
5. Назовите этапы возрождения духовно-нравственного воспитания в Южном Зауралье.
6. Чем характеризуется второй период возрождения в изучении основ православной культуры?
7. Раскройте содержание духовно-нравственного воспитания.
8. Какие трудности возникли при реализации нововведения?
9. Назовите основные задачи, указанные в резолюции VI Областных Рождественских чтениях.

#### **Литература для самостоятельной работы**

1. Бородина А. В. Основы православной культуры. Учеб. пособ. для основной и старшей ступени общеобразов. школ, лицеев, гимназий. – М., 2003.
2. Бородина А. В. Основы православной культуры: пособ. для учителя. – М., 2008.
3. Григорьева О. Первый звонок в Православной школе// Православная газета. – 2011. - № 2 (г. Курган)
4. Грозовский В. О православном воспитании и книгах. – СПб., 2007.
5. Давыдова Н. В. Православная культура: Словарь-справочник школьника. – М., 2008.
6. Дивногорцева С. Ю. Развитие православной педагогической культуры в современной России// Педагогика. – 2011. - № 4.
7. Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на торжественном открытии XIX Международных Рождественских образовательных чтений// Педагогика. – 2011. – № 2.
8. Закон Божий: Руководство для семьи и школы. – СПб., 2003.
9. Игумен Киприан (Ященко) Василий Великий и духовно-нравственное становление личности// Педагогика – 2011. - № 1.
10. Кошман И. В. Основы русской православной культуры. – М., 2001.
11. Куломзина С. С. Наша Церковь и наши дети. – М., 2002.
12. Никандров Н. Д. Российское образование: сотрудничество государства и Церкви// Педагогика. – 2011. - №2
13. Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура»//Православная культура в школу. Альманах. – 2003. - №3. – С. 11 – 57.
14. Фомина Л. Прививка доброты и нравственности//Зауралье. – 2011, 28 июля.
15. Шестун Е. Православная педагогика. – М., 2002.
16. Янович Г. В. Паломничество по Зауралью. Учеб. пособ. – Куртамыш, 2010.

## Примечания

1. Книга о церкви.- М., 2008.-С.12.
2. Полный церковно-славянский словарь/Сост. Г.Дьяченко.- М., 1993.-С.366.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.22. С. 483.
4. Советская историческая энциклопедия. Т. 11.-м., 1968.-С.504.
5. Донатизм – раскол в западной церкви, названный по имени епископа Донанта. По его мнению, характеристический признак истинной церкви составляет святость, выражающаяся в личном совершенстве её служителей; таинства теряют свою силу, если совершены священнослужителями, провинившимися против церкви, или в церкви, сохраняющей связь с виновными.
6. Плагиянство – течение в христианстве, основанное раннехристианским автором Пелагием, утверждавшее полную свободу человеческой воли и способность человека собственными силами достичь совершенства, что приводило к отрицанию учения о первородном грехе и божественном предопределении.
7. Манихейство – дуалистическое учение Мани о борьбе света и тьмы, добра и зла. Оно требовало от определённого круга последователей строжайшей воздержанности, особенно в отношении питания, половой жизни, физического труда. Манихейство было одной из самых влиятельных иранских религий. Распространилось на восток до Китая и Сибири, на запад – до Испании и Галлии.
8. Несторианство – религиозно-политическое течение в Византии в 5 в. Основатель – константинопольский епископ Несторий. Согласно течению, Иисус – человек, который через наитие святого духа стал мессией (Христом). Несторианство отстаивало союз церкви с императорской властью, что вызвало враждебное отношение римского папы и влиятельных епископов Востока. На Эфесском соборе 431г. несторианство было объявлено ересью.
9. Карамзин А.М. История государства Российского. Ч.2.-М., 1963.-С.351.
10. Златоуст И. Воспитание детей. 2-е изд.-СПб., 1902.-С.50-54.
11. Лавровский Н. Памятники старинного русского воспитания.-СПб., 1861.-С.6.
12. Каптерев П.Ф. История русской педагогики.- Спб., 1910.-С.24.
13. Пушкарёв Л., Пушкарёва Н. Азбуковники//Википедия.
14. Антонов С.Г. и др. Азбука Бурцева//Википедия.
15. Панагия – архиерейский нагрудный образ Спасителя или Божьей матери. Он напоминает о долге архиерея носить в своём сердце Господа Иисуса и надеяться на заступничество Его Пречистой Матери.
16. Тропарь – краткая песнь, прославляющая Господа, Богородицу или святых.
17. Кондак – краткая священная песнь, содержащая похвалу святому или выражающая сущность праздника.
18. Скиния – (от греч. «шатёр, палатка) – походный храм израильского народа,

построенный Моисеем у горы Синай; место поклонения и встречи человека с Богом. Каждый раз, когда стан отправлялся в путь, скиния разбиралась и шла в строго определённом порядке вместе со своим народом. Всё, связанное со скинией, имело важное значение. Она была не просто местом для богослужения еврейского народа, но и таинственным прообразом грядущего в мир Мессии – Спасителя и Господа Иисуса Христа. Пространство скинии разделялось двумя завесами, обозначающими специальные помещения. Первое называлось Святым, где устанавливался стол для хлебов, светильник, жертвенник для курений. Второе помещение именовали Святое-Святых, предназначенное только для ковчега (специальный деревянный ящик обитый со всех сторон золотом. Предназначен для хранения 2-х каменных плит с выбитыми на них 10 заповедей Бога).

19. Царь Давид. Содержание псалмов тесно связано с жизнью праведного царя Давида. Давид, родившись за тысячу лет до Рождества Христова в Вифлееме, был младшим сыном бедного и многодетного пастуха Иессея. Ещё в раннем юношестве, будучи пастухом, Давид начал сочинять вдохновенные молитвы Творцу. Когда посланный Богом пророк Самуил вошёл в дом Иессея, чтобы помазать царя для Израиля, то пророк думал помазать одного из старших сыновей. Но Господь открыл пророку, что младший сын, ещё совсем отрок Давид, им избран для этого высокого служения. Тогда, повинувшись Богу, Самуил возливает на главу младшего сына священный елей, совершая этим помазание на царство. С этого времени Давид становится помазанником Божиим – мессией (еврейское слово «мессия,» по-гречески «Христос,» значит помазанник). Но не сразу Давид приступает к фактическому царствованию. Ему предстоит ещё долгий путь испытаний и несправедливых гонений со стороны правящего тогда царя Саула, возненавидевшего Давида. Причиной этой ненависти была зависть, так как отрок Давид малым камнем сразил непобедимого до этого филистимского великана Голиафа и этим дал победу еврейскому войску. После этого случая народ говорил: «Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч.» Только сильная вера в Бога – заступника помогла Давиду перенести все многочисленные преследования и опасности, которым он подвергался со стороны Саула и его слуг в течение почти пятнадцати лет. Скитаясь месяцами в дикой и непроходимой пустыне, царь Давид изливал свою скорбь Богу во вдохновенных псалмах (смотри псалмы 7, 12, 13, 16, 17, 21, 39, 51, 53, 56, 58). Победа над Голиафом отображена Давидом в 43-м псалме.
20. Ушинский К.Д. Собр.соч. Т.2.-М.-Л., 1948.-С.452.
21. Ушинский К.Д. Собр.соч. Т.6.-М.-Л., 1949.-С.193.
22. Каптерев П.Ф. Избр.пед.соч.-М., 1982.-С.201.
23. Каптерев П.Ф. Дидактические очерки.-СПб.-1915.-С.87.
24. Медынский Е.Н. История русской педагогики.-М., 1938.-С.23.
25. Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого

- ея возникновения на Руси до настоящего времени.-СПб, 1895.-С.22.
26. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. – Петроград, 1915.-С.2.
27. Филарет. История русской церкви – 6-е изд. Т.3. – СПб., 1894.-С.65.
28. Полное собрание законов Российской империи. – Т.VI.-СПб., 1830. №4021.-С.698.
29. Лиховицкий А. Просвещение в Сибири в первой половине XVIII столетия// Известия по народному образованию.-СПб., 1905.-С.17.
30. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т.1.-СПб., 1862.-С.121.
31. Шадринский филиал государственного архива Курганской области (ШФ ГАКО). Ф.266, оп.1, д.1, л.289.
32. ШФ ГАКО, ф.224, оп.1, д.777, л.41.
33. Знаменский П. Духовные школы России до реформы 1808 года. – Казань, 1881.-С.664.
34. Юрцовский С. Очерки по истории просвещения в Сибири.-Ново-Николаевск, 1923.-С.135.
35. Луппов П. Земские расходы на народное образование в 1900г.//Народное образование.-1901.-№10.-С.229,230.
36. Церковные школы Российской империи: Стат.сб.-Петроград, 1916.-С.17.
37. Государственный архив Курганской области. Ф.201, оп.1, д.14, л.5.
38. Известия, сообщения и заметки//Народное образование.-1902.-Кн.II.-С.455.
39. Монастыри и народная школа//Нар.образ.-1897.-Кн.VII.-С.105.
40. Хроника приходской жизни// Нар.образ.-1896.-Кн.VII.-С.127.
41. Пожертвования на церковные школы//Нар.образ.-1914.-Кн.3-С.368.
42. Обсуждение в государственном совете законодательства о начальном образовании//Нар.образ.-1912.-Кн.4.-С.487.
43. Результаты участия церковных школ в Международной научно-промышленной выставке «Детский мир»//Нар.образ.-1904.-№3.-С.314.
44. Анастасиев А. Религиозно-нравственное воспитание в начальной школе// Нар. образование.-1904.-Кн.12.-С.533.
45. Письма Победоносцева к Александру III.Т.2.-М., 1926.-С.81.
46. Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь – Шадринск, 2000.-С.68.
47. «Основы Русской Православной Церкви».Раздел XIV.-М., 2000.
48. Путин В.В. Речь 19 ноября 2007г. на торжествах по случаю 90-летия восстановления Патриаршества//Православная газета.-2008.-№1 (13).
49. Неофит (греч. neophytos)- новый приверженец какой-либо религии.
50. Дивногорцева С.Ю. Развитие православной педагогической культуры в современной России//Педагогика.-2011.-№4.
51. Православная газета.-2007.-№1.
52. Фомина Л. Прививка доброты и нравственности//Зауралье.-2011, 28 июля.
53. Усольцева Т. Народная религия//Исеть.-2008, 12 марта.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Новый Завет не просто одна из книг, не просто книга. Много есть книг, ставших неременными спутниками человечества. Новый Завет выделяется среди них не каким-нибудь особым изыском, не отточенностью художественных приемов, а неисчерпаемостью и глубиной своего содержания.

Ему скоро исполнится две тысячи лет.

Самим появлением своим он произвел невиданное, небывалое на человеческой памяти волнение сердец и умов, не успокоившееся и донныне. Он положил начало великому делу осуществления Божьего замысла о человеке, захватившему людей, как ни одно из каких-либо еще других предприятий на Земле.

Катастрофичность, скрытая и явная, сегодняшнего дня только определеннее и настоятельнее ставит нас перед вопросами, над которыми всегда размышляли люди. Никакой технический и общественный прогресс ничего доброго сам по себе не означает и ни к чему доброму не ведет, если нет у него подлинного духовного основания. Башня в Вавилоне до самого неба в очередной раз стала причиной нового смешения языков, разобщенности, взаимного недоверия и озлобления.

Мечта о гуманном, о человеческом мире на фоне событий нашего века может показаться утопичной и несбыточной. Но пробиваются живые ростки духовности, не убитые в сердцах людей, но воскресает из пепла наше великое наследие, но пробуждается чувство присутствия Божия — не все так безнадежно и безысходно.

Гуманная педагогика — один из важнейших путей восстановления разрушенного в людях человеческого начала. Вопросы о воспитании и образовании нельзя отделить от наиболее фундаментальных и важных сторон человеческого бытия. Воспитание по самому смыслу слова питает душу, не только не дает в ней погибнуть живому, но и предоставляет возможность проявиться высшему. Нельзя сводить воспитание к простому приучению к тем или иным навыкам. Образование, в свою очередь, не только научает чему-то, но воссоздает образ души человеческой. В православной традиции святые иконы называются образами. Как бы ни была осквернена и унижена душа, в ней живая икона, образ Божий. Один из важнейших уроков нашего века в том, что гуманное или человеческое возможны лишь там, где отчетливо и внятно различается высокое и низкое, где благоговейно уважают святое, где любовь не изолируют в тюремной камере отвлеченных принципов.

Если мы обратимся к наследию великих педагогов прошлого, трудам Яна Амоса Коменского, Иоганна Генриха Песталоцци, Константина Дмитриевича Ушинского, мы увидим, что их объединяет одна общая черта — все они были

христианами. Христианство не было для них условностью, чем-то внешним, привносным и случайным. Оно было незыблемым основанием жизни. «Ребенок под руководством матери природосообразно, — пишет Песталоцци, поясняя важнейшую для него идею элементарного образования, — поднимается от чувственной веры и физической любви к любви человеческой, к человеческому доверию, а от них к чистому чувству истинной христианской веры и истинной христианской любви».

Чтобы понять, о чем говорит Песталоцци, нужно обратиться к источнику его вдохновения, к Новому Завету. В этой книге, написанной просто и без всяких прикрас, запечатлена величайшая тайна — тайна человеческого спасения. Составляли ее не философы, мечтавшие о создании всеобъемлющих теорий, а простые люди, и в то же время это — Священное Писание, Божественное Откровение, Слово Божие. Для всех христиан — православных, католиков, протестантов.

Новый Завет не является в то же время книгой, которая существует сама по себе. Он — часть Библии, куда входит и Ветхий Завет — Божественное Откровение, данное еврейскому народу до Рождества Христова. Христиане видят в Ветхом Завете книгу при-уготовления людей к приходу Спасителя и также почитают в качестве Священного Писания. Вслед за гностиком Маркионом не раз предпринимались попытки отказаться от Ветхого Завета, однако все они остались несостоятельными. Невозможно оторвать Новый Завет от Ветхого, нельзя заново переписать историю. Да и удастся ли оценить и понять Новый Завет, вырвав его насильственно из общеправильного контекста.

Завет с народом Божиим — великий промыслительный замысел Бога, которым творится история. Величественная картина сотворения мира, затем первая катастрофа — грехопадение, вхождение в мир греха, но и откровение Бога библейским патриархам, скрижали Завета, Синай и Иерусалим — ни с чем не сопоставимая слава Имени Божьего, предельно серьезное отношение к слову, как к творящей и созидающей, но и разрушающей мир силе. Удивительная непосредственность обращенности к жизни. Недаром церковное Богослужение невозможно представить себе без величественных и проникновенных псалмов Давида.

Поразительно воздействие Нового Завета вот уже на протяжении двух тысячелетий на весь склад жизни миллионов людей, необыкновенно широк круг читателей Нового Завета.

Отлучение людей на протяжении нескольких поколений от Нового Завета нанесло тяжкий ущерб их духовной и культурной жизни. Попытка создать нового человека повлекла за собой чудовищную деградацию, привела к разрушению его духовного ядра, а значит, к безволию и безвластию над собой (оборотная сторона тоталитарных систем всякого рода). Она сделала его не властелином собственной жизни, а игрушкой в руках сознательно и бессознательно разнуданных стихийных сил.

Новый Завет, как в составе Библии, так и отдельно, был издан у нас за после-

днее время неоднократно, значительными тиражами, тем не менее на прилавках не залеживается. Нельзя сказать, что он прочтен. Несмотря на множество изданий, эта книга до сих пор остается запечатленной. Не так легко в нее войти, подступиться к ней. Множество новозаветных выражений живут у нас в языке, но в каком искаженном, изувеченном виде. Обезбоженная жизнь современного человека образовала выжженное поле между ним и Священным Писанием. Пустыня, живущая в душе человеческой, подобна той чисто выметенной евангельской горнице, где вместо одного беса поселились семь страшнейших.

Врата адавы самой Церкви, по обетованию Божьему, не одолели; богослужения в храмах продолжались. Но культурная традиция, преемственность культуры были грубо прерваны. Репринты старых книг, которых издано за последние годы немало, обращены к существенно иным людям. Понять их далеко не так просто, как может поначалу показаться.

Изменился даже язык. Русскому, да и всем прочим языкам, за последний век нанесен колоссальный ущерб. Искажены и исковерканы, опустошены слова: смысл изолган, суть заболтана. Медвежью услугу оказали в этом смысле средства массовой информации. Речь девальвирована, потеряла внятность, точность и отчетливость смысла, разложена всеразъедающей иронией и скепсисом, а потому расслаблена и немощна. Но не так изменился язык, как люди на нем говорящие.

Мир, в котором жили наши предки, был вовсе не примитивен и прост, достойная жизнь в нем требовала от человека значительных внутренних усилий, огромной концентрации духа, ума и воли. Поразительна открытость ушедших людей жизни и творческому началу в ней, чудесна незамутненность взора, удивительна цельность душевного склада. Они не боялись того, что нам подчас может представиться несуразницей и нестерпимой фальшью, потому что в простоте и чистоте сердца умели увидеть за мишурой настоящее и подлинное. В душе у них все-таки жило святое. С детства они были укоренены в великой традиции. Даже когда отступали умом, у них не отступало, точнее до конца не отступало сердце, сохранялся внутренний резерв, неразменный золотой запас души. Напряженной энергией тысячелетнего нравственного усилия была напитана их воля.

Нынешнего человека слишком долго испытывали на разрыв, но и в нем можно открыть великие достоинства. Душа его пережила огромный опыт страдания, найдет ли только в себе смелость глубже это осознать и принять (возможно ли без помощи Божией?) — тогда и будет способна увидеть, в чем ей каяться.

Призывы к покаянию без учета страшного опыта, пережитого душой, — бесплодное риторическое упражнение, пустое сотрясение воздуха. Можно ли упускать из виду самое существенное: на протяжении многих лет людям вынужденно пришлось жить в мертвой пустыне, в атмосфере реальной богооставленности и часто в самом не переносном, буквальном смысле проходить через

смерть. В беде Бог ближе. Но между человеком и Богом выросла, хотя и не до неба, стена непонимания и отчуждения. Хотя и знает такой человек цену жизни и цену любви, хотя взывает подспудно Бога и Божьего, но недоверчив ко всяческим подделкам и духовным суррогатам, сколь бы благочестивым ни было их происхождение.

И одна из важнейших причин этого недоверия в том, что сам он совершенно не способен отличить подлинного от подмены. Современному человеку часто изменяет вкус, его подводит чутье. Он бежит от заподозренной истины и тут же увлекается невесть чем, нередко ведущим к гибели. Законы духовной жизни непреложны. Свято место пусто не бывает. Если нет в душе сознания святости, в ней утверждается мерзость запустения.

Потому и в развлечениях современного человека больше не детской радости и увлеченности, а попыток отвлечься, уйти от главного, убежать от самого себя. Нет сердечной чистоты, целомудрия, осквернена душа. Больно ранят душу, почти не сознаваемые ею самою обломки святости, сокровенно живущие в ней. Тысячелетняя традиция никуда не делась. Великий опыт поколений стучится в сердце.

Вера в Бога — вовсе не такая вещь, которую можно навязать насильно. Разве мало законченных атеистов выходило из наших дореволюционных семинарий или, скажем, из католических закрытых школ? «Царствие Божие внутри вас есть», — сказал Господь наш Иисус Христос (Лк. 17:21). Вера в Бога — самая интимная и сокровенная вещь, рождающаяся в глубине сердца человеческого, «и сие не от вас, Божий дар» (Еф. 2:8). Свидетельство Священного Писания вполне согласуется здесь с фундаментальным человеческим опытом. Если вере суждено возродиться, то именно в духе любви и свободы, в открытости души подлинным основаниям бытия. Вера, надежда и любовь естественны, соприродны душе человеческой, хотя и восходят к надприродным, сверхъестественным, небесным истокам. Только ими человек жив, вне зависимости от того, сознает он это или не сознает.

Как ни парадоксально, современному человеку чаще ближе и понятнее то, что казалось затруднительным для людей предшествующей эпохи, не отделявших себя от традиции. Трудный опыт Апостола Павла, раздирающий душу, отнюдь не сентиментальный, открывается ему глубже и совсем по-другому. Его не нужно убеждать, что для того, чтобы воскреснуть, надлежит пройти через смерть.

В данной книге сделана попытка ввести читателя, прежде всего учителя, в мир Нового Завета. Собственно педагогической направленности новозаветного учения нельзя умалить. Она присутствует почти везде. Христианская традиция была традицией учительной. «Образовать человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех творений Божиих, — писал святитель Григорий Богослов, — есть искусство из искусств». Слову «учитель» присваивалось высокое значение. «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель Христос» (Мф. 23:8), — говорит Господь наш Иисус Христос ученикам не для отмены земного учительства, но для указания на высокий, недостижимый, небесный его образец.

Понятно, что христианское образование никогда не сводилось и не могло сводиться к овладению той или иной суммой знаний. Целью его была перемена всей человеческой жизни. Какова же эта перемена? Что она дает человеку? Прочесть Новый Завет — книгу, на протяжении веков бывшую источником света, истины, добра и любви для неисчислимого множества людей нужно по возможности благоговейно и молитвенно, относясь к нему, как к великой святыне. Страшно пройти мимо сосредоточенной в нем духовной силы, того, что тихо и смиренно Господь открывает каждой душе живой.

Отношение Христа к своим ученикам поразительно по отсутствию снисходительного превосходства, какого-либо ригоризма и ложного одушевления. Любовь открывается за каждым словом. Он говорит притчами и тут же толкует их. Он — Сын Божий, но никогда не умаляется в Нем ничто человеческое. Кротость и смирение светятся во всем Его облике. Может быть, единственный раз вышел Он из Себя, когда изгонял торгующих из храма. Даже в самых секулярных, самых мирских Его изображениях, в слове ли, на картине, всегда присутствует нечто от Него Самого, нечто неистребимое до конца. Всегда торжествующее над смертью.

Чтобы приблизиться к настоящему пониманию Нового Завета, нужна цельность восприятия, нужно почувствовать в словах их весомость, их энергию, их тепло. Поэтому совсем не излишня осторожность, с какой подобает подходить к стремлению обновить переводы, пересказать заново. Об этом прекрасно сказал в беседе с Алексеем Степановичем Хомяковым Александр Сергеевич Пушкин: «Священные истории нелепы, от них отнята вся поэзия текста, это какая-то искусственная наивность. Поэзия Библии особенно доступна для чистого воображения; передавать этот удивительный текст пошлым современным языком — это кощунство даже относительно эстетики, вкуса и здравого смысла».

Отметим сразу чрезвычайно важную вещь, часто приводящую современных людей в недоумение. В Священном Писании нет доказательств бытия Божия. Для людей древности оно было неоспоримым. Любое доказательство несет в себе тень сомнения, а существование Божие безусловно. Бог относится к тому, что непознаваемо. Любое доказательство приложимо лишь там, где непознанное познается.

Принципиальная познаваемость всего на свете — основной принцип современной науки, фундамент овладения миром. В мире не должно оставаться места ни для какой тайны. Результат такого подхода — утрата благоговейного и уважительного, любовного отношения к творению Божьему.

Впрочем, в самом научном подходе бесспорно заключены и предпосылки, восходящие к христианской картине мира. Для современной науки не было бы места там, где мир по сути своей обманчив и превратен, всего лишь иллюзорная, как стали теперь говорить, виртуальная действительность, всего лишь покров переливчатой майи.

Мир, поддающийся усилиям науки, все же непременно должен быть сотво-

рен, в основе его не может не лежать разумная мысль или, иначе выражаясь, неуклонные мировые законы. Мир сотворен для человека, человек — венец творения. В научной картине мира продолжает подспудно удерживаться представление о человеке, сотворенном по образу и подобию Божию (Быт. 1:26), о высоком назначении человека.

Преступна не наука, преступно стремление поставить науку на неподобающее ей место, затмить Свет Истины Божьей очередной версией «научного мировоззрения».

Бог — непознаваем, но Он открывает Себя людям. Он открыт в Своей непознаваемости и непостижимости. И мир удивителен и прекрасен именно в качестве Божьего творения.

По замечательным словам Эразма Роттердамского, которые привел Ян Амос Коменский в своей «Великой дидактике»: «Священное Писание подходит ко всем одинаково: оно склоняется к детям, приспособляется к их возрасту, питая их молоком, согревая, поддерживая, делая все, пока мы не возмужаем во Христе. А если оно и по силам самым малым, то для самых великих оно является предметом, достойным удивления: для малых оно малое, для великих — более чем величайшее. Оно не отвергает никакого возраста, никакого пола, никакого положения, никакого жребия. Солнце является не таким общим и всем доступным».

Мы придерживаемся текста русского перевода, изданного по благословению Святейшего Правительствующего Синода. С 1861 г. он постоянно переиздавался, наиболее авторитетен и общепризнан, не лишен определенных недостатков, но служит важным связующим звеном с насильственно прерванной русской культурной традицией. Говорить о его замене не пришло еще время.

Перевод этот был благословлен к домашнему употреблению. В богослужебных нуждах употреблялся и продолжает употребляться сегодня славянский текст, освященный тысячелетней традицией, общий для многих славянских народов, восходящий к переводу святых праведных братьев из Солуни Кирилла и Мефодия. В своих примечаниях и размышлениях мы будем иногда приводить славянские варианты основного текста, данного по-русски. Не лишено значения парадоксальное утверждение Александра Сергеевича Пушкина, что «русский наш народ понимает лучше славянский, чем русский литературный язык».

Поставив Деяния и Послания Апостолов перед Евангелиями, мы пытаемся сделать понятнее и хоть в малой степени приблизить дух древней Церкви, до некоторой степени подготовить человека к встрече со Христом. Часто Послания Апостолов отодвигаются на задний план или даже совсем выпадают из поля внимания. Между тем они содержат в себе редкое богатство мысли, в них сосредоточен огромный духовный опыт и, как мы уже отмечали, во многих отношениях они поразительно близки душе современного человека. Однажды встретившись, он едва ли захочет с ними расстаться. К тому же предварительное знакомство с учениками может помочь глубже понять и оценить Самого Учителя и

Его дело. «Апостол Павел, — писал Альберт Швейцер, — выводит нас на практическую стезю спасения. Он вручает нас Христу».

Ограничения объема книги, к сожалению, не позволяют дать Новый Завет полностью. А ведь ничего ненужного и излишнего в Новом Завете нет. Священное Писание поистине неисчерпаемо. Когда вглядываешься в него, план открывается за планом, мысль за мыслью. Никакое истолкование не в состоянии его исчерпать, но в каждом обращении к нему приоткрывается новая грань, сквозь которую лучится беспредельное. Священное писание не на одно разовое прочтение, оно на всю жизнь. Можно находить в нем новое и новое, открывать неожиданное и совсем другое, нежели казалось поначалу.

Духовно толковалось каждое слово Писания. Мы приводим иногда извлечения из этих толкований. Для православного человека Священное Писание неотъемлемо от Священного Предания Церкви. Понять его по-настоящему можно только в свете святоотеческого учения. Ограничение всего лишь частью, фрагментами годится лишь для первого знакомства. Фрагменты не могут заменить собою целого. Новый Завет вовсе не книга для однократного прочтения. Она из тех, что приходят на всю жизнь. Выделенные фрагменты озаглавлены. Заголовки неизбежно достаточно произвольны, роль их сугубо вспомогательная.

Комментарии и попутные замечания, сопровождающие эти фрагменты, не претендуют, конечно, на сколько-нибудь исчерпывающее толкование. Они призваны подвести к сокровищнице новозаветной мудрости, помочь душе читателя открыться навстречу Благой Вести. В них по мере возможности использовано Предание Церкви, комментарии святых Отцов, уясняющие смысл Писания. В основном комментарии следуют сразу за приведенным фрагментом.

Книга включает в себя шесть глав, отражающих структуру Нового Завета. Евангелие от Матфея дано полностью. Книги Апостола, как мы уже отмечали, предпосланы Евангелиям.

Надеемся, что наш труд окажется небесполезным для педагогов, хранителей и проводников традиции, что наши комментарии помогут им ближе подойти к миру мыслей Нового Завета и открыть его своим ученикам.

Задача представить Новый Завет чрезвычайно трудна и ответственна, не всегда получается идти проторенной дорогой, поэтому хотелось бы встретить христианскую снисходительность по отношению к возможным недочетам и упущениям.

Выражаем благодарность за прочтение рукописи и ценные замечания Александру Николаевичу Стрижеву и в особенности Ларисе Григорьевне Петрушиной, без многосторонней помощи и поддержки которой книга никогда не была бы закончена.

## Исторические условия возникновения школ и образования на Руси И.С. Миропольский

А) Школы на Руси и образование возникают вместе просвещением Руси, христианством. Христианство на Руси является делом избрания лучшей веры князем и народом. Принятию веры христианской предшествовало испытание вер через лучших избранных мужей, числом 10. Выслушав отзывы их о вере Греческой, бояре единогласно признали ее превосходство и указали на Ольгу – христианку, «яже б мудрейши всех человек». Владимир без колебаний и сомнений, решительно и прямо спрашивает: «Где крещение примем?» - Бояре ответили: «Где ти любо». Народ верил своему единокровному князю; Князь верил своему народу. Такого беспримерного согласия народа и правителя в деле выбора и перемены веры история никогда не представляла.

Когда приспела честь совершить великое дело крещения целой страны языческой, народ спокойно и с уверенностью пошел за своим князем. «Володимер посла по всему граду глаголя: «аще не обратитесь кто рече, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник, противен мне да будет». Се слышавшее людье с радостью идяху, радующегося и глаголющее: «аще бы не добро было, не бы сего князь и бояре приняли». Какое величественное, трогательное и беспримерное в истории событие представляет крещение Руси! «И баше си видети радость на небеси и на земли, толико душ спасаемых», говорит летописец и заключает: «Благословен Господи Иисус Христос, иже любил новыя люди, Русскую землю, просветил крещением святым».

Пларіопъ, зпавшіи о событіи отого крешенія отъ участшіковъ его, въ похвале Владиміру пишетъ, что ... своей крестится во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ясно и велегласно во всех градахъ славпться Святой Троице, іі венмъ быт крестяномъ (хрпстіанами) малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни сдинаго же противящесе благочестивому его повелению; да аще кто и пе любовью, но страхомъ повелевшаго крещасуся, понеже благоверіе его съ властію сопряжено. В въ едино время вся земля наша вслави Христа со Отцемъ и Св. Духомъ».

Птакъ, прппятіе хрстіанетва на Руси является общимъ актомъ, при сдинодушномъ соі.:асги народа, боярь и князя.

Такое водвореніе христианства на Руси естественно узаконяло и облегчало введение и всехъ учреждений, соединенныхъ съ нимг, къ числу которыхъ прежде всего принадлежать книжное просвещеніе и училища.

Летописныя свидетельства действительно удостоверяють, что на всей Руси съ церковію являлось и книжное ученіе. вверяемое княземъ духовенству, свободно и благожелательно принимаемое народом.

Первыя школы на Руси учреждаются, говоря словами летописца, «на утвер-

жденіеверы». Утверждение всеры утвердило школы.

Замечательно, что и в других Славянских землях, въ Болгаріи, Моравии, Чехіи, христіанство принято было по желанію князей, утвердилось по общему согласію народа; просветителями явились Греческіе пастыри; но князья требовали просвещенія на родномъ языке.

Б) Известно, что до принятія христіанства Славяне «имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья,» какъ имели свою религію, съ обрядами и жрецами. Тотъ законъ племени «сами себе творили», по выраженію летописца.

Христіанство-вносить въ Русь новый законъ,—законъ самого Бога,—законъ общій для всехъ племень, законъ истинно добрыхъ нравовъ; но тотъ законъ, для своего познанія, вкорененія и распространения, требуетъ отъ Руси ученія и образованія. Следовательно, съ принятія христіанства, церковь, общество и законодатель Руси должны были единодушно принять и признать обязательными три задачи для своей деятельности: содействие образованія народа религиозному, вкоренение в нем христіанской нравственности и распространение в нем умственного образованія. Если бы народу дана была новая вера вопреки его желанію, то эти три задачи были бы невыполнимы, или исполненіе ихъ было бы деломъ величайшей трудности и долгаго времени. Но Русь свободно, своею волею, приняла христіанство, поэтому также свободно пожелала и просвещенія, —одинаково—словеснаго въ церкви и книжнаго, о чемъ единодушно заботились князья и духовная власть.

Б) Не менее важпымъ является и то обстоятельство, что христіанство нашло въ Руси девственную почву. На это обращаетъ вниманіе Погодин.

«Христіанская вера, говорить онъ, сделалась вместе и источникомъ нашего образованія,—источникомъ единственнымъ, въ противоположность съ западными народами, которые, кроме христіанской всеры получили въ наследство себе. еще прежде ея введенія, греческое и римское образованіе, сильное и многостороннее они пропитались этимъ образованіемъ, и оно дало ихъ новымъ верованіямъ свой особый характеръ, что и было причиною отличій первоначальнаго римскаго католичества отъ греческаго, а еще более отъ русскаго православія».

Г) Въ высокой степени важнымъ для просвещенія Руси является то обстоятельство, что предки наши, говоря словамъ Іакова мниха, «пріяша святое крещеніе, готово имуще святое писаніе и книги переведены съ греческаго языка на русскій».

Трудно оценить достаточно важность этого обстоятельства. Новокрещенному народу сразу открывается доступъ къ чтенію источника веры православной, къ совершенію богослуженія на родномъ языке, къ изученію духовной литературы. Съ другой стороны, самый русскій языкъ, благодаря отличному знанію его и высокой филологической подготовкѣ св. просветителей Славянъ, при влияніи совершеннѣйшаго изъ классическихъ языковъ, получаетъ обработку въ сти-

ле и формахъ, развитіе для выраженія самыхъ высокихъ истинъ и отвлеченныхъ понятій.

Поистине святые просветители Славянъ были основателями и нашего книжнаго ученія. Благословеннымъ трудомъ ихъ Русь пользуется и доселе. Труды ихъ легли и въ основу первоначальной школы нашей, трудомъ ихъ эта школа обязана широкимъ распространеніемъ на Руси, съ первыхъ поръ ея просвещенія. Грамотность на чужомъ языке не могла бы скоро и прочно привиться народу.

Д) Новое важное обстоятельство для распространенія на Руси грамотности представляетъ этнографическое единство славянекихъ племень. «А словесекъ языкъ и русский едины: отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а перша беша словене; аще и Поляне звахуся, но словенская речъ бе», говорить летописецъ.

Благодаря этому, на всемъ пространстве великой русской земли славянская книга была понятною всемъ; не будь этого, первоначальное образованіе не могло такъ широко разлиться по Руси съ первыхъ поръ ея просвещенія.

*Миропольскій С. И. Очеркъ истории церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени. — СПб., 1894. — С. 9 — 11.*

Приложение 3

## **Религия как историческая форма функционирования человеческой психики К.Д. Ушинский**

### *Христианская религия — явление историческое.*

Как бы кто ни смотрел на христианскую религию, но наука не может на нее смотреть иначе как на историческое явление, возникающее из потребностей и свойств души человеческой. Если бы идея борьбы была единственным статутом и человеческой жизни, то самое появление и распространение религии слабых и угнетенных не было бы возможным в человечестве...

Все религиозные системы не только возникали из потребностей души человеческой, но и были в свою очередь своеобразными курсами психологии; в нихто и формировался более всего взгляд человека на мир душевных явлений, так что без помощи религиозных систем мы не можем объяснить себе общечеловеческой психологии, ее истин и ее заблуждений. Выходя из психических потребностей, религия в свою очередь распространяла то или другое психологическое воззрение и распространяла, конечно, ' обширнее и удачнее, чем может распространяться какая бы то ни было кабинетная психологическая теория. Великие психо-логические истины, скрывающиеся в евангелии, распространялись вместе с евангельским учением, и этим только фактическая наука может объяснить то умягчающее, гуманизирующее влияние евангельского учения, которое оно вносило с собой повсюду. Какая книга в мире представляет более глубокую психологию, более верное знание людей, и какая книга в мире более читалась, слушалась, обдумывалась? Если же евангельская психология, более или менее

глубоко понятая, сделалась общим достоянием всего христианского мира, т. е. всего образованного европейского мира, то каким же образом психолог может не знать этой психологии, может обойти ее, ограничив свои познания теориями Гербарта, Бенеке или какого-нибудь другого кабинетного ученого?

### **Бог — совесть человека**

Если человек достигнет до той нравственной высоты, что боится только одного бога, то значит он боится одной своей собственной совести — и больше ничего в мире не боится. Осталась ли эта совесть в своем естественном состоянии, раскрыта ли она учением откровения, во всяком случае она для человека голос божий, и если человек, не внимая никаким угрозам и приманкам света, начнет внимательно прислушиваться только к этому голосу, то и откроет в нем источник премудрости, т. е. нравственности или высшей практической мудрости. Но как жалко злоупотребляют этим глубоким, библейским изречением различные люоители задать страху детям. Они прикрывают им свое неумение сдерживать гнев, неуменье, которое должно бы вычеркнуть их из списка воспитателей, и внушают детям не страх божий, а страх учительский из которого родятся ложь, притворство, хитрость, трусость, рабство слабость, ничтожество души,— а не премудрость.

### **Форма и содержание христианской религии**

Мы берем здесь христианскую идею, конечно, только в ее форме, независимо от того специального догматического содержания, которое было вложено в нее христианским учением. Но тем не менее мы не можем не назвать этой чисто психологической идеи, выведенной из глубокого понимания души человеческой и ее законов, не можем не назвать христианской; иначе мы были бы пристрастны и несправедливы. Такого глубокого понимания души и ее коренного свойства мы не встречаем нигде:; ни в философско-религиозных системах Востока, ни в философских системах классического дохристианского Запада.

### **Вера в бога**

Вера в бога потому для многих. не имеет силы, что она стара,

«Сравнивая все философские идеи, я нашел, что первая и самая общая всех проще и разумнее и что ей недостает только новизны, чтобы соединить за себя все мнения. Предположите, что все ваши философы, древние и новые, истощили все их странные системы силы, случая, фатализма, необходимости, атомов, одушевленного мира, оживленной материи, материализма всякого рода, и что после их всех знаменитый Кларк произнес в первый раз имя творца мира: с каким бы всеобщим удивлением была бы принята эта новая система, возвышенная, утешительная, столь способная возвысить душу, дать основание добродетели и в то же время такая поражающая, светлая, простая и представляющая уму менее непонятого, чем находили нелепостей в других системах».

### Христианство

«Des que les peuples se sont avises de faire parler Dieu, chacun Ta fait parler a sa mode et lui a fait dire ce qu'il a voulu. Si l'on n'eut ecoute que ce que Dieu dit au coeur de l'homme, il n'y aurait jamais eu qu'une religion sur la terre» (Emile, p. 333).

«Ils ont beau me crier (теологи): soumetts ta rais.on; autant m'en peut dire celui qui me trompe: il me faut des raisons pour soumettre ma raison» (ib., p. 335).

Чтобы веру основать на чудесах, надобно поверить, были ли эти чудеса за 2000 и за 3000 лет, а для этого надобна ученость, которой люди не имеют, и люди будут осуждены на вечную гибель не за дурные дела, а за недостаток учености (ib., p. 356). Дьявол также делал чудеса (ib., p. 357).

Религия хочет убеждать меня, следовательно, хочет действовать на мой разум, а между тем сама же исходит из того, что разум ошибается. Как же она уверяет меня, что в таком случае мой разум не ошибается (ib., p. 340).

Но Христос тоже говорит об око, которым мы глядим;— это и есть разум, но только надобно заботиться, чтобы это око было чисто, т. е. не было омрачено самолюбием, предрассудком или учёной системой, которая тоже часто, что пред-  
рассудок.

Руссо поделом вооружается против религиозной нетерпимости, показывая, до какой нелепости доходят магометане и христиане, обвиняя друг друга (ib., p. 340, 348 и друг.).

Это верно. Но вот что также верно, что в настоящее время составилась такой взгляд на жизнь, цивилизацию и нравственность; так что идеал воспитания, отбросив всякую религиозную идею, выйдет такой, что с ним может примириться только христианская идея. Европейская школа должна быть такова, что магометанин, вступивший в нее, должен оставить свой фанатизм, фатализм, многоженство, взгляд на женщину, распространение религии оружием, презрение к христианам и евреям. Еврей, вступив, в европейскую школу, должен отказаться от своего взгляда на гоев, от права их обманывать, от своей замкнутости и т. д. Мало этого, католик, вступив в хорошую европейскую школу, должен отказаться от главенства и непогрешимости папы, от «цель оправдывает средства»; кальвинист и отчасти вообще лютеранин — от фатализма, от веры в неизбежность предопределения, от стремлений построить религию на рассудочных выводах и от стеснения тем самого рассудка только в области тех его выводов, которые не противоречат принятой религии.

Вот почему я думаю, что школа не проповедница религии, но настоящая прогрессивная школа менее, всего противоречит частным принципам православной религии, имеющей историческое основание и обращающейся прежде всего к чувству человека.<sup>2</sup>

На Руссо всего более нападают попы всех сект, но и он их не любит. Они готовы скорее простить атеисту, проповедующему против бога, чем тому, кто против их [гнусной] касты и их диких [катехизации].

Ушинский К. Д. Собр. соч., т. 10. — М. — Л., 1950. — С. 358 — 361.

## О классных рассказах вообще и библейских в особенности

К.Д. Ушинский

Изустный рассказ учителя, выслушиваемый и потом передаваемый учащимися, есть необходимое дополнение первоначального обучения. Дети более любят слушать, нежели читать, уже и потому, что в первые два-три года самый процесс чтения ещё утомляет их. Кроме того, необходимо приучить детей не только читать, но и слушать внимательно, а потом усваивать и передавать слышанное.

Искусство классного рассказа встречается в преподавателях не часто, — не потому, чтобы это был редкий дар природы, а потому что и даровитому человеку надо много потрудиться, чтобы выработать в себе способность вполне педагогического рассказа.

Педагогический рассказ не только должен отличаться занимательностью, как и всякий другой, но заключать в себе ещё чисто педагогические качества: он должен быть таков, чтобы мог легко запечатлеться в голове детей; чтобы, дослушав рассказ до конца, дитя помнило его середину и начало, чтобы подробности не затемняли главного и чтобы главное, будучи лишено подробностей, не оказалось сухим.

Предметом рассказов может быть всё, доступное пониманию детей, и если учащий сам не обладает запасом детских рассказов, то может извлечь их из детских книг и хрестоматий. Но такой заимствованный рассказ должен быть не только усвоен предварительно учащим, но переработан им совершенно так, чтобы в рассказе не слышно было чужой фразы.

Я уже выше сказал о том, как восстанавливаются целым классом прочитанные в книге рассказы и сказки; то же самое относится и к рассказам изустным. Целый класс должен сначала восстановить рассказ учителя, и потом уже каждый ученик будет повторять этот рассказ. Самый способ ведения рассказа мне удобнее высказать, говоря о рассказах библейских, так как они только по содержанию своему и отчасти по тону отличаются от прочих рассказов.

Тон библейских рассказов должен быть не педантический и не книжный, но вполне серьёзный и отличаться особенной задушевностью; шуточки и прибауточки, которые очень кстати при всяких других рассказах, вовсе не кстати при рассказах библейских. Но серьёзность рассказа не должна делать его скучным и вялым.

Хорошие рассказчики событий библейской истории, которых мне удалось слышать и за границей и у нас, передают эти события не как нечто давно прошедшее, но как будто происшествие, только вчера ими виденное - или слышанное. Интерес, который они сами принимали в рассказываемом событии, возбуждал к нему интерес в детях, и вера, выражавшаяся в словах наставника, пробуждала веру и в детском сердце.

Первые рассказы из библии никак не должны иметь претензии на передачу детям всего хода событий священной истории. Дети от 7 до 10 лет, даже позже, вовсе не способны к обзору такого обширного поля. Они едва в состоянии обозреть какое-нибудь одно не очень сложное и не очень длинное событие и свести его начало с концом. Вот почему в первых библейских рассказах должны быть сообщаемы отдельные события из ветхого и нового завета. В лучших зарубежных школах, в первый год ученья (детям от 6 до 8 лет) сообщается не более десятка рассказов; во второй год все эти рассказы вновь повторяются с новыми добавлениями и объяснениями, и к ним прибавляется ещё от 10 до 15 рассказов. В третий год ученья снова повторяются рассказы, как первого, так и второго года с новыми подробностями и объяснениями и т. д. Только тогда, когда в памяти детей запечатлется, совершенно конкретным образом, столько отдельных библейских рассказов, что их возможно уже связать одной общей нитью, начинают излагать священную историю в порядке.

Эта метода преподавания, которая распространяется впоследствии и на всеобщую историю, имеет верное психологическое основание.

Душа дитяти, незагромождённая множеством впечатлений, чрезвычайно способна к усвоению всякого рода конкретных образов, и в то же время неспособна ни к отвлечённостям, ни к той последовательности, которая требуется для изучения истории. Эти конкретные образы, воспринятые детьми, только впоследствии могут служить материалом для постройки обширного исторического здания. Но кто захотел бы начать эту постройку раньше времени, тот потребовал бы от детской души того, чего она дать не может.

Итак, рассказывая детям отдельные события библейской истории, наставник должен только иметь в виду — дать прочный материал для будущей постройки. Чем этот материал ляжет прочнее в душу дитяти, чем свободнее овладеет им ребёнок, чем ярче, определённое будут эти образы, — тем легче, удобнее и скорее пойдёт со временем самая постройка, и тем прочнее она будет. Вот почему библейские рассказы, переданные раз, должны потом беспрестанно повторяться; не для того, чтобы возобновить забытое (это уже плохо, если что-нибудь позабыто), но для того, чтобы предупредить возможность забвения.

Повторение с целью припомнить забытое показывает уже недостаток ученья и вообще плохое преподавание в школе. Плохая школа, как и плохое здание, беспрестанно чинится, поправляется и никогда не бывает в исправности, хорошая же школа, беспрестанно повторяя пройденное, никогда не нуждается в починках. Сами дети очень не любят повторения того, что ими было выучено и позабыто, и очень любят рассказывать и пересказывать то, что помнят. Воспользуйтесь же этим указанием детской природы и ведите беспрестанно повторение, предупреждающее забвение, чтобы не иметь никогда нужды повторять забытое. Забвение есть отчасти тоже дурная привычка; и дети, которых учили многому, но бестолково, которые беспрестанно забывали то, что выучивали, отличаются впоследствии дурной памятью.

Наши школы особенно страдают забывчивостью; они много сыплот в детей и редко справляются, осталось ли что-нибудь из насыпанного.' Хорошо ещё, если ученик меньше забывает, чем учит; но если приход с расходом равен, то остаётся в голове ноль и ещё хуже, чем ноль, — привычка ничего не усваивать прочно и забывать быстро.

Что касается до передачи каждого отдельного рассказа, то методы при этом могут быть различные; но, во всяком случае, учитель должен непременно заранее обдумать свой рассказ и даже написать его, если ещё не имеет привычки рассказывать. Возьмите какой-нибудь библейский рассказ,, лучше всего по ' -библейскому же тексту, прочтите его сами со вниманием, сообразите, что придётся объяснить детям, и потом отделите то, что вы можете рассказать и объяснить в первый раз, от того, что можете добавить при втором и третьем рассказе одного и того же события.

Рассказывая какое-нибудь событие в первый раз, вы должны передать только главные его черты, две, три интересные живописные подробности. Если вы в первый же раз привяжете к событию слишком много объяснений и подробностей, то весь рассказ рухнет в детской голове. Утвердите в ней сначала немного, но прочно и потом уже, мало-помалу, стройте на этом укоренившемся прочном основании.

Рассказав детям событие, причём вы должны делать -сильное ударение на факты, собственные имена или выражения, составляющие сущность рассказа, вы можете потом обратиться к детям с вопросами, и сначала с такими вопросами, в ответ на которые дети передали бы вам главные черты события. Затем, следует другой ряд вопросов, исчерпывающих подробности.

Когда таким образом весь ваш рассказ будет передан детьми в ответах на ваши вопросы, тогда только можете вы потребовать от способнейших учеников, чтобы они рассказали всё, что слышали, в связи, последовательно. Старайтесь при этом поправлять рассказчика только в крайней необходимости, если видите, что он сбивается с главного пути, и позволяйте ему пропускать несущественные подробности. Когда ученик кончил рассказ, тогда другие пополняют его пропусками, и дело идёт, как я уже сказал выше, до полного и верного восстановления целым классом всего рассказа. Усвоенный детьми рассказ должен быть повторяем, по возможности, чаще, и при каждом. повторении наставник может что-нибудь вновь объяснить и дополнить.

Очень полезно также, если наставник, через несколько времени, на другой год, например, рассказывает сам тот же рассказ, уже усвоенный детьми, с новыми подробностями или эпизодами, которых дети ещё не знают. Ученики должны (и сделают это легко) заметить, что прибавлено новое в рассказе учителя, и эта прибавка прочно ляжет в их памяти.

Ушинский К. Д. Собр. соч., т. 6. – М. – Л., 1949. – С. 326 – 331

## Практика релігійного виховання.

### В. Петров

Жизнь ставитъ намъ цель релігійного виховання; жизнь должна ответить и на вопросъ о томъ, какъ жизненный идеал можетъ быть использованъ на практике, идеаль релігійного виховання. Посмотримъ, какъ обычно идетъ развитіе релігійного чувства и сознанія средняго человека нашего общества.

Если подъ воспитываніемъ понимать, какъ было определено выше, сознательное воздѣйствіе воспитателя на воспитанника, имеющее целью привести послѣдняго къ идеалу релігійного сознанія воспитателя, то можно сказать, что, въ действительности, какъ раньше, такъ и теперь релігійное воспитываніе, въ смысле систематическаго, планомернаго, последовательнаго воздѣйствія, не применялось и не применяется.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ дело начинается съ того, что родители или взрослые заставляютъ или вообще побуждаютъ ребенка производить въ определенное время и въ определенномъ месте известные телодвиженія, имющія для взрослыхъ условное или символическое значеніе, смыслъ котораго для ребенка совершенно темень. По мере того, какъ ребенокъ овладеваетъ речью, его выучиваютъ сопровождать установленныя телодвиженія настолько же непонятными для ребенка словами, нимало не заботясь о томъ, вкладываетъ ли ребенокъ и какое именно чувство и какую мысль вкладываетъ онъ въ эти автоматически усвоенныя имъ телодвиженія и слова, при чемъ взрослыми руководитъ здѣсь отнюдь не воспитательный цели, а только стремленіе соблюсти установленный порядокъ, въ некоторыхъ же случаяхъ—желаніе задобрить божество, расположить его къ ребенку, повторяющему телодвиженія и слова, выражающія благоговѣйную почитательность или просьбу.

Впечатленія детства рано тонуть въ нашей памяти, и она не сохраняетъ воспоминаній о томъ процессе, при помощи котораго та или иная установленная обрядность, въ которой ребенокъ участвуетъ, подчиняясь или добровольно подражая взрослымъ, начинаетъ ассоціироваться въ душѣ ребенка съ определеннымъ чувствомъ, а затемъ по-своему осмысливается и объясняется; но есть основанія думать, что ближайшій матеріалъ для этого дается условіями, сопровождающими выполненіе принятыхъ обрядовыхъ формъ. Участвуя вместе со взрослыми въ техъ или иныхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, въ молитвахъ, посещая съ ними церковь, ребенокъ невольно замечаетъ особенности настроенія и чувства взрослыхъ, сопровождающія ихъ молитву или выполненіе обряда. Такое наблюденіе ведется при посредствѣ еще очень слабого и наивнаго сознанія, и его результаты не могутъ не получить въ каждомъ отдельномъ случаѣ свою особую индивидуальную, настолько же наивную окраску. Чемъ исключительнее событіе, которое въ представленіи ребенка связалось съ сопровождавшимъ это собы-

тіе обрядомъ, чѣмъ сильнѣе было выражено замеченное ребенкомъ чувство взрослого человека и чѣмъ непосредственнѣе разрешилось оно въ установленномъ обрядовомъ символѣ, тѣмъ теснѣе ассоціируется въ умѣ ребенка представленіе этого чувства съ представленіемъ даннаго обрядоваго выраженія. Иногда, находясь со взрослыми при исполненіи ими того или иного обряда, ребенокъ и самъ заражается общимъ настроеніемъ или чувствомъ, если, конечно, это чувство не слишкомъ сложно и доступно душе ребенка.

Примеръ такого переживанія даетъ Аксаковъ въ «Детскихъ годахъ Багрова внука». Въ первый день Пасхи, рассказываетъ онъ, «я заснулъ въ обыкновенное время; но вдругъ отчего-то ночью проснулся: комната была ярко освѣщена, кивотъ съ образами растворенъ, передъ каждымъ образомъ, въ золоченой ризѣ, теплилась восковая свѣча, а мать, стоя на коленяхъ, вполголоса читала молитвенникъ, плакала и молилась. Я самъ почувствовалъ непреодолимое желаніе помолиться вместе съ маменькой и попросилъ ее объ этомъ. Мать удивилась моему голосу и даже смутилась; но позволила мнѣ встать. Я проворно вскочилъ съ постели, сталъ на колѣнки» и началъ молиться неизвѣстнымъ мнѣ до сихъ пор особаго рода одушевленіемъ; но мать уже не становилась на колѣни и скоро сказала: «будетъ, ложись спать». Я прочелъ на лицѣ ея, услышалъ въ голосѣ, что помешалъ ей молиться. Я изъ всехъ силъ старался поскорѣе заснуть, но не скоро утихло детское мое волненіе и непостижимое для меня чувство умиленія».

А между тѣмъ мальчикъ ежедневно, ложась спать, крестился и читалъ подъ руководствомъ Евсеича молитву, проговаривая вслухъ: «Господи, помилуй папеньку и маменьку», но никогда произнесение этихъ словъ не сопровождалось тѣмъ молитвеннымъ настроеніемъ, которое было вызвано умиленной молитвой матери, захватившей и душу ребенка.

Опытъ такого переживанія невольно даетъ значеніе, содержаніе и смыслъ обычной формѣ обряда или молитвы съ ея словами, крестными знаменіями и поклонами. Такимъ образомъ, то путемъ постепеннаго проникновенія въ чувства, съ которыми у взрослыхъ связывается исполненіе обряда, то при помощи болѣе сильныхъ, хотя и краткихъ переживаній въ душѣ ребенка представленіе обряда ассоціируется съ представленіемъ выраженнаго чувства, а затемъ пріобрѣтаетъ значеніе следствія или условія, сопутствующаго определенному чувству; когда же наконецъ ребенку самому приходится испытать данное чувство, оно выливается въ уже готовую, раньше безсознательно усвоенную ребенкомъ форму.

При аналогичныхъ условіяхъ создается у ребенка представленіе, а затемъ и понятіе о Богѣ. Слово Богъ ребенокъ слышитъ очень рано и часто; постепенно это слово ассоціируется съ теми чувствами и представленіями, которыя соединяетъ съ словомъ Богъ окружающая действительность и которыя воспринимаются, сознаются и понимаются каждымъ ребенкомъ по-своему.

Самымъ существеннымъ моментомъ въ дѣлѣ развитія религіознаго чувства

и сознания ребенка является время возникновения общих, хотя бы еще и не ясно и не определенно формулированных, связанных с сознанием безконечности вопросов рождения и смерти.

Тайна жизни еще не может волновать ум ребенка: чтобы задаться вопросом о сущности жизни, ум должен сделать жизнь объектом своего исследования, чего не может сделать незрелый ум ребенка, сознание которого реагирует на влияющую на него жизнь преимущественно чувствами. Рождение и смерть, особенно когда эти акты совершаются вблизи ребенка, уже не только волнуют его чувство,—они ставят перед сознанием ребенка вопрос, на который действительная жизнь дает самые разнообразные ответы, но из которых однако более понятными, а потому и более приемлемыми для ребенка являются ответы, указывающие на наличие влияния, исходящего извне окружающей жизни, из другого мира. Сознание ребенка теперь охотно принимает представление Бога, дающего родившемуся ребенку и берущего к Себе—«на тот свет»—душу умершего близкого человека. Яркий пример детского чувства, вызываемого смертью близких людей, и последовательного развития представления «того света» дается имеющей автобиографические черты «Историей моего современника» В. Г. Короленко. «Мне трудно вспомнить,—рассказывает автор «Истории»,—когда я в первый раз услышал о «том свете».. Вероятно, это потому, что слышал я это очень рано, и слова явились гораздо ранее, чем их значение. Я знал с незапамятных времен, что у нас была маленькая сестра Соня, которая умерла и теперь находится на том свете у Бога. Это было представление немного печальное (у матери иной раз на глазах бывали слезы), но вместе светлое: она—ангел, значить, ей хорошо. А так как я ее совсем не знал, то и она и ее пребывание на «том свете» в роли ангела представлялось мне каким-то светящимся туманным пятнышком, лишенным всякого мистицизма и не производившим особенного впечатления... Потом на «тот свет» отправился пань Коляновский, который, по рассказам, возвращался оттуда по ночам. Тут уже было что-то странное... Это было непонятно и отчасти коварно, а во всем непонятном, если оно вдобавок сознательно, есть уже элемент страха... Еще года через два или три «тот свет» глянул на нас, как зарница из темной тучи, зловеще ощутительно и ясно»...

Это была смерть товарища Славка Лисовского. Мы пропустим трогательное описание похорон Славка и обстоятельств, предшествовавших его смерти.

Наслушавшись рассказов о смерти Славка, рассказывает далее Короленко, «спать мы легли в этот вечер несколько позже обыкновенного, и среди ночи я проснулся в слезах. Мне привиделся страшный сон, подробностей которого я не мог вспомнить совсем ясно, но в каком-то спутанном клубке смутным образом я все-таки видел Славка, слышал какие-то его просьбы, мольбы и слезы... Сердце мое сжималось от глубокой жалости, но вместе и от страха. В другой комнате, на полу горела свеча, слышалось дыхание спавших

братьевъ и сестры, а за окномъ вздыхаль вѣтеръ... Я зналъ, что тамъ, за окнами, нашъ дворъ, дорожки сада, старая бесѣдка въ концѣ аллеи... Но отъ одной мысли, что по этимъ знакомымъ местамъ, быть можетъ, ходить теперь старый Коляновскій и Славекъ, страхъ и жалость охватывали меня до боли... Я заплакалъ. Мать, которая часто клала меня съ собой, услышала мой тихій плачь, проснулась и стала ласкать мена. Я схватилъ ея руку, прижался къ ней и сталъ целовать. Ощущеніе ея теплаго, живого тела и ея любящая ласка меня успокоили, и я вскоре заснулъ. Но, и засыпая, я чувствовалъ, что где-то тутъ близко, за запертыми ставнями, въ темномъ саду, въ затканнхъ темнотою углахъ комнатъ есть что-то особенное, детальное, жуткое, непонятное, настоорожившееся, страшное и живое таинственной жизнью «того света»... А жизнь «того света» почему-то враждебна нашей жизни... Такимъ образомъ, — заканчиваетъ рассказчикъ этотъ эпизодъ, — мистическій ужасъ уже былъ готовъ въ нашихъ детскихъ душахъ и, конечно, его только раздувала окружавшая насъ среда».

Особенно сильное впечатленіе производили рассказы старой кухарки Будзиньской. «Страшные рассказы положительно подавляли наши детскія души, и, возвращаясь изъ кухни вечеромъ, мы съ великимъ страхомъ проходили мимо темнаго отверстія печки, находившагося въ середине коридора и почему-то никогда не закрывавшагося заслонками. Намъ казалось, что оттуда вдругъ протянется чья-то рука или мохнатая, черная, какъ у медведя, или, наоборотъ, белая, какъ у Коляновскаго или Славка... Иной разъ, поровнявшись съ этимъ отверстіемъ, мы кидались бежать, какъ сумасшедшіе, и прибегали въ спальню запыхавшіеся и блѣдные... Уверенность матери, что все это пустяки, вносила успокоеніе... Но вместе съ темъ чувствовалось, что пани Будзиньская—не лгунья, и что въ ея рассказахъ нѣтъ намеренной лжи. Поэтому мы все больше и больше попадали во власть «того света», который казался намъ наполненнымъ враждебной и чуткой нечистой силой».

Очевидно, вліяніе матери не могло въ данномъ случаѣ соперничать съ вліяніемъ рассказовъ кухарки Будзиньской: они сильнее захватывали детскую душу, полнее удовлетворяли ея потребность и давали объясненіе непонятному явленію, которое вызывало во всехъ окружающихъ печаль и недоуменіе, а у некоторыхъ—отчаяніе и ужасъ. Допустить, что умершій человекъ сталъ ничемъ, ребенокъ не можетъ: его живущій образами разумъ не можетъ усвоить отвлеченное ничто; не можетъ онъ примириться хотя бы и съ достаточно образными, но все же еще съ слишкомъ для него отвлеченными объясненіями техъ взрослыхъ, для которыхъ смерть есть отделеіе безформеннаго духа, души отъ тела. Ребенку нужны резко оформленные образы; они должны быть величественны, страшны и таинственны, такъ какъ только при этихъ условіяхъ они будутъ соответствовать тѣмъ проявленіямъ чувства, которыя наблюдаются у взрослыхъ при смерти близкаго человека и въ которыхъ, невольно заражаясь ими, участвует и самъ ребенокъ. Образъ могущественнаго, владеющаго таинственнымъ «темъ светомъ»,

Бога, так же как и образ живущей на «томъ свете» и оттуда посещающей насъ «нечистой силы» въ форме страшнаго чудовища являются теперь наиболее приемлемыми.

Требующее такихъ образовъ сознание ребенка не удовлетворится хотя бы и более разумнымъ, но холоднымъ объясненіемъ взрослыхъ, пройдет мимо ихъ насмешки или индифферентизма и обратится за ответомъ въ кухню или на улицу и тамъ найдетъ этотъ ответъ или, по крайней мере, найдетъ матеріалъ, подходящий для такого ответа.

«Мне припоминается типичный случай,—рассказываетъ М.М. Рубинштейнъ въ своей статьѣ «О религіозномъ воспитанніи»: мальчикъ Шура, 5 летъ, съ необычайной настойчивостью и давно добивался ответа на вопросъ о Боге. Как-то странно было даже видеть, какъ краснощекаго, полный и живой мальчикъ то и дело возвращался къ этому вопросу, видимо, не находя себе успокоенія. Взрослые пытались вести его въ нерелигіозномъ духе; на короткое время онъ какъ будто удовлетворялся «естественными» объясненіями, но потомъ все начиналось снова; но вотъ однажды онъ вернулся съ прогулки и, сияя, заявилъ, что теперь онъ знаетъ, что Богъ есть, что молиться нужно вотъ такъ—и онъ перекрестился—и что Бога нужно любить больше всехъ. Вместо мудрствовавшихъ лукаво родителей, дававшихъ ответы, не отвечавшіе детской психикѣ, ответъ далъ дворникъ, т.-е. въ конце-концовъ родители устранились и уступили место дворнику, а тотъ разрубилъ гордіевъ узелъ безъ малейшаго усилія по традиціи. И вотъ что характерно,—съ этихъ поръ все сомненія и тревоги у мальчугана отпали... И место свое въ этомъ отношеніи уступаютъ «дворнику» въ действительности большинство изъ техъ, кто тешитъ себя мыслью о религіозномъ индифферентизме детей или о безрелигіозномъ воспитанніи.

Но тутъ не должно быть места горечи, которая, повидимому, сквозитъ въ послѣднихъ словахъ М. М. Рубинштейна. Раціонализмъ родителей не можетъ въ данномъ случае не уступить своего места традиціонному объясненію дворника, такъ какъ ихъ раціонализмъ не можетъ быть усвоенъ ребенкомъ. Если же родители, боясь соперничества дворника, решатъ попытаться искусственно приготовить приемлемый ребенкомъ ответъ, то тутъ непременно явится для родителей рискъ поступиться своей правдивостью и дать ребенку случай заметить роняющую авторитетъ родителей фальшивую стоимость ихъ объясненія. Въ случае же если такой ответъ по своей образности и характеру достаточно ответить запросу ребенка, то, вероятнее всего, что это будетъ только подделка «подъ дворника», который все же будетъ выслушать ребенкомъ и слова котораго не будутъ приняты только въ томъ случае, если они ответятъ запросу ребенка съ меньшею полнотою и силою, чѣмъ искусственно составленное объясненіе родителей.

Представленіе Бога, а также «нечистой силы» имеетъ, безъ сомненія, у каждаго ребенка свои индивидуальныя черты, такъ какъ представленіе это создается подъ вліяніемъ особыхъ для каждаго ребенка условій и стоитъ въ связи съ инди-

видуальными особенностями психики ребенка. Во многих случаях, а пожалуй даже и, в большинстве их, представление «нечистой силы» обладает большей реальностью, чем представление Бога. В цитированной выше «Истории моего современника» Бог в представлении ребенка является даже чем-то безличным — «как бы отдаленным и огромным пятном солнечного света»; зато представление «нечистой силы» было совершенно реально, при чем в воображении ребенка она являлась в нескольких образах: то в форме щеголеватого, но страшного, охватывающего ужасом господина или офицера, то в обычной форме чорта. Здесь очевидно сказались влияние самых различных факторов: и рассказов Будзиньской, и таинственного страха, навеянного ревностью отца ребенка, и преждевременного знакомства ребенка с «Печерским патериком».

Вот несколько описанных с натуры данных немецкими школьниками ответов на вопрос о том, — что они думали о Боге раньше.

«Когда мимо проходил человек в пелеринке, я думал, что это Бог».

Я думал, что наш пасторь Бог. Я тоже думал, что Бог был женат и имел жену и детей. У пастора ведь тоже были жена и дети.

Я думал, что Бог такой же, как и мы, но что он всех любит. Я думал, что его можно увидеть. Однажды у нас был человек, и я спросил отца: «Может это Боженька?» Тогда отец сказал: нет.

Я думал, он такой, как он нарисован в книге.

Я думал, Бог нигде не бывает, он уходит куда-нибудь. И если кто-нибудь в это время проходил мимо дома, я думал, что это Бог идет» .

*Вестник воспитания. — М., 1915. - № 6. — С. 14 — 23.*

*Приложение 6*

## Поиск золотой середины

### В. Грозовский

Православие всегда было, есть и будет поборником крепкой семьи, где интересы каждого члена подчинены, прежде всего, исполнению заповедей Божиих. Нарушая одну из них; становимся нарушителем и остальных. Нельзя любить Бога, а родителей ненавидеть; нельзя любить Бога, а детьми пренебрегать. Зададим себе вопрос: существует ли какое-либо противоречие между теоретическими знаниями (человек погружается в чтение святоотеческих трудов, духовно-просветительской литературы) и практическим воспитанием детей? Казалось бы, никакого противоречия и не должно быть, т.к. теория помогает практике, а практика подтверждает теорию, короче, — связь. Но в жизни эта связь часто не наблюдается, потому отсутствует гармония между долгом и желанием. Допустим, мать (или отец) желает, чтобы ее (его) семья была благочестивой. Хорошее

желание? Безусловно! И вот в поисках путей осуществления своего желания она (он) погружается в изучение духовных творений: читает Библию, творения святых отцов, акафисты, каноны, проповеди и различные брошюры по воспитанию детей, регулярно посещает богослужения и пр., и пр. И настолько загружает себя, увлекаясь поисками этих самых путей, что забывает о муже (жене), о своих детях, а в целом — о семье, которая требует личного присутствия и заботы о ней. В результате такого положения теряется смысл самого поиска «залотой середины», и благое стремление может обернуться для семьи порочной действительностью. Иногда от «благочестивых» родителей можно слышать, что дети и дом не дают молиться и читать духовную литературу. Воспитание детей и ведение дома — это труд, требующий времени и усилия.

Большого труда требует и любая светская работа, но всякое дело должно делать хорошо во славу Божию. К своим семейным, служебным обязанностям следует относиться как к церковному послушанию.

Воспитание детей, порядок в доме — это все частицы труда по созданию домашних церквей. Материнство, воспитание детей, служение семье последний оптинский старец о. Нектарий считал женским подвигом служения Святой Троице.

Труд жены, домашний и профессиональный, должен пользоваться уважением мужа и детей. А жене назначено быть авторитетом как хозяйке дома, жене и матери, наставнице детей. Теплота домашнего очага создается прежде всего женою и матерью.

Говоря о доме, необходимо обратить внимание на порядок в нем, ибо внешнее проявление порядка дисциплинирует человека и внутренне.

Однако порядок должен быть живым, должен обеспечивать жизнь членов семьи, а не сиять мертвым блеском лакированных полов гостиных в просторных квартирах, где страшно ходить и неизвестно, как и на что сесть. Такой порядок способен лишь выгонять детей из дома на лестницу и во двор. Нельзя, и даже греховно, из порядка делать культ.

Христианский дом должен быть уютным прежде всего благодаря отношениям между членами семьи, царящей в ней любви и дружбе, а также благодаря своему внешнему виду, без вычурности и помпезности.

Характер и стиль взаимоотношений между отцом и матерью сказываются на атмосфере всего дома. Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас (Еф. 4, 31-32).

Бывает, православная мамочка как будто не прочь заниматься детьми и домом, но из-за отсутствия времени отодвигает свои прямые обязанности на второй план («надо духовно просвещаться, — думает она, — а это все 'мирское' — подождет»).

А ведь насыщенное, богоугодное и интересное домашнее общение еще поколение-другое назад составляло основу семейной культуры и самообразова-

ния, несло с собой тихий свет детства и на всю жизнь закрепляло взаимную привязанность родителей и детей. Наши дети живут в потрясающей душевной скудости и однообразии. Теперешняя мамочка имеет в своем распоряжении целый арсенал бытовых удобств: стиральную машину-автомат; универсам, заваленный полуфабрикатами, смеси, бутылки, коляски, памперсы и прочее, и при этом жалуется на отсутствие свободного времени. В ванной громоздятся горы белья, кухня завалена невымытой посудой, с детьми не найти пару часов погулять! ,

Но если пренебрегать повседневными заботами и попечением о семье и детях или хотя бы не привыкнуть делать изрядную долю дел «на автомате», жизнь домохозяйки (даже не многодетной) может стать настоящим кошмаром.

Сказанное в полной мере касается и мужчин, прежде всего занятых пресловутым «зарабатыванием денег» и мало времени уделяющих семье.

О возрождении семьи сегодня говорят часто. Однако задача эта чрезвычайно глубока и объемна. Двоим нужно не просто «воцерковиться», а создавать православную семью. — «домашнюю церковь». Конечно, взрослый человек часто утрачивает детскую доверчивость и простоту отношений с окружающими его людьми, но все мы, родители, можем помочь нашим детям через всю жизнь пронести и сохранить лучшие чувства: доброту, честность, отзывчивость, любовь, милосердие. «От нас, от нашего образа жизни и личного примера зависит; насколько убедительными будут все наши доводы и педагогические усилия. Мы призваны всегда помнить о нашем долге перед детьми, который заключается прежде всего в действенной заботе об их воспитании и образовании; о формировании их детских, открытых к восприятию душ» сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в одном из своих выступлений. «Ничто не мешает человеку исполнять важнейшие христианские обязанности, совершать дела благочестия, веровать, молиться, приносить покаяние, приобретать добродетели смирения и чистоты, быть милосердным, не превозноситься, читать Слово Божие, участвовать в святых Таинствах, воспитывать детей — словом, быть истинным христианином! Нет должности и работы в обществе, которая поглощала бы все время жизни. Вспомните: древние христиане, находясь и в римском языческом войске, и при дворе языческих царей, умели быть верными исполнителями христианского долга. И не было от первых христианских времен таких забот семейных, которые не позволяли бы доброму семьянину быть вместе с тем и настоящим христианином.

Время для приготовления к вечной жизни должно быть и у нас; и оно есть при всех обстоятельствах земной жизни христианина. Всеу свое время, и всякой вещи под небом (Еккл. 3, 1). Да испытывает каждый из нас в глубине своей совести: много ли времени посвящал он Господу Богу, семье, детям? Может ли сказать каждый из нас, что он готов непостыдно предстать душою перед Лицом Всевидящего Судии мира? Такое самоиспытание покажет, от чего нам нужно

уклоняться и бегать, к чему стремиться и чего искать, что исправить и улучшить в своей жизни на будущее время. Смерть не должна застать нас не готовыми к Суду Божию.

Никогда нельзя забывать, что единое благо наше есть Сам Господь Иисус Христос, а единственный путь к истинному, вечному и нескончаемому блаженству со Христом есть путь христианской жизни.

Ищите прежде Царствия Божия и правды, Его (Мф. 6, 33). Царство Божие, которое вселяется в сердце истинного христианина, — это праведная жизнь, согласная с Законом Божиим; это мир, покой совести человеческой, какой может дать человеку только Господь; это тихая радость о том, что мы знаем своего Господа, веруем в Него, идем за Ним, носим Его в себе, что мы — чада Божии, наследники вечного Небесного Царства; это — награда тому, кто живет со Христом и во Христе.

И для того, чтобы Царство Божие сошло в на-ше грешное сердце, для того, чтобы это сердце стало жить со Христом и во Христе, нужно прежде всего этого захотеть. Без желания жить свято никто не спасался. «Стяжите Дух Свят и возле вас спасутся тысячи», — говорил наш соотечественник святой прп. Серафим Саровский.

Но для того чтобы приобрести Царство Божие, надо к желанию жить со Христом и к знанию воли Божией приложить и самопринуждение, надо непременно понуждать себя исполнять Божий Закон. Сказано: Царство Божие нудится (т.е. берется трудом). Но по нашей лености и слабости, жалея себя, мы часто оставляем попечение и заботу о спасении собственной души и не помогаем в этом даже близким, окружающим нас людям.

Если-бы мы делали добро только тогда, когда будет к этому желание, разве не проходили бы для вечности бесплодно многие годы нашей жизни? Если бы мы для молитвы ждали вдохновения и для покаяния ждали настроения, не засохло ли бы вконец сердце в ожидании этой, минуты? Ведь наша внутренняя природа испорчена, и мы всегда охотнее слушаем и думаем о худом, чем о хорошем; и на доброе нас меньше хватает, чем на худое. Понудим же себя!

Множество людей, отозвавшись на зов Христа, пошли за Ним и идут, находя мир и покои в душе, и ту радость, которую не могут отнять никакие скорби и испытания земной жизни человеческой.

Следующий за Господом Иисусом Христом трудится над тем, чтобы иметь чистоту помыслов, чистоту души, хранить и беречь чистоту тела. Он живет любовью к ближним, он спешит в своей короткой земной жизни сделать людям возможно больше добра, всегда помня слова Христовы: Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне (Мф. 25, 40).

Каждый из нас, родителей, призван исполнять свой долг и свои обязанности перед семьей и детьми. Земная жизнь — это крестоношение для каждого христианина. Разве это не так? Ведь крест — это наши немощи и болезни нашего тела;

это дух наш с его самолюбием, с его гордостью, жадной мирских сокровищ и земных наслаждений; это наши земные обязанности...; это и домашняя жизнь, ибо в ней, наряду с радостями и утешениями, бывает немало и горького, скорбного, неприятного; это наши недостатки, наши нужды, бесчисленные виды наших человеческих скорбей.

Хорошие дети — радость и утешение для родителей. Но в семье, бывает, живут и родители родителей и другие родственники, которые не всегда разделяют их взгляды на жизнь и воспитание детей. Поэтому папе или маме не всегда позволительно дистанцироваться от семьи и семейных обязанностей, уходить в «духовное подполье», хотя бы и ненамеренно. Бремя земной жизни возложено на каждого из нас, и это бремя необходимо нести каждому христианину. Часто слова «бремя» и «иго» вызывают у человека представление о чем-то тяжелом, подавляющем нас, подрывающем наши силы. Не надо пугаться этих слов, поскольку Сам Господь говорит: Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 30). Иго, под которое зовет нас Господь, — иго благое, потому что приносит нам подлинное, вечное счастье; оно дает мир и покой многомятежной человеческой душе. «Возьмите иго Мое на себя, научитесь от Меня, и найдете покой душам вашим», — говорит Спаситель в Евангелии от ап. Матфея.

Супруги-христиане должны быть готовы, не-смотря на все трудности, строить христианские семьи, помня, что на каждого ребенка Бог посылает помощь по вере родителей. Труден подвиг спасения души, но он облегчается помощью Божией и нашим усердием, по силе которого, неослабно работая, мы постепенно достигнем успеха.

Семья не может являться препятствием для спасения души, если рассматривать ее как Церковь. Домашнюю церковь создают двое — любящие друг друга мужчина и женщина, соединенные, в браке и стремящиеся ко Христу. Некоторые молодые люди и девушки, не имея ясно осознанного представления о православной семье, о ее значении для духовной жизни строят свои отношения на основах, недопустимых для христианина. Они воспринимают нравы и обычаи окружающего нас безбожного мира как норму жизни.

#### О духовности и духовном образовании

На сегодня, слава Богу, в церковных книжных лавках достаточно литературы как духовной, так и православно-педагогической (последняя еще не прошла должной апробации и не может быть названа безусловной, совершенной, не подлежащей никакой критической оценке). Конечно, учебник протоиерея Серафима Слободского для школы и семьи, называемый «Закон Божий», является и на сегодняшний день лучшим православным пособием. Кто не знаком с ним — рекомендуем.

Проблема же духовно-нравственного воспитания наших детей (да и самих родителей, а в целом, всего народа) стоит с такой остротой, что общество, натываясь на нее, кровоточит и вопиет. Народ не способен противостоять тотальному

насилию, проституции и наркомании. Уголовный и коррумпированный мир 'загнал совестливого и честного человека в зону с колючей проволокой, через которую пропущено ошеломляющей силы электричество. Но в этой «зоне» есть спасительные островки, где люди преодолевают со смирением все трудности земной жизни и спасают свои души. Такими немалочисленными островками являются православные храмы, украшающие лицо когда-то Святой Руси. Почему — когда-то? Да потому, что сегодня святая православная вера наших святых предков: Александра Невского, Димитрия Донского, Серафима Саровского, Сергия, игумена Радонежского, и других — С особой силой «размывается» врагом спасения рода человеческого — дьяволом, который старается посеять в души людей, коснеющих в грехах и во всяком религиозном невежестве, ядовитые стрелы безбожия и вседозволенности.

Трудно, очень трудно неориентированному в духовно-религиозной сфере человеку совершать правильные, нравственные поступки. Часто можно слышать: религия—частное, личное дело каждого. По конституции это так, а по жизни — иначе.

Вероятно, дорогие читатели, многие из вас видели, как искусные птицеловы, посредством разного рода приманок, ловят в западню или силочку намеченную ими жертву, чтобы, заперев ее в клетку, лишит свободы... Многие люди, подобно неразумным птицам, увлекаясь лстивыми и коварными речами врагов веры и жизни христианской: и теряя через это не только свободу, но и жизнь душевную, часто попадают в силки.

Надо быть предельно внимательным к тому, что говорится и творится вокруг. Уйма всякого рода сетей расставлена вокруг врагами человеческого спасения, — особенно необходимо предостерегать простодушных, не умеющих распознать в сладких речах богопротивников смертельного яда сектантства и всякого рода безбожия.

Сейчас очень много дискутируют по поводу необходимости религиозного образования в светских школах. Предлагаются различные формы и методы преподавания. Существуют уже целые программы (проекты) по религиозному ликбезу. Только вот трудно остановиться на чем-то конкретном, потому как не знаем, чего мы хотим: преподавать ли «Основы православной культуры», а может, «Историю мировых религий» — кто его знает? Вот так, путаясь, сами, запутали и народ свой. Если, по конституции, религия — частное дело каждой семьи (каждого человека в обществе), то, спрашивается, зачем нужно вступать в личную жизнь каждого члена общества? Предоставим возможность безбожникам свободно растлевать души подрастающего поколения, а верующим — охранять?

*«Запутались, запутались,*

*Каких держаться схем?*

*Ну, а когда задумались*

*Запутались совсем», —*

---

*сказал некий наблюдатель.*

Неужели только одна Церковь должна заботиться о духовно-нравственном состоянии общества? А государство? Если оно будет культивировать через различные потоки СМИ безбожие, то мы получим в целом ту мораль, какую имеем сегодня. Провозглашая свободу и независимость от Творца, оно (государство) упраздняет тем самым Его Закон; и предлагает жить человеку по законам своим собственным, придуманным им самим, существом грешным и несовершенным. И чем дальше сами законодатели отстоят от Истины (от Бога), тем несовершеннее становятся их законы. Хватая себя за волосы, тонущий человек не способен сам выбраться из омута, в который он попал. Следовательно, трудно согласиться, что вера в Бога — личное дело каждого члена общества. Наши предки, собиравшие по крохам нашу Родину, организовали ее в единое мощное Православное государство (где находилось место и другим нациям и народностям) — Святую Русь, титульность и статус которой признавали все малые народы громадной державы.

Если Церковь зовет общество к Богу, к Вечности, — спасению души, то со стороны государства не совсем корректно утверждать (проповедовать) иные ценности и устанавливать такие ориентиры, которые приводят человека к смерти не только духовной, но и физической. На сегодняшний день по статистике громадное количество людей гибнет в авиа авткатастрофах, но количество самоубийств превышает и эту статистику. Как можно сократить количество «добровольцев», желающих покинуть жизнь? Да никак,! Потому что внушается безбожная мысль о принадлежности человека только самому себе, а не Творцу, Который и дал ему дыхание жизни. А если не признается Бог (Творец), то нет и греха, потому что я сам себе судья - хочу сужу, хочу оправдываю; для православного же христианина самоубийство - страшный грех. Морально-нравственные ориентиры, не ведущие к Богу, напоминают постройку, основанную на песке: подул ветер, прошел дождь, и она развалилась. Развалилась великая держава, растлеваются души, размывается всякими вредоносными идеями и программами Православие, которое для России является единственным оплотом, на котором стояла, стоит и стоять будет Великая Русь!

«Религия-частное дело каждого» - лукавые слова. Разве религия имеет приложение только к личной жизни, и ей нет никакого дела до жизни общественной? Исповедовать религию в частной жизни и отстранять ее в жизни общественной - безумное противоречие, прямое безмыслие. Назначение человеческого общества, цель, к которой оно стремится, - достижение земного благополучия, земного счастья, которое достигается заботливым охранением свободы, неприкосновенности личности, жизни, чести и имущества каждого члена общества; достигается оно взаимною любовью и единодушием граждан, нелицеприятным правосудием и прочим. Но возможно ли достигнуть всего этого там, где нет религии? Нет!

Фразой «Религия — личное, частное дело» лицемерные враги всякой веры

прикрывают обыкновенно такой Смысл: «Всякий Имеет право свободно и невозбранно исповедовать свою рели-гию»... Против этого можно было бы и не возра-жать; тут есть доля правды, но только доля. В сущности эти слова являются для врагов рели-гии овечьей «шкуркой» для прикрытия их волчь-ей природы, для более удобного оболъщения и обмана бесхитростных людей. От такого рода людей Господь предостерегает в Евангелии: И многие лжепророки восстанут, и прельстят многих (Мф. 24, 11). Такие люди не признают никакой религии; их вера такая же, как и у того, кого псалмопевец Давид назвал безумцем: Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога» (Пс. 13, 1). Они говорят простецу: «Религия — личное дело каждого, мы не касаемся ничьих верований». Страшная опасность заключена в этой фразе. Если признавать безразличным, исповедует человек религию или нет, то, значит, религия есть что-то неважное, излишнее и бесполезное, зачем же тогда ломать голову над проблемой необходимости преподавания «Истории мировых религий» или «Основ православной культуры»?

Даже известный противник христианства Вольтер сказал однажды: «Если бы свет управлялся безбожником, то это было бы все равно, как если бы он был отдан во власть исчадий ада». Верно сказано. Как только человек перестает признавать Бога и повиноваться Ему, он перестает быть человеком, превращаясь в безвольное орудие пагубных, ничем не сдерживаемых страстей и пороков. Как только человек начинает отвергать власть Божию и отрицать Его заповеди, он полагает для себя возможным творить все, что в его власти, вплоть до беззакония.

Последствия такого взгляда на жизнь могут быть (и есть) непредсказуемы как для семьи, так и для общества в целом. Будут ли, например, неверующие супруги хранить верность друг другу? Будут ли они добросовестно исполнять родительские обязанности, и что выйдет из их детей? Не-верующие родители — горе и несчастье целого потомства.

Нынче проповедуется много различных учений, по наружности вроде бы и безвредных, но ведущих не по Христову пути, а в обратную сторону от Него. Таких путей и их «гидов» избегайте и крепко держитесь нашей православной веры, которую наш народ принял более тысячи лет назад.

И пока Министерство образования решает вопрос, преподавать ли в школах «Историю мировых религий» или «Основы православной культуры» (ОПК), или дать зеленый свет программе «Истоки», или что-то там еще, что делает человека более образованным «головастиком», — морально-нравственное состояние подрастающего поколения (как и предыдущих распинателей Христа в России) не только не повышается, но и падает с устрашающим ускорением.

Интересное положение заняла Россия после семнадцатого года прошлого столетия: она на глазах у всего мира стала распинать Христа, превращая Его в мифическую личность, а затем и прятать Его от последующих поколений.

Не разрешая прямо ввести для преподавания в школе (ВУЗе) «Закон Божий» (скажем, на факультативной основе), власть сегодня предлагает уже новому под-

растающему человеку какой-то «винегрет сомнительного качества» из разных религий, верований и ложных учений. Зачем? Да затем, чтобы опять спрятать от человека Истину, закрыть Свет и заставить его блуждать во тьме, ска-зав измученному от поиска человеку: «Дай твою руку, я выведу тебя на дорогу к “светлому будущему”, без всякого там Христа, через прогресс науки и культуры, — к “свободе, равенству и братству”». Этот величайший транспарант лжи и обмана и сегодня полощется над головами несчастных людей, отвергнувших Бога.

Зачем же ты, Россия (слава Богу, не вся) до сих пор находишься под лозунгами отца лжи, имя которому — диавол? Даже некоторые из православных и сегодня не поддерживают инициативу преподавания не только Закона Божия, но даже «ОПК» (Основы православной культуры) и «Истории мировых религий», ссылаясь на то, что, мол, несвоевременно: нет квалифицированных преподавателей, да и родители не очень желают, чтобы их дети «ударялись в религию».

Вера в Бога заставляет человека быть ответственным за свои поступки, а многие папы и мамы не хотят обременять себя ответственностью за воспитание своих детей, поэтому и говорят: без Бога жить проще. Повторяем, Закон Божий, пусть факультативно, должен преподаваться в светских школах. И преподавать его должны только священнослужители, но их туда не пускают.

Правда, в школах различных регионов России уже преподают (внедряют) разные предметы и программы, связанные с религиозной безграмотностью учащихся. В этой брошюре мы постараемся для интересующихся сделать небольшой обзор православно-педагогической литературы, но сначала зададим себе вопрос: для чего нужно изучать религиозную культуру? Истории не известны народы, которые бы не имели никаких религиозных представлений.

Именно религия обеспечила человечество основами морали и правовых отношений. Она же и формировала эстетические и нравственные идеалы, становилась источником вдохновения при создании шедевров мирового искусства. Религиозные учения активно влияли на ход истории и взаимоотношений между людьми, народами и государствами. Без рассмотрения религиозных истоков отдельных государств невозможно ориентироваться в исторических и культурных традициях оных. Лучшие творения русской и западноевропейской живописи, архитектуры, скульптуры, поэзии посвящены сюжетам из Библии.

Изучение религиозной культуры помогает нам более полно и точнее постигать школьные дисциплины: историю, литературу; мировое художественное творчество. Оно же (изучение) помогает уважать традиции и религиозные верования других народов многонационального и многокон-фессионального государства, каковым является Россия.

Есть еще одно обстоятельство, которое обращает наше внимание на необходимость изучения ‘религиозной культуры, — это распространившиеся ложные представления об истинной духовной жизни, способствующие распространению оккультизма, магии, даже сатанизма; погружившиеся в них рискуют подвер-

гнуться насилию, всякого рода эксплуатации и психическим расстройствам.

Мы не склонны рассматривать школу и школьное образование как конвейер по производству компьютеров с обширными образовательными программами. Нет! Школа — это место, где еще и воспитывают Человека. А для воспитания совестливой, духовно-нравственной личности необходимы не только знания по истории мировых религий или основ православной культуры, но и религиозное воспитание, которое в настоящее время дается на откуп либо семье (а если она безбожная?), либо религиозным учебным заведениям (это и хорошо) и — хуже всего — деструктивным сектам, «духовным» центрам, которые обещают дать «специальные» знания, тайные и никому не доступные, кроме «избранных».

И вот, хоть какие-то, но правильно сформированные школьные понятия о существовании религии в исторических и культурных аналогах развития мировой цивилизации будут напоминать детям о существовании Бога, премудро сотворившего небо и землю, человека и всякую тварь, имеющую дыхание жизни, и помогут обратиться ко Святой, Единосущной, Животворящей и Нераздельной Троице!

Грозовский В. О православном воспитании и книгах. — СПб., 2007. — С. 11 — 29.

*Приложение 7*

### **Слово Святейшего Патриарха Кирилла на расширенном заседании президиума российской академии образования**

**11 ноября 2010 г.**

Уважаемый Николай Дмитриевич, все высокое собрание! Я хотел бы сердечно поблагодарить вас за возможность встретиться с Президиумом Академии образования и еще раз увидеть молодых людей, пообщаться со всеми, кто пришел сегодня в эти стены. Я хотел бы, памятуя о том, что следующий год объявлен Годом учителя, сказать, что служение учителя, подвиг учителя — это особое служение и совершенно особый подвиг.

Мне приходилось говорить о том, что мудрость — это, в том числе, способность человека усваивать опыт предыдущих поколений. Все, что мы имеем, перешло к нам от тех, кто был до нас. Однако человек, живущий в реальном мире, сфокусирован на те проблемы, которые стоят перед ним. Ему кажется, что происходящее с ним в данный момент и находится в центре мироздания, потому что другой точки отсчета у человека и не существует, он смотрит на мир через себя. Поэтому происходящее с ним в данный момент и данное время является для него самым важным. Стало быть, для того чтобы защитить тезис, что мудрость есть способность принимать во внимание опыт других, в том числе опыт предыдущих поколений, требуется некое, пусть несложное, доказательство.

Когда мы открываем учебник, мы не отдаем себе отчета в том, что текст, который лежит перед нами, нам не принадлежит и не принадлежит даже нашему

поколению. Этот текст пришел из прошлого. Даже самые современные научные теории и гипотезы, изложенные в учебнике, принадлежат прошлому. Иногда мы говорим, что сделанное тем или иным ученым — бессмертно, это классика, и эту классику изучают в институтах, университетах и школах. Мы с легкостью и доверием воспринимаем то, что предлагает нам учебник. Есть некий авторитет, некая традиция, инерция, если хотите — по чему же еще учиться, как не по книгам и учебникам?

Но нам, особенно молодым, гораздо сложнее применить тот же самый — ис-полненный доверия и готовности внимать, слушать, запоминать — подход к совету собственных родителей. Например, мама говорит дочери, что так поступать плохо, но у мамы не хватает аргументов: или она не может сформулировать эти аргументы, или ей просто времени не хватает. Но мать говорит от своего опыта. Она прожила жизнь или часть жизни, знает, что тот или иной поступок непременно приведет к катастрофе, разочарованию, боли, скорби. Если она сама этого не пережила, это пережили ее подруги, родственники, знакомые. Мать знает, что говорит. Но часто дочка отмахивается, а потом, общаясь со сверстниками, говорит, что “предки надоели”. Мудрость — это способность усваивать опыт других. Мы усваиваем опыт других, читая учебники, но часто отказываемся усваивать опыт, когда слышим живое слово.

То, что я рассказал на примере матери и дочери, можно распространить и на школу. Педагог — это человек, который делится или должен делиться с учениками собственным опытом жизни. Я говорю это к тому, чтобы сформулировать самое важное, о чем следует сказать отношении образования: школа есть не “только место передачи знаний, это место воспитания личности. Так было всегда. Если мы отказываемся от того, что школа является механизмом, инструментом воспитания человека, то мы обрекаем общество на очень неясное существование в будущем.

Конечно, существуют и другие воспитательные системы. Это семья, которая! Сегодня все больше и больше разрушается и теряет воспитательную функцию. Это Церковь, которая всеми силами пытается восстановить эту воспитательную функцию и воспитательное служение в общественной жизни, — не без трудностей, как мы все хорошо знаем. Если бы семья, школа и Церковь работали сообща, если бы был высокий уровень координации действий, то на выходе, как говорят инженеры, мы имели бы совсем другой сигнал. У нас было бы совсем другое качество жизни и другое общество.

Говоря о мудрости, я хотел бы отметить, что это еще и способность правильно расставлять жизненные приоритеты. Об этом тоже хотелось бы поговорить поподробнее. От того, как мы расставляем жизненные приоритеты, зависит наше жизненное благополучие, наше счастье. Человек, избравший неправильный путь в жизни, никогда не будет чувствовать себя счастливым — всегда что-то будет ограничивать и разрушать целостность его жизни и бытия. Поэтому выбор жиз-

ненного пути — это очень важный жизненный выбор, и здесь тоже не обойтись без мудрости.

Приведу пример, о котором я недавно услышал от человека, сославшегося на публикацию в газетах. Один молодой человек выхватил у девушки в вагоне метро мобильный телефон в тот самый момент, когда поезд выходил из туннеля и подходил к платформе. Он очень умело открыл дверь вагона, хотя это сделать непросто, и выпрыгнул из него в надежде, что окажется на платформе и убежит до того, как поезд остановится, и люди выйдут из вагона. Но он промахнулся и погиб. Сколько этому преступнику нужно было усилий, чтобы совершить подобное деяние! Ведь нужна определенная стратегия, нужно обо всем подумать, нужно подготовиться и быть физически способным совершить такой поступок. За всем этим действительно стоит серьезная подготовка. Но даже если бы он убежал с этим мобильным телефоном в руках — что такое цена мобильного телефона? Разве она соответствует цене человеческой жизни? Разве цена мобильного телефона адекватна тем усилиям, которые этот молодой человек затратил, готовя себя к подобным поступкам? Конечно же, нет. Если бы эту концентрацию воли, силы, умения, знаний, внутренней энергии он направил на то, чтобы получить хорошую специальность, то он зарабатывал бы гораздо больше, чем те деньги, которые можно выручить от продажи краденых мобильных телефонов. Но почему же он не сделал этого? Почему, наверняка чувствуя в себе силы, он не пошел по такому пути? А потому, что у него не было жизненных приоритетов, не было понимания того, куда и как следует направить собственные силы. Этот пример разбившегося вора стал для меня неким символом. Это символ неудачника, но не такого неудачника, который стал им по объективным обстоятельствам (допустим, получил травму или родился инвалидом — много может быть внешних обстоятельств, которые делают человека объективно неспособным достигать цели). Однако этот молодой человек — неудачник по своей воле. Он сам расставил такие приоритеты в жизни и сам выбрал этот путь. Так не может поступить мудрый человек.

Когда мы говорим о мудрости, то нужно говорить о способности человека к системному подходу к жизни. Эта мысль меня очень занимает. Приходится много встречаться с людьми образованными, с прекрасными специалистами, которые многое знают. Общаясь с ними, часто поражаешься, как они тонко и хорошо разбираются во многих важных деталях, будь то детали технические или гуманитарные. Мне приходилось встречаться, в том числе, с историками, которые замечательно знают историю и точно скажут, какое событие в каком году произошло. Но когда начинаешь говорить с этими людьми об историческом процессе, о связи настоящего с прошлым, то вдруг ловишь себя на мысли, что человек, прекрасно владеющий инструментарием, не способен при этом к системному мышлению. Системы нет! Есть знание частных деталей, но нет знания общего”.

Я думаю, очень многие наши беды, в том числе социальные и политические трагедии, революции, гражданские войны, неудачные реформы — это постоянное повторение одних и тех же ошибок. Удивительно, но, как принято теперь говорить, наступаем на одни и те же грабли. Хотел бы привести всем нам хорошо известный пример с реформами 1990-х гг. Совершенно очевидно, что надо было реформировать экономику и политическую систему. У здания текла крыша. И для того чтобы крышу отремонтировать, надо было снять старую крышу и поставить новую. Но почему-то решили, что для того чтобы отремонтировать крышу, надо разобрать стены; а кто-то еще призывал и фундамент взорвать. Ума хватило не взрывать фундамент, а вот стены наполовину разрушили. А разве нельзя было крышу отремонтировать, не разбирая стены? Ведь нечто подобное происходило и в прошлом. Были на памяти реформы, следовавшие за 1917 годом; наверное, были на памяти и реформы Петра I — ведь есть огромный материал для того, чтобы просто подумать, что можно делать, а чего делать нельзя.

Отсутствие системного мышления, неспособность видеть в целом — эта проблема имеет отношение не только к истории, социологии, политике, но и к философии, к философии жизни. Кстати, системный подход присутствовал во многих древних культурах. Люди пытались увидеть смысл в мироздании. Выйдите на улицу и спросите: кто, взирая на звездное небо, задумывается о смысле мироздания? Мало найдется людей, которые вообще смотрят на звездное небо, потому, что так много смотрят на экран компьютера, что уже не до звездного неба. Смысл бытия уходит. Системного подхода не остается. Мир оценивается по фрагментам, формируется фрагментарное восприятие мира, а в связи с продолжающимся процессом узкой специализации человечества эта фрагментарность и воспринимается все больше и больше как кадр величиной во всю жизнь — а на самом деле это фрагмент. Нельзя не задумываться о цели и смысле бытия. Нельзя не задумываться о том, что такое гармония жизни. И вот здесь, мне кажется, важно понять следующее — не может быть никакого системного восприятия истории, никакого системного восприятия бытия, если мы не нащупаем и некую скрепу, некую колонну, некую поддерживающую силу, которая и помогает ощутить и понять эту целостность.

Позвольте вам сказать, что представляется мне такой скрепой. Во-первых, зададимся вопросом; а что может ею быть? Мир так разнообразен, так разнообразны люди, культуры, религии, философские взгляды, убеждения, мода... Где же здесь найти скрепу? Где найти фундаментальную ценность, которая помогла бы человеку выстраивать систему? Такая фундаментальная ценность и такая скрепа может быть только внутри человека. Она не может быть где-то вовне. Так устроен человек — это должно быть частью его бытия, причем такой, которая была бы присуща человеческой природе, а не конкретной человеческой личности. Ведь если нечто присуще мне, но не присуще другому человеку, то

это уже не объединяющее начало, это не скрепа, не фундамент. И единственной скрепляющей силой, формирующей целостное сознание человека, целостное восприятие мира, истории, бытия, является нравственность.

Вернемся снова к истории. Даже историки, отрицающие объективность нравственного начала, дают те или иные оценки исторических событий на основании нравственного критерия. Представьте себе, как можно было бы вообще комментировать историю, если бы не существовало нравственного критерия? Мы же говорим: “эпоха страшная, жестокая”, и, в первую очередь, используем нравственный критерий, причем чаще всего именно этот критерий является решающим. И когда нам говорят: “Это жестокость, это насилие, это издевательство над человеческой личностью оправдывалось достижением великих целей”, то мы, в большинстве, не принимаем такой логики. На этом и основывается осуждение репрессивных режимов. Каждый такой режим использовал репрессии для достижения конкретных целей — не для личного обогащения диктатора, чаще всего не только для укрепления его личной власти, но для достижения конкретных идеологических, политических целей. Но историки в большинстве случаев говорят: “Это преступные режимы”, оперируя нравственной категорией.

В том же ключе можно говорить и о мироздании. Для кого-то мир — это случайное стечение обстоятельств: случайным образом атомы кислорода и водорода соединились, под влиянием определенных физических условий возникла вода, затем появились аминокислоты, и, в конце концов, появились мы с вами. Это одно видение мира и человека, и я не вступаю сейчас в полемику с таким видением. Но я хочу лишь сказать, что не может быть по-настоящему системного подхода, если мы не будем иметь основной и решающей скрепы для формирования этого подхода, и такой скрепой является нравственность. А вот нравственность произвести от случая очень тяжело. Не хочу, чтобы мои слова воспринимались как апологетика религиозного взгляда, хотя иногда я как священник, как Патриарх сказать не могу; но я хочу только отметить, что этот взгляд является очень важным для формирования целостного взгляда человека на мир, на бытие, на прошлое, настоящее и будущее.

Мне кажется, что без формирования нравственного начала в современном человеке не может существовать никакого ) образовательного процесса. Сегодня так развиты средства связи, средства коммуникации, что учиться можно и без учителя. Многие люди так и делают — садятся за компьютер и получают доступ практически ко всем источникам информации. Но ведь мы не ставим под сомнение необходимость учителя. Далее в наш коммуникационный век мы говорим, что нужен учитель. А зачем он нужен? В чем уникальность учителя? Само понятие “учитель” предполагает: это человек, передающий мудрость, знания, опыт предыдущих поколений.

Сегодня, как, может быть, никогда, нравственное измерение подвига учителя, служения учителя, является очевидным и категорически необходимым. Если

мы откажемся от воспитательного значения школы — я имею в виду не только среднюю, но и высшую школу — то мы очень скоро придем к выводу о ненужности педагогической деятельности. Может быть, для какого-то возраста и нужен еще педагог — когда человек еще неспособен нажимать кнопки на клавиатуре компьютера — но с каждым годом этот возраст будет снижаться. Уже сейчас детишки в детском саду умеют играть в компьютерные игры, все может очень быстро развиваться, и тогда возникнет вопрос: а зачем кто-то еще? Дайте методические указания, и дальше все пойдет без всякого учителя... Но педагог нужен именно потому, что его присутствие предполагает живой контакт одного человека, носителя опыта и мудрости, с другим человеком, у которого нет этого опыта и этой мудрости. И здесь, конечно, огромную роль играет личность педагога, нравственные требования к нему самому.

Я вспоминаю свои школьные годы. Личность педагога оказывает огромное воспитательное влияние на ребенка. Мы знали, кто с душой преподает, а кто нет; кто себя отдает, а кто нет. Был у нас замечательный преподаватель математики, хороший специалист. Приходил, умно, хорошо говорил и уходил. Вот он и остался в памяти как “машина”. А были люди, о которых вспоминаешь и на старости лет, которые рассказывали о литературных героях, о географии, об истории, и в этих рассказах было нравственное, очень важное, измерение. А если пример педагогов накладывался еще и на пример родителей, если то, что говорили в школе, соответствовало тому, что говорили дома, то дети воспитывались в замечательной атмосфере целостного воспитательного процесса, который формировал сознание, душу людей в совершенно конкретной системе нравственных координат.

Теперь я хотел бы сказать об этих, нравственных координатах. Для того чтобы воспитывать, действительно должен быть нравственный консенсус в обществе. Его основанием служит то, что нравственное начало есть в каждом из нас, что существует отчетливое понимание того, что есть добро и зло. Но опасность переживаемого момента заключается именно в том, что это ясное, классическое понимание того, что есть добро и зло, сегодня размывается так называемым подходом цивилизации постмодерна. Мне приходилось много об этом говорить, и я, наверное, буду об этом говорить до тех пор, пока не почувствую, как что-то меняется в лучшую сторону.

Но нельзя ставить на одну доску добро и зло. Нельзя ставить на одну доску объективную истину и то, как некоторые люди эту истину интерпретируют. Мы тогда погубим самое важное, что существовало на протяжении человеческой истории, — систему координат. Человек запутается, он будет смешивать добро со злом. А если границы между добром и злом стираются, то скрепа, формирующая целостный, системный подход человека к миру, разрушается, и мы станем легкой добычей тех сил, которые будут с удовольствием манипулировать нашим сознанием во имя экономических или идеологических целей. Поэтому

сегодня борьба за нравственное начало имеет совершенно конкретные точки приложения в общественной, политической, социальной жизни, в области средств массовой информации и т.д.

Я бы хотел сказать несколько слов и на злободневную тему преподавания основ религиозной культуры и светской этики в школах. Я думаю, что дискуссия, продолжавшаяся в нашем обществе на протяжении практически пятнадцати лет, в каком-то смысле завершилась, и решения, которые принял наш президент, впитали в себя все те подходы, которые были в этой дискуссии высказаны. Но единственная, может быть, слабость этой дискуссии заключается в том, что она проходила очень конфликтно, очень конфронтационно. Наверное, иначе и быть не могло в условиях сложных реформационных процессов, которые шли в нашем обществе, в условиях социальной, экономической и политической борьбы. Во многом эта конфронтационность, конечно, мешала достижению разумного согласия между всеми, кто выражал ту или иную точку зрения. Но ведь каждая из этих точек зрения была разумной — и тех, кто отстаивал право людей изучать собственную религиозную культуру и тех, кто предлагал изучать религиоведение, и тех, кто предлагал изучать светскую этику. Таких, кстати, было меньше всего, и вообще-то право преподавать светскую этику отстаивала Православная Церковь. Это мы первыми стали говорить о необходимости преподавать не только религиозную культуру, но и светскую этику, потому что есть семьи, и таких немало, которые в своей жизни не готовы опираться на религиозную аргументацию, и для них не может быть убедительным религиозный аргумент, в том числе в этической сфере. Понимая это, Церковь говорила о необходимости работать и с такого рода молодежью, говорила о необходимости создания учебника по светской этике. |

Я думаю, что решение президента как раз объединило эти три подхода и положило в основу самый правильный принцип — принцип свободы выбора. Человек, который хочет изучать основы Православия и который именно в своей православной культуре хочет искать нравственную мотивацию собственных поступков, должен иметь такое право. Никто не вправе сказать: “Ты не должен, потому что своим выбором ты мешаешь кому-то другому”. Но и тот, кто не является православным, тоже должен иметь возможность изучать основы своей собственной религиозной культуры. А кто-то вообще хочет иметь отстраненный взгляд на религиозный феномен и изучать историю религий без всякого аксио-логического измерения, просто как научно-культурологический феномен. Если есть такие люди, почему же им не дать такую возможность? И, наконец, есть люди неверующие, не принадлежащие ни к одной религии, которые должны иметь возможность изучать основы светской этики. Это решение президента является очень мудрым: оно, во-первых, основано исключительно на принципе свободного выбора, что соответствует одному из важных измерений современной образовательной системы, и, с другой стороны, предоставляет широкие возможности.

За более чем пятнадцать лет, что прошли с введения практики преподавания, в частности, основ православной культуры в наших школах, уже многое сделано и во многих субъектах федерации уже сложилась достаточно продвинутая система. Важно то, что предложения президента не предполагают сокращения всей этой уже существующей системы — как в сфере преподавания основ православной культуры, так и в сфере преподавания основ исламской или иудейской культуры, которые так же, как известно, преподаются в наших школах в определенных регионах. Поэтому я полагаю, что период бурных обсуждений завершился и мы приступаем к важному этапу внедрения всех этих идей в образовательный процесс. Я очень надеюсь, что это внедрение будет честным, что в процессе внедрения не будет попыток откорректировать предложения президента в ту или иную сторону, что все будет проходить абсолютно прозрачно и ясно. Я думаю, что этот процесс должен идти под контролем общественности и должен, в конце концов, послужить консолидации нашего общества, повышению роли нравственного воспитания в наших учебных заведениях, формированию целостного мировоззрения, целостного восприятия жизни, системного подхода, о котором я сейчас только что сказал.

*Педагогика. – 2010. - №1. – С. 16 - 21*

*Приложение 8*

## **Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Международных Рождественских чтений**

Уважаемые члены президиума, Преосвященные архипастыри, досточтимые отцы, дорогие братья и сестры!

Сердечно рад приветствовать всех вас — друзей, коллег и соработников на ниве духовного просвещения, которые вновь собрались в этом зале для традиционного обсуждения насущных вопросов образования и воспитания.

Международные Рождественские образовательные чтения, организуемые Русской Православной Церковью на протяжении почти двух десятилетий, стали уникальной дискуссионной площадкой для заинтересованного обсуждения различных идей, подходов, оценок и методологий применительно к сферам народного образования, педагогической науки и практики, общественной морали и явлений современной культуры. На сегодняшний день это одно из наиболее значимых мероприятий, на котором подводятся итоги ушедшего года, выстраивается перспектива развития церковно-государственного и церковно-общественного взаимодействия в весьма сложной области, затрагивающей духовную и культурную жизнь современного человека. Настоящий форум призван служить объединению общественных сил в трудном деле духовного преображения Отечества, что невозможно без совершенствования всей системы воспитания и образования, без усилий по сбережению нашего народа, по сохранению и ук-

реплению его нравственного и физического здоровья, по созиданию атмосферы мира и согласия, по недопущению межнациональной и межрелигиозной вражды.

На Рождественских чтениях обмен опытом происходит отнюдь не только внутри замкнутого профессионального педагогического сообщества. Представители всех ветвей и уровней светской власти, общественных структур и движений, науки, искусства и деловых кругов благодаря этой важной церковно-общественной инициативе имеют возможность выразить на открытом гражданском форуме свою позицию по значимым для будущего страны вопросам, принять непосредственное участие в процессе взаимообогащающего обмена идеями, формулирования и совместной выработки адекватных и эффективных ответов на вызовы века сего, обращенные к нам и нашим детям. Убежден, что это полезно для всех участников этого продолжающегося диалога. Нынешний год в нашей стране пройдет, в частности, под знаком инициативы Президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева, поддержанной всеми традиционными религиозными общинами нашей страны. Я говорю о начинающемся с 2010 г. преподавании в средних образовательных учебных заведениях России Основ духовной культуры и светской этики.

Это принципиально важный шаг на пути долгожданного воссоединения образовательного и воспитательного процессов в контексте школьного обучения. Тем самым закладывается краеугольный камень в систему преемственной передачи подрастающим поколениям ключевых представлений о нашей национальной идентичности. В рамках школы процесс целенаправленного и ответственного формирования из сегодняшних школьников достойных граждан России приобретает качественно новый импульс.

Хотел бы от имени присутствующих здесь, а также огромного множества других людей, которых неспособен был бы вместить никакой зал, выразить особую признательность политическому руководству страны за проявленное понимание важности приобщения молодого поколения к основам нашей национальной духовно-нравственной и культурно-исторической традиции.

Неслучайно 2010 г. объявлен Годом учителя. Роль педагога, его нравственный и профессиональный авторитет имеет ключевое значение в деле формирования человеческой личности. Поэтому в систему подготовки современных преподавателей и воспитателей должно быть включено лучшее из нашего национального и мирового опыта и, не в последнюю очередь, нравственное измерение, созидающее целостную и этически ответственную личность.

Для всякого человека, равнодушного к проблеме моральной атмосферы в обществе, сегодня очевидно, что мы живем в эпоху, когда фундаментальные нравственные устои человеческого общежития оказались подвержены коррозии. Показателем этого становятся чудовищные преступления, регулярно происходящие в наше время и потрясающие общественное сознание. В качестве

знаковых событий этого ряда нужно упомянуть о произошедших на протяжении двух прошлых месяцев жестоких убийствах православных священников: иерея Даниила Сысоева и протоиерея Александра Филиппова.

Эти два преступления, не исчерпывая всей глубины проблемы, тем не менее, демонстрируют современный уровень нравственного состояния человеческих душ. В сознании слишком многих людей как бы “раздрася завеса”, отделяющая добро от зла, размываются сами представления о грехе и праведности, а норма жизни расходится с нормой веры. Очевидно, что в данном случае, имея дело с проблемой прогрессирующей нравственной деградации части общества, мы стоим не только перед задачей улучшения морального климата, но и перед вопросом национального выживания.

В этих условиях голос Церкви — не просто выражение ее оценки и позиции как массового и влиятельного института гражданского общества. Это тревожный набат, отсутствие реакции на который способно привести к самым печальным последствиям. Поэтому мы вправе рассчитывать на то, что с нашей серьезной озабоченностью солидаризируются все здоровые силы общества, что нас поддержат и с нами разделят наши труды все, кому дорого Отечество и его будущее.

В связи с этим следует сказать, что школьное образование призвано не только обеспечивать трансляцию научных знаний и представлений новым поколениям, но и формировать ценностные идеалы и ориентиры, утверждать в сознании и душах учеников базовые мировоззренческие понятия с учетом нашего исторического опыта и отечественной культурной традиции, складывавшейся на протяжении многих веков.

Быстро сменяющие друг друга технологии и постоянно обновляющаяся информационная повестка дня настолько побуждают современного человека пытаться предвосхищать ожидающие его события, что в этой погоне за грядущим днем в массовом сознании стало постепенно девальвироваться все связанное с прошлым, с памятью, с ощущением исторической преемственности поколений.

Массовая культура приучает человека поклоняться всякому новшеству, презрительно отвергая все то, что было новым и важным вчера. То, что еще недавно было весьма значимым, то, что воспринималось с почтением и благоговением, ради чего готовы были умереть, сегодня становится малозначительным и неважным. Молодой человек, столкнувшийся с явлением прошлого, превосходящим возможности его воображения, но так и не ставшим фактом его собственной духовной биографии, привычно говорит себе: “В крайнем случае, если понадобится, прочту об этом в Интернете”. В эпоху массового потребления значение исторической памяти обесценивается, ее пути с нашей индивидуальной памятью, с памятью нашего сердца все более расходятся. Знания о прошлом, не согретые личным отношением, становятся информационным шумом.

К сожалению, не только юное, но и зрелое поколение нередко забывает о том,

что мы никогда не поймем, куда нам идти дальше, пока не уясним, как мы здесь оказались. Социологические исследования показывают, что большинство наших сограждан имеет весьма приблизительное знание не только об отечественной истории, но и о своем собственном генеалогическом древе. Это знание обычно не простирается далее третьего поколения, т.е. своего деда и бабушки. На вопрос: “Составлялась ли в Вашей семье родословная?” — только 7% дали положительный ответ. На вопрос “В чем видите причины слабого знания истории своей семьи?” 38% сказали, что некому было рассказать об этом, а 48% утверждали, что этот вопрос для семьи был безразличен, к нему относились равнодушно.

Курс “Основы православной культуры”, наряду с другими историческими и культурными дисциплинами школьного учебного плана, призван объяснить молодым гражданам нашей страны, в чем ценность прошлого, как мы стали тем, чем мы стали, почему наша культура ценится во всем мире и почему напитавшая ее наша вера именуется православной.

Идея фундаментальности этого знания заложена в самом названии предмета — “Основы православной культуры”. Это курс о базисе нашей культуры и идентичности. Покойный Дмитрий Сергеевич Лихачев называл знание своей культуры и истории “нравственной оседлостью” человека. Без нее, как он полагал, не могут развиваться ни личность, ни народ, ни государство. “Нравственная оседлость” невозможна без осмысления своего прошлого, а значит, и реабилитации такой жизненно важной способности человека, как историческая память. Историческая память — это еще и прививка честности и смирения, главных человеческих добродетелей, ведь помнить приходится не только о взлетах, но и о своих падениях и ошибках.

Только так можно избежать лжепатриотизма и повторения исторических просчетов и мировоззренческих заблуждений. Развивая память, мы укрепляем совесть.

Память — это в том числе и проявление внимания к тому, что действительно заслуживает уважения и по отношению к чему необходимо постоянное бодрствование сознания. Сохранение информации о чем-то требует приложения усилий — написания книг и учебников, создания фотоальбомов, фильмов, сайтов, организации архивов, библиотек, музеев. Все это малые, а иногда и весьма значительные жертвы людей во имя сохранения памяти о том, что им дорого, что они любят. Поэтому когда мы учим и учимся помнить, мы воспитываем навык деятельной любви, мы возрастаем духовно.

В этом смысле значение введения школьную программу курса “Основы православной культуры и светской этики” значительно важнее, чем простое религиозное и культурное просвещение для того чтобы наше юношество снова научилось ценить и любить прошлое своей страны, интересоваться историей и традициями, необходимо объединять усилия государственных и общественных

институтов, Православной Церкви и других религиозных общин/Не секрет, что сегодня существуют влиятельные силы движимые идеологическими, коммерческими и политическими интересами, которым не по душе видеть нашу молодежь опаматовавшейся.

Неоднократно говорилось, что служение учителя — это особый подвиг. Господь наш Иисус Христос был Учителем в самом высоком смысле этого слова. Живое личное общение, простота и любовь были положены Им в основу взаимоотношений с учениками. Впоследствии это стало основой всего христианского воспитания и образования. В Год учителя от лица Русской Православной Церкви считаю своим долгом обратиться ко всем педагогам со словами признательности и благодарности за их нелегкий, но очень важный и благодатный труд. Учитывая многовековой опыт Церкви, для которой учительная деятельность всегда была одной из важнейших, хотел бы выразить готовность разделить этот опыт с теми, кто сегодня трудится в области подготовки педагогических кадров.

Как свидетельство успешного церковно-государственного сотрудничества в этой области можно привести пример Всероссийского конкурса “За нравственный подвиг учителя”, ежегодно проводимого Министерством образования и науки Российской Федерации совместно с Отделом религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, при поддержке аппарата Полномочного представителя Президента в Центральном федеральном округе. Участники конкурса — представители всех типов существующих в России учебных заведений: педагоги общеобразовательных, православных и музыкальных школ, домов детского творчества, гимназий и лицеев, школ с этнокультурным компонентом, а также преподаватели институтов повышения квалификации учителей и педагоги высшей школы.

Ценность работ, предоставляемых на конкурс, заключается в том, что в них содержится богатый опыт педагогической практики в области духовно-просветительского и гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи, приобщения подрастающего поколения к наследию мировой художественной культуры, отечественной истории.

Первоначально конкурс проводился только в одном Центральном федеральном округе, в 2007 г. в конкурсе участвовало уже четыре округа. С 2008 г. конкурс стал всероссийским и проводится в 2010 г. уже в 5-й раз.

Весьма актуально также слаженное сотрудничество Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви и епархиальных отделов с государственными образовательными структурами в условиях проводимого в настоящее время Министерством образования и науки Российской Федерации эксперимента по введению новой предметной области “Основы религиозных культур и светской этики”.

В этом общем делании на благо Отечества всем нам крайне важны добрая воля к взаимополезному сотрудничеству, а также рабочее взаимопонимание,

основанное на сознании того, что школа и Церковь в сфере воспитания детей и юношества выступают в качестве союзников, каждый из которых располагает собственными уникальными педагогическими возможностями и ресурсами. Соединение наших духовно-организационных потенциалов во имя достижения важнейшей педагогической цели, стоящей перед современной российской школой, неизбежно создаст синергичный воспитательный эффект, благотворность которого сумеют, надеюсь, в будущем по достоинству оценить даже наши сегодняшние критики. Ибо Русская Православная Церковь на протяжении более чем тысячелетней истории своего существования неизменно оставалась хранительницей высочайших духовно-культурных ценностей, исповедницей фундаментальных этических принципов человеческого бытия на основе чего только и может совершаться процесс воспитания разносторонней, внутренне содержательной и нравственно зрелой личности.

Сегодня все еще приходится слышать критику со стороны сторонников агрессивного секуляризма по поводу преподавания “Основ православной культуры”. Зачастую делаются необоснованные утверждения о нарушении Конституции, декларирующей светскость Российского государства, что якобы должно исключать всякую возможность преподавания основ религиозной культуры в общеобразовательной школе. При этом односторонне перетолковывается само понятие светскости, в результате чего оно фактически отождествляется с атеизмом. Вместе с тем практически отсутствует критика в адрес преподавания светской этики — по сути нерелигиозной этики. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с попытками идеологизировать школьное образование, под прикрытием борьбы за светский характер школы навязать учащимся материалистическое мировоззрение. Следует прямо сказать, что значение президентской инициативы состоит как раз в том, что она удовлетворяет все присутствующие в обществе запросы, предполагая уважение к свободе выбора каждого человека.

Вместе с тем нельзя умолчать и об имеющей место критике со стороны представителей религиозных общин, в частности, со стороны православных верующих. Основной аргумент, используемый в данном случае, апеллирует к недостаточному количеству учебных часов, посвященных изучению детьми своей религиозной традиции. Несомненно, верующие люди правы, когда говорят, что изучение религиозной культуры должно быть делом всей жизни. И задача Церкви — позаботиться, чтобы так оно и было, по крайней мере, посредством образовательной деятельности на уровне приходов и через систему учебных заведений, учрежденных самой Церковью. Что же касается принятого решения о преподавании Основ православной культуры, то оно обеспечивает возможность всем учащимся, кто того пожелает, сделать первый и очень важный шаг на пути приобщения к своим духовным истокам. И дай Бог, чтобы этот шаг не был последним.

Ныне перед всем педагогическим сообществом стоит важная задача — чес-

тно выявить выбор родителей учащихся в отношении того курса, который будет преподаваться их детям. Сегодня вполне очевидно, что многие родители нуждаются в помощи со стороны Церкви и педагогов при совершении выбора. Многие, не вполне осознавая значение термина “светская этика”, склонны полагать, что речь идет о светском этикете, о правилах приличия. Наши сограждане должны знать, что светская этика — это нерелигиозная, то есть атеистическая мораль. Совершенно очевидно, что в нашем обществе имеются нерелигиозные люди и у них есть право на воспитание своих детей в соответствии с собственными убеждениями. Но этот факт не должен препятствовать верующим родителям делать выбор на основе своих религиозных предпочтений. Наша общая задача состоит в том, чтобы твердо и обоснованно разъяснить важность осуществляемого выбора для дальнейшей жизни ребенка. Ведь именно в школьном возрасте у человека формируется в главных чертах система его жизненных ценностей и приоритетов, происходят процессы его социализации и вовлечения в контекст национальной культуры. И поскольку русская религиозная традиция является неотторжимой частью как национального культурного наследия, так и отечественной истории, курс Основ православной культуры призван донести до юного гражданина нашей страны понимание того, насколько тесно переплетены и нераздельны понятия “Россия” и “Православие”.

Православное образование должно осуществляться на протяжении всей жизни человека, и каждый этап духовного взросления важен. Детские сады, воскресные школы, православные гимназии, курсы духовно-нравственного содержания, преподающиеся в общеобразовательных школах, богословские факультеты и вузы должны стать единой, непрерывной системой православного образования, адекватно отвечающей на актуальные запросы жизни.

Отделу религиозного образования и катехизации поручена важная работа по подготовке учебно-методических материалов для всей этой системы православного образования. Речь идет о создании полноценного блока высококачественных, профессионально подготовленных учебников, охватывающего все обучение в средней и высшей школе. Мы не можем ограничиться подготовкой одного или нескольких пособий, необходимо учесть и систематизировать весь существующий опыт епархий Московского Патриархата в преподавании предметов духовно-нравственного содержания и на основании этого подготовить список материалов, официально рекомендованных Русской Православной Церковью для учебных заведений всех типов и уровней. К сотрудничеству в этом направлении с Синодальным отделом религиозного образования и катехизации призываю православных педагогов, представителей государственного образования, епархиальные структуры, а также всех, кто непосредственно заинтересован в конструктивной и плодотворной работе на благо отечественного образования.

Сегодня уже ведется разработка учебника по “Основам православной культуры” для IV—V классов средней школы. Патриаршим распоряжением от 9 июля

2009 г. были утверждены редакционная коллегия под председательством протоиерея Андрея Кураева и редакционный - совет, куда вошли не только священнослужители и сотрудники церковных структур, но и представители педагогической науки, известные общественные деятели специалисты в области культуры.

Учительство никогда не было обязанностью и привилегией одного священства. Православие не знало разделения на Церковь учащую и учащуюся, хотя служение словом и вменялось духовенству как первая и прямая обязанность. “Епископ или пресвитер, не радеющий о причте и о людях, и не учащий их благочестию, да будет отлучен”, гласит 58-е Апостольское правило. Наука и благочестие в церковном понимании неразделимы, как неразрывна связь между воспитанием и передачей знаний.

Может быть, кто-то скажет, что мы слишком часто обращаем взгляд в прошлое и придаем чрезмерное значение сохранению традиций. Но наш взгляд в прошлое помогает ясно увидеть контуры будущего. Оценивая настоящее через опыт прошлого, мы устремляемся в будущее при ясном понимании того, что будущее каждого человека — это не только его земное бытие, но и жизнь вечная. Если же говорить о земном будущем Церкви и Отечества, то оно зависит от тех, кто придет на смену нынешнему поколению. Дай Бог, чтобы трудности, переживаемые сегодня и во многом порожденные человеческим грехом, могли стать, как это не раз бывало, поводом для покаяния и началом подлинного духовного, культурного и экономического возрождения.

Сказанное имеет отношение не только к странам, находящимся на пространстве исторической Руси и являющимся хранителями ее духовного наследия. Мы, будучи православными, осознаем себя частью Европы. В основе европейской цивилизации лежат христианские ценности, которые, к сожалению, вытесняются сегодня из жизни европейских народов. В странах, прошедших через горнило испытаний в эпоху государственного атеизма и на своем опыте осознавших, что означает жизнь без Бога, существует сегодня реальная возможность исследовать и использовать великий потенциал этих ценностей. Во взаимодействии с теми, кто вдохновляется иными исконными религиозными и культурными традициями, и теми, кто живет вне этих традиций, сохраняя нравственное чувство и голос совести, православные христиане могут и должны изменить к лучшему наш мир.

В этом направлении с терпением и любовью должны совместно трудиться представители и государственного образования, и Церкви. Мы призваны рука об руку идти вперед, полагая в основу взаимодействия и сотрудничества то, что нас объединяет: заботу о подрастающем поколении, заботу о нашем будущем. Призывая к сотрудничеству государственные, муниципальные, общественные структуры, другие религиозные объединения, полагаю необходимым указать, что ключевым пунктом для выстраивания концепции преподавания основ лю-

бой религиозной традиции либо светской этики должно служить наше общее представление о нравственном начале, присущем человеческой личности и формирующем ее духовный облик. Такой подход необходим для того, чтобы исключить всякую возможность ложных антитез, неверных противопоставлений и беспочвенных конфронтаций.

Особенно важным представляется отметить, что в православной составляющей курса Основ духовной культуры принципиально отсутствует какая бы то ни было полемика с представителями других конфессий или безрелигиозного мировоззрения. Сегодня для всех нас главной задачей является созидание в нашем обществе атмосферы мира и взаимоуважения, которое невозможно без осознания нашими согражданами и особенно молодым поколением идеи гражданской солидарности во имя общего блага.

Сердечно желаю всем участникам Рождественских чтений плодотворной работы. Милость и благословение Божие да сопутствуют труженикам на ниве просвещения и духовно-нравственного воспитания.

*Педагогика.-2010.-№3.-С3-9.*

*Приложение 9*

**Светское образование и духовное просвещение:  
проблемы взаимодействия (выступление на XVIII  
Международных Рождественских чтениях)  
Н.Д.Никандров**

Обсуждая сегодня проблему взаимодействия светского образования и духовного просвещения, сотрудничества Церкви и государства, мы должны признать дату 21 июля прошлого (2009) года в полном смысле слова исторической. Многие значимые события в этом плане происходили и раньше. Но именно в тот день впервые во всей российской истории причем не только истории нового времени в символическом для нашей Родины месте московском Кремле Президент страны и высшие представители традиционных для России религий, прежде всего предстоятель Русской Православной Церкви, собрались для обсуждения вопроса первостепенной важности. Значение этой встречи, несомненно, выходит далеко за пределы тех также несомненно важных решений, которые были там приняты.

Да, очень важно, что во многих регионах страны в экспериментальном порядке в школах вводится курс “Основы религиозных культур и светской этики”. Да, очень важно, что теперь на самом высоком уровне принято решение, реально облегчающее верующим военнотруженикам удовлетворение своих религиозных потребностей. Но выступления участников встречи показывают, что, по сути, обсуждался гораздо более масштабный вопрос: каким и светское государство, и

верующие представляют себе нравственное развитие российского гражданина?

Уже в середине 1990-х гг. (как теперь часто и по понятным причинам говорят “лихих девяностых”) остро была поставлена проблема российской национальной идеи. Вопрос и теперь не закрыт, такой идеи у нас по-прежнему нет. Ведь некий мозговой центр или мыслитель может лишь довести такую идею до удачной, иногда афористической формулировки. Сама же идея складывается годами, иногда десятилетиями и столетиями. Именно так в 1833 г. возникла знаменитая триада С.С.Уварова, министра просвещения и президента Академии наук, православие, самодержавие, народность. Подвергаясь критике и тогда, и позднее, она все же сыграла свою роль в укреплении российского национального духа. И в наше время мы медленно и трудно приближаемся к пониманию того, какие мы сейчас, какими мы хотим быть, что для нас важно. Мы поняли (хотя об этом и раньше писали классики), что надо уважать свою историю. Мы поняли и записали это в Законе “О свободе совести и о религиозных объединениях” (1997 г.), что русскому православию принадлежит “особая роль ... в истории России, в становлении ее духовности и культуры”, при этом подчеркнув необходимость уважения и других религий, составляющих “неотъемлемую часть исторического наследия народов России”. Мы поняли, что рыночные отношения при всей их важности никогда не заменят человеческие, что им место именно и только в экономике. Последние годы научили нас, что духовность и нравственность немислимы друг без друга, что, соответственно, стремясь воспитать гражданина, государство и Церковь не могут не сотрудничать.

Это понимание не пришло само по себе, и встреча Президента страны и высших религиозных руководителей состоялась не случайно и не вдруг. Участвуя теперь в Рождественских чтениях, нам уместно вспомнить и об их роли в нравственном развитии нашего общества, в сближении позиций государства и Церкви в этом вопросе. Уже восемнадцатый раз мы собираемся на этом форуме, организованном по инициативе и трудами Русской Православной Церкви. Мы слышали здесь выступления известных церковных деятелей, известных деятелей светской российской власти, руководителей образования культуры, науки. И при всем различии конкретной тематики выступлений идея сотрудничества, как здесь часто говорили, соработничества государства и Церкви в воспитании поднималась постоянно. Об этом не раз говорил Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, об этом говорил сегодня Его Святейшество Патриарх Кирилл.

Вспомним и еще одно важное событие десять лет назад на юбилейном Архиерейском соборе были приняты Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Вопросы нравственности, воспитания духовной культуры, взаимодействия государства и Церкви занимают в ней достойное место. Напомню, что руководителем группы по разработке этого документа был митрополит Смоленский и Калининградский, ныне Святейший Патриарх Московский и Всея

Руси Кирилл. Хотелось бы подчеркнуть, что, понимая и высоко ценя выдающиеся заслуги Святейшего Патриарха в деле нравственного воспитания россиян, на своем Общем собрании в декабре прошлого (2009) года Российская академия образования избрала его своим почетным членом.

И еще одно событие, значение которого, по моему мнению, до сих пор не оценено должным образом. В течение многих месяцев мы следили за телевизионным обсуждением темы “Имя Россия”. По Форме это было ток-шоу - жанр, который скажем откровенно, сам по себе небезупречен, слишком часто он превращается в шумный, мало пристойный спор, в перебранку, в разбор интимных сторон жизни человека. Но нельзя не признать, что эта технология позволила включить в обсуждение очень многих и самых разных людей. Результат известен: имя России, по мнению самих россиян, олицетворяет Александр Невский. Все, надеюсь, помнят, что представил это имя Святейший Патриарх Кирилл, тогда митрополит. Но дело не только и не столько в несомненном ораторском даре нашего Патриарха. Символично то, что россияне, люди самые разные, выбирая среди высших руководителей страны, полководцев, ученых, деятелей культуры, других великих личностей, которыми никогда не оскудеет земля российская, поставили на первое место человека, жившего семьсот лет назад, сыгравшего выдающуюся роль в защите нашего Отечества и его веры и причисленного к лику святых. Для меня этот общий выбор людей российских, общий выбор верующих и неверующих означает, что при всех издержках “лихих девяностых”, при всех трудностях нашего времени в нравственном отношении Россия на верном пути. Этот выбор означает глубинное единство и преемственность нравственных основ российского общества и государства. И в этой связи не случайно, что совсем недавно, на Рождество, встречаясь с детьми в одной, из православных школ в Подмоскowie (г. Видное), Президент страны Д.А.Медведев говорил о значимости христианских ценностей для воспитания.

Духовно-нравственные христианские ценности, которые близки основным положениям других великих исторических религий России, — это первое, что должно объединять усилия государства и Церкви, светского образования и духовного просвещения. Это именно те ценности, о которых мы говорили и здесь, на Рождественских чтениях. Это - ценности патриотизма, любви к своей стране, ее истории, ее обычаям. Конечно, религия, в том числе и православное христианство, всегда полагает себя как вселенскую ценность, не ограниченную пределами государств. Но и в истории христианства, и в современной церковной практике любовь к Родине, уважение к ней и ее власти, уважение к ее защитникам, ранее жившим и ныне живущим, считаются естественными качествами гражданина и христианина, о них говорится в богослужениях и церковных проповедях. В современной светской науке это часто называется российской идентичностью. Но задолго до появления этого иностранного термина история христианства, история православной Руси давала нам живые примеры патриотического

чувства и действия. О тех, кто с вождением смотрит прежде всего или только на чужое, забывая об отечественном, Иисус Христос с горечью говорил: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем. Известен патриотический подвиг патриарха Гермогена, который предпочел мученическую смерть тому, что он считал предательством перед Отечеством в дни иностранного нашествия в начале XVII в. Через триста с лишним лет — а в исторических масштабах это для нас почти современность, — в июле 1941 г., митрополит Ленинградский Алексей, будущий Патриарх Алексей I, обратился к верующим с посланием “Церковь зовет к защите Родины”. Сейчас, в год 65-летия Великой Победы, вспомним, как в условиях официального атеизма и тяжелого положения Церкви Митрополит говорил: “Мы верим, что и теперь великий предстатель за землю русскую преподобный Сергей Радонежский простирал свою помощь и благословение русским воинам. И эта вера дает нам неиссякаемые силы для упорной и неустанной борьбы” [1, с. 345]. Как важно, что в соответствии с решениями, принятыми в июле прошлого (2009) года, в армии теперь есть гораздо большие возможности для патриотического воспитания воинов, и не только верующих.

Не меньшее значение и для светского государства, и для верующих имеет понимание ценности семьи и воспитания детей. По социологическим опросам, ценность семьи никогда не подвергалась сомнению, это показывают даже данные 1990-х гг. Но на практике и у нас, и за рубежом молодые все чаще откладывают вступление в брак, почти треть детей рождены вне брака. И хотя юридически дети из неполных семей равноправны с другими, не надо объяснять, что возможности полной семьи больше. Позиция Православной Церкви здесь совершенно определена, как и в отношении однополых браков. Для сравнения напомним, что португальская католическая церковь две недели назад лишь мягко пожурала парламент страны, который принял решение о легализации однополых браков.

В условиях непростого перехода к цивилизованному рынку и в целом невысокого уровня жизни основной массы населения важны нравственные оценки Церкви в отношении труда, собственности, помощи тем, кому приходится преодолевать серьезные материальные проблемы.

О значении труда, его необходимости для жизни человека говорил еще апостол Павел. По его словам, “если кто не хочет трудиться, тот и не ешь”. При этом в христианской традиции под хлебом, пищей понимается не только собственно хлеб и материальная пища, но и пища духовная. Как сказано, не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Сегодня, когда и средства массовой информации, и многочисленные книги и брошюры для стремящихся стать богатыми проповедуют часто прибыль, получаемую разными способами, а не собственно трудом, уместно вспомнить некоторые факты из истории Православной Церкви. Она оставила нам немало примеров подвижнического труда

и мирян, и священнослужителей, причем труда как физического (как раньше чаще говорили, телесного), так и умственного, духовного. Показательно, как об этом говорится в православном катехизисе, изданном более ста лет назад: “Телесный труд необходим для человека ... Составляя необходимое условие жизни, телесный труд развивает и укрепляет тело... и сообщает ему естественную красоту. Напротив, держание тела в покое, сонливость, нега не только разстраивают здоровье человека, но расслабляют и душевные его силы” [2, с. 78].

Христианство не считает грехом и обладание собственностью, богатством, приобретение их. Автор того же катехизиса пишет: “Что приобретено честным свободным трудом (кстати, хотелось бы подчеркнуть эти слова: честным и свободным!), то составляет неотъемлемую награду потрудившегося... Право собственности побуждает в человеке энергию, трудолюбие, уважение к трудам других и составляет необходимое условие общественного благоустройства” [2, с. 62]. А дальше в этом тексте разбирается все то, что является нарушением христианских заповедей: воровство и грабительство, обман, мздоимство, тунеядство, лихоимство.

Христианская традиция и это очень важно требует помогать всем, кому трудно, а не только христианам. Феодосий Печерский еще в XI в. в одном из своих посланий писал так: “Милостынею же милуй не только свою веру, но и чужую: аще же видишь нагого, голодного, зимою ли, бедою одержима, аще то будет жидовин ли, сорочин ли, болгарин ли, еретик ли, латинин ли, от поганых ли всякого помилуй, и от беды избави, яко же молсеши” [цит. по: 3, с. 117]. Насколько эти христианские идеи выше и гуманнее, чем идеи некоторых (разумеется, не всех) атеистов, легко увидеть, сравнив это высказывание русского святого XI в. со словами на ту же тему: “Пусть гибнут слабые и уродливые первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть. Что вреднее любого порока? Сострадать слабым и калекам христианство” [4, с. 4]. Эти слова принадлежат Ф.Ницше, создателю идеологии сверхчеловека, не связанного никакими моральными ценностями.

Людям состоятельным предписывается помогать ближнему, но христианской благотворительности несвойственны идеи насилия, принцип “грабь награбленное”. Обратимся к очень интересной цитате: “...христианская благотворительность совершенно свободна в своих действиях и руководствуется единственно духом любви, социализм же требует насильственного отнятия у богатых их имущества для раздела между всеми... И конец той и другого различен до противоположности: христианская благотворительность хотя и не может совсем уничтожить бедности, в значительной мере однако же облегчает ее; социализм... привел бы к поголовной бедности, ибо многие ли стали бы трудиться, зная, что завтра у них отнимут их приобретение, а при общем дележе достанется доля и им, хотя бы они и не трудились” [2, с. 64].

Можно было бы еще подробнее говорить о том идейном, нравственном бо-

гатстве, которое станет нашим общим достоянием при разумном сотрудничестве государственной системы образования и системы духовного просвещения. Нет сомнения в том, что в ряде отношений христианские идеи серьезно обогатят светские нравственные принципы, идеи светского гуманизма. Так, например, хорошо, что сейчас пропагандируются идеи толерантности, терпимого отношения к образу жизни, мнениям, вкусам, привычкам других. Но плохо, если свобода толерантно мыслящего человека будет ограничена только юридическими нормами, соответствующими законами и кодексами. Именно это приводит к засорению средств массовой информации, особенно телевидения, а значит, и душ молодых людей идеями вседозволенности, безнравственности, достижения материального успеха любой ценой. Понятие “засорение” можно применить и к худшим образцам массовой культуры, которые в СМИ явно превалируют над лучшими. Жизнь дает нам немало тому примеров, которые каждый может вспомнить сам. Лишь один из последних случаев нельзя не назвать сериал “Школа”. В нашей школе немало проблем, они серьезны. Но, по мнению всех учителей, с которыми приходилось обсуждать этот вопрос, в том числе на недавно прошедшей в Санкт-Петербурге Педагогической ассамблее, этот сериал злонамеренная клевета на нашу школу. И здесь дело в совести каждого отдельного человека, а не в каких-то непреодолимых обстоятельствах или внешнем давлении. Просто напомним, как выразительно о подобных делах писал православный философ И.А.Ильин: “Жадный пустит в ход все средства, продажный все продаст, человек, в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление... Никакой государственный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни благородства”.

Кроме определенной идейной общности, о которой шла речь выше и это, конечно, самое главное, для сотрудничества светского образования и духовного просвещения необходима организационная поддержка. И вот в этом отношении первостепенна роль светской власти, государства и институтов гражданского общества. Только власть различных уровней может обеспечить мирное и спокойное проведение эксперимента по введению в школах курса основ религиозных культур и светской этики. Не хотелось бы быть плохим пророком, но определенные трудности здесь легко предвидеть. Причем менее всего это связано с межконфессиональными трениями, о которых иногда говорят.

*Педагогика. - 2010. - №3. - С. 9-14.*

**Василий Великий и духовно-нравственное  
становление личности  
Игумен Киприан (Яценко)**

Сегодня особенно важно, насколько соборным будет сотрудничество всех институтов образования — школы, семьи, Церкви и Государства — для того, чтобы подрастающее поколение могло противостоять влиянию опасных ценностей секулярного общества. В результате духовно-нравственного становления личности, в основе которого лежит стяжание добродетелей, формируются нравственные чувства и нравственный облик человека, его нравственная позиция. Духовно-нравственная личность — это человек совести, долга и веры, способный к самоотверженной любви и жертвенности, терпению и милосердию, кротости и незлобivosti, преодолению жизненных испытаний, служению Богу, Отечеству и людям, проявляющий рассудительность, послушание, добрую волю, различающий добро и зло.

Духовно-нравственное становление личности рассматривается нами в соответствии с основными положениями учения святителя Василия Великого о стяжании добродетелей. Опора на традицию сегодня не означает слепого копирования воспитательного опыта прошлого, но подразумевает его творческое применение для создания педагогических форм духовно-нравственного становления личности, помогающих готовить молодежь к жизни через подвижничество в интересной и полезной деятельности.

Духовно-нравственное становление личности определяется:

- православным воспитательным идеалом;
- целями и задачами духовно-нравственного становления;
- системой базовых ценностей;
- духовно-социальными условиями общества. . .

Под православным воспитательным идеалом мы понимаем восстановление Образа Божия в человеке, стремление, с учетом врожденных способностей, уподобиться Христу, т.е. победить в себе своекорыстную природу и образовать из себя свободную личность, состоящую в сознательных и разумных отношениях к Богу, людям и природе.

Под духовно-нравственным становлением личности понимается целенаправленный, организованный процесс создания условий, помогающих человеку в процессе духовного саморазвития, преображения, реализации духовного потенциала применительно к различным сферам жизнедеятельности.

Под системой базовых духовно-нравственных ценностей подразумеваются ценности, существующие в Священном Писании, Священном Предании, свято-

отеческом наследии, передаваемые от поколения к поколению и являющиеся необходимой основой становления духовно-нравственной личности.

Духовно-нравственное воспитание определяется как специально организованное, управляемое и контролируемое взаимодействие воспитателей и воспитанников, конечной своей целью имеющее освящение и преобразование личности воспитанника, ее обожение, освобождение от пороков.

Под духовно-социальными условиями общества мы понимаем жизнедеятельность, направленную на становление Образа Божия в человеке, явление Его миру посредством духовно-нравственного совершенствования личности, в добродетели и святости.

Идея создания системы воспитания, в основе которой лежит учение о добродетели, возникает и развивается в трудах вселенских учителей и святителей, великих Отцов Церкви IV в., в первую очередь — Василия Великого, Григория Богослова (Назианзина), Иоанна Златоуста. В своих трудах они подчеркивали, что стяжание добродетелей есть основная цель воспитания личности: “Если бы мы усвоили себе такой образ мыслей и прежде всего другого вели детей к добродетели, считая это главным делом, а все прочее придаточным, то отовсюду произошло бы столько благ, что, перечисляя их теперь, я показался бы преувеличивающим дело” [1, с. 118].

Рассматривая процесс становления человеческой личности через нравственное самоопределение к духовному рождению и духовному совершенствованию, требующему аскетического подвига, мы опираемся на аскетическое учение Православной Церкви, содержащееся в том числе и в работах Василия Великого. Духовное наследие святителя Василия Великого представляет собой своего рода единую “книгу подвижничества”, в которой рассыпаны “семена учения о добродетели”. Как он пишет в своих работах “О подвижничестве” [2]: “Вот тебе от меня, как сказал бы иной, семена учения о добродетели! Ты, приняв их, отсюда возрасти мне обильный плод и исполни слово премудрости, которое велит давать премудрым вины, да премудрейшие будут (Притч. 9, 9)”\*.

Собрав изложенные Василием Великим основы добродетельной жизни воедино, рассмотрим их как некую универсальную модель духовно-нравственного воспитания, достойную применения в наше время. Показательно, что краткие наставления о возделывании добродетелей встречаются практически во всех работах и многих письмах Василия Великого и используются как необходимое и действенное средство духовного воспитания. При этом круг читателей, к которым обращены эти наставления, достаточно широк — это монашествующие, миряне, аскеты и подвижники, а также друзья святителя Василия и молодежь. Размышляя о добродетели и раскрывая новые аспекты учения, он каждый раз акцентирует внимание на том, что наиболее полезно для адресата, и выбирает соответствующую форму изложения.

Общие размышления о добродетелях содержатся в “Беседах на шестоднев” и

“Беседах на псалмы”. Здесь определяются причины благочестивого образа жизни, а стяжание добродетелей сравнивается с восхождением по лестнице Иакова. “Посему, пишет Василий Великий, - вступающие в добродетельную жизнь должны сперва утвердить стопы на первых ступенях, и с них непрестанно восходить выше и выше, пока, наконец, через постепенное преспеяние, не взойдут на возможную для человеческого естества высоту” [3, с. 59-64].

В другом фрагменте “Бесед на шестоднев” развивается тема об особых свойствах души, воздвигание которых может стать первой ступенью в деле стяжания благочестивого образа жизни: “И в нас есть естественные добродетели, с которыми душа имеет сродство не по человеческому научению, но по самой природе. Никакая наука не учит нас ненавидеть болезнь, но сами собою имеем отвращение ко всему, что причиняет нам скорбь, так и в душе есть какое-то неучением приобретенное уклонение от зла. Всякое же зло есть душевный недуг, а добродетель соответствует здравию. Хорошо некоторые определяли здоровье, что оно есть благоустройство естественных действований. Кто скажет то же и о благосостоянии души, тот не погрешит против приличия. Посему душа, и не участь, желает свойственного ей и сообразного с ее природою. По сейто причине для всякого похвально целомудрие, достойна одобрения справедливость, удивительно мужество, вожделенно благоразумие. Сии добродетели душе более свойственны, нежели телу здоровье” [3, с. 42-47].

Святитель Василий Великий особо подчеркивает необходимость волевого усилия в духовной жизни: “...приобретение добродетели я обогащение добрыми делами есть любостяжание похвальное, хищение, не доводящее до слез, ненасытность, достойная венца; и виновен тот, кто не делает таких насилий” [там же, с.: 47], одновременно определяя критерий духовной, нравственной красоты личности: “Красота души есть соразмерность в добродетели, а безобразие — нарушение меры вследствие порока” [там же, с. 48-65].

Наиболее развернутые поучения о восхождении по лестнице добродетелей помещены в “Словах о подвижничестве” и “Подвижнических уставах подвизающимся в общежитии и в отшельничестве” [4]. В этих работах Василий Великий раскрывает основной метод благочестивого воспитания и самовоспитания, который заключается в подражании образцам духовного делания, духовном внимании и усердии при стяжании добродетелей: “Спеши в подражании тем, которые прежде тебя подвизались в доброй нравственности, и не берись сам обучать каждого. Употреби старание успевать в важнейших добродетелях и не вознерадеть о меньших”, — пишет святитель Василий Великий в “Слове о подвижническом и увещании об отречении от мира и о духовном совершенстве” [там же, с.12—18].

В этом труде добродетель рассматривается Василием Великим как путь восхождения Царствия Божия, а тщательно, “без превозношения, гнева и ропота исполняемое дело служения — как мрежа добродетелей, влекущая к себе все заповеди

Божии и, во-первых, превосходнейшую из всех добродетелей — смирение”.

Если в “Беседах на шестоднев” разъясняются естественные добродетели, то в “Словах о подвижничестве” перечислены добродетели душевные — кротость, скромность, смиренномудрие, благость, братолюбие, простосердечие, любовь к истине, сострадательность, обходительность, человеколюбие. О некоторых из них написаны отдельные небольшие главы в форме наставления. Перечислим их.

Глава 13. “О кротости и о том, каким образом появляется любовь”;

Глава 14. “О благоразумии”;

Глава 15. “О вере и надежде”;

Глава 16. “О смиренномудрии”.

В другой главе — “Вопросы о разных добродетелях, об исполнении заповедей Божиих, о памяти Божией, о печали по Богу и о любви к Богу” — повествование о тех же и некоторых других добродетелях облекается автором в форму краткого диалога, либо, как в Беседах, становится развернутым повествованием.

Остановимся особо на Беседе 22, названной “К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями”. Здесь добродетель означает основную всей жизни и на примере нескольких поэтических сочинений известных авторов античности и мусульманского Востока раскрываются преимущества благочестивого поведения. Василий Великий избирает сюжеты занимательные и запоминающиеся, повествующие об известных языческих героях, музыкантах, философах, и научает юных отделять в этих рассказах доброе от дурного, применять к себе положительные нравственные извлечения. Как известно, навык изыскивать и применять только доброе сам по себе является добродетельным, т.е. в данном сочинении святитель выступает преподавателем основ и методов правильной духовной жизни, изложенных доступно и увлекательно для молодежи.

О просвещении юношества святитель Василий Великий проявлял деятельное попечение. Известен случай посещения Василием Великим Антиохийского училища, где он беседовал с юными слушателями и по просьбе философа Ливания в краткой форме изложил основные положения своего учения. Представленные здесь как свод правил для учеников духовной школы, они являют собой необходимую основу воспитания внешнего и внутреннего благочестия.

1. Храни чистоту сердца.
2. Стремись к телесному бесстрастию.
3. Ходи скромно.
4. Громко не говори.
5. Слово произноси скромное.
6. Будь умерен в пище и питии.
7. При старших не говори.
8. Повинуйся начальникам.
9. Твори нелицемерную любовь к равным и к низшим.

10. Отделяйся от людей злых, суетных, привязанных к плотским удовольствиям.
- И. Меньше говори, а больше слушай и вникай.
12. Не будь многоглаголевым и безрассудным в слове.
13. Не смейся над другими.
14. Не вступай в беседу с безнравственными людьми.
15. Обращай очи долу, а душу обращай горе.
16. Избегай споров.
17. Не ищи почестей этого мира.
18. Не стремись учительствовать.
19. Ожидай награду в вечных воздаяниях от Бога.

У святителя Василия Великого существуют также советы преуспевшим в добродетелях христианам — речь идет о “Нравственных правилах” и “Дружеских письмах”, в которых вмещается в обязанность каждому христианину, особенно образованному, особая педагогическая миссия - учить примером, “ибо для человека, который много трудился в изучении наук, проходил начальственные должности над народами и городами и соревнует великой доблести предков, почитаю приличным показывать в жизни своей образец добродетели” [5, с. 4].

Рассмотренные основные положения учения о добродетели, изложенные в творениях святителя Василия Великого, специально не систематизированы, но составляют, тем не менее, стройный **последовательный метод постепенного** восхождения в духовной жизни от начального уровня к совершенному.

Святитель Василий Великий, будучи тонким педагогом, ненавязчиво, избегая слишком длинных “разговоров” о предмете, вводит учение о добродетели в общий контекст более крупных сочинений. В результате возникает особый смысловой акцент, который запоминается и усваивается благодаря изложению, сообразному разным уровням духовной зрелости и жизненного опыта адресатов, а также гармонии содержания и форм.

Формы разнообразны — это толкования и беседы, ответы на вопросы и поучения, положения и правила, небольшие рассказы в рассказе при частой смене стиля изложения. Василий Великий, говоря словами святителя Амфилохия, “всегда был и будет учителем спасительнейшим”, преподающим учение о добродетелях. Сам же метод преподнесения такого учения — это метод плодотворного духовного общения со всеми поколениями и, в особенности, с юношеством.

В трудах Василия Великого православный воспитательный идеал остается неизменным, достигается постепенным возрастанием в добродетелях и является восстановлением Образа Божия в каждом человеке. Заниматься воспитанием подрастающего поколения, по мысли святителя Василия Великого, есть христианский долг каждого, в том числе и монашества. В иноческом уставе он положил принимать в обители и детей, но не для общего воспитания, а для приготовления их к монашеству. Только обеты их должны отлагаться до совершеннолетия. В монастырях следует выделять особые дома для детей, разделенные по полу, в

которых их будут учить опытные и великодушные, отечески настроенные, благо-разумные, испытанные и проверенные настоятелем учителя. Посещая общие со старшими молитвы, в другое время дети учатся грамоте и употребляют “слова, взятые из Писания”. Вместо басен следует им рассказывать “повествования о делах чудных, вразумлять их изречениями из Притчей и назначать награды за удержание в памяти слов и вещей, чтоб дети с приятностию и отдыхом, без ограничения для себя и непреткновенно достигали цели... Поэтому, пока душа еще способна к образованию, нежна и, подобно воску, уступчива, удобно напечатлевает в себе налагаемые образы, надобно немедленно и с самого начала возбуждать ее ко всяким упражнениям в добре, чтобы, когда раскроется разум и придет в действие рассудок, начать течение с положенных первоначально оснований и преподанных образцов благочестия, между тем как разум будет внушать полезное, а навык облегчит преуспеяние” [6, с. 484].

Цель современного духовно-нравственного воспитания аналогична — становление и развитие человека духовного, умеющего жить в соответствии с общепринятыми нормами и производительно трудиться. С позиций православия духовным считается тот, в ком действием Божественной благодати душа достигла достаточной чистоты и силы. Термин “воспитание” связывается с “вращиванием” души. Человек сотворен по образу Божию, задача воспитателя и самого человека раскрыть этот образ, способность к внешнему и внутреннему преобращению.

Цель духовно-нравственного становления личности предполагает постановку задач, решение которых способствует:

- восстановлению исторической преемственности национального образования, нацеленного на воспитание личности, которой присущи творческая энергия, совестливость, доброделание, трудолюбие, почитание старших, чувство долга, жертвенное служение, патриотизм;
- определению нравственной ориентации молодого поколения, побуждению его к развитию и совершенствованию;
- формированию у человека нравственных чувств, нравственного облика, нравственной позиции, нравственного поведения;
- формированию знаний о духовных истоках становления и развития культуры народа;
- бережному отношению к отечественному культурному наследию; природе страны, истории и традициям своего края;
- развитию творческих способностей личности через создание условий для нравственно ориентированной социализации.

Духовно-нравственное становление личности - это целенаправленный, организованный процесс создания условий, помогающих человеку в процессе духовного саморазвития, преобразования, реализации духовного потенциала применительно к различным сферам жизнедеятельности. Обеспечение духовно-

нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации [7].

Духовно-нравственное становление личности осуществляется в процессе осознанного восприятия и принятия обучающимся базовых ценностей:

- системы православных ценностей;
- духовной культуры своего народа;
- добродетельной жизни.

В процессе воспитания и становления личности непосредственное участие принимают несколько институтов образования:

- семья как малая Церковь;
- школа (сюда относятся детский сад, техникум, институт и т.д.), передающая традицию на уровне знаний;
- государство и российская православная традиция.

Христианское воспитание детей - прежде всего дело семьи, дома. В природе семьи скрыты глубокие возможности. Роль ее в жизни ребенка неизменно велика. Дитя изучает мир через семью и в свете семьи. Она есть преддверие Царствия Божия и как бы маленькая домашняя Церковь. Семья вместе с Церковью может создать благоприятные условия для нравственного развития и духовного становления ребенка.

Школа в воспитании ребенка составляет новый мир по обстановке, отношениям, речам и приемам. Школа, желая вложить в детей доброе, светлое, разумное, выработанное человечеством, должна не пренебрегать домашним воспитанием, а уподобиться садовнику, который прививает к сильному дичку ветку облагороженного дерева, и эта ветка срастается с дичком, в органическом единении растет и развивается и дает нежные и сладкие плоды. По мысли Н.И. Ильминского, школа должна быть религиозна, ибо предмет ее — развитие в детях любви к Богу и ближнему; должна быть исторична, ибо ее постановка связана с историческим развитием религиозных убеждений; должна быть народна, ибо народ требует религиозного учения для спасения души, а эта школа и учит спасению души путем всепрощающей христианской любви; школа должна быть нравственна, ибо преследует исполнение детьми величайших нравственных законов о любви к Богу и любви к ближнему.

Воспитание в лоне православной традиции предполагает уважительное отношение к духовным истокам своего народа и особенностям других народов и культур. На этой основе веками строилось Российское государство. Основным содержанием духовно-нравственного развития, воспитания и социализации являются ценности, хранимые в святоотеческой традиции.

Можно выделить источники духовности и нравственности, благодаря которым личность осуществляет образование и самообразование, постепенное восхождение по лестнице добродетелей - это Священное Писание и Предание, Свя-

тоотеческое наследие, Таинства Церкви. В соответствии с ними определяются и базовые духовно-нравственные ценности, каждая из которых раскрывается в системе учения о добродетели.

**Воздержание, мера во всем.** “Воздержанием же называем, конечно, не совершенное удержание себя от пищи (это будет насильственным разрушением жизни), но удержание себя от сладостей, предприемлемое при низложении плотского мудрования с благочестивою целью” [2, с. 15—16]. “Воздержание есть истребление греха, отчуждение от страстей, умерщвление тела даже до самых естественных ощущений и пожеланий — начало духовной жизни, податель вечных благ; уничтожающий в себе жало сластолюбия, потому что великая приманка к злу есть сластолюбие, ради которого всего более мы, люди, падки ко греху, которым всякая душа, как удою, увлекается в смерть” [там же, с. 16—17]. “Воздержание думаем определить так, что оно есть не одно воздержание себя от снедей (ибо в этом успевали многие и из эллинских философов), но преимущественно воздержание от скитания очей” [там же, с. 43-44].

**Целомудрие.** “Целомудрие есть истинная, с сознанием соединенная сила, глубоко впечатлевшаяся в душе и уничтожающая оставшиеся следы срамных движений” [там же, с. 3—24].

**Нестяжание, щедрость и милосердие.** «Милосердие есть болезнование об угнетенных сверх меры их вины, ощущаемое сострадательными. Милосердуем о том, кто из великого богатства впал в крайнюю нищету, кто из крепкого телесного здоровья перешел в крайнее изнеможение, кто прежде восхищал красотою и свежестью своего тела и потом поврежден обезображивающими болезнями. Поскольку и мы некогда были славны в райском состоянии, а по причине падения стали бесславны и унижены, то “Бог наш милует”, видя, какими мы были и какими сделались. Посему и Адама призывал Он гласом милосердия, говоря: “Адаме, где еси” (Быт. 3, 9). Ибо не извещения требовал Всеведущий, но хотел, чтобы Адам размыслил, чем он был и чем стал. “Где еси”, т.е. какому падению подвергся ты, будучи на такой высоте?» [там же, с. 118-121].

**Терпение и кротость.** «Кротость есть величайшая из добродетелей, потому причислена и к блаженствам. Ибо сказано: “Блажени кротцыи: яко тии наследят землю” (Мф. 5, 5)» [там же, с. 87-96-16].

**Радость, упование на Бога.** “Один из плодов, возвращаемых Духом Святым, есть радость” [там же, с. 96-102]. “Радость есть как бы скакание души, восхищающейся тем, что дела согласны с ее желанием” [там же, с. 29-38].

**Смирение.** “Смирение — подражание Христу” [там же, с. 12—18].

**Любовь.** «Любовь к Богу не есть что-либо учением приобретаемое. Хотя это (любовь) - одна добродетель, однако же она силою своею приводит в действие и объемлет всякую заповедь. Ибо “тот любит Меня”, говорит Господь, “кто имеет заповеди Мои и соблюдает их” (Ин. 14, 21). И еще: “на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки” (Мф. 22, 40)» [там же, с. 3-8].

Духовно-нравственное развитие и воспитание осуществляется на основе:

- личной духовной и религиозной жизни воспитателя;
- наличия у воспитателя педагогического чутья и любви его к ребенку;
- духовно-эмоционального созвучия взрослого и дитя;
- религиозного вдохновения как отклика на посещение Божественной благодати.

Влияние воспитателя на детей определяется, прежде всего, его личностью, примером. “Тот учитель самый холодный, который рассуждает только на словах, ибо это свойственно не учителю, а комедианту и лицемеру” [8, с. 243]. Примером можно побуждать детей с ранних лет упражняться в чтения слова Божия, исполнять христианские обязанности, изложенные в слове Божиим, быть умеренными в одежде и внешних украшениях и пр. Упражнение детей в делах благочестия у древних христиан было одним из первых средств к утверждению в них навыка к христианским добродетелям.

Одним из важных условий для воспитателя является любовь к детям, которая проявляется в объективной нравственной оценке их поступков и глубоко положительном личностном отношении. Умение общаться с детьми — врожденный дар, который есть не у каждого. Однако способность к такому общению можно развивать. Умение общаться с детьми — это, прежде всего, умение увидеть их такими, какие они есть на самом деле, определять уровень, на котором с ними можно общаться.

В работах святителя Василия Великого духовно-нравственное становление личности не ограничивается только знаниевой составляющей и основано на святоотеческой традиции. Нравственные идеалы должны превратиться из объективных значений в личностные смыслы, быть востребованы детьми, войти в их мир, в их субъективное пространство. Импульсом к этому может стать интеграция приобретенных знаний и разнообразных форм их духовного опыта.

Сегодня, когда открыт вопрос о формах и содержании духовно-нравственного просвещения, необходимо вдохновенно прикоснуться к учительному подвигу святых Отцов Православной Церкви, святителя Василия Великого и на основе их учения о добродетелях восполнить нам всем недостающий опыт воспитания подрастающего поколения.

Духовно-нравственное становление личности — это реальная возможность восстановления социального института, преемственного по отношению к лучшим педагогическим традициям прошлого и способного ответить на вызовы времени. Духовно-нравственное воспитание, восходящее к отечественному культурному, прежде всего православному, наследию, обеспечивает условия для становления человека, готового в любых областях деятельности следовать нравственному закону, стремящегося улучшить мир, природу, культуру, самого себя. Эта цель достигается только тогда, когда усилиями различных социальных субъектов создается открытое воспитательное пространство. Интеграция возможнос-

тей государства, Церкви, общественных организаций, школы, семьи в решении проблем воспитания подрастающего поколения будет способствовать гражданской консолидации, национальному единению.

Возрождение духовно ориентированной традиции может стать приоритетной национальной идеей, а духовно-нравственное становление личности — важнейшим общенациональным делом, которое сплотит народ и позволит России занять достойное место в современном мире.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений. М., 1991. Т. 1. Кн. 1.
2. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппа-докийския. В V ч. Репринт. М., 1991.
3. Творения... Ч I. Беседы на псалмы. Беседа на первую часть первого псалма.
4. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадотейския. Новый исправленный перевод Московской Духовной Академии. СПб., 1911. Т. 2.
5. Святитель Василий. Дружеские письма. Письмо 24. К Афанасию; отцу Афанасия, епископа Анхирского.
6. Древние иноческие уставы. М., 1892.
7. Закон Российской Федерации «Об образова- \_ИИ». Ст. 9, п. 1.
8. Школа православного воспитания / Сост. А.Н.Стрижев. М., 1999.

*Педагогика.- 2011.-№1.-С.40-47.*

*Приложение 11*

### **XIV. Светские наука, культура, образование**

XIV. 1. Христианство, преодолев языческие предрассудки, демифологизировало природу, тем самым способствовал возникновению научного естествознания. Со временем науки - как естественные, так и гуманитарные - стали одной из наиболее важных составляющих культуры. К концу XX века наука и техника достигли столь впечатляющих результатов и такого влияния на все стороны жизни, что превратились, по существу, в определяющий фактор бытия цивилизации. Вместе с тем, несмотря на изначальное воздействие христианства и становление научной деятельности, развитие науки и техники под влиянием секулярных идеологий породило последствия, которые вызывают серьезные опасения. Экологический и другие кризисы, поражающие современный мир, все с большей силой таят под сомнение избранный путь. Научно-технологический уровень цивилизации ныне, что преступные действия небольшой группы людей в принципе могут в течение нескольких часов вызвать глобальную катастрофу, в которой безвозвратно погибнут все высшие формы жизни.

С христианской точки зрения, такие последствия возникли в силу ложного принципа, лежащего в основе современного научно-технического развития. Он заключается в априорной установке, что это развитие не должно быть ограничено какими-либо моральными, философскими или религиозными требованиями. Однако при подобной свободе научно-техническое развитие оказывается во власти человеческих страстей, прежде всего тщеславия, гордости, жажды наибольшего комфорта, что разрушает духовную гармонию жизни, со всеми вытекающими отсюда негативными явлениями. Поэтому ныне для обеспечения нормальной человеческой жизни как никогда необходимо возвращение утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями.

Необходимость такой связи обуславливается и тем, что значительное число людей не перестают верить во всемогущество научного знания. Отчасти именно вследствие подобного взгляда в ХІІІ веке часть атеистически настроенных мыслителей решительно противопоставила науку религии. Вместе с тем является общеизвестным фактом, что во все времена, включая и настоящее, многие самые выдающиеся ученые были и остаются людьми религиозными. Это было бы невозможно при наличии принципиальных противоречий между религией и наукой. Научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать одна с другой. Ибо, с одной стороны в естествознании нет теорий атеистических и религиозных, но есть теории более или менее истинные. С другой религия не занимается вопросами устройства материи.

М.В.Ломоносов справедливо писал: наука и религия “в распрю прийти не могут... разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на их вражду восклеплет». Эту же мысль выразил святитель московский Филарет: “Вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством”, следует отметить и некорректность противопоставления религии и так называемого научного мировоззрения.

Посвоей природе только религия и философия выполняют мировоззренческую функцию, однако ее не берут па себя ни отдельные специальные науки, ни всё конкретно-научное знание в целом. Осмысление научных достижений и включение их в мировоззренческую систему может иметь сколь угодно широкий диапазон - от вполне религиозного до откровенно атеистического.

Хотя наука может являться одним из средств познания Бога (Рим. 1. 19-20), Православие видит в ней также естественный инструмент благоустройства земной жизни, которым нужно пользоваться весьма осмотрительно. Церковь предостерегает человека от искушения рассматривать науку как область, совершенно независимую от нравственных принципов. Современные достижения в различных областях, включая физику элементарных частиц, химию, микробиологию, свидетельствуют, что они суть меч обоюдоострый, способный не только

принести человеку благо, но и отнять у него жизнь, евангельские нормы жизни дают возможность воспитания личности, при котором она не могла бы использовать во зло полученные знания и силы. Посему Церковь и светская наука призваны к сотрудничеству во имя спасения жизни и ее должного устройства. Их взаимодействие способствует созданию здорового творческого климата в духовно-интеллектуальной сфере, тем самым помогая созданию оптимальных условий для развития научных исследований.

Следует особо выделить общественные науки, в силу своего характера неизбежно связанные с областями богословия, церковной истории, канонического права. Приветствуя труды светских ученых в данной сфере и признавая важность гуманитарных исследований, Церковь в то же время не считает рациональную картину мира, иногда формируемую этими исследованиями, полной и всеобъемлющей. Религиозное мировоззрение не может быть отвергнуто как источник представлений об истине, а также понимания истории, этики и многих других гуманитарных наук, которые имеют основание и право присутствовать в системе светского образования и воспитания, в организации общественной жизни. Только совмещение духовного опыта с научным знанием дает полноту ведения. Никакая социальная система не может быть названа гармоничной, если в ней существует монополия секулярного миропонимания при вынесении общественно значимых суждений. К сожалению, сохраняется опасность идеологизации науки, за которую народы мира заплатили высокую цену в XX веке. Такая идеологизация особенно опасна в сфере общественных исследований, которые ложатся в основу государственных программ и политических проектов. Противостоя подмене науки идеологией, Церковь поддерживает особо ответственный диалог с учеными-гуманитариями.

Человек как образ и подобие Непостижимого Творца в своих таинственных глубинах свободен. Церковь предостерегает от попыток использовать достижения науки и техники для установления контроля над внутренним миром личности, для создания каких бы то ни было технологий внушения и манипуляции человеческим сознанием или подсознанием.

Xlt.2. Латинское слово *cultura*, означающее “возделывание”, “воспитание”, “образование”, «развитие», происходит от слова *cultus* - “почитание”, “поклонение”, “кулы”. Это указывает на религиозные корни культуры. Создав человека, Бог поместил его в рай, повелев возделывать и хранить Свое творение (Быт. 2. 15). Культура как сохранение окружающего мира и забота о нем является богозаповеданным делом человека. После изгнания из рая, когда люди оказались перед необходимостью бороться за выживание, возникли производство орудий труда, градостроительство, сельскохозяйственная деятельность, искусство. Отцы и учителя Церкви подчеркивали изначальное божественное происхождение культуры. Климент Александрийский, в частности, воспринимал ее как плод творчества человека под водительством Логоса: “Писание общим именем мудрости

называет вообще все мирские науки и искусства, все, до чего ум человеческий мог дойти... ибо всякое искусство и всякое знание происходит от Бога". А святой Григорий Богослов писал: "Как в искусной музыкальной гармонии каждая струна издает различный звук, одна - высокий, другая - низкий, так и в этом Художник и Творец-Слово, хотя и поставил различных изобретателей различных занятий и искусств, но все дал в распоряжение всех желающих, чтобы соединить нас узами общения и человеколюбия и сделать нашу жизнь более цивилизованной".

Церковь восприняла многое из созданного человечеством в области искусства и культуры, переплавляя плоды творчества в горниле религиозного опыта, стремясь очистить их от душепагубных элементов, а затем преподать людям. Она освящает различные стороны культуры и многое дает для ее развития. Православный иконописец, поэт, философ, музыкант, архитектор, актер и писатель обращаются к средствам искусства, дабы выразить опыт духовного обновления, который они обрели в себе и желают подарить другим. Церковь позволяет поновому увидеть человека, его внутренний мир, смысл его бытия. В результате человеческое творчество, воцерковляясь, возвращается к своим изначальным религиозным корням. Церковь помогает культуре переступить границы чисто земного дела: предлагая путь очищения сердца и сочетания с Творцом, она делает открытой для сотрудничества Богу.

Светская культура способна быть носителем благовестия. Это особенно важно в тех случаях, когда влияние христианства в обществе ослабевает или когда светские власти вступают в открытую борьбу с Церковью. Так, в годы государственного атеизма русская классическая литература, поэзия, живопись и музыка становились для многих едва ли не единственными источниками религиозных знаний. Культурные традиции помогают сохранению и умножению духовного наследия в стремительно меняющемся мире. Это относится к разным видам творчества: литературе, изобразительному искусству, музыке, архитектуре, театру, кино. Для проповеди о Христе пригодны любые творческие стили, если намерение художника является искренне благочестивым и если он хранит верность Господу. К людям культуры Церковь всегда обращает призыв: "Преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная" (Рим. 12). В то же время Церковь предостерегает: "Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они" (1 Ин. 4. 1). Человек не всегда обладает достаточной духовной зоркостью, чтобы отделить подлинное божественное вдохновение от "вдохновения" статического, за которым нередко стоят темные силы, разрушительно действующие на человека. Последнее происходит, в частности, в результате соприкосновения с миром колдовства и магии, а также из-за употребления наркотиков. Церковное воспитание помогает обрести духовное зрение, позволяющее отличать доброе от дурного, божественное от демонического.

Встреча Церкви и мира культуры отнюдь не всегда означает простое сотруд-

ничество и взаимообогащение. “Истинное Слово, когда пришло, показало, что не все мнения и не все учения хороши, но одни худы, а другие хороши” (святой Иустин Философ). Признавая за каждым человеком право на нравственную оценку явлений культуры, Церковь оставляет такое право и за собой. Более того, она видит в этом свою прямую обязанность. Не настаивая на том, чтобы церковная система оценок была единственно принятой в светском обществе и государстве, Церковь, однако, убеждена в конечной истинности и спасительности пути открытого ей в Евангелии. Если творчество способствует нравственному и одному преобразению личности, Церковь благословляет его. Если же культура противопоставляет себя Богу, становится антирелигиозной или античеловечной, превращается в антикультуру, то Церковь противостоит ей. Однако подобное противостояние не является борьбой с носителями этой культуры, ибо “наша брань не против плоти и крови”, но брань духовная, направленная на освобождение людей от пагубного воздействия на их души темных сил, “духов злобы поднебесных” (Еф. 6. 12).

Эсхатологическая устремленность не позволяет христианину полностью отождествить свою жизнь с миром культуры, “ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего” (Евр. 13. 14). Христианин может работать и жить в этом мире, но не должен быть всецело поглощен земной деятельностью. Церковь напоминает людям культуры, что их призвание возделывать души людей, в том числе и собственные, восстанавливая искаженный духом образ Божий.

Проповедуя вечную Христову Истину людям, живущим в изменяющихся исторических обстоятельствах, Церковь делает это посредством культурных форм, свойственных времени, нации, различным общественным группам. То, что осознано и пережито одними народами и поколениями, подчас должно быть вновь раскрыто для других людей.

*Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Раздел XIV/*

*Приложение 12*

**Государственно-церковное сотрудничество на федеральном и региональном уровнях в реализации эксперимента по преподаванию учебного курса «Основы православной культуры»\***

**Епископ Зарайский Меркурий, Т.П.Довгий**

Начало всеместного распространения преподавания православной культуры в общеобразовательных школах России с 2012 г., по мнению Его Святейшества, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, “это принципиально важный шаг на пути долгожданного воссоединения образовательного и

воспитательного процессов в контексте школьного обучения. Тем самым закладывается краеугольный камень в систему преемственной передачи подрастающим поколениям ключевых представлений о нашей национальной идентичности”.

Нам еще предстоит выработать национальную модель религиозного образования, приемлемую для всех граждан нашей великой страны, и сделать это можно только соборно — путем усилий многих и многих тружеников на ниве духовно-нравственного просвещения и образования, обобщая и уже наработанный опыт, и результаты эксперимента. В период, предшествующий апробации курса “Основы православной культуры” в рамках предмета “Основы религиозных культур и светской этики”, Русская Православная Церковь провела значительную организационно-методическую, нормативно-правовую, разъяснительную работу с органами управления образованием всех уровней, участниками образовательного процесса в школах, с правящими архиереями и духовенством отделов религиозного образования епархий, с журналистами СМИ, чтобы преподавание Основ православной культуры в 19 регионах было успешным, и изучение своей духовно-нравственной традиции стало реальным для всех российских школьников.

Многое уже сделано. Так, 16 июля 2010 г. в Храме Христа Спасителя г. Москвы под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялось Архиерейское совещание, посвященное подведению первых итогов преподавания учебного модуля “Основы православной культуры” (ОПК) в рамках апробации комплексного учебного курса “Основы религиозных культур и светской этики” (ОРКСЭ). В работе Совещания приняли участие Председатель Отдела религиозного образования и катехизации епископ Зарайский Меркурий, архиереи 17 епархий Русской Православной Церкви, в которых проводится апробация.

Участники Совещания констатировали, что в большинстве экспериментальных регионов созданы епархиальные комиссии для обеспечения апробации курса; заключены договора о сотрудничестве в рамках апробации курса между епархиями и местными органами управления образованием; обеспечено участие епархий в координационных советах по реализации проекта; Отделом религиозного образования и катехизации (ОРОиК) Московского Патриархата в экспериментальные регионы были направлены методические разработки, электронные конспекты пособий, видео- и аудиоматериалы; осуществляются совместные мероприятия епархиальных ОРОиК с органами управления образованием в рамках эксперимента; проводится дополнительная подготовка и консультирование преподавателей предмета ОПК; ведется разъяснительная работа с родителями детей, участвующих в апробации. Главное — в рамках апробации комплексного курса начинается возрождение воспитательных традиций отечественного образования, что может в перспективе стать одним из наиболее результативных социальных и культурно-образовательных проектов России.

Конечно, не все регионы оказались в полной мере готовы к проведению апробации курса ОРКСЭ, во многих из них он идет методом проб и ошибок. Не все родители школьников смогли сознательно выбрать модуль комплексного курса из-за вопиющей безграмотности в области религиозной культуры и этики. Некоторые из них выбирали предмет “светская этика”, поскольку понимали под этим преподавание этикета. Другая причина неготовности к выбору — недостаточно полное информирование родителей. В некоторых местах, чтобы минимизировать расходы на преподавание предметов курса и не осложнять себе жизнь дополнительными заботами о воспитании школьников, работой с родителями и сотрудничеством с конфессиями, результаты опроса работниками органов управления образованием и директорами школ подтасовывались в пользу “светской этики”.

Святейший Патриарх Кирилл во время своего визита в г. Екатеринбург особо высказался по этому поводу: «Родители четвероклассников выбирают для своих детей предмет “светская этика” вместо основ православной, мусульманской или иудейской культуры под давлением директоров школ, на которых, в свою очередь, давят местные власти». При этом он отметил, что сам был инициатором включения в курс “Основы религиозных культур и светской этики” предмета “светская этика”, чтобы неверующие учащиеся и их родители также имели возможность выбора, т.к., по его мнению, именно такой курс позволяет “при всем многообразии мировоззренческих подходов выбрать дисциплину, которая, несмотря на различия во взглядах, в том числе на то, есть Бог или нет, пытается сформировать одну систему ценностей”. Однако, как сказал Святейший Владыка, “не должно быть насилия над убеждениями людей”.

Что касается подготовки педагогов для регионов, участвующих в эксперименте, то это крайне важная составляющая успеха преподавания православной культуры. Министерство образования и науки РФ задействовало для этого свою систему повышения квалификации и переподготовки педагогов. Предстояло срочно обучить 15 тыс. учителей. Однако у нас имеются существенные вопросы к руководству Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования по поводу процедуры и содержания работы с педагогами-тьюторами, которые затем продолжили и будут в течение ближайших двух лет вести подготовку учителей в регионах. Фактически конфессии, я том числе Русская Православная Церковь, не были приглашены для участия в этой работе. И это не случайность, а установка руководства Академии, которое стремилось “отстраниться от конфессий” и подготовить педагогов, которые могли бы преподавать все предметы курса вне зависимости от конфессий — с единой “светской”, иначе говоря, атеистической мировоззренческой позиции. Вот почему книга “Основы православной культуры”, подготовленная Академией для учреждений системы повышения квалификации, не была рекомендована для педагогов Отделом религиозного образования и катехизации. Нам еще предсто-

ит вести переговоры с руководством Академии о заключении соглашения, - в рамках которого должны быть обозначены конкретные формы нашего участия в подготовке педагогических кадров. Без такого соглашения, обеспечивающего участие Церкви в этом деле, не может быть и настоящих учителей православной культуры, равно как и других конфессиональных предметов.

Мы уже располагаем сформировавшимся в ряде регионов, в том числе Белгородской, Смоленской областях, Краснодарском крае, отечественным опытом формирования традиционных духовно-нравственных, религиозных ценностей у подрастающего поколения через учебно-воспитательный процесс. Российская школа может и должна воспитывать нравственную и ответственную личность, укорененную в исторических и культурных традициях своей семьи, Церкви, государства. Эту задачу мы планируем с 2012 г. решать через систему непрерывного духовно-нравственного образования от детского сада до вуза в масштабах всей страны.

В данной статье мы предлагаем ознакомиться с десятилетним опытом работы Смоленской области по духовно-нравственному воспитанию детей и учащейся молодежи. Эффективная система духовно-нравственного воспитания региона сложилась в результате подвижнического просветительского труда митрополита Смоленского и Калининградского, а ныне — Патриарха Московского и всея Руси, Кирилла. Департамент Смоленской области по образованию и науке, Смоленская епархия обеспечили организационное, финансовое, нормативно-правовое, программно-методическое, научное, кадровое обеспечение и сопровождение педагогического проекта духовнонравственного воспитания.

Нормативно-правовая база начала создаваться с подписания в 1998 г. Договора о сотрудничестве в сфере образовательной, социальной и культурно-просветительской деятельности между администрации Смоленской области и Смоленской и Калининградской епархией Русской Православной Церкви. В декабре 2009 г. был подписан третий Договор о сотрудничестве Администрации области<sup>1</sup> и епархии, учитывающий изменения в законодательстве Российской Федерации в сфере образования, в том числе требования ФГОС общего образования второго поколения. Оправдала себя практика заключения договоров о сотрудничестве благочинии с муниципальными органами власти. Подписываются договоры о сотрудничестве приходов с образовательными учреждениями. Так, на протяжении пяти лет действует Договор храма Новомучеников и Исповедников Российских с эстетической гимназией г. Смоленска, прогимназией “Полянка”, средней школой № 33 г. Смоленска, кадетским корпусом имени фельдмаршала Кутузова. В области активно работает Координационный совет при Администрации Смоленской области по развитию системы духовно-нравственного воспитания. Межконфессиональному согласию в регионе способствует деятельность Комиссии по взаимодействию с религиозными организациями и объединениями при Администрации Смоленской области. Утверждено Положение об экспертном со-

вете по государственной религиоведческой экспертизе при Администрации Смоленской области/ Данный совет создан в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 03.06.98 № 565 “О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы”.

Департамент по образованию и науке и епархия создали трехуровневую систему подготовки педагогических кадров по основам православной культуры. С 2001 г. прошли обучение около 980 учителей образовательных учреждений и воспитателей детских дошкольных учреждений. В 2004 г. начала работу двухгодичная школа подготовки учителей по специальности “Культурология. Православная культура” в объеме 480 ч. Смоленский областной институт усовершенствования учителей и храм великомученицы Варвары, в котором проходят учебные занятия, создают благоприятные условия для обучения. В качестве лекторов привлекаются преподаватели Смоленской духовной семинарии. Воспитатели детских дошкольных учреждений и учителя начальных классов повышают квалификацию на курсах объемом 76 ч, проводимых в государственной прогимназии “Полянка” г. Смоленска с участием храма Новомучеников и Исповедников Российских. Кроме этого, в Смоленском педагогическом колледже на отделении начального образования имеется специализация «учитель православной культуры» в объеме 375 ч. |

Смоленская духовная семинария получила государственную лицензию по специальности “теология”, а в 2012 г. учебное заведение получит государственную аккредитацию по данной специальности. Это позволит направить в вузы и колледжи области специалистов с государственными дипломами для преподавания духовных дисциплин и спецкурсов. Уже сейчас в учебном плане семинарии предусмотрено педагогическое образование детей и молодежи во всех видах и типах учебных заведений. Смоленское межепархиальное духовное училище получило государственную аккредитацию.

Полностью решен вопрос обеспеченности учебниками, в том числе электронными, и методической литературой предметов регионального компонента “История православной культуры земли Смоленской” для 8 класса и “Азбука Смоленского края” для 3—4 классов. В значительной степени учебниками обеспечен факультатив ОПК (учебные комплексы “Истоки”, — это “История православной культуры земли Смоленской” в 8 классе и “Азбука Смоленского края” в 3—4 классах).

В течение десяти лет совершенствовалось содержание образовательного курса “православная культура” и учебных программ, которые реализуются в форме предметов регионального компонента, факультативов и через внеурочную деятельность. Достаточно сказать, что тематику факультативов составляют 32 наименования, в том числе “История Русской Православной Церкви”, “История религий”, “Православная этика”, “Подвижники благочестия”, “Святые земли Русской”, “Азбука нравственности”, “Православие и современная жизнь”.

На наш взгляд, очень важно, что учебный процесс по данному направлению поддерживается соответствующей внеурочной деятельностью детей. Ежегодно в регионе проводятся олимпиада по православной культуре, межвузовская научно-практическая конференция студентов “Шаг в науку. Духовное возрождение Смоленщины”, выставка детского творчества “Лучезарный ангел”, областной фестиваль “Отечество мое православное”, игры-путешествия “Смоленщина православная”, литературный фестиваль “России святость сохраним”. Осуществляются паломнические поездки учителей и учащихся школ города и области в монастыри Герасимо-Болдинский, Донской, Свято-Даниловский, Киево-Печерский, Псково-Печорский, Свято-Евфросиниевский, к святым источникам Смоленщины и другим почитаемым местам.

В результате реализации системного подхода количество школьников и студентов, вовлеченных в духовное образование, неуклонно увеличивается. В 2009-10 уч. году духовно-нравственным образованием в рамках учебного процесса охвачено 16066 учащихся в 502 образовательных учреждениях.

С 2010 г. в 80 общеобразовательных школах “Основы православной культуры” апробируются в качестве предмета. Не только в школе, но и в 25 образовательных учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования введены спецкурсы по православной культуре, которые посещают 1820 студентов и курсантов. В Военной академии противовоздушной обороны и в Смоленском филиале Московского института инженеров транспорта православная культура изучается во всех группах и на всех факультетах. Изучается православная культура в Смоленском филиале Московского энергетического института, Смоленской государственной медицинской академии, Строительном колледже и в других учреждениях профессионального образования.

В регионе в полном объеме реализуется право на свободу совести гражданина. Смоленская епархия, возглавляемая епископом Смоленским и Вяземским Феофилактом, обеспечивает право на получение религиозного образования и воспитания. С этой целью создана разветвленная сеть православных образовательных учреждений, в том числе Смоленская духовная семинария, Смоленское межъепархиальное духовное училище, две православные гимназии, три православных детских сада. Православные гимназии имеют государственную аккредитацию, а высокое качество образования позволяет выпускникам сдавать ЕГЭ на уровне государственных гимназий региона. В приходах епархии организованы 60 воскресных школ, которые посещают 1198 детей, и 28 воскресных школ для взрослых (537 человек). Успешно работают пять приходских православных учебно-просветительских центров, среди них Десногорский православный военно-исторический клуб “Сокол”, Ельнинский приходской поисковый отряд “Гвардеец”.

С целью выявления образовательного запроса на изучение истории и культуры религии в муниципальных образовательных учреждениях Смоленской области и результативности преподавания православной культуры в школах и вузах в

2008—09 гг. Департаментом Смоленской области по образованию и науке и Смоленской епархией были проведены мониторинговые исследования. Анкетирование учащихся носило репрезентативный характер и охватило шесть районов области: г. Смоленск, Рославльский, Холм-Жирковский, Глинковский, Ярцевский и Краснинский районы.

В анкетировании приняли участие 596 учащихся. На вопрос «Нравится ли тебе предмет “История православной культуры земли Смоленской”?» — 72% ребят ответили “да”, 20% затруднились с ответом и только 8% ответили “нет”. На вопрос “Что больше всего запомнилось из этого предмета?” — 47% ребят ответили “рассказы о святых”, 37% — “знакомство с храмом”, 16% — “иконопись”. На вопрос “Хотел бы продолжить изучение православной культуры?” — 81% школьников ответили “да”, 18% — “нет”, 1% затруднились с ответом.

В анкетировании приняли участие 3040 родителей. 69% из них считают, что в современном обществе дети должны получать представления о религии и религиозной культуре в семье и школе, 1% родителей — от СМИ, 8% — от миссионерской деятельности религиозных организаций. Родители положительно относятся к введению в учебные программы общеобразовательных школ предметов по истории и культуре религий. И если положительно ответили 68% родителей, то негативно отнеслись только 13%, тогда как 15% затруднились с ответом, а 4% остались безразличны.

В анкетировании приняли участие 580 студентов технических (319 человек), гуманитарных и медицинских (261 человек) специальностей. Среди них граждане разных регионов, национальностей, вероисповеданий и не исповедующих никакой религии. Показательным явился тот факт, что 324 человека (56%) считают, что Русская Православная Церковь играет как в прошлом, так и в настоящем большую роль в истории Российского государства, а 14% опрошенных считают эту роль решающей. Всего такую высокую оценку дали 403 человека, или 70% опрошенных. Лишь 28% считают роль Церкви малосущественной и только 2% — никакой.

Молодежь признает, что православная культура широко развита и интегрирована в социальную и культурную жизнь Смоленской области и России. На вопрос “Может ли православная культура влиять на воспитание у молодежи патриотизма и ответственности перед семьей, обществом и государством?” — 82% респондентов (474 человека) ответили положительно.

Студенты, обладая со школьной скамьи определенным багажом знаний о православной культуре, не утратили интереса к изучению на более высоком содержательном уровне религиозных культур и ценностей в форме факультативов и элективных курсов. Опрос показал, что 63% студентов имеют определенный интерес, а 16% — большой интерес к изучению традиционных духовных ценностей.

Перспективы дальнейшего развития системы духовно-нравственного воспитания детей и учащейся молодежи Смоленщины рассматривались в 2010 г. на областном Съезде учителей православной культуры. Проанализировав ход экс-

перимента по преподаванию основ православной культуры в 19 регионах России, мож-но высказать уверенность, что результат будет положительным.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл неоднократно подчеркивал, что «для будущего России неприемлема концепция, которая основывается на попытке сформировать облик человеческого сообщества как “плавильного котла” цивилизаций и культур, что является главной идеей глобализации; при этом неприемлема и другая крайность — религиозного и культурного фундаментализма, где единственный способ спастись — это наглухо закрыть двери своего дома»...

*Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 34 – 39*

*Приложение 13*

## **Развитие православной педагогической культуры в современной России** **С.Ю.Дивногорцева**

Современная педагогика находится в активном поиске новой парадигмы воспитания, способной эффективно влиять на духовно-нравственное развитие подрастающих поколений россиян. Имеющийся опыт подсказывает, что новое невозможно построить без учета старого, традиционного и то, что наиболее ценно в педагогическом наследии, необходимо не только воссоздавать, сохранять, но и творчески развивать. Одной из таких традиционных отечественных ценностей является православная педагогическая культура. Она складывалась на основе длительного исторического опыта, обобщала лучший опыт и традиции, вырабатывала научные знания о педагогическом процессе и его закономерностях. Содержащаяся в ней парадигма воспитания своей целью ставит формирование не столько человека просвещенного, сколько духовно и нравственно развитой личности, нашедшей себя в своей родной национальной культуре, усвоившей законы межкультурного диалога и приобщенной к общемировым культурно-историческим ценностям.

Ведущим подходом в исследовании и описании феномена православной педагогической культуры выступает культурологическая концепция. Культура рассматривается “в качестве социально-антропологического и собственно педагогического явления”, что позволяет “изучать педагогическую деятельность на общекультурном фоне, исследовать ее факты и явления в русле интеграции педагогики и культуры” [1, с. 19]. В свое время митрополит Антоний (Храповицкий) отмечал, что в понятие той или иной культуры входят: вероисповедание или заменяющая его та или иная философская система, право и законодательство, образование, экономический строй, промышленность и т.д. [2, с. 535]. В настоящее время принято говорить о бытовой, политической, хозяйственной, правовой культуре и т.п. Культура многими понимается по-разному, и об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что к концу XX в. в литературе имелось около

500 определений данного понятия. Культура, отмечает А.И. Яковлев, — это общий уровень развития общества, сумма общественных достижений, созданных человеком и передающихся из поколения в поколение. В более узком понимании — это особая сфера и форма человеческой деятельности, связанная с мышлением, занятием художественным и познавательным творчеством, то, что относится к сфере духовного производства. Возможно также понимание культуры с точки зрения аксиологического подхода как “духовного компонента всякой деятельности, специфической системы норм, ценностей и смыслов, отличающих одно общество от другого” [3, с. 12—13]. В последнем случае деятельность людей по воплощению и сохранению духовных ценностей и есть культура.

В социологии культура — это целостная система человеческого общества, и все элементы, ее составляющие, связаны между собой, что хорошо просматривается при анализе смены определенных типов культуры. Единство культуры, отмечал П.А. Сорокин, выражается в том, что ее составные части пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну главную ценность; именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры [4, с. 429]. П.А. Сорокин выделил в истории человечества несколько типов культуры: идеациональный, в основе которого преобладают сверхчувственные, духовные ценности, истины веры и самоотречение; чувственный, в котором преобладают эмпирически-чувственное восприятие и оценка действительности с утилитарной и гедонистической точек зрения; смешанный, представляющий сочетание двух выше обозначенных типов [5, с. 56—81]. Очевидно, что идеациональный тип культуры теснейшим образом взаимосвязан с религией. Она лежала в основе развития всех цивилизаций, формируя вертикально ориентированную систему ценностей. Долгое время вся культура была религиозной, или идеациональной, где в качестве священного (сакрального) выступала сверхъ-естественная реальность.

Каждая культура существует в определенном времени и вырастает в определенных условиях жизни — географических, исторических, технологических, бытовых. Она творит свою историю, вырабатывает свой язык, формирует свое мировоззрение, традиции, в том числе в сфере образования. Естественно полагать, что различные вероучения определили особенности культуры. Так, в странах православного вероисповедания сложилась православная культура, которая перенималась и развивалась Древней Русью с принятием ею Крещения. В нее были включены и хозяйство, и художественная жизнь, и правовая мысль, и полиическая, и педагогическая практика. Это была и есть действительно народная культура. Поэтому имеет смысл рассматривать православную культуру в России как самостоятельную систему общественной жизни по принципу целостной и единой в определенном времени системы идей, идеалов, норм и ценностей, устремленной к Абсолюту. Отличительной чертой ее развития является не повышение уровня и качества, но постоянный процесс накопления культурных ценностей, обеспечивающийся как усилиями отдельных индивидов, так и постоянно действующими ин-

ститутами общества, такими, как семья, государство, учреждения науки и образования, Церковь, поддерживающая сакральность православной культуры.

Приоритет в сущностной характеристике любой религиозной культуры отдается духовной составляющей. Следует признать, что духовность обнаруживает свое двоякое органическое единство с культурой: она является необходимым основанием культуры, но в то же время, как качество личности, формируется в лоне культуры. Культура порождает духовные установки, традиции и нормы, обычаи и предпочтения, интересы и потребности и порождается ими. Ее формируют поступки людей, их образ жизни, педагогическая практика, типичные для данного общества. Взаимосвязь духовного, религии и культуры делает невозможным воспитание и развитие индивида вне включения его в культуру.

Образование выступает как необходимое условие воспроизводства культуры, которая, в свою очередь, обладает способностью удваивать себя в образовании, создавая действенный механизм своего развития. Человек становится наследником культуры в процессе образования. По своему статусу образование и педагогика — это функционально обособленная часть культуры, максимально полно воссоздающая в тех или иных образовательных системах определенные стороны культурно-исторического процесса. Отсюда следует, что можно говорить о педагогической культуре общества как части “общечеловеческой, в которой с наибольшей полнотой запечатлелись духовные и материальные ценности образования и воспитания, а также способы творческой деятельности, необходимые для обслуживания исторического процесса смены поколений, социализации личности, осуществления образовательно-воспитательных процессов” [6, с. 39]. В педагогической культуре находят обобщенное отражение практический опыт воспитания, обучения подрастающих поколений и теоретические представления о ценностях образования и воспитания, требованиях к образовательно-воспитательным процессам и педагогическому взаимодействию. В ее основе лежит целостное представление о педагогической действительности. В зависимости от того, каковы цели и методы взаимодействия с воспитуемым, какой образ его проектируется, формируется тот или иной тип педагогической культуры. Она реально существует в воспитательных и нравственных традициях общества, в педагогических теориях, в целостных педагогических системах, в моделях педагогической деятельности и личности учителя — воспитателя. При этом очевидно, что каждая педагогическая система в целях воспитания личности моделирует в пределах своего учебного времени и пространства некоторый значимый вид культурной, духовно-практической деятельности, формируя, таким образом, культуросообразное пространство. Последнее представляет национальную культуру в целостности, в исторической последовательности и логико-смысловой взаимосвязи ее особых проявлений.

Поскольку отечественная педагогика и образование на протяжении тысячелетия развивались под влиянием православной культуры, правомерно, на наш взгляд, говорить о существовании в России такого феномена, как православная

педагогическая культура, которая запечатлела в себе достижения и ценности духовной и социально-педагогической практики, ее теоретическое осмысление, образцы и нормы педагогической деятельности, главной своей целью имеющие духовно-нравственное развитие и воспитание личности, устремленной к Абсолюту. Православная педагогическая культура продолжила новозаветные традиции воспитания, существующие, в свою очередь, в преемственной связи с ветхозаветными педагогическими идеями. Основным предметом педагогической деятельности в православной педагогической культуре выступает духовно-нравственное воспитание личности. В ветхозаветный период задача воспитания, как отмечает Е.В.Шестун, состояла во внешнем согласовании воли Божией и воли человеческой. Идеалом выступала святость, средством достижения которой был закон, открытый Богом пророку Моисею на Синае и изложенный в десяти заповедях [7, с. 18—19]. В христианском вероучении человек объявлялся богоподобным, его личность возвышалась. Новозаветное воспитание ставило целью спасение человека, поэтому оно нацелено не только на то, чтобы сформировать внешнее доброе поведение, но и на то, чтобы выработать в человеке внутренние основы жизни, ориентируясь на Абсолютный Идеал Богочеловека Иисуса Христа. Таким образом, идеальное в христианской педагогической парадигме становится выше нормативного. «Новозаветное Откровение, — указывает Е.В.Шестун, — раскрывает смысл и содержание духовно-нравственного становления человека в категориях “теозиса” (обожения)» [там же, с. 19]. В христианстве с его акцентом на внутренней работе личности процесс воспитания происходил в условиях общения с Господом, чему способствовали изучение Священного Писания, размышления о нем, молитва, проповедь, причастие, исповедь и покаяние. В свою очередь, это предполагало участие в процессе воспитания Церкви.

Христианство принесло с собой в мир бесконечную любовь и кротость, смягчив людские отношения. “Отныне любовь, — писал П.Ф.Каптерев, — должна была служить главной связующей нитью между людьми” [8, с. 6]. Основными законами в христианской парадигме воспитания становятся: “Возлюби Бога” и “Возлюби ближнего” (Матф. 22:37, 39), что говорит о ее другодоминантности, поскольку она ориентирует в воспитании на понимание ценности Другого (Бога и человека). Основной характеристикой взаимодействия людей друг с другом в христианской парадигме является соборность - духовное единение людей (вера в Бога), в котором индивидуальность не подавляется, но развивается на духовной основе; подобная духовная интеграция преодолевает обезличенность коллективизма и негативность индивидуализма для общества. Категория соборности является в христианской парадигме реальией духовной жизни и может воплощаться в Церкви, семье и школе.

Исторически первой формой христианской педагогической культуры было практическое знание об опыте семейного воспитания, его средствах, передаваемое из поколения в поколение. Развитие практики воспитания с одновременным

развитием культуры повлекло за собой возникновение школ, а с ними и профессиональной педагогической деятельности, появление святоотеческой литературы, в которой нашло отражение понимание целей и смысла воспитания, его значения, содержания, методов и средств.

Становление и развитие православной педагогической культуры в России происходило несколько иначе. После Крещения Руси начинается формирование национальной, народной (православной) культуры, а в ее рамках — создание по сути некоего метаобразовательного пространства развивающего типа, направленного на духовное преобразование общества и осуществление национально-культурной идентификации русских людей. Его возникновение связано с появлением в конце X в. училищ “на утверждение веры” с традиционной для христианских школ доминантой нравственного воспитания над обучением, выделением воспитания в особый вид педагогической деятельности, в своей основе содержащей “евангельские начала кротости”, характеризующие наставнические отношения как индивидуальные и духовные. Об этом, в частности, свидетельствует тот исторический факт, что митрополит Михаил, помогавший князю Владимиру в устройении первых училищ, давал такой наказ учителям: “праве и благочиннее учити юныя дети, якоже словесем книжного разума; такожде и благонаравию и в правде и в любви, и зачалу премудрости, страху Божию, чистоте и смиренномудрию: учити же их не яростию, не жестокостию, не гневом, но радостновидным страхом и любовным обычаем, и слатким проучением, и ласковым рассуждением...” [Цит. по: 9, с. 22].

В последующие века развитие отечественной школы происходит в тесной взаимосвязи с церковно-монастырской культурой через организацию образования народа, духовного наставничества, благотворительной деятельности и воспитания посредством литературного слова. Реализация педагогической деятельности под влиянием и в тесной взаимосвязи с церковно-монастырской жизнедеятельностью становится одной из главных особенностей православной педагогической культуры России. Постепенно образовательная деятельность школ и монастырей, становящихся также центрами образования, начинает оказывать влияние на формирование устоев жизни, быта и взаимоотношений православной семьи, преобразующихся новозаветными мотивами любви к ближнему. Традиции устройства христианской семьи и воспитания в ней детей сами со временем становятся средством воспитания, неотъемлемой частью ценностей русского общества. Это, прежде всего: отношение к браку как к духовному единению; понимание любви между супругами как сострадания, милосердия без приоритета чувственных оттенков; иерархичность устройства семьи; взаимодополняемость отцовского и материнского воспитания; духовная опека над детьми в силу осознания ответственности за них как в жизни вечной, так и на земле; обязанность отца охранять нравы дома; страх Божий как основа воспитания и т.д. К XIX в. православная педагогическая культура окончательно оформляется в об-

разовательном пространстве России как часть духовной и социальнопедагогической практики общества; к этому времени складываются определенные традиции духовно-нравственного развития и воспитания личности, опосредованные требованиями православной религии и характеризующиеся взаимодействием и взаимовлиянием семьи, школы и Церкви.

Приняв Крещение, русский народ получил богатейшую литературу, состоящую из книг Библии, творений святых отцов Восточной Церкви, философских сочинений. В большинстве православных семей России принято было ежедневно читать Евангелие, а Псалтирь знали наизусть, она была практически настольной книгой наших предков. Читая их, древнерусский человек постигал сущность христианства, христианского образа жизни и воспитания. Изначально педагогических произведений в Древней Руси не было. Но уже в X в. появляется так называемая “учительная литература” (летописи, поучения, жития, сборники религиозно-нравственного содержания), определявшая практику духовно-нравственного развития и воспитания личности. Можно утверждать, что с появлением “учительной литературы” начинается формирование теоретического знания в области православной педагогической культуры. Уже в следующем веке идеи “учительной литературы” обобщаются в трудах святых отцов и учителей Русской Православной Церкви, начинает развиваться отечественная церковно-педагогическая литература, в имплицитном виде содержащая изложение целей, методов, направленности воспитания, опосредованных теологическим учением и христианской антропологией. В XIX в. святоотеческие традиции рассмотрения проблем христианской антропологии и воспитания находят свое отражение в трудах русских религиозных философов-славянофилов. Их идеи совместно с церковно-педагогической мыслью составили наиболее существенную часть той среды, в которой начало свое формирование научное знание в области православной педагогической культуры.

Таким образом, отличительной особенностью православно-педагогической теории стало сосуществование двух областей — церковно-педагогического и научно-педагогического знания, взаимовлияющих и взаимодополняющих друг друга. Существенно то, что в ее основании находится православная религия и антропология как педагогически ориентированная теологическая теория, философия славянофилов.

В православной педагогической культуре приоритетную роль играет Церковь, ставя духовное выше естественного и ориентируя процесс воспитания на раскрытие Образа Божия в человеке, на всестороннее, но в то же время иерархичное развитие его индивидуальности. Необходимо отметить, что если образовательное учреждение, а в большинстве случаев и семья в зависимости от тех или иных изменений в обществе могут кардинально поменять цель, задачи и принципы своей воспитательной деятельности, то концепция воспитания, предлагаемая Православной Церковью, является целостной и неизменной. Наличие вневременных ценностей создает благоприятную основу для трансляции культуры последую-

щим поколениям, что является важнейшей задачей современного образования.

Сегодня православная педагогическая культура в нашей стране не только историческое явление, но и феномен, определяющий социокультурное своеобразие российского общества. Практическая деятельность в области православной педагогической культуры реализуется на уровне семей, позиционирующих себя православными, а также на уровне учебных заведений, среди которых можно выделить:

- духовные учреждения, осуществляющие религиозное обучение и просвещение (воскресные школы, духовно-просветительские центры, духовные семинарии и академии);

- светские учреждения, ведущие образовательную деятельность на основе религиозного мировоззрения (православные детские сады, школы, гимназии, лицеи, православные приюты и детские дома, православные вузы, теологические отделения и кафедры при светских вузах).

Стержнем выстраивания деятельности учебных заведений как первого, так и второго типа является идея “обучающего воспитания” (прот. В.Зеньковский). Основной задачей является формирование православного мировоззрения учащихся, воспитание детей, подростков и юношества в традициях православной педагогической культуры, помощь в становлении у них национального самосознания; процесс обучения строится на православных духовных ценностях. Полноценное становление учащихся православных образовательных учреждений предполагает соединение веры и знания, православного просвещения. Жизнь современного православного образовательного учреждения, так же как и жизнь древнерусской православной школы, тесно взаимосвязана с жизнью Церкви, церковно-монастырской культурой: воскресные школы создаются при храмах и монастырях, духовные семинарии и академии открываются на территории монастырей и сосуществуют с ними, при монастырях организуются приюты и детские дома, монастыри принимают желающих обучаться на богословских курсах и т.п.

Обобщение опыта работы образовательных учреждений в области православной педагогической культуры позволило сформулировать ряд принципов, влияющих на отбор и структурирование содержания знаний:

- аксиологической направленности, что означает выбор содержания, отвечающего ценностям православной культуры;

- единства учебно-познавательной, воспитательной, практической и научно-исследовательской деятельности обучающихся (богословские знания более глубоко осмысливаются и осознаются учащимися в процессе участия в совместных богослужениях, организации миссионерско-педагогической практики и т.п.);

- приоритета знаний православной культуры; . .

- универсальности, что предполагает включение в образовательные программы, в большей степени православных вузов, духовных академий и семинарий, материалов, знакомящих, в должных пределах, с основными религиями и идеологиями, религиозно-философскими системами, с наиболее значимыми

достижениями науки и культуры;

— мировоззренческой убежденности: образование в православном образовательном учреждении должно дать человеку объективную картину основных концепций, касающихся смысла жизни и тех аргументов, которые обосновывают каждую из них;

— традиционности, здоровой консервативности, преемственности в отношении ко всему тому педагогическому наследию, которое проверено многолетним опытом и положительно зарекомендовало себя, верности ценностям своих предков, сохранения своей национальной идентичности;

— открытости, что требует трезвого наблюдения и контроля за образовательным процессом со стороны всех заинтересованных институтов: Церкви, семьи, общественных организаций.

Важнейшей тенденцией развития православной педагогической культуры является ее интеграция с образовательным пространством современной России, прежде всего в сфере духовно-нравственного развития личности. Русская Православная Церковь может внести и вносит значительный вклад в духовно-нравственное воспитание школьников, открывая человеку его место в мире, давая возможность встречи с Божественной Истиной, в свете которой приобретают иную значимость многие жизненные ценности. Церковь уважает свободу воли человека. Но если семья или школьник определились со своей мировоззренческой позицией, то в этом случае Церковь призвана рассказать им о Православии, показать Православие как радостную полноту жизни во Христе. Сотрудничество семьи, школы и Церкви в духовно-нравственном воспитании детей обусловлено усилиями каждой стороны. Но это всегда свободное, добровольное взаимодействие, основанное на доверии и уважении.

Так, начиная с 90-х гг. XX в. в школах на факультативной основе или путем включения курса в национально-региональный компонент учебного плана изучались предметы, знакомящие обучающихся с духовно-нравственными основами и культурой православия (“Истоки”, “Основы православной культуры” и т.п.). Довольно часто они имели культурологическую, историко-культурологическую, информационную или эстетическую направленность. Решение о введении таких курсов принимал либо директор школы, либо региональное управление образованием после сбора достаточного количества подписей родителей учеников. В Смоленской области курс “Основы православной культуры” преподавался с 1991 г. В 1996 г. распоряжением губернатора преподавание данного предмета было введено в государственные школы Курской области, в 2000 г. — в Московский, 2002 г. - Белгородской, с 2006 г. - в 15 регионах Российской Федерации в рамках регионального компонента образования без общей программы и учебников. В 4 регионах предмет был утвержден в качестве обязательного компонента школьной программы. Еще в 11 регионах он преподавался на факультативной основе. В общей сложности в декабре 2006 г. этот курс был представлен

в 11184 общеобразовательных школах России 35 реги-онов РФ.

С января 2010 г. в связи с принятием “Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России” и согласно Поручению Президента РФ Д.А.Медведева от 2 августа 2009 г. (Пр-2009 ВП-П44-4632) в 19 регионах Российской Федерации в 4-й четверти 4 кл. и 1-й четверти 5 кл. осуществляется в экспериментальном режиме введение в общеобразовательные учреждения программы “Основы религиозных культур и светской этики” (ОРКСЭ), в рамках которой ученики по своему выбору или выбору их родителей (законных представителей) могут изучать любой из шести модулей, в том числе и “Основы православной культуры”. Как отмечают разработчики данной программы, учебный курс ОРКСЭ направлен на развитие у школьников 10—11 лет представлений о нравственных идеалах и ценностях, составляющих основу религиозных и светских традиций многонациональной культуры России, на понимание их значения в жизни современного общества, а также своей причастности к ним. Цель учебного курса ОРКСЭ — формирование у младшего подростка мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России, а также диалогу с представителями других культур и мировоззрений. В рамках данной цели задача модуля “Основы православной культуры” — ознакомить школьников с историей, культурой и основными ценностями православного христианства.

По поводу содержания предмета ведутся и, очевидно, еще долго будут вестись дискуссии и споры, однако очевидно одно: если этот курс затрагивает основы православной культуры, то он не должен быть сравнительно-интеллектуальным, ориентированным лишь на информирование учащихся. Это должен быть предмет, способный своим содержанием повлиять на духовно-нравственное становление детей, вдохновить подрастающего человека на реальные нравственные поступки. Религиозные знания в данном случае будут необходимы не столько для информирования учащихся, сколько через информирование — для нравственного научения делам милосердия, помощи, защиты, сострадания и сорадования, для пробуждения в детях таких чувств, как долг, совесть, свобода, ответственность, гражданственность, патриотизм, стыд, вера, надежда, любовь. В основу методики преподавания курса должна быть положена, на наш взгляд, идея учения через переживание как выработка умения оценивать сущее.

Духовно-нравственное воспитание ребенка не может быть реализовано на одном уроке, это было бы педагогически неверно. Становление личности происходит в определенном социокультурном образовательном пространстве, особое место в котором занимает деятельность, обеспечивающая накопление опыта. Воспитание требует ежедневного, ежечасного воздействия и взаимодействия с ребенком. Поэтому, если школа ставит своей задачей духовно-нравственное развитие и воспитание школьников, то оно требует своего “вкрапления” в процесс обучения в целом, то есть во все школьные предметы, а также во внеурочную и внекласс-

ную деятельность. Современная система образования должна идти по пути возвращения к приоритету нравственных ценностей в содержании образования, что было и остается характерным для православной педагогической культуры.

Одной из удавшихся масштабных форм сотрудничества в области внеклассной воспитательной работы образовательных структур Русской Православной Церкви и государства стало проведение в 2009 г. во всероссийском масштабе по благословению Святейшего Патриарха Алексия II и при поддержке Министерства образования и науки РФ, Российского Союза ректоров Олимпиады для школьников по Основам православной культуры. Благодаря широкой инициативе педагогической общественности на местах в более чем 30-ти субъектах Российской Федерации были организованы группы церковных и светских специалистов в области образования и педагогики для проведения Олимпиады среди учащихся государственных и муниципальных общеобразовательных школ, православных негосударственных средних школ, гимназий и лицеев. Всего в ней в 2009 г. приняли участие 11148 учащихся. В следующем, 2010 г. — более 40 тыс. человек из 52 регионов.

На сегодняшний день в целом можно констатировать, что интеграция православной педагогической культуры с образовательным пространством современной России происходит через организацию взаимодействия семьи, школы и Церкви в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи и реализуется по следующим основным направлениям:

— духовно-просветительское (уроки Основ православной культуры, олимпиады, встречи и беседы со священнослужителями, лектории для детей и родителей по вопросам православного вероучения, экскурсии, паломнические поездки и т.п.);

— социально-культурное (благотворительная деятельность, совместное проживание праздников, организация выставок, концертов, организация летнего отдыха и т.п.);

— научно-методическое (исследовательская деятельность, организация экспериментальных площадок, курсов повышения квалификации для учителей, преподающих предмет “Основы православной культуры”, проведение чтений, конференций, круглых столов по вопросам образования, воспитания, социальной защиты детей и т.п.).

Возрождение православных образовательных учреждений, организация сотрудничества Русской Православной Церкви с образовательными государственными структурами потребовали подготовки соответствующих кадров, что стало еще одной важной тенденцией развития православной педагогической культуры в нашей стране. С 90-х гг. XX в. в связи с введением стандарта “Теология” в светских вузах начали открываться теологические кафедры, отделения и факультеты, лаборатории православной педагогической культуры, ориентированные на ознакомление студентов с основами православного вероучения, организацию миссионерского служения, церковно-краеведческой работы. Значимым

событием для организации подготовки педагогических кадров, ориентированных на преподавание православной культуры в школе, стало открытие в 1999 г. кафедрой теологии Тверского государственного университета специализации “Основы православной культуры” в рамках специальности 050708.65 “Педагогика и методика начального образования”.

Еще одним значительным этапом в развитии современной православной педагогической культуры стало открытие педагогического факультета в конфессионально ориентированном высшем учебном заведении — Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. В структуру традиционного для нашей страны педагогического образования (психолого-педагогический, социогуманитарный, культурологический и естественнонаучный модули) был добавлен гуманитарно-мировоззренческий блок дисциплин (богословие и религиоведение), а изучение педагогики стало опосредовано теологическим учением, свойственным православной религии, и религиозной антропологией как педагогически ориентированной богословской теорией.

Появление теологических кафедр, отделений и факультетов, подготовка педагогических кадров в православно ориентированном вузе открыло перспективу развития теоретического знания в области православной педагогической культуры. Научные исследования в области православной педагогической культуры двух последних десятилетий посвящены изучению влияния православной культуры на образование, анализу духовно-нравственных традиций православного воспитания и образования, рефлексии генезиса педагогического познания в творчестве православных ученых, святых отцов и учителей Русской Православной Церкви, поиску инновационных форм сотрудничества Русской Православной Церкви и современной системы образования.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев В.И. Современные подходы в историко-педагогических исследованиях // Педагогика. 1999. № 6.
2. Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007.
3. Яковлев А.И. Очерки истории русской культуры XIX века: Учеб. пособие. М., 2010.
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
5. Сорокин П. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. М., 2006.
6. Бондаревская Е.В. Педагогическая культура как общественная и личная ценность // Педагогика. 1999. № 3.
7. Шестун Е.В. Православные традиции духовно-нравственного становления личности: историкотеоретический аспект: Автореф. дис. докт. пед. наук. Казань, 2006.
8. Каптерев П.Ф. Значение христианства в постановке первоначального воспитания и христианские теории. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1900.
9. Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы: от ее возникновения на Руси до настоящего времени. М.: ПСТГУ, 2006.

Учебное издание

Михащенко Анатолий Лаврентьевич

**ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО  
ОБРАЗОВАНИЯ**

Учебное пособие

Авторская редакция

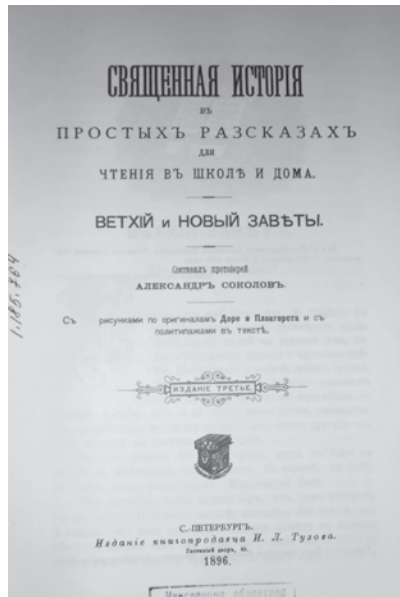
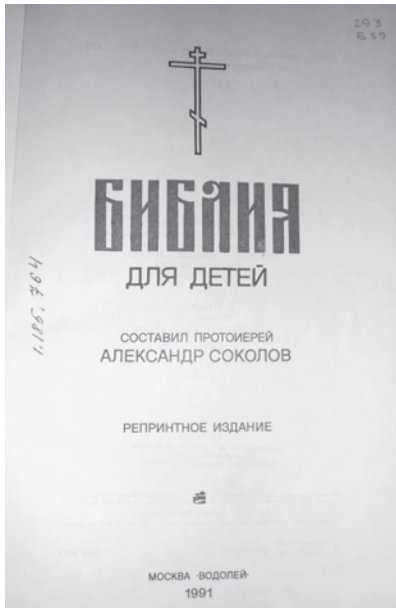
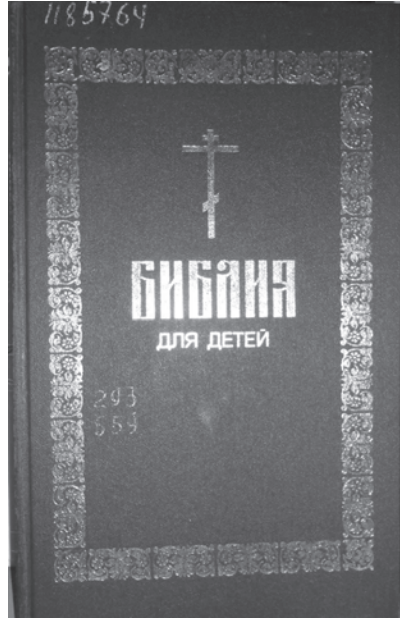
Оригинал-макет выполнен отделом компьютерной вёрстки КГУ

---

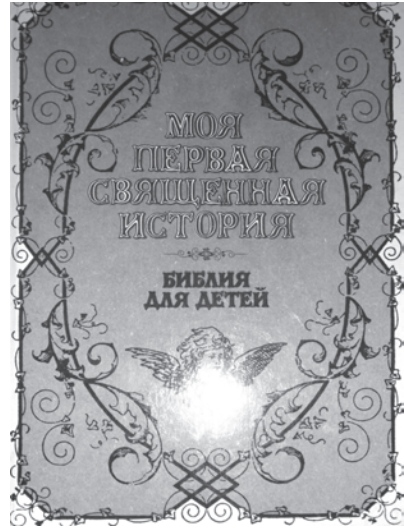
Подписано к печати	Формат 60 x 80 1/16	Бумага типа № 1
Печать цифровая	Усл. п. л. 17,25	Уч. - изд. л. 17,25
Заказ	Тираж	Цена свободная

---

Редакционно-издательский центр КГУ.  
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.  
Курганский государственный университет.

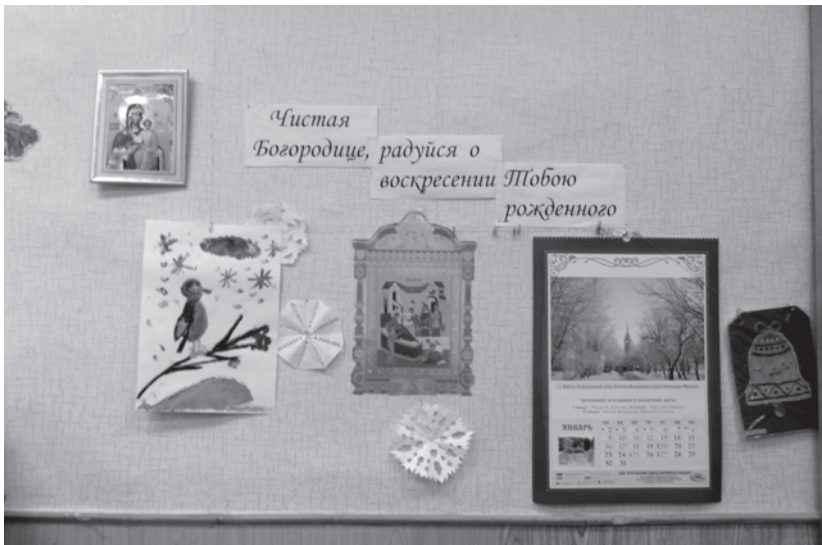


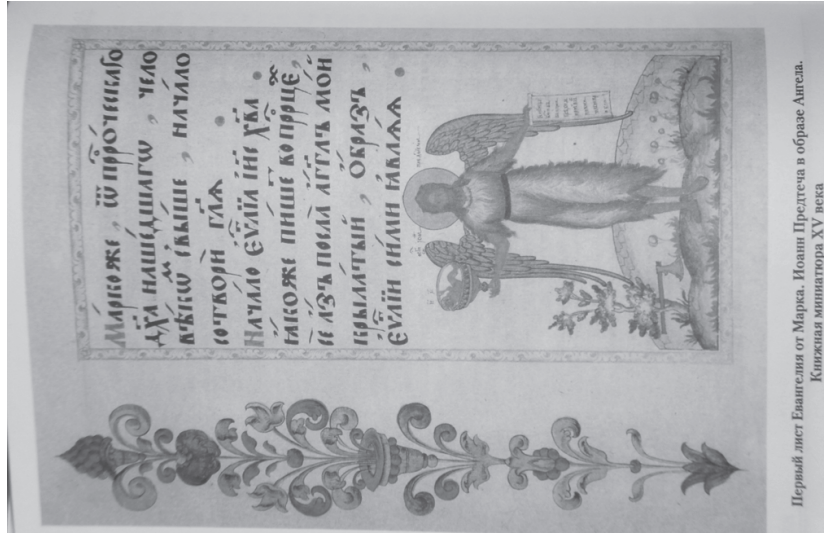




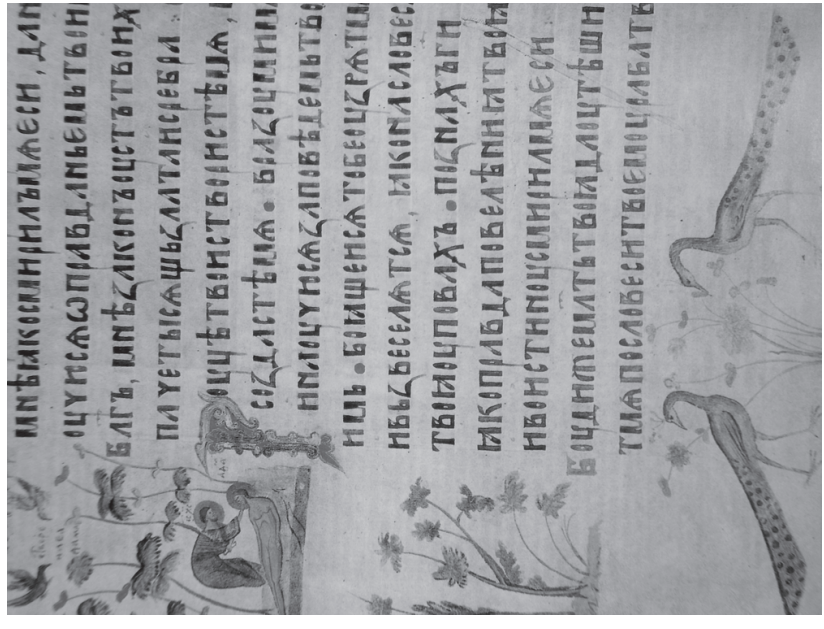








Первый лист Евангелия от Марка. Иоанн Прелгеча в образе Ангела.  
Книжная миниатюра XV века



Первый лист Евангелия от Марка. Иоанн Прелгеча в образе Ангела.  
Книжная миниатюра XV века

